

Уральский государственный университет
им. А. М. Горького
Проблемная группа
«Русский глагол»

Русская
ГЛАГОЛЬНАЯ ЛЕКСИКА:
ДЕНОТАТИВНОЕ
ПРОСТРАНСТВО

Монография

Под общей редакцией
профессора Л. Г. Бабенко

Екатеринбург
Издательство Уральского университета
1999

ББК Ш141.12-3

Р 892

Исследование выполнено при финансовой поддержке РГНФ
Монография издана на средства благотворительной организации
«Институт “Открытое общество”»
Фонд “Содействие”»
Грант № НАВ814

Ответственный редактор
доктор филологических наук,
профессор *Л. Г. Бабенко*

Р 892 *Русская* глагольная лексика: денотативное пространство: Монография / Под общ. ред. Л. Г. Бабенко. — Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 1999. — 460 с.

ISBN 5 — 7525 — 0747 — 2

Коллективная монография представляет собой второй выпуск серии монографий под общим названием «Русская глагольная лексика». Первый выпуск был посвящен 70-летию профессора Э. В. Кузнецовой, в нем рассматривались проблемы пересекаемости парадигм разного рода: лексических, лексико-грамматических, деривационно-семантических и пр. В данной книге русская глагольная лексика освещается в пространственном измерении. Главная ее цель — изучение денотативного, денотативно-референциального, семантического, деривационно-семантического и концептуального пространств русского глагола в их взаимосвязи и взаимодействии. Предметом специального исследования становятся следующие вопросы: базовые концепты процессуально-событийного мира, денотативное пространство русского глагола как «факт», денотативно-референциальное и денотативно-деривационное пространства русского глагола, роль глагольных метафор в категоризации процессуально-событийного мира и др.

Для лингвистов, преподавателей современного русского языка, общего языкознания, а также для аспирантов и студентов филологов.

Р $\frac{4602020101 - 52}{182 (02) - 99}$ Без объявл.

ББК Ш141.12-3

ISBN 5 — 7525 — 0747 — 2

© Издательство Уральского
университета, 1999

© *Шабуров А. Е.*, обложка, 1999

СОДЕРЖАНИЕ

От редактора. Изучение лексики в пространственном измерении (вместо введения)	7
Глава 1. Базовые концепты процессуально-событийного мира (постановка проблемы) <i>Л. Г. Бабенко</i> ..	22
Глава 2. Денотативное пространство русского глагола как «факт». <i>Ю. В. Казарин</i>	50
2.1. Денотативное пространство русского глагола в аспекте взаимосвязи языка и мышления	52
2.2. Денотативное пространство русского глагола: система, структура, характеристики (качества)	58
2.3. Соотношение систем денотативного и лексико-семантического пространств русского глагола	71
2.4. Единицы денотативного пространства русского глагола	88
2.5. Базовые ситуации как денотативные константы процессуально-событийного мира	92
2.6. Выводы	97
Глава 3. Денотативно-референциальное пространство... русского глагола. <i>А. М. Плотникова</i>	99
3.1. Денотат глагола и предложения	101
3.2. Структура ситуации	102
3.3. Типы актантных компонентов	104
3.4. Сферы динамики, отображаемые глаголами ...	108
3.4.1. Сфера натурдинамики	109
3.4.2. Сфера антроподинамики	121
3.5. Выводы	138
Глава 4. Денотативно-референциальное пространство отрицательных глаголов. <i>М. Л. Кусова</i>	140
4.1. Денотативно-референциальная соотносительность общеотрицательных глаголов	140
4.2. Денотативно-референциальная соотносительность частноотрицательных глаголов	154

4.3.	Денотативно-референциальная соотнесенность глагольных отрицательных фразеологических единиц	162
Глава 5.	Денотативное пространство глаголов комплексной полипропозитивной семантики. <i>Л. Г. Бабенко</i>	172
5.1.	Денотативные комплексы однородной логико-семантической структуры периферийной зоны совмещенных репрезентаций	176
5.2.	Денотативные комплексы неоднородной логико-семантической структуры периферийной зоны совмещенных репрезентаций	190
Глава 6.	Особенности метафорической категоризации денотативного пространства русского глагола (на материале ситуаций движения, речевой и эмоциональной деятельности). <i>Т. М. Воронина</i>	196
Глава 7.	Отглагольные синтаксические дериваты в современном русском языке: деривационно-семантическое и денотативное пространства. <i>Д. Р. Шарафутдинов</i>	224
7.1.	Определение синтаксической деривации. Место отглагольной синтаксической деривации в словообразовательной системе русского языка	224
7.2.	Грамматические характеристики синтаксического деривата	229
7.3.	Лексико-семантические характеристики синтаксического деривата	232
7.4.	Семантические отличия отглагольной синтаксической деривации от отадъективной синтаксической деривации	235
7.5.	Отвлеченность как конституирующее семантическое свойство субстантивных синтаксических дериватов	241
7.6.	Семантические основания разграничения формально тождественных или близких синтаксических и лексических дериватов	245
7.7.	Производящее и производное при отглагольной синтаксической деривации	250

7.8.	Преобразование исходного синтаксического конструкта при отглагольной синтаксической деривации.....	253
7.9.	Словообразовательный синтез отглагольных синтаксических дериватов: постановка задачи	259
7.10.	Словообразовательный синтез и словарное представление отглагольных синтаксических дериватов	265
Глава 8.	Денотативное пространство словообразовательных единиц (на материале русского глагола)	270
8.1.	Соотношение денотативного и деривационно-семантического пространств русского глагола. <i>Т. В. Попова</i>	272
8.1.1.	Особенности лексико-семантической классификации глагольных словообразовательных значений	272
8.1.2.	Отражение ситуаций лексико-семантического поля «Действие» словообразовательными значениями русского глагола	277
8.1.3.	Отражение ситуаций лексико-семантического поля «Бытие. Состояние» словообразовательными значениями русского глагола.....	287
8.1.4.	Отражение ситуаций лексико-семантического поля «Отношение» словообразовательными значениями русского глагола	294
8.1.5.	Модели представления ситуации действия в деривационно-семантическом пространстве русского глагола	302
	◇ Аспекты представления ситуации действия, состояния, отношения в деривационно-семантическом пространстве русского глагола	302
	◇ Основные модели отражения ситуации действия	324
	◇ Тип словообразовательного значения и характер модели отражения им ситуации действия	327
8.1.6.	Особенности отражения денотативного пространства действия деривационными и лексическими значениями русских глаголов....	327

8.2. Денотативное пространство словообразовательного гнезда: на материале словообразовательных гнезд, возглавляемых глаголами <i>варить</i> и <i>смотреть</i> . М. Н. Золотарева, И. К. Миронова, Т. В. Попова, Н. Н. Соболева	329
8.2.1. Денотативное пространство глаголов приготовления пищи и зрительного восприятия: лексикологический аспект (на материале словообразовательных гнезд с вершинами <i>варить</i> и <i>смотреть</i>)	332
8.2.2. Денотативное пространство глаголов приготовления пищи и зрительного восприятия: словообразовательный аспект (на материале словообразовательных гнезд с вершинами <i>варить</i> и <i>смотреть</i>)	344
8.2.3. Денотативное пространство глаголов <i>варить</i> и <i>смотреть</i> в динамическом аспекте: опыт анализа	352
8.2.4. Особенности отражения денотативного пространства глаголов <i>варить</i> и <i>смотреть</i> лексическими и деривационными значениями русского глагола	358
Приложение к гл. 8. Лексико-семантическая классификация действий, передаваемых словообразовательными значениями. Т. В. Попова	360
Глава 9. Денотативное и лексико-семантическое пространства русского глагола в лингвометодическом аспекте. Т. Н. Сивкова	378
9.1. Денотативное и лексико-семантическое пространства русского глагола как объект лингвистики и методики преподавания русского языка как иностранного	378
9.2. Лексико-семантическая группа глаголов питания в заданиях и упражнениях	396
Литература	443
Список сокращений	459

ИЗУЧЕНИЕ ЛЕКСИКИ В ПРОСТРАНСТВЕННОМ
ИЗМЕРЕНИИ (ВМЕСТО ВВЕДЕНИЯ)

Лексикология — сравнительно молодой раздел языкознания, сформировавшийся в 60–70-е гг. XX в., а вторая половина XX в. характеризуется в лингвистике множественностью подходов к изучаемым единицам и явлениям языка, множественностью научных парадигм, тем, что Е. С. Кубрякова обозначила как полипарадигмальность. Это обнаруживается и в области изучения словарного состава, особенно — в изучении лексической семантики, которая исследовалась в свете самых разных научных парадигм: системно-структурной, психолингвистической, антропологической, функциональной, когнитивной. При этом каждый новый взгляд на словарный состав и лексическое значение позволял ученым выявить специфику их организации. Так, к достижениям системно-семиологического принципа изучения лексики можно отнести, во-первых, разработку теории лексических множеств: семантических и функциональных лексических полей, лексико-семантических групп, словесных оппозиций и т. п. (лексическая парадигматика); во-вторых, разработку теории номинации, отношения слова к действительности (ономасиология); в-третьих, развитие теории структуры лексического значения и методов ее изучения (семасиология, компонентный анализ). Антропологический подход к лексике послужил причиной разработки таких важнейших лингвистических категорий, как языковая личность и языковая картина мира. Изучение лексики в функциональном аспекте позволило выявить закономерности речевого варьирования слова, закономерности смысловых модификаций лексического значения, а также типы слов и лексических классов слов с учетом выполняемых функций — идентифицирующие (предметные) и предикативные (признаковые) имена. Активно разрабатываемые сегодня проблемы когнитологии также преимущественно решаются на лексическом материале.

Отмечая множественность научных подходов к изучению словарного состава, надо особо подчеркнуть, что они (различные подходы) не противопоставлены и не противоречат друг другу, а, наоборот, гармонично дополняют друг друга. Использование новых теоретических положений, категориального аппарата способствует развитию общей теории лексической номинации и лексической категоризации. В то же время следует отметить, что каждая новая научная парадигма имеет свой терминологический аппарат, позволяющий по-новому взглянуть на языковые явления. В настоящее время к таким новым категориям, активно используемым при изучении различных языковых единиц и явлений, можно отнести категорию **пространства**. Размышляя об истоках понимания всего языка как пространства, Е. С. Кубрякова отмечает, что «эта метафора во многих отношениях полна глубокого смысла, и отнюдь не случайно, что сегодня она используется как для характеристики языка в целом, так и для уточнения отдельных его составляющих. Уникальный феномен самого языка предоставляет для этих интерпретаций благодатную почву» (1997б: 9).

Категория пространства неоднократно и ранее использовалась при изучении языка. В качестве примера можно привести блестящие работы Е. С. Кубряковой (1967, 1997а, 1997б), О. Н. Селиверстовой (1977), Ю. С. Степанова (1985), В. Н. Топорова (1983), Е. С. Яковлевой (1994). Так, обобщая результаты в области изучения категории пространства, Е. С. Кубрякова неоднократно высказывала мысль о разных типах пространств (физическом, ментальном/феноменологическом и пространстве совершенно уникального типа, объединяющем все языковые формы, — ментальном пространстве языка), обуславливающих неоднородность этой категории, которая мыслится и как онтологическая бытийная категория, и как языковая категория. При этом важным представляется суждение ученого «о разных видах **пространства языка**: семантических или же семиотических пространствах текста и дискурса, ноэтических пространствах отдельных языковых единиц и явлений и т. п.» (1997б: 6). Развивая эту мысль далее,

Е. С. Кубрякова относит к перспективным в анализе категоризации и категории пространства проблемы, «касающиеся разных типов пространств в самом языке — ноэтических, назывных, причем в разных языковых единицах — частях речи, словообразовательных или же антонимических рядах и т. п.» (1997б: 13). Завершая теоретический обзор, Е. С. Кубрякова подчеркивает теоретическую и практическую значимость осмысления языка в пространственной парадигме знаний: «...описание языковых категорий и всей языковой системы как особых пространств со специфической для них стратификацией и структуриацией, в разных системах координат и с разными единицами измерения, с определением места того или иного явления в системе координат или общем признаковом пространстве языка вполне отвечает новым представлениям о сути языка и эффективных методах его анализа, а также, конечно, вписывается в когнитивную парадигму знания со свойственным ей плодотворным соотношением языковых структур с когнитивными» (1997б: 13).

Отметим, что понятие языкового пространства используется в лингвистике применительно к множеству каких-либо однородных языковых единиц и явлений либо применительно к речевым произведениям, состоящим из множества языковых единиц, к текстам. Это и понятно, так как само понятие пространства предполагает объем и протяженность чего-либо, что можно измерить, обозреть, охватить взором. См. семантизацию этого слова в словарях: «**пространство**, -а, *ср.* 1. Неограниченная протяженность (во всех измерениях, направлениях). // *Филос.* Одна из основных всеобщих форм существования материи, характеризующаяся протяженностью и объемом.; 2. Место, способное вместить что-л.» (МАС); «**пространство** *ср.* состояние или свойство всего, что простирается, распространяется, занимает место, самое место это, простор. Даль, ширь и глубь, место по трем измерениям своим. *Время и пространство* или *година и простор*, отвлеченные понятия последовательности состоянья и места» (словарь В. Даля). Как видим, основные слова, репрезентирующие семантику этого слова в дефиниции, — это объем, протяженность, спо-

способность вмещать что-либо и возможность иметь направленность и быть измеренным.

Реконструируя содержание простейшей концептуальной структуры, связанной со словом «пространство», Е. С. Кубрякова выделяет следующие концепты в качестве важнейших её составляющих: «...главными компонентами выступали здесь концепты протяженности, окружения (среды), промежутка между объектами, в котором можно свободно передвигаться или же перемещать объекты, притом до определенных преград, возникающих из-за наличия объектов и т. п.; это значит, что обычно среда выступала как замкнутая, ограниченная, хотя и разная по своим масштабам, но все же имеющая наблюдаемые пределы и вмещающая определенные объекты и самого наблюдателя. Выделив эти концепты, легко предположить и направление их развития: от концептов предела и границ простирающегося — к *интервалам*, от концепта протяженности — к идеям *стратификации* пространства, от разных объемов среды — к понятию *растяжимости, расстилания* и т. д.

Особого упоминания заслуживает, конечно, и развитие идеи «мерности» пространства, а значит, связанных с этим представлением понятия единиц его измерения, координат пространственной системы и локативных отношений, наблюдающихся в пределах заданной системы координат» (1997б: 12).

Дешифровка словарного толкования слова «пространство», а также его простейшая концептуальная структура, представленная выше, позволяют нам лучше понять, почему оно стало активно использоваться при изучении лексики в качестве лингвистического оператора и что принципиально нового можно увидеть в системной организации лексики, используя его. Думается, причина этого кроется в следующих особенностях лексической системы. Во-первых, это множественность лексических единиц сравнительно с ограниченным количеством фонем, морфем, что позволяет говорить о протяженности словарного состава и словесных группировок слов, а также о связях и расстояниях между ними. Во-вторых, это многозначность слов, существование огромного числа вторичных значений, в том числе

переносных, что связано с объемным представлением лексики, с такими понятиями, как глубина, ширина лексического значения (см. например, термин «широкозначные слова»). Вследствие этого изучение лексики в пространственном измерении предполагает прежде всего глобальный по представительству и однородный в каком-либо отношении материал. В частности, это может быть лексика различных частей речи: глагольная лексика, прилагательные, существительные и т. п. Это может быть однородная в формально-грамматическом или семантическом отношении лексика ряда сопоставляемых языков. В данной монографии объектом рассмотрения является русская глагольная лексика.

Использование понятия пространства в лексикологических изысканиях позволит, как нам кажется, по-новому увидеть организацию лексики, так как основной для рассмотрения становится проблема связей слов, измерения этих связей в параметрах «близкое — далекое». Кроме того, при изучении словарного состава встает проблема типологии пространств, которая решается с учетом знаковой природы слова как двусторонней сущности, с одной стороны, с другой стороны, с учетом типов семантики, «упакованной» в лексическую оболочку. На наш взгляд, можно выделить следующие типы пространственной организации лексики: лексическое пространство, лексико-семантическое, семантическое, деривационно-семантическое, денотативное и концептуальное. Каждое пространство состоит из компонентов, а также из специфических объединений этих компонентов (комплексов) на основе близости расстояний между ними.

Лексическое пространство — это вся совокупность лексем, весь словарный состав того или иного языка, представленный в словаре в виде заголовочных слов, взятых без учета их значений. Фактически это чисто формальное множество слов, компонентами которого являются лексемы, способные объединяться в лексические комплексы на основе формального сходства. Например, слова, начинающиеся на одну букву, в составе глагольной лексики это все возвратные глаголы, все формы инфинитива и т. п.

Лексико-семантическое пространство — это совокупность лексем (чаще — лексико-семантических вариантов слов), структурно организованных в различные по рангу лексико-семантические множества слов (поля, лексико-семантические группы, подгруппы, синонимические и антонимические ряды) на основе сходства семантики (наличие общих семантических признаков в семной структуре слов), деривационных, морфологических и синтагматических характеристик. Компонентами его, лексико-семантическими комплексами, являются сами лексико-семантические группировки слов.

Семантическое пространство — это совокупность семем, структурно организованных в семантические комплексы, включающие в свой состав категориально-лексическую и дифференциальную семантику, выводимую из лексической семантики всех слов одной тематической или лексико-семантической группы слов и рассматриваемую в отвлечении от них. Подобные семантические комплексы находятся друг с другом в разной степени соотнесенности: они способны тесно взаимодействовать, минимально или максимально пересекаться, а могут быть удалены друг от друга и не иметь точек соприкосновения, что и позволяет ставить проблему семантических расстояний внутри одного семантического пространства. Например, близость семантических комплексов различных слов позволяет объединять их в подгруппы, ЛСГ слов, подполя, поля. Так, глаголы характеризованной речевой деятельности, речевого общения, речевого сообщения, речевого воздействия с учетом семантического родства, близости их семантических комплексов объединяются в одну ЛСГ глаголов речевой деятельности, так как они минимально удалены друг от друга в семантическом пространстве в отличие, например, от ЛСГ глаголов качественного состояния, с которыми они имеют мало общего (их сходство обнаруживается скорее на уровне грамматической семантики).

Частная разновидность семантического пространства — это **деривационно-семантическое пространство**. Оно выделяется в качестве самостоятельного пространства в чисто исследовательских целях, ибо в языковой реальности

оно существует в нерасторжимом единстве с семантическим пространством. Сущность деривации заключается в процессе создания одних единиц (дериватов) на базе других, принимаемых за исходные, при котором происходит изменение структуры и семантики исходных единиц. Таким образом, деривационные средства напрямую связаны с семантическим пространством языковых единиц, они по своему (в отличие от исходных единиц) отображают мир реальности и его характерные признаки и свойства. В формировании деривационно-семантического пространства участвуют все строевые (деривационные) единицы языка (аффиксы), в результате чего это пространство представляет собой совокупность всех словообразовательных и словоизменительных значений. В качестве его макрокомпонентов — деривационно-семантических комплексов можно рассматривать словообразовательные гнезда, способы словообразования, типы словообразовательных значений.

Концептуальное пространство представляет собой набор ключевых концептов, аккумулирующих наши знания о мире действительности в семантике языковых знаков, и соотносимых с концептуализированными областями (концептосферами, по Д. С. Лихачеву). Для русской глагольной лексики оно представляет собой совокупность концептов процессуально-событийного мира и выводится из семантического пространства русского глагола путем обобщения и абстрагирования множества компонентов (категориально-лексических и дифференциальных), составляющих семантические комплексы глаголов одной ЛСГ слов, одного синонимического ряда.

Денотативное пространство организуется денотативным компонентом лексического значения, и в его формировании участвует не только индивидуальное лексическое значение слов, но и категориально-грамматическая семантика, поэтому имеет смысл рассматривать отдельно денотативное пространство существительных, прилагательных, наречий и других частей речи. В данной монографии предметом исследования является **денотативное пространство русской глагольной лексики**. Оно является суммой знаний о процессуально-событийном мире, представляемом

в виде открытого множества типовых ситуаций, на которые членится мир в сознании русского человека и знания о которых закреплены в глагольной семантике. Фактически это все множество ситуаций процессуально-событийного мира, отображаемого глагольной лексикой: типовых ситуаций, отображаемых глаголами-идентификаторами ЛСГ, и разновидностей их, воплощаемых глаголами — членами одной ЛСГ слов. Например, типовая ситуация приготовления пищи репрезентируется глаголом-идентификатором *готовить*, а все многообразие ее, обусловленное типомготавливаемой пищи, способом ее приготовления, используемыми подручными средствами и т. п., передается глаголами *варить, солить, жарить, мариновать, тушить* и т. п.

Денотативное пространство имеет яркую национально-специфическую окраску (см., например, глубокою семантическую разработанность и соответственно богатое лексическое воплощение в русском языке представлений и знаний о ситуациях движения, речевой деятельности, эмоционального состояния и отношения и, наоборот, незначительное лексико-семантическое воплощение ситуаций приготовления пищи, физиологического состояния, что, вероятно, обнаруживает национальные приоритеты в отображении процессуально-событийного мира).

Особенность глагола — соотнесенность его семантики и семантики глаголов одной ЛСГ слов с типовой ситуацией, на что указывали многие выдающиеся русские лексикологи, синтаксисты (В. В. Виноградов, В. Г. Гак, Г. В. Колшанский, Л. А. Новиков, Д. Н. Шмелев, В. Г. Храковский и др.). В этом существенная особенность денотата глагола, на которую обратил внимание в свое время и Д. Н. Шмелев: «Денотат глагола — ситуация, глагол является как бы концентрированным выражением целой ситуации» (1976: 10). В состав ситуации входят субстанции с их признаками, процессы с их участниками и характеристикой самих процессов, что зеркально отображается в лексической семантике глагола и семантике глагольных классов слов (классовой семантике).

Все вышесказанное позволяет утверждать, что компонентами, составляющими денотативное пространство рус-

ского глагола, являются типовые ситуации, знания о которых, накопленные поколениями русских людей, выражены и закреплены в русской глагольной лексике (прежде всего в категориально-лексической семантике базовых глаголов-идентификаторов различных ЛСГ). Вследствие этого категоризация процессуально-событийного мира, закрепленная в лексической семантике глагола, может быть выявлена, смоделирована и представлена в виде списка типовых ситуаций в результате анализа типовой семантики этих глаголов. В то же время такой список может быть упорядочен и структурирован с учетом способности глагола отображать ситуацию различными способами: наиболее приближенно к действительности, с адекватным отображением участников ситуации и их отношений, т. е. изосемически, и неизосемически — с привлечением глаголов с совмещенным и переносным значением, отображающих наши представления о комплексных и образных ситуациях действительности.

Участники творческого коллектива проблемной группы «Русский глагол» в настоящее время работают над созданием экспериментального синтаксического словаря «Семантические модели русских глагольных предложений», опубликованного в виде проспекта (Екатеринбург, 1999), одной из задач которого является категоризация всех типовых ситуаций процессуально-событийного мира, отображаемых русской глагольной лексикой, и описание регулярных вариантов их лексического воплощения. Как показал наш опыт подобной лексикографической интерпретации глагольной семантики, типовая ситуация отображается в языке набором регулярных вариантов: как изосемических (основные лексические варианты базовой семантической модели), так и неизосемических (совмещенные и образные модели). Совокупность регулярных вариантов лексических репрезентаций одной типовой ситуации представляет собой денотативный комплекс — макрокомпонент денотативного пространства. Например, типовую ситуацию речевого сообщения «человек — сообщает — кому-л. — что-л. (какие-л. сведения, известия и т. п.) о ком-, чем-л.» отображают 6 лексических, 11 совмещенных и 4 образных варианта репрезентации,

различающихся лексическим заполнением основных позиций базовой семантической модели, отображающей типовую ситуацию: позиции субъекта-адресанта, предиката речевого сообщения, содержания речи, адресата речевого сообщения (см.: ЭСС: 106—110). В свою очередь, денотативные комплексы на основании сходства их компонентов, обуславливающего близость расстояний между ними, объединяются в денотативные сферы.

Частная разновидность денотативного пространства русского глагола — **денотативно-референциальное пространство**. Необходимость его выделения обусловлена уникальной природой глагола, способного в свернутом виде не только передавать информацию о характере процесса, но и в обобщенном виде содержать указания на его участников. Референция, понимаемая в традиционном смысле, соотносит высказывание с действительностью, это отнесенность актуализованных имен и именных выражений к объектам действительности. На синтаксическом уровне (лого-семантическом) референтное употребление имен осуществляется в позиции актантов (подлежащего и сказуемого — в традиционной терминологии). Уникальность глагола состоит в том, что в его лексической семантике, особенно в семантике ЛСГ слов (классовой семантике), можно обнаружить потенциальные (скрытые на семемном уровне) данные относительно его референтной отнесенности, причем различные типы отнесенности: к одному члену какого-либо класса объектов, к некоторой части класса, к целому классу, к неопределенному классу и др. В результате этого можно говорить о том, что лексическая семантика глагола содержит данные как о постоянной, так и о его переменной потенциальной референции, причем различной степени переменности. В составе русской глагольной лексики существует особый класс глаголов с включенной актантной рамкой (Плотникова, 1997: 45—63), в котором особенно ярко зафиксирована референциальная специализация глаголов, что является еще одним аргументом в пользу выделения в качестве специального предмета рассмотрения денотативно-референциального пространства русского глагола.

Проблема изучения денотативного пространства языковых единиц связана с одной из фундаментальных проблем языкознания — проблемой отображения в языковых знаках мира действительности, так как само понятие денотата в одном из его значений — это множество объектов действительности (вещей, свойств, ситуаций и пр.), знания о которых выражаются различными языковыми единицами. Денотативное пространство языка не равно самому миру действительности, так как оно выводится из семантики языковых единиц: человек познает ословаренный, вербализованный мир. По этому поводу Л. О. Чернейко пишет следующее: «То, что открыла миру гипотеза Сепира — Уорфа, подтверждено и уточнено сопоставительным анализом лексико-семантических групп, ставших предметом осмысления для большого числа исследователей. Вывод, который можно сделать из наблюдений за соотношением знака и фрагмента неязыковой действительности, с одной стороны, и знака в системе других знаков — с другой, сводится к тому, что, во-первых, коллективный разум не «видит» того, что не названо словом, но то, как он это видит, зависит от структуры языка, а применительно к лексико-семантическому уровню — от количества слов, которые приходятся на некоторое семантическое пространство, и способы их связи» (1997: 10). Как видим, при изучении связи языка и действительности естественным является рассмотрение лексико-семантических групп в пространственном измерении, в аспекте соотношенности всех вышеперечисленных типов языковых пространств.

Декларируя необходимость изучения различных типов пространств (в частности, лексического, лексико-семантического, семантического, денотативного и концептуального) в их нерасторжимом единстве, хотели бы особенно подчеркнуть разную степень их теоретического осмысления и практического описания, что создает определенные трудности в их исследовании. Большая степень разработанности свойственна лексическому, лексико-семантическому пространствам, остальные находятся в стадии разработки и глубокого научного освоения.

Достижения, полученные при изучении глагольной се-

мантики и в области лексико-семантической категоризации глаголов, позволяют ставить и решать вопросы, связанные с денотативным пространством русского глагола (и с его разновидностями: денотативно-референциальным и деривационно-семантическим пространствами), которое, в свою очередь, мыслится в соотнесенности с лексическим, семантическим и концептуальным глагольными пространствами.

В качестве основного материала изучения денотативного пространства авторы монографии используют созданный творческим коллективом проблемной группы «Русский глагол» «Толковый словарь русских глаголов: идеографическое описание. С указанием английских эквивалентов, синонимов и антонимов» (М., 1999). Это обусловлено тем, что в нем глагольная лексика распределена по полям, лексико-семантическим группам и подгруппам. При семантизации глаголов в этом словаре используется одна модель лексикографического описания, включающая базовый глагол-идентификатор и набор дифференциальных признаков, типичных для каждой ЛСГ слов. Это позволяет, с одной стороны, обнаружить совокупность типовых ситуаций процессуально-событийного мира, так как репрезентантом конкретных ситуаций является каждый отдельный глагол, а выразителем типовых ситуаций — глагол-идентификатор, и, с другой стороны, дает возможность выявить существенные свойства семантического пространства русского глагола. Не только отдельное слово, но и разного рода классы слов обладают собственной лексической семантикой. Вследствие этого описание лексико-семантического и денотативного пространств отдельной ЛСГ позволит выявить максимум знаний о ситуациях процессуально-событийного мира, передаваемых лексикой этой группы. Можно предположить при этом, что глаголы-идентификаторы лексико-семантических групп будут носителями таксономической номинации, а глаголы — члены различных групп окажутся средством дифференцированной номинации ситуаций.

Описание денотативного пространства русского глагола не ставит цель вскрыть все объективно существующие в

действительности события, процессы, связи, отношения и т. п. Это невозможно, так как категоризация и концептуализация мира, воплощенная в языковых знаках, обусловлена, с одной стороны, объективно — логикой структурирования мира действительности, с другой стороны, субъективно — логикой человеческого мышления. Этим, например, объясняется разница в степени лексической и семантической разработанности отдельных фрагментов мира в различных языках (ср. глаголы приготовления пищи в русском и французском языках, глаголы болезненного состояния в русском и английском языках и т. п.). Следовательно, цель описания денотативного пространства русского глагола — обнаружение в его лексической семантике наших знаний об организации процессуально-событийного мира.

Категория знания — доминанта когнитивной лингвистики, в которой прямо декларируется: «...язык не отражает мир, а выражает знания о мире» (Солнцев, 1989: 60); «Знания человека о мире фиксируются именно в языковой форме, они не что иное, как семантическая система языка» (Касевич, 1990: 12). Компонентами семантической системы языка являются семантические поля, группы слов, которые в своей совокупности и с учетом культурного и национального своеобразия конкретного языка воплощают собой языковую картину мира. Это позволяет Н. Д. Арутюновой говорить о значимости понятия «концепт» в аспекте изучения картины мира и ставить вопрос о континуальности мира и характере его концептуального членения. Ключевое понятие когнитологии — концепт — важно учитывать при изучении денотативного пространства, ибо это понятие напрямую связано и с выражением наших знаний о существенных сторонах, типовых ситуациях действительности. При этом, как отмечает Н. Д. Арутюнова, нет однозначного соответствия системы концептов членению мира: «Концепты дискретны, мир континуален, его членение не может в точности соответствовать системе понятий, многие объекты и ситуации подводимы под разные концепты, к некоторым не подходит ни один... Можно говорить о языковой (концептуальной) интерпретации действительности».

ти, зависящей от многих факторов, в том числе и прагматических. Континуальность мира не проходит бесследно для отражающих его концептов» (Арутюнова, 1990: 7).

Учитывая все вышеизложенное, считаем, что при изучении денотативного пространства русского глагола необходимо обращение к опыту и методологии когнитивной лингвистики, представители которой успешно занимаются выявлением системы универсальных концептов, организующих концептуальное пространство и выступающих главными составляющими его членения и, отраженно, членения мира.

Концепт напрямую связан с выражением знаний о мире, т. е. он участвует в формировании языковой картины мира. В то же время семантические поля, лексико-семантические группы слов — это компоненты языковых картин мира, они представляют собой «лексико-семантические группировки (парадигмы), структуры конкретного языка с учетом его культурного и национального своеобразия» (Уфимцева, 1988: 13). Именно это, вероятно, позволяет Н. Д. Арутюновой говорить о языковой (концептуальной) интерпретации действительности. Следовательно, при изучении денотативного пространства важно учитывать взаимосвязь и соотношенность концепта, семантической группы и фрагмента языковой картины мира.

Итак, взаимоотношенность и взаимообусловленность семантического, концептуального и денотативного пространств русского глагола мотивируют необходимость изучения этих пространств в нерасторжимом единстве.

Монография структурирована таким образом, что первоначально рассматриваются проблемы выявления базовых концептов процессуально-событийного мира (гл. 1) и природы денотативного пространства русского глагола как «факта» (гл. 2). Затем исследуется денотативно-референциальное пространство русского глагола (гл. 3, 4). Предметом специального изучения избирается денотативное пространство полипропозитивных глаголов (гл. 5), так как они имеют уникальную особенность размывать границы между различными денотативными сферами и сближать удаленные друг от друга ситуации в единый комплекс, —

так же, как и глаголы с переносными значениями, осуществляющие метафорическую концептуализацию процессуально-событийного пространства, рассмотрению которой посвящена 6-я глава. Соотнесенность денотативного и деривационного-семантического пространств русского глагола является предметом исследования в 7-й и 8-й главах. Последняя, 9-я глава имеет прикладной характер, в нем обобщен опыт изучения лексико-семантического пространства в лингвометодическом аспекте.

Данная монография является второй книгой продолжающейся серии монографий под общим названием «Русская глагольная лексика». Первая книга была посвящена рассмотрению русского глагола под парадигматическим углом зрения (см.: Русская глагольная лексика: пересеканность парадигм. Памяти Эры Васильевны Кузнецовой. Екатеринбург, 1997).

Л. Г. Бабенко

Глава 1

БАЗОВЫЕ КОНЦЕПТЫ ПРОЦЕССУАЛЬНО-СОБЫТИЙНОГО МИРА (ПОСТАНОВКА ПРОБЛЕМЫ)

В данной главе высказывается гипотеза о возможности выявления базовых концептов процессуально-событийного мира на основе структурно-семантического и когнитивного анализа базовых глаголов-идентификаторов различных ЛСГ русских глаголов и описания их концептосферы, соотносимой с семантическим пространством глаголов одной группы и выводимой из него.

Постановка проблемы обусловлена необходимостью теоретического осмысления сложных вопросов глагольной семантики и лексико-семантической категоризации глаголов, поставленных практикой лексикографического описания русской глагольной лексики, результатом которого явился учебный словарь-справочник нового типа «Толковый словарь русских глаголов: идеографическое описание. С указанием английских эквивалентов, синонимов, антонимов» (М., 1999). Именно лексикографическая практика, работа над словарем позволила выдвинуть гипотезу, согласно которой базовые глаголы-идентификаторы могут быть рассмотрены в концептуальном аспекте, вследствие чего этот словарь послужил материалом для исследования.

Основанием формулировки вынесенной в заглавие гипотезы послужил ряд теоретических положений, разрабатываемых сегодня в лингвистике.

Одна из основных задач когнитивной лингвистики — выявление системы универсальных концептов, наиболее существенных для построения всей концептуальной сферы, организующих само концептуальное пространство и выступающих главными рубриками его членения (Кубрякова, 1996: 91), а также тщательное описание соотношенных с концептами концептуализированных областей в контексте национальных картин мира (Н. Д. Арутюнова, С. Е. Никитина, Е. С. Кубрякова, Ю. С. Степанов, С. М. Толстая, В. Н. Телия и мн. др.).

Как показывает практика когнитивных исследований, изучение когнитивной семантики зиждется на рассмотрении под новым углом зрения семантики слова, фразеологизма, предложения и текста, но в первую очередь — лексической семантики. Е. С. Кубрякова, раскрывая содержание термина «концепт», замечает следующее: «Правильнее было бы, наверное, говорить о концептах как соотносительных со значением слова понятиях... значением слова становится концепт, схваченный знаком» (Кубрякова, 1996: 92). Следствием подобного осмысления понятия «концепт» становится определение концептосферы: «Концепты отдельных значений слов, которые зависят друг от друга, составляют некие целостности, и поэтому мы определяем их как концептосферу» (Лихачев 1993: 6).

Язык — основная форма воплощения концепта: «Языковая форма — отражение когнитивных структур человеческого сознания, мышления и познания» (Кибрик, 1994: 12) В связи с этим сегодня активно разрабатывается концепция знания в качестве базисной для понимания природы языка, новизну которой отмечает Е. С. Кубрякова: «Роль естественного языка как основной формы фиксации наших знаний о мире, равно как и источника изучения самих этих знаний, была осознана сравнительно недавно» (Кубрякова, 1992: 2). Это, вероятно, обусловлено тем, что основной способ кодирования наших знаний о мире — язык, что специально подчеркивают многие когнитологи: «...знания человека о мире фиксируются именно в языковой форме, даже более, они не что иное, как семантическая система языка» (Касевич, 1990: 12). Развивается концепция знания как базисная для понимания языка.

Когнитивный подход к семантике языковых единиц направляет интерес исследователя к репрезентативной функции языковых знаков (в первую очередь — слова), аккумулирующих наши знания о мире: «...значение единиц языка — это всевозможные понятия, в которых... закреплены результаты отражения (познания) мира. Язык не отражает мир, а выражает знания о мире» (Солнцев, 1989: 63). Главная цель когнитивных исследований, с одной стороны, поиск процедуры семантического вывода, обнаруже-

ния концепта, несущего определенный квант знаний о мире. С другой стороны, — описание концептосферы, или концептуализированной области, и соотносимой с ней системы языковых единиц, прежде всего лексико-фразеологических.

Методы поиска и экспликации концептов и концептуализированных областей различны, но главное их условие — условие концептуализации, по словам Ю. С. Степанова, — «установление связи в одном синхронном срезе и в определенной культурной парадигме, возведение группы слов к единому лексическому архетипу, обнаруживающему явное концептуальное родство в смысле принадлежности к одному культурному архетипу...» (Степанов, 1994: 15). В трудах академика Ю. С. Степанова в свете этих представлений осуществляется реконструкция культурных феноменов на лингвистической основе (Степанов, 1997).

Как видим, объектом концептуального анализа являются словарные представления концепта, а результаты его также оформляются в виде различных словарей-концептуариев, составители которых подчеркивают необходимость принципиально нового ракурса лексикографического описания лексической семантики. Так, Ю. С. Степанов пишет следующее: «Наш словарь рассматривает не понятия, существующие в головах людей, а концепты, существующие в русской культуре» (Степанов, 1994: 13). С. Е. Никитина отмечает, какой должна быть информация о слове в словарях-концептуариях: «...дефиниции концептов не ограничиваются только дифференциальными признаками, необходимыми для различения слов. Семантические описания слов должны дать по возможности полное знание о понятии, существующее в сознании носителей культуры, — знание, выраженное в определенных языковых стереотипах, которыми могут быть как слова, так и словосочетание-фразеологизм» (Никитина, 1991: 117 — 118).

Выявление системы концептов ориентировано на базисный уровень категоризации мира, так как, по утверждению Е. С. Кубряковой, именно «категории базового уровня снабжают человека достаточной информацией об объекте — в концептах и названиях этого уровня обычно соединяются перцептуальные и функциональные характери-

ки, т. е. сам уровень обладает не только лингвистической, но и когнитивной значимостью... Единицы этого уровня обычно высокочастотны, структурно просты и исключительно информативны...они включают максимальное представление о признаках, выделяемых единицей как образцом своей категории и, напротив, доводят до минимума количество признаков, сближающих их с образцами других категорий» (Кубрякова, 1996: 15).

К лексическим категориям базового уровня можно отнести парадигму базовых глаголов-идентификаторов ЛСГ русских глаголов, которую мы избрали в качестве материала рассмотрения и которая, как показало исследование Ю. В. Казарина, является «уникальным объединением, своеобразной группой базовых глаголов, отражающих практически все факты процессуально-событийной действительности» (Казарин, 1997: 70).

Эти глаголы полностью соответствуют вышеперечисленным критериям единиц базового уровня: они характеризуются высокой частотностью употребления, простотой семной структуры, обобщенностью семантики, несущей идею ЛСГ слов («классовую семантику»), что обусловлено их семиологическим предназначением — быть основными репрезентантами типовых ситуаций и на этой основе объединять вокруг себя лексически родственные по категориально-лексической семантике и более конкретные по дифференциальной семантике группы слов. Соотнесенность базовых глаголов-идентификаторов с типовыми ситуациями объясняет их особую значимость, ибо, по наблюдениям Е. С. Кубряковой, концепт напрямую связан с типовой ситуацией, именно система универсальных концептов организует само концептуальное пространство и выступает главными рубриками его членения (Кубрякова, 1996: 91) и, соответственно, отображает в языке членение действительности на фрагменты-ситуации.

Важно подчеркнуть, что в семантике базовых идентификаторов «минимизированы» (термин В. А. Лукина) знания об отображаемой действительности, в них свернута и обобщенно репрезентирована семантика всех единиц ЛСГ, передается идея класса («классовая семантика»). Это су-

щественно для категоризации мира, ибо, как показал О. Г. Почепцов, «представление, или отражение, мира построено на принципе пиков: отражение мира осуществляется путем отражения его пиков... Отражению подвергается не мир в целом, а лишь его пики, т. е. те его составляющие, которые представляются говорящему наиболее важными, наиболее релевантными, наиболее полно характеризующими мир» (Почепцов, 1990: 111).

Можно предположить, что базовые глаголы-идентификаторы выполняют функцию номинации и интерпретации этих пиков действительности, фиксируют существенные знания о них, в первую очередь знания о типовых ситуациях. Это свойство является весомым аргументом в пользу их рассмотрения как лексических репрезентантов концептов, так как «основной конструктивный элемент концепта — объемный семантический признак» (Шабес, 1989: 65). Репрезентант концепта — абстрактное имя, поэтому в процессе выявления репертуара концептов идет поиск абстрактных имен, их номинирующих. В. А. Лукин специально разрабатывает методику поиска обобщающего слова-идентификатора: «Анализ логико-философских и лингвистических дефиниций абстрактного позволяет разработать обобщенную формулу лексической абстракции. Суть ее в признании абстрактным того знака, которым может быть обозначено чрезвычайно большое или даже бесконечное множество объектов, при этом в значении данного знака отражается то, что будет общим для всех обозначаемых. Значение как бы сокращает предельное многообразие содержания до одного признака, присущего каждому из обозначаемых. Обозначение многого осуществляется за счет «минимизации» значения — оно в идеале должно быть моносемным, т. е. имеет место экономия семантических средств выражения значения» (Лукин, 1993: 39). По всем параметрам, указанным В. А. Лукиным, базовые глаголы-идентификаторы подходят для того, чтобы быть абстрактными именами концептов.

Совокупность базовых глаголов-идентификаторов представляет собой парадигму классифицирующего типа. В нее включаются глаголы типа *двигаться, перемещаться, от-*

крыть, бить, соединять и др., напрямую связанные с номинацией типовых ситуаций, выражающих национальные представления о них, с интерпретацией мира действительности.

Каждая ЛСГ слов характеризуется собственным семантическим пространством, или, по терминологии Е. С. Копорской, имеет собственный «семантический архетип», понимаемый как «строение определенного класса слов, которое 1) реконструируется на основе отвлечения (абстрагирования), сопоставления и обобщения семантических признаков (характеристик), входящих в этот класс слов; 2) является исходным для восстановления семантической структуры слов данного класса...» (Копорская, 1996: 113).

В «Толковом идеографическом словаре русских глаголов» (ТИСРГ), который является основным источником единиц исследования, вся глагольная лексика поделена на три большие денотативные сферы процессуально-событийного мира: 1. Действие и деятельность. 2. Бытие, состояние, качество. 3. Отношение. Каждая из сфер состоит из ЛСГ глаголов и подгрупп. Всего выделено в данном словаре около 150 ЛСГ и подгрупп глаголов и намного больше представлено базовых глаголов-идентификаторов. Преобладание числа базовых глаголов-идентификаторов над общим количеством групп связано с тем, что некоторые группы имеют не один, а несколько базовых идентификаторов, дополняющих друг друга. Кроме того, возвратные глаголы (и в статусе идентификаторов) чаще всего включаются в тот же семантический класс слов, что и невозвратные (см.: базовые глаголы в ЛСГ закрытия — *закрывать, закрыться*; в ЛСГ покрытия — *покрывать, покрываться*).

В количественном отношении преобладает поле «Действие и деятельность» (около 80 ЛСГ и подгрупп), далее в плане лексической разработанности следуют поле «Отношение» (около 50 групп и подгрупп), поле «Бытие, состояние, качество» (около 30 групп и подгрупп). Особенно тщательно и подробно, многоаспектно разработаны следующие фрагменты процессуально-событийного мира: движение субъекта и перемещение объекта, глаголы физического воздействия на объект, глаголы созидательной, рече-

вой и социальной деятельности. Не случайно именно эти группы глаголов вызывают трудности при изучении лексики русского языка иностранцами, трудности при переводе. Семантический комплекс этих групп слов («семантический архетип», по Е. С. Копорской) включает большой набор семантических компонентов, позволяющих интерпретировать вышеуказанные сферы процессуально-событийного мира в самых разных аспектах, что создает богатые возможности для лексического варьирования основной семантической идеи группы слов. Так, возьмем, к примеру, семантический комплекс **«движение субъекта»**. Ядро его составляет репрезентант категориально-лексической семы — идентификатор *двигаться*. В свою очередь, категориально-лексическая сема уточняется множеством дифференциальных сем, интерпретирующих движение в самых разных аспектах. Назовем самые основные из них:

1. **Субъект движения:** человек, группа лиц, животное, насекомое, различные транспортные средства (корабль, автобус, самолет и др.).

2. **Тип движения:** поступательное / непоступательное (ср.: *дошагать, кружиться*).

3. **Направленность движения:** однонаправленное / разнонаправленное (ср.: *убегать, гулять*).

4. **Разновидность однонаправленного движения:** движение относительно исходного, промежуточного и конечного пунктов (ср.: *входить, проходить, уходить*).

5. **Вид непоступательного движения:** беспорядочное, вращательное, колебательное (ср.: *метаться, крутиться, болтаться*).

6. **Среда передвижения:** внутренняя часть земли и земная поверхность, водная среда, воздушная среда (ср.: *ползти, порхать, нырять*).

7. **Способ и средство передвижения:** при помощи специально приспособленных для этого органов тела живого существа или при помощи специализированного транспортного средства (ср.: *идти, шагать, ехать*).

8. **Скорость движения:** медленное / быстрое движение (ср.: *брести, носиться*).

9. **Место и мера передвижения в пространстве:** точеч-

ное пространство (*толочься*), малые, большие расстояния (ср.: *шагнуть, перепрыгнуть, кочевать, странствовать*).

10. **Соответствие курсу направления движения или сознательное изменение курса** (ср.: *взбираться, подниматься, маневрировать, лавировать, петлять*).

11. **Время движения:** краткость / длительность (ср.: *сновать, прыгать, вскочить, гонять, расхаживать*).

12. **Степень прилагаемых усилий:** легко / с трудом двигаться (ср.: *порхать, прыгать, брести, шаркать, хромать*).

13. **Особый характер движения:** плавность, резкость, красота и др. (ср.: *кружиться, взлететь, гарцевать* и др.).

14. **Причина особого характера движения** (ср.: *метаться, суетиться* и др.).

15. **Цель движения** (см., например: *маневрировать* ‘двигаться в разных направлениях с целью более рационального преодоления препятствий’).

16. **Состояние субъекта** (физическое, психическое, интеллектуальное), обуславливающее характер движения (см.: *метаться, сновать, шнырять, носиться* и др.).

Совокупность семантических признаков, регулярно повторяющихся в различных, порой уникальных, комбинациях в семемах глаголов движения, выявляемая путем их обобщения и абстрагирования, и представляет собой семантический комплекс глаголов движения. Достаточно большой объем самих аспектов интерпретации движения, в дальнейшем конкретизирующихся набором дифференциальных признаков, составляющих этот семантический комплекс, позволяет передать знания о самых разных проявлениях движения субъекта в пространстве, как типичных, повторяющихся, так и единичных. Например, знания о разнонаправленном движении субъекта, совершающемся без цели, без смысла, без дела, передают несколько лексем: *болтаться, слоняться, шляться, шататься* (все — прост.). И наоборот, смысл ‘двигаться в разных направлениях туда и сюда на небольшом пространстве, топтаться на месте, друг около друга, толкаться среди людей (о многих людях или об одном человеке в толпе)’ передает только одна лексема — *толочься*, (разг).

Семантический комплекс каждой лексико-семантической группы глаголов, получаемый в результате абстракции и обобщения семантических признаков всех слов, входящих в эту группу, содержит накопленные не одним поколением русских людей знания о том или ином фрагменте процессуальной действительности. Именно эти знания могут быть основой для моделирования когнитивно-пропозициональной структуры концепта, так как известно, что когнитивно-семантическая структура формируется на основе совокупности однородных элементов, имеющих общие интегрированные и существенные дифференциальные признаки. Истолкование концептов и концептосферы кроется в семантическом пространстве ЛСГ, типовом наборе существенных семантических признаков и представляет собой «расчлененное определение» (С. Е. Никитина), «когнитивную дефиницию» (Е. Бартминский), пропозициональную модель (Ю. Г. Панкрац). Последняя как структура представления знаний (наряду с фреймами, сценариями, скрипами и др.) находится в настоящее время в центре когнитивной научной парадигмы, о чем убедительно свидетельствует Ю. Г. Панкрац: «Наиболее популярными представлениями знаний являются в настоящее время пропозициональные модели, в которых каждый отдельный узел сети являет собой пропозицию, отражающую в отдельном виде отношения, характеризующие объекты и события» (Панкрац, 1996: 134). И далее: «Пропозициональные модели находятся в центре исследовательской парадигмы когнитивной науки. ИмPLICITно или EXPLICITно они признаются в концепциях ученых, стоящих на противоположных позициях в рамках самых разных когнитивных теорий. В порождении и восприятии речи пропозициональные модели используются для репрезентации концептов глаголов и имен» (там же: 136).

Ю. Г. Панкрац, рассматривая различные осмысления пропозиции и пропозициональных моделей, утверждает, что существует особый тип репрезентации знаний — пропозициональный: «Когнитивный подход позволяет уточнить понятие пропозиции за счет более полного вовлечения в сферу анализа принципов восприятия мира: все

внешние события, объекты, явления и т. п. воспринимаются в их взаимодействии, взаимоотношении, т. е. в их связях. Эти связи и отношения имеют место между разными сущностями, а представления о связях или отношениях между объектами формируются наряду с представлением о самих объектах и порождают особый тип репрезентации знаний — пропозициональный» (Панкрац, 1996: 137). Добавим к вышесказанному, что выразителями этих знаний о связях и отношениях между объектами являются прежде всего глаголы. Можно особо подчеркнуть значимость глагола как основного носителя пропозициональных знаний и как наиболее приспособленного для выражения этих знаний в статусе предикативного слова. Большое значение имеет также глагольная «классовая семантика», так как выводятся эти знания в виде пропозициональной структуры в результате обобщения типовых референциальных характеристик, присутствующих в семантических комплексах глаголов одной ЛСГ слов. Например, обобщение семантических компонентов семантического комплекса глаголов звучания позволяет утверждать, что концепт «звучать» в русском языке репрезентируется когнитивно-пропозициональной структурой, состоящей из трех позиций: субъект — предикат звучания — способ (или средство) звучания. При этом наблюдается регулярность лексической конкретизации этих позиций. В качестве субъекта звучания могут выступать: 1) живое существо: человек или группа лиц (*выть, горланить, голосить* и др.); 2) животные, насекомые или птицы (*блеять, гавкать, квакать, ворковать, чирикать* и т. п.); 3) неодушевленные предметы, издающие различные звуки (*бить, брэнчать, дребезжать, тикать* и т. п.); 4) явления природы, сопровождаемые звуком (*бухать, грохать, рокотать* и т. п.). Звуки могут производиться при помощи: а) голоса (*визжать, вопить, горланить, кричать, пищать* и т. п.); б) музыкального инструмента (*барабанить, брэнчать, тренькать* и т. п.); в) различных предметов: ударами чего-либо обо что-либо или при помощи звукового устройства (*звонить, звякать, свистеть, шелестеть, шуршать, звенеть* и др.).

Концепт речевой деятельности «сообщать» репрезентируется когнитивно-пропозициональной структурой, включающей следующие позиции: субъект — предикат речевого сообщения — адресат — содержание сообщения — цель сообщения. Позиции субъекта и адресата здесь достаточно узко специализированы: они могут быть замещены лексикой, обозначающей человека или группу лиц. Содержание речи может заключать информацию разного рода: 1) фактические сведения о ком-, чем-либо (*комментировать, называть, цитировать* и т. п.); 2) ложные сведения (*врать, лгать, болтать* и т. п.); 3) скрываемые сведения (*выбалтывать, разглашать* и т. п.); 4) дополнительные сведения (*добавить, уточить* и т. п.); 5) частичные сведения, сообщаемые не в полном объеме (*намекать, оговориться, обмолвиться, обронить* и т. п.). Речевое сообщение осуществляется с определенной целью, которая может быть включена в семную структуру соответствующих глаголов, например: *опорочить, доносить, клеветать, наушничать, сплетничать, судачить, ябедничать* и т. п. Надо подчеркнуть, что подобные когнитивно-пропозициональные структуры базовых концептов процессуально-событийного мира выводятся парадигматически вследствие обобщения семантических комплексов глаголов одной ЛСГ слов, а не в результате анализа их типовой синтагматики.

Представляется важным и перспективным исследование глагола как носителя пропозициональных знаний. Предварительные наблюдения позволяют говорить о существовании простых, монопропозитивных, и сложных, полипропозитивных, глаголах (Бабенко, 1997: 30–45). Первые могут репрезентировать знания о типовой ситуации как в предельно свернутом виде с референцией классифицирующего типа (глаголы-идентификаторы), так и в минимально развернутом виде, с указанием важнейших параметров ситуации (глаголы — члены одной ЛСГ слов с конкретной семантикой). Монопропозитивные глаголы представлены в составе парадигмы базовых глаголов-идентификаторов незначительно. К ним можно отнести **глаголы движения** (*двигаться, перемещаться, вращаться, подниматься*), **нанесения удара** (*бить, ударять*), **давления**

(*давить, жать*), **очищения и удаления** (*чистить, удалить*), **приготовления** (*готовить*), **бытия** (*иметься, быть, существовать*), **передачи объекта** (*давать*). Ко вторым относятся глаголы с включенной и совмещенной пропозицией, максимально развернуто выражающие наши представления о регулярных связях ситуаций, маркирующие различные аспекты протекания событий: место, время, причинную обусловленность и др. Например, в глаголе *разместиться* ‘найти для себя где-л. какое-л. место в пространстве и занять его’ можно усмотреть совмещенную логическую пропозицию, в которой ситуации поиска пространства и замещения его находятся в отношении логической последовательности. А в глаголе *нанизать* ‘соединить какие-л. маленькие предметы (камешки, бусинки и т. п.), прокалывая их и надевая подряд на нитку, проволоку, лесу и т. п.’ наряду с основной пропозицией соединения в качестве включенных пропозиций присутствуют пропозиции нарушения целостности объекта, созидательной деятельности, которые связаны комплексом универсальных логико-семантических отношений: результативно-следственных, целевых, образа действия. Подобные глаголы (с совмещенной и включенной пропозицией) представлены в составе парадигмы базовых глаголов-идентификаторов в большей степени (анализ их см. в гл. 5).

Итак, обнаруживается различная степень пропозитивной насыщенности глаголов-идентификаторов, которые способны репрезентировать и наиболее стереотипные, лишённые индивидуальной окраски ситуации, и комплексные ситуации. В связи с этим выведение типовых ситуаций из лексической семантики глаголов-идентификаторов — сложный процесс, не лишённый субъективизма и обусловленный объективно — наличием глаголов-идентификаторов и лексико-семантических групп глаголов сложного действия, отображающих комплексные ситуации.

Мы поставили цель извлечь из лексической семантики глаголов-идентификаторов знания о типовых ситуациях процессуально-событийного мира и по возможности попытаться смоделировать когнитивно-пропозициональную структуру базового концепта. Материалом являются сло-

варные дефиниции, которые, по словам Ю. С. Степанова, представляют собой «операции с концептами» (1994: 11).

Что обнаружило исследование материала — парадигмы базовых глаголов-идентификаторов ЛСГ глаголов и их (ЛСГ) семантических комплексов?

Анализ семантики базовых идентификаторов в аспекте соотношенности их с типовыми ситуациями и рассмотрения их способности номинировать соответствующий концепт процессуально-событийного мира показал, что не все однозначно и просто. Обнаруживается некоторое сопротивление материала выдвинутой гипотезе, которое обусловлено несколькими факторами.

Первый фактор — семантическая неоднородность базовых глаголов-идентификаторов. Каждый глагольный идентификатор сравнительно со словами — членами возглавляемой им ЛСГ слов отличается более абстрактной семантикой в силу своей семиологической функции быть заместителем каждого члена ЛСГ, быть способным заменить его, хотя, безусловно, не в полном семантическом объеме. Таким образом, базовые глаголы-идентификаторы, наряду с категориально-лексической семьей, передающей тип ситуации и основную семантическую идею класса слов, объединяющую все слова в единое множество, имеют минимум дифференциальных признаков, так как наличие их в достаточном количестве — прерогатива глаголов — членов ЛСГ слов, призванных не столько отображать процесс, сколько интерпретировать его в разных аспектах. В то же время ЛСГ глаголов, обозначая различные по характеру действия, состояния, отношения и прочие динамические признаки, характеризуются разной степенью лексического абстрагирования от реальной действительности, что сказывается и на характере семантики базовых глаголов, несущих свойства и характерные черты «классовой семантики» — семантики ЛСГ слов. Таким образом, базовые идентификаторы, имея общее свойство, отличающее их от глаголов — членов ЛСГ (отвлеченность семантики), между собой также неоднородны — в силу различия отображаемых ими процессов. Последнее объясняется тем, что, по данным Ю. В. Казарина (1997), в их

составе есть конкретные, социально-обобщенные и абстрактные базовые глаголы, которые несут разный объем информации и имеют разную степень концептуальной значимости.

В большей степени способны номинировать концепты процессуально-событийного мира базовые глаголы-идентификаторы с социально-обобщенным типом значения: *двигаться, поместить, включить, покрыть, закрыть, бить, давить, обрабатывать, чистить, повреждать, соединять, воспринимать, сравнивать, выбрать, решить, вообразить, определить, проверить, говорить, назвать, разговаривать, звучать* (поле «Действие и деятельность»); *жить* (поле «Состояние»); *искать, иметь, брать, беречь, лишать, давать, подчинять, помогать, управлять* (поле «Отношение»). А также глаголы с конкретной семантикой — глаголы физиологических действий: *есть, дышать, пить*.

Второй фактор — такая особенность парадигмы базовых глаголов-идентификаторов, как неоднотипность их манифестации в структуре словаря. Базовые глаголы-идентификаторы могут быть представлены в составе ЛСГ глаголов по-разному: **одной лексемой** (*удаляться* в ЛСГ глаголов удаления, *соединять* — в ЛСГ соединения и мн. др.); **несколькими лексемами** (что чаще всего): *бить, биться, ударять, ударяться* (ЛСГ нанесения удара), *говорить / сказать, произносить / произнести* (ЛСГ глаголов характеризованной речевой деятельности); *управлять, руководить, поручать / поручить* (ЛСГ глаголов управления); они могут быть выражены **глагольно-именными оборотами** типа *приходить / прийти в эмоциональное состояние, приводить в движение* и т. п. Есть даже ЛСГ слов, где базовые глаголы-идентификаторы вообще отсутствуют, например, в группе глаголов физиологических действий, в ЛСГ проявления качества и др. Встречаются случаи, когда один базовый глагол-идентификатор используется в разных (правда, семантически родственных) группах слов: *делать, создавать* — глаголы-идентификаторы ЛСГ создания объекта в результате физического труда и ЛСГ создания объекта в результате интеллектуального труда; *перемещать* — идентификатор сразу в трех ЛСГ.

Как видим, нет жесткой закреплённости базовых глаголь-идентификаторов за определенной ЛСГ слов, что не случайно. Эта объективная закономерность отражает существеннейшие признаки системной организации лексики — открытость, динамизм, пересекаемость, обуславливающие неоднолинейность и многомерность ее категоризации. Все это, в свою очередь, обусловлено сложнейшим характером членения действительности. В данном аспекте рассмотрения базовых глаголов бесспорными являются случаи, когда в составе ЛСГ имеется один глаголь-идентификатор, который, естественно, может рассматриваться в качестве имени, номинирующего соответствующий концепт.

В меньшей степени способны одновременно репрезентировать типовые ситуации и номинировать концепт глагольно-именные обороты — преимущественно из поля состояния (ЛСГ глаголов становления качества: физического, цветового, внешних и внутренних характеристик человека, социальных качеств; ЛСГ глаголов эмоционального, физического и функционального состояния, бытия). Это, видимо, связано с тем, что глагольно-именные сочетания организованы на основе глаголов абстрактной семантики. В подобных сочетаниях глагол фактически выполняет функцию суперклассификатора, репрезентирующего идею семантического поля (а не ЛСГ слов): **поле состояния**: пребывание в состоянии (*испытывать состояние, быть, находиться в состоянии*), становление состояния (*прийти в состояние, выйти из состояния*), приведение в состояние (*привести в состояние, вызвать какое-л. состояние*), внешнего выражения состояния (*выражать какое-л. состояние*); **поле качества**: становление качества (*стать каким-л.*), утрата качества.

Функция глаголов в составе этих базовых глагольно-именных оборотов — дать семантико-грамматическую интерпретацию в определенном динамическом ракурсе различным физическим и психическим качествам, свойствам, состояниям и отношениям. Результатом этого является то, что в составе ЛСГ глаголов, формирующихся на основе подобных базовых глагольно-именных сочетаний, денотативно тождественные и близкие лексемы попадают в раз-

личные классы в зависимости от определенной семантико-грамматической их интерпретации. С другой стороны, денотативно различные лексемы с учетом общего фокуса семантико-грамматической интерпретации попадают в одну группу. Возьмем, например, лексику эмоций. Так, в ЛСГ глаголов становления состояния включаются слова называющие самые разные эмоции: **вдохновение** (*вдохновляться, воодушевляться, загораться* (перен.), *зажигаться* (перен.), *окрыляться, воспламеняться* и др.); **восторг** (*восторгаться, восхищаться*); **беспокойство** (*всполошиться* (перен.), *встревожиться, издергиваться, измучиться, изнервничаться*); **злость** (*звереть, свирепеть, разъяриться, раздражаться, рассердиться, разозлиться, раздосадоваться, рассвирепеть, распаляться*); **удивление** (*изумляться, поражаться, оторопеть, удивляться*); **спокойствие** (*опомниться, успокоиться, образумиться, отходить, поостыть* (перен.), *присмиреть, притихнуть, расслабиться, утихомириваться, утешиться*); **любовь** (*влюбиться, втюрить, вспылать* (перен.)) и мн. др.

В то же время обозначение одной определенной эмоции, но в разных динамических ракурсах, оказывается в разных ЛСГ слов: *любить* (ЛСГ эмоционального состояния и ЛСГ эмоционального отношения); *влюбиться, разлюбить, отлюбить* (ЛСГ становления эмоционального состояния); *влюбить* (ЛСГ эмоционального воздействия); *целовать, обнимать* (ЛСГ внешнего выражения эмоций). И это касается всех конкретных состояний, качеств.

Можно утверждать, что фактически именами, репрезентирующими концепт, здесь являются номинации самих базовых эмоций: любовь, страх, горе, удивление. В результате получается, что в одну ЛСГ глаголов, идентифицируемых глагольно-именными оборотами, попадает лексика из разных концептосфер, с одной стороны, а, с другой стороны, лексика одной концептосферы включается в различные ЛСГ глаголов. Общая особенность подобных ЛСГ глаголов — очень большой объем включаемых в их состав лексических средств и, как следствие, наличие в нем синонимических и тематических парадигматических рядов. Таким образом, можно сделать вывод о том, что ЛСГ глаголов, иден-

тификаторами которых являются глагольно-именные сочетания, обычно включают в свой состав слова, относящиеся к одному семантическому полю (не к группе!) и имеющие однотипную семантико-грамматическую интерпретацию. Можно предположить, что подобные группировки слов по своему составу поликонцептуальны (в отличие от моноконцептуальных групп типа глаголов приготовления пищи, нанесения удара и т. п.).

Скорее всего, это объясняется характером репрезентации в языке таких явлений действительности, как качество (цвет, размер, звук, психологические, социальные качества и пр.), эмоция, которые предстают в языке первоначально в «маске» имени — как наблюдаемая (цвет), ощущаемая (вкус, физиология) и ненаблюдаемая (эмоции) субстанция. Облекаясь в «маску» глагола, они приобретают различные возможности для своей динамической репрезентации: *покраснеть, подсластить, страшиться, ужаснуться* и т. п.

Можно предварительно утверждать, что существует особое объединение ЛСГ, формируемых глагольно-именными оборотами: **глаголы качественного состояния** (ЛСГ становления качества: становления физического качества, цветового признака, внешних признаков человека, внутренних качеств человека, социальных качеств); **ЛСГ проявления признака** (проявления качества, воспринимаемого органами чувств, выделения объекта по качеству, изменения качественного признака, глаголы изменения количественного признака, утраты качества); **ЛСГ эмоционального состояния** (пребывания субъекта в эмоциональном состоянии, становления эмоционального состояния, приведения в эмоциональное состояние, внешнего выражения эмоционального состояния); **ЛСГ физиологического состояния, ЛСГ функционального состояния** (глаголы пребывания в функциональном состоянии и приведения в функциональное состояние). С учетом вышеуказанных особенностей это объединение лексических парадигм принципиально отличается от всех других ЛСГ глаголов. Вследствие чего именами концептов в этих группах вряд ли могут быть идентификаторы, представляющие собой сочетание абстрактного глагола с именем. Ско-

рее всего, концептуальную значимость в составе этих групп будут иметь абстрактные имена, объединяющие семантически соотносительную с ними лексику типа *цвет, вкус, любовь, страх* и др.

Третий фактор. Как показало исследование материала, базовые концепты и соответствующие им когнитивно-пропозициональные структуры выводятся все-таки из типовой семантики определенной ЛСГ слов, а все концептуальное пространство заполняется знаниями, выведенными из всего семантического комплекса ЛСГ слов, включая семантический комплекс полипропозициональных глаголов и глагол с переносными значениями, в семантике которых зашифрованы семантические связи с другими концептами. Учитывая это, можно представить концептуальное пространство в виде поля, где ядро — абстрактное имя, номинирующее концепт, и когнитивно-пропозициональная структура (КПС), содержащая минимальные знания о концепте. Приядерная зона — основные варианты лексической репрезентации КПС, заключенные в основном фонде семантического класса слов. Ближайшая периферия — совмещенные с данным концептом динамические признаки, заключенные в семантике полипропозитивных глаголов одного семантического класса. Дальнейшая периферия — ассоциативно-образное представление концепта, которое присутствует в семантике глаголов с переносными значениями.

Данные о способах репрезентации КПС типовых ситуаций, передаваемых глаголами разных ЛСГ, можно извлечь из проспекта экспериментального синтаксического словаря «Семантические модели русских глагольных предложений» (ЭСС), «единицами описания в котором одновременно являются ЛСГ глаголов и сопрягаемые с ними исходные базовые семантические модели, а также подгруппы глаголов одной ЛСГ слов, регулярно употребляющихся в лексических, совмещенных и образных репрезентациях основной семантической модели. Таким образом, состав единиц описания пополняется регулярными вариантами исходной базовой модели и предметом лексикографирования в словарной статье становится комплекс единиц описания: базовая семантическая модель, получаемая методом

семантического вывода из набора типовой, синтагматически релевантной категориально-лексической семантики глаголов одной ЛСГ слов, и ее варианты (основные лексические, совмещенные и образные), выявленные в результате обобщения дифференциальной семантики близких по лексической семантике глаголов одной ЛСГ и их обязательных актантов» (Бабенко, 1998: 28). Освещая парадигму вариантов исходной базовой семантической модели (включая совмещенные и образные) в когнитивном аспекте, можно выявить структуру концептосферы соответствующего концепта процессуально-событийного мира.

Мы уже ранее обращались к концептам «звучать» и «сообщать». Если продолжить их рассмотрение и попытаться представить соответствующую им концептосферу в виде полевой структуры, возможно, это будет выглядеть следующим образом.

Концепт «звучать»

КПС: субъект—предикат звучания — способ (или средство)

1. Живое существо
(человек или группа лиц).	Голос,
музыкальный инструмент,
музыкальный инструмент,
2. Животные, насекомые,
птицы.	различные предметы
3. Предметы, издающие звуки.	
4. Явления природы.	

Приядерная зона — Все глаголы звучания, содержащие в своей семантике эти пропозитивные компоненты: *горланить, визжать, мычать, блеять, брэнчать, барабани́ть, ворковать, булькать, греметь, хлюпать, скрипеть* и мн. др.

Ближайшая периферия включает глагольную лексику с полипропозитивным значением, которая содержит знания о регулярных связях процесса звучания с другими динамическими явлениями процессуально-событийного мира:

- миром эмоций человека: *вопить, вскрикивать, выть, кричать, реветь, стонать, фырка́ть, орать* и др;
- исполнительской деятельностью человека, исполне-

нием художественных произведений: *грянуть, петь, свистеть, трубить*;

— физиологической деятельностью: *кряхтеть, пыхтеть, сопеть, урчать, храпеть, хрипеть, чавкать*;

— нанесением удара: *бить, плескать, стучать, трещать, хлопать, цокать, щелкать*;

— повреждением объекта: *трещать, хрумкать, хрустеть*;

— отрицательным воздействием на объект: *скрежетать, скрестись*;

— внешним проявлением отношения: *аплодировать, хлопать, цокать, чмокать*.

Дальнейшая периферия, представленная глаголами звучания с переносными значениями, аккумулирует знания об устойчивых образных ассоциациях звучания с другими явлениями процессуально-событийного мира:

— Образное уподобление звуков, издаваемых животными, человеком, звукам из животного мира и мира неодушевленных предметов: *верещать, гудеть, кричать, мычать, рычать, рывкать* и др. (о человеке).

— Образное уподобление звуков, издаваемых человеческим звукам или звукам из мира неодушевленных предметов: *ворчать, петь, трубить* (о животных).

— Образное уподобление звучания неодушевленных предметов звучанию живого мира — мира людей и животных: *визжать* и *верещать* (о механизмах), *выть* (о сиренах, гудках), *жужжать* (о механизмах), *петь* (о музыкальных инструментах), *стрекотать* (о механизмах) и мн. др.

— Образное уподобление звуков природы миру звуков человека, животного мира и миру звуков неодушевленных предметов: *барабанить* (о дожде), *завывать, стонать* (о явлениях природы).

Можно обратить внимание на то, что глаголы звучания с прямым значением четко разграничиваются с учетом субъектной референции. Денотативные сферы «Человек», «Животные», «Механизмы» и др. строго дифференцированы. Глаголы звучания с переносными значениями размывают именно эти границы строгой референциальной специализации в субъектной сфере.

Этот материал можно представить в виде поля следующим образом:

Как видим, в данной концептосфере приядерная зона и ближайшая периферия примерно равны с учетом набора составляющих их вариантов семантических моделей, образные модели уступают им в количественном отношении.

Структура концептуального пространства и объем его основных частей будут зависеть от степени лексической разработанности того или иного семантического фрагмента поля. Каждая ЛСГ глаголов будет иметь свою уникальную структуру. Так, концептуальное пространство «сообщать» уже организовано иначе: при лексической репрезентации когнитивно-пропозициональной структуры нет разнообразия в лексическом воплощении сферы субъекта и адресата (это всегда человек или группа лиц), более значимы сведения о содержании сообщения и его цели.

По сравнению с концептом «звучать» концептосфера «сообщать» отличается большим разнообразием семантических связей с другими концептосферами в зоне ближай-

шей периферии, но менее разнообразными ассоциативно-образными связями:

Концепт «сообщать»

КПС: субъект — предикат — адресат — содержание — цель	
Человек	Человек
или группа	или группа
лиц.	лиц.
	1. Фактические сведения.
	2. Ложь.
	3. Тайное.
	4. Дополнительное.

Приядерная зона: *говорить, сообщать, комментировать, называть, объявлять, объяснять, отвечать, дезинформировать, врать, разглашать, переводить, судачить, упоминать* и т. д.

Ближайшая периферия:

1. Сообщение и воображение, предположение (*предполагать, предсказывать*).

2. Сообщение и характеризованная речевая деятельность (*вымолвить, заявлять, шептать*).

3. Сообщение и речевое общение (*возражать, договориться*).

4. Сообщение и изображение объекта (*описывать, передавать*).

5. Сообщение и профессионально-трудовая деятельность (*преподавать*).

6. Сообщение и завершение действия (*выговариваться, договориться, досказать*).

7. Сообщение и издательская деятельность, распространение информации (*возвещать, заявлять, информировать, рекламировать, оповещать*).

8. Сообщение и присоединение (*добавлять, повторять, продолжать*).

9. Сообщение и проявление эмоций (*высказывать, желать, поверять*).

10. Сообщение и убеждение (*клясться, обосновывать, утверждать*).

11. Сообщение и помощь (*остерегать, подсказывать, растолковывать, советовать*).

Дальнейшая периферия:

1. Речевое сообщение человека уподобляется конкретному физическому действию с неодушевленными предметами (*ввертывать, выкладывать, разносить, сеять*).

2. Речевое сообщение человека уподобляется передаче информации неязыковыми знаками, неречевым способом (*сигнализировать*).

3. Речевое сообщение уподобляется исповеди (*исповедоваться*).

4. Речевое сообщение уподобляется разнонаправленному движению (*ходить*).

Уникальность любого концепта проявляется в своеобразии структурирования его концептосферы. Каждая концептосфера имеет свойственный только ей набор репрезентаций исходной когнитивно-пропозициональной структуры: основных лексических, совмещенных и образных. Приведем несколько примеров.

Есть концептосферы, которые формируются только основными лексическими репрезентациями, вследствие чего они фактически имеют только ядро и в различной степени лексически разработанную приядерную зону. Яркий пример подобного строения — концептосфера концепта «перемещать», соотносимого с типовой ситуацией однонаправленного перемещения объекта, ориентированного относительно конечного и исходного пунктов. Ее исходная когнитивно-пропозициональная структура имеет, по данным ЭСС, 12 регулярных лексических репрезентаций, которые все входят в основную приядерную зону (ЭСС: 47). Концептосферы, формируемые лексической семантикой глаголов пропитывания, приготовления пищи, осуществления события, приобретения, управления также имеют подобную организацию и различаются только степенью лексической разработанности, категоризации, обнаруживаемой в количестве и характере основных лексических репрезентаций исходных когнитивно-пропозициональных структур.

Есть концептосферы с неразработанной приядерной зоной, но зато имеющие значительно разработанную ближайшую периферию, формируемую совмещенными репрезентациями исходной когнитивно-пропозициональной струк-

туры. Это все, что связано с типовыми ситуациями помещения объекта, большая часть типовых ситуаций денотативной сферы физического воздействия, ситуаций понимания, познания, общественно-политической деятельности, использования, внешнего проявления отношения, согласованных действий, расположения к контакту. Глаголы, репрезентирующие знания об определенных типовых ситуациях процессуально-событийного мира подобным образом, относятся к полипропозитивным глаголам.

Концептосферы, в которых присутствуют все три основные модели репрезентации исходных когнитивно-пропозициональных структур (основные лексические, совмещенные и образные), формирующие структуру их поля, также уникальны и различаются как количеством вариантов, так и их качественной природой. Так, концепт «двигаться», выводимый из лексической семантики глаголов, соотносимых с типовой ситуацией движения субъекта, имеет концептосферу с сильно разработанной приядерной зоной (49 лексических репрезентаций), а совмещенные и образные репрезентации представлены в ней намного меньше (10 и 6 вариантов репрезентаций соответственно). Концепт «говорить», наоборот, в большей степени репрезентируется совмещенными моделями (30 вариантов), в меньшей — основными лексическими (21 вариант) и образными (14 вариантов). В концептосфере «эмоциональное состояние», в свою очередь, доминируют образные репрезентации исходной когнитивно-пропозициональной структуры (19 вариантов), им уступают основные лексические (13 вариантов) и совмещенные (6 вариантов) репрезентации.

Итак, операции, основанные на семантическом выводе наших знаний о процессуально-событийном мире только из лексической семантики ЛСГ глаголов (одновременно из семантики базовых глаголов-идентификаторов и семантического комплекса всей группы слов), даже без учета синтагматики, позволяют выявить когнитивно-пропозитивные структуры базовых концептов и — в общем виде — строение их концептосфер.

Четвертый фактор. Анализ типовой семантики глаго-

лов-идентификаторов показал, что они неоднородны и в плане пропозитивной информации, имеют разную степень пропозитивной насыщенности. Мы уже отмечали ранее то, что в составе их парадигмы наличествуют как монопропозитивные базовые глаголы, так и полипропозитивные базовые глаголы с включенной и совмещенной пропозицией.

Первые представлены в составе парадигмы базовых глаголов-идентификаторов незначительно: глаголы движения (*двигаться, перемещаться, подниматься, вращаться, колебаться*); глаголы нанесения удара (*бить, ударять*); давления (*давить, жать*); очищения и удаления (*чистить, удалить*); соединения (*соединить*); разделения (*разделить*); приготовления (*готовить*); бытия (*быть, иметься, существовать*); передачи объекта (*давать*). Эти глаголы, безусловно, способны быть заместителями концепта.

Вторые, полипропозитивные глаголы выступают в качестве базовых гораздо чаще. Это демонстрирует, что в реальной действительности комплексных ситуаций значительно больше, чем простых. Эти глаголы своим лексическим значением не только указывают на сложный характер отображаемого, но и, являясь идентификаторами ЛСГ слов, символизируют, что все лексические члены возглавляемых ими групп также имеют комплексную полипропозитивную семантику. Приведем перечень ЛСГ глаголов, идентификаторами которых являются полипропозитивные базовые глаголы: глаголы познания, выбора, воображения и предположения, речевого общения, обращения, характеризованной речевой деятельности, речевого выражения эмоций, помощи и др. Полипропозитивность глаголов этих групп воплощается в описании их типовой семантики. См., например, как представлена типовая семантика ЛСГ глаголов выбора: 'Произвести отбор из общего числа того, что требуется, ориентируясь на какой-л. существенный на данный момент признак, отдать предпочтение кому-, чему-л.' Ключевые предикаты здесь — *отбирать* из чего-л., *ориентироваться* на что-л. (положительные свойства), *предпочесть* что-л. чему-л.

В случае, когда полипропозитивность является регулярным показателем всех глаголов — членов ЛСГ слов, она

находит отражение и в самом названии группы. Например: ЛСГ глаголов помещения объекта в результате конкретного физического действия. Как видно, само название группы представляет собой комплексную пропозицию, в которой вычленяются две событийные пропозиции (1-я — помещение объекта, 2-я — конкретное физическое действие), связанные логической пропозицией результативно-следственного типа. В самом лексическом составе группы выделяется около 10 вариантов лексического воплощения этой сложной пропозиции. Помещение объекта может быть осуществлено в результате следующих конкретных физических действий:

1. В результате удара: *вбивать, вгонять, вонзать, вдалбливать, вколачивать, втыкать* и т. д.
2. В результате давления: *вдавливать, вжимать, вминать, впрыскивать, втоптывать, запиხивать* и др.
3. В результате давления и перемещения: *ввертывать, вводить* (иглу в тело), *накладывать, нанизывать* и др.
4. В результате соединения и воздействия температурой: *вваривать, вковывать, вмораживать, напаявать* и др.
5. В результате соединения с помощью какого-либо вещества: *вклеивать, вклеплять, вмазывать, вмуровать* и др.
6. Помещение в землю в результате ее обработки: *вкапывать, врывать, насаживать, сеять* и др.
7. В результате изготовления одежды: *вкраивать, вшивать, перешивать* и др.
8. В результате обертывания: *завертывать, закатывать*.
9. В результате изображения графических знаков: *вписывать, заносить*.
10. В результате созидательной деятельности: *врезать* (замок).

Как видим, семантика полипропозитивных глаголов содержит знания о регулярных связях различных процессов в действительности и, следовательно, о пересекаемости концептосфер. Это обусловлено тем, что их семная структура содержит информацию о двух и более концептах, каким-либо образом соотносенных и связанных. Можно предположить вследствие этого, что полипропозитивные глаголы поликонцептуальны.

Итак, парадигма базовых глаголов-идентификаторов в предельно свернутом виде выражает представления русского человека о процессуально-событийном мире и его основных фрагментах (о макрокомпонентах — полях «Действие и деятельность», «Бытие, состояние, качество», «Отношение» и о микрокомпонентах — ЛСГ глаголов и их подгруппах). Главная роль в лексической категоризации процессуально-событийного мира и выявлении его денотативных макросфер и микросфер, а также типовых ситуаций денотативного пространства принадлежит все-таки базовым глаголам-идентификаторам. Именно использование методики ступенчатой идентификации привело в итоге к выявлению парадигмы базовых глаголов и организованных ими ЛСГ глаголов (СС ЛСГ, ТИСРГ). Обобщение структуры денотативного пространства русских глаголов показало, что в языковой картине мира, создаваемой ими, наиболее тщательно лексически, концептуально и семантически разработанной является денотативная сфера «Действие и деятельность», а именно ее денотативные комплексы движения, перемещения, помещения, физического воздействия на объект, созидательной деятельности, интеллектуальной, речевой, эмоциональной и социальной деятельности. В денотативной сфере «Бытие, состояние, качество» наиболее разработаны денотативные комплексы становления качества, проявления признака, в меньшей степени — физиологической деятельности, приготовления пищи, проявления признака и др.

В то же время нельзя категорично утверждать, что каждый базовый идентификатор ЛСГ слов имеет статус концепта (что предполагалось нами гипотетически и на основе теоретического обзора научной литературы, а также на основе собственных исследований). Это обусловлено сложной и неоднозначной интерпретацией «пиков действительности» базовыми глаголами и неоднородностью их семантики и разнотипностью ее манифестации в словаре.

Монопропозитивные базовые глаголы-идентификаторы социально-обобщенной семантики действительно являются номинациями типовых ситуаций и репрезентируют соответствующий концепт. Ординарные члены ЛСГ, обознача-

ющие конкретно-физическое действие, каждый по отдельности, в силу своей значимости и удаленности друг от друга, способны обозначать типовую ситуацию. И быть репрезентантом концепта. Наличие полипропозитивных базовых глаголов-идентификаторов является знаком того, что наравне с элементарными типовыми ситуациями в процессуально-событийном мире есть комплексные ситуации, преимущественно в сфере социальной деятельности и социальных отношений. Подобные базовые глаголы номинируют более сложные концепты. Аналитические базовые идентификаторы не могут именовать концепты, так как лексические множества, объединяемые ими, содержат целый ряд концептуально значимых слов, обычно выражаемых именным словом в составе глагольно-именного оборота. Причем важным оказывается конкретизация этого слова в конкретной дефиниции.

Все приведенные выше аргументы позволяют утверждать, что основой выведения базовых концептов процессуально-событийного мира и их истолкования в виде когнитивно-пропозициональных структур и концептосфер является, во-первых, парадигма базовых глаголов-идентификаторов, во-вторых, семантический комплекс ЛСГ глаголов, типовой набор существенных семантических признаков (категориально-лексических и дифференциальных), состав которых предопределен общим процессуальным денотатом — структурой типовой ситуации и ее реальных воплощений.

Глава 2

ДЕНОТАТИВНОЕ ПРОСТРАНСТВО РУССКОГО ГЛАГОЛА КАК «ФАКТ»

Попытки осознания сущности языка являются важнейшей частью общего процесса познания, который проистекает в условиях и рамках сложного бытия, в действительности реальной и ирреальной, когда объектом научного исследования могут быть объекты как физического, так и метафизического миров, факты живой и неживой природы, конкретные результаты цивилизации и явления интеллектуальной, социальной, психологической, эмоциональной, духовной и культурной деятельности человека. Научное познание природы языка, его системности и структуры является одновременно, по терминологии Б. Паскаля, и «непосредственным», и «математическим» (Паскаль, 1999: 10–12), т. е. современная лингвистика в своем «полипарадигмальном» (Кубрякова, 1995) состоянии способна вырабатывать достаточно «цельное» знание (Постовалова, 1995), относительно объективное описание и осознание природы языка, языковых явлений и отношений между единицами тех или иных уровней языковой системы.

По словам С. Д. Кацнельсона, «внутренняя сторона речемыслительных процессов скрыта от глаз наблюдателя, но исследователь языка вправе высказать суждение о ней, поскольку функциональное содержание языковых форм наталкивает его на определенные выводы» (Кацнельсон, 1984: 4). Человек, исследующий категории языка и мышления, подчиняется бытию и своему сознанию (мышлению), детерминированному действительностью, но одновременно в процессе познания подчиняет себе свое сознание и мышление посредством языка; исследователь, таким образом, как бы «подчиняет» своему осознанию, как бы «присваивает себе» и само бытие.

Ю. С. Степанов утверждает, что к концу XX в. сложилось «некоторое достаточно единое представление о языке» и что оно «широко если не общепризнано» (Степанов, 1995: 8–9). Далее ученый выделяет и описывает различ-

ные «образы языка» XX в. (там же: 8–32), среди которых характеризуются следующие:

- «Язык как язык индивида»;
- «Язык как член семьи языков»;
- «Язык как структура»;
- «Язык как система»;
- «Язык как тип и характер»;
- «Компьютерная революция и компьютерный подход к языку» (т. е. язык в зеркале компьютера);
- «Язык как пространство мысли и дом духа».

Исследование пространственной системы и структуры языка, отношений и связей единиц лексического уровня, в частности лексики глагольной (семантического, концептуального, лексико-семантического и денотативного пространств русского глагола (Бабенко, 1998: 8–10) должно опираться прежде всего на такие «образы языка», как «язык-структура», «язык-система» и «язык – пространство мысли и дом духа». При осознании природы и места денотативного пространства русского глагола в денотативной системе языка в целом необходимо учитывать следующие характеристики языковой системы:

- 1) вероятностный, потенциальный, не жестко детерминированный характер структуры языка;
- 2) связь языка и его единиц в процессе функционирования с церебрацией, с нейрофизиологическими процессами (Степанов, 1995: 14).

Особенно важным оказывается рассмотрение и осознание связи языка с «церебрацией», с работой головного мозга. Такое исследование, как правило, проистекает в сложнейших условиях языкового и речевого мышления, когда язык как бы сам себя — свои единицы и явления — о-сознает своими же единицами, когда человеческий мозг является и посредником, и проводником, и конденсатором такого осознания, и преобразователем его в единицы языка. Процесс и ситуация такого научного познания достаточно запутаны и тавтологичны, потому что, перефразировав слова Б. Паскаля, характеризующего Вселенную, можно утверждать, что мышление и язык — это такой круг, центр которого везде, а окружность нигде.

2.1. ДЕНОТАТИВНОЕ ПРОСТРАНСТВО РУССКОГО ГЛАГОЛА В АСПЕКТЕ ВЗАИМОСВЯЗИ ЯЗЫКА И МЫШЛЕНИЯ

В основе таких общеизвестных антиномий, как *говорящий — слушающий, выражающий — воспринимающий, кодирующий — декодирующий, называющий — познающий, проповедующий — внимающий, исповедующийся — сочувствующий — сочиняющий — читающий, страдающий — сострадающий* и др., обеспечивающих динамику и развитие системы единиц языка, в качестве категориальных существуют и взаимодействуют единство и противоположность отношений в оппозиции *думающий — понимающий*. По Л. С. Выготскому, «мысль и слово не связаны между собой изначальной связью. Эта связь возникает, изменяется и разрастается в ходе самого развития мысли и слова» (Выготский, 1999: 274). Отождествление мысли и слова («феномен словесной мысли или осмысленного слова... единство слова и мысли» (там же)) привело к осознанию учеными такой сложной сущности, как языковое мышление. По мысли А. Р. Лурия, человеческое мышление — это «состояние аффекта» (теория аффективного общения; Лурия, 1979: 28–30), т. е. затянувшееся аффективное общение порождает мышление и, следовательно, язык. Язык человека противопоставляется квазиязыкам (термин А. Р. Лурия; ср.: «языки» птиц, животных и т. п.) и вычленяется из других семиотических систем особым типом номинации — номинации языковой, имеющей сверхсложный и комплексный характер. Мозг человека согласно (ставшим уже традиционным) выводам современной нейрофизиологии в своем функционировании совмещает одновременно несколько процессов, в которых (у взрослых людей) «левое полушарие считается доминантным — главным. Оно управляет движениями главной — правой руки и речью... Пространственная картина в целом создается правым полушарием. Оно отвечает за пространственно-зрительную картину в целом в такой же мере, в какой левое полушарие отвечает за речевые и другие последовательные построения из дискретных элементов... Левое полушарие вычленяет из пространственной картины отдельные детали, тогда как правое строит симметричную целостную картину» (Иванов, 1998: 412–418). Таким образом, целостная пространственно-зрительная карти-

на мира воспринимается правым полушарием и запечатлевается в памяти в виде «частиц», «строительных кирпичей», которые, по Б. Гаспарову, соотносимы с «отдельными языковыми единицами»: «Наша память не хранит никаких сведений о языке как таковых» (Гаспаров, 1996: 104–105), так как «сами метаязыковые сведения об абстрактных системных отношениях, обнаруживаемых в языковом материале, существуют в нашей памяти не отвлеченно, не сами по себе, но применительно к определенному типу контактов с языком, в рамках которых они актуализируются в нашем сознании и получают полезное применение» (там же: 105). Человеческий мозг (функции правого полушария и памяти) содержит в себе особую зону, или пространство, соединяющее функции мышления и языка, в котором хранятся в системном и структурированном виде денотаты — обобщенные образы и представления различных реалий действительности. Данное денотативное пространство языкового мышления человека должно соотноситься с другими пространствами, такими, как знаковое языковое пространство (левое полушарие и память), а также пространство сигнификативное, понятийное или семантическое, по общепринятой терминологии.

Формирование и функционирование денотативного пространства, по Е. С. Кубряковой, происходит следующим образом: «Мозг человека схватывает идею о новом типе отношений либо образным путем (в правом полушарии), либо логически-речевым (в левом полушарии)» (Кубрякова, 1986: 116). Но главное в мышлении, по мнению ученого, заключается «в способе операций» с материалом. «Способ же этот — в соединении и ассоциации того, что ранее не соединялось, в установлении связей, отношений, зависимостей во взаимодействии объектов...» (там же). Таков порядок не столько формирования, сколько функционирования денотативного пространства языка как ментальной сущности в процессе мышления (или «мыслетворчества»).

Каковы же единицы денотативного пространства языка и мышления в нейрофизиологическом отношении? По гипотезе К. Прибрама, «мышление — продукт языка, но не только языка. Источник мышления — это длительное состояние активной неуверенности, которое может найти раз-

решение только путем согласования имеющихся Образов»; «всякое мышление включает, помимо манипуляции Знаками и символами, голографический компонент... Голограммы образуются путем преобразований, которые при простом повторении, по существу, восстанавливают оригинал, из которого было составлено голографическое изображение. Голограммы — это «катализаторы мысли». Хотя сами они остаются неизменными, они входят в процесс мышления и облегчают его... Мысль — это поиск уменьшения неопределенности с помощью распределенной голографической памяти, то есть стремление приобрести необходимую информацию» (Прибрам, 1975: 406). Как показывает опыт практических исследований лексической семантики, действительно, образы и представления реалий хранятся в нашей памяти, в правом полушарии при взаимодействии его с левым полушарием, т. е. в денотативном пространстве языка и мышления.

Ю. С. Караулов, опираясь на гипотезу Н. И. Жинкина, говорит о наличии в сознании человека «промежуточного языка» (Караулов, 1987: 185). Преобразование мысли в единицы языка должно происходить в рамках функционирования трех неразрывных процессов, осуществляемых языком мозга («мысль»), промежуточным языком («голограмма», «образ», «представление») и вербальным языком («знаки — единицы языка»). Переходный язык есть зона денотации, или собственно денотативное пространство.

Итак, наличие, существование и функционирование денотативного пространства языка и мышления подтверждаются научными достижениями современной нейрофизиологии, нейропсихологии, психологии, психолингвистики и языкознания. Язык — единицы языка, его система и структура — есть результат преобразований идеальных знаков мышления и сознания в материальные знаки вербального характера. Природа таких преобразований заключается в том, что мысль, появляющаяся в процессе отношений двух и более денотатов (в правом полушарии мозга), переводит эти отношения в логическую сферу (левое полушарие мозга) и при взаимодействии единиц денотативного, знакового и понятийного (сигнификативного) пространств возбуждает и порождает фор-

мирование и функционирование единиц вербального языка. Ср. мысль Н. И. Жинкина: «Язык, при помощи которого начинается формализация, можно назвать метаязыком первой степени, а когда будет определен формализованный язык, то этот последний можно назвать метаязыком второй степени, так как он при определенной интерпретации будет отображать структуру первого языка, а возможно, и некоторых других языков в той мере, в которой метаязыковая структура этих языков одинакова» (Жинкин, 1998: 13). Метаязыковой характер денотации и сигнификации очевиден. Однако единицы вербального языка относятся к единицам мышления как вторичные к первичным, т. е. можно утверждать, что язык по отношению к мышлению является сущностью метаморфной, когда мысль как субстанция изначально первичная претерпевает денотацию и сигнификацию (по Жинкину, «формализуется») и, получая формализацию второй степени, превращается во «вторичную» сущность — сущность метаморфного характера — в единицу вербального языка.

Таким образом, единицы денотативного пространства тесно связаны и функционируют неразрывно и, очевидно, одновременно с единицами знакового и сигнификативного пространств языка-мышления:

Денотативное пространство языка-мышления — это имеющая определенное строение совокупность, система денотатов (обобщенных образов и представлений реальных действительности), формирующихся и функционирующих преимущественно в правом полушарии мозга и памяти в виде голограмм.

Сигнификативное пространство языка-мышления — это имеющая определенную структуру совокупность, система понятий, связанных с теми или иными денотатами, а также отношений (элементарных и комплексных) между денотатами — единиц сигнификативного характера, формирующихся и функционирующих преимущественно в левом полушарии мозга в виде семем и сем.

Знаковое (вербальное) пространство языка-мышления — это имеющая определенную структуру совокупность, система знаков различных уровней языковой системы, а также формально-грамматических особенностей и отношений между знаками языка, сформированных в сознании при участии единиц денотативного и сигнификативного пространств и хранящихся в памяти человека.

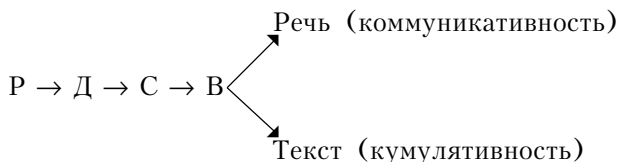
Метаморфная природа единиц языка по отношению к природе первичного характера единиц мышления имеет огромную потенцию (возможность) к производству и порождению единиц речи и текста, которые также имеют вторичную, производную, метаморфную природу уже по отношению к единицам собственно языка и единицам собственно мышления. Ср. две возможности языковой денотации, сигнификации и вербализации:

Реалия (восприятие ее и фиксация правым полушарием мозга) → **Денотация** (появление обобщенного образа реалии в виде голограммы-денотата) → **Сигнификация** (способность сознания описать и осознать денотат) → **Вербализация** (появление языкового знака, который привязывается к данному денотату в ситуации сигнификации, например, слова) → **Речь** (речевая коммуникация);

возможность подобной номинации и вербализации, детерминированная замыслом говорящего:

Реалия (Р) → Денотация (Д) → Сигнификация (С) → Вербализация (В) → Текст (кумулятивность).

Как видим, процесс вербализации обусловлен той или иной прагматикой и интенцией носителя языка, в зависимости от которых результат такого процесса может быть двояким:

Способность языковой системы к самопроизводству и к регенерации, а также к порождению на ментальной основе иных вербальных систем есть результат действия общего закона повторения/повторяемости системно-структурной организации различных, но достаточно однородных систем, какими являются системы сознания/мышления, языка, речи, текста культуры и духовности. Поэтому принципы построения системы денотативного пространства вполне ожидаемы, если знать и учитывать принципы и закономерности строения языковой («внешней», вербальной) системы. А так как «перевод мысли в речь знаменует... снятие n-мерности пространства и сведение многомерного не просто к двух- или трехмерному, но не одномерному, линейному» (Кубрякова, 1986: 125), то система и структура «многомерного» денотативного пространства может и должна быть исследована на основе изучения «линейных» знаков языка — лексем с учетом соотносящихся с ними единиц сигнификативного (семантическое) и когнитивного пространств («концептуального», по терминологии Л. Г. Бабенко; Бабенко, 1998; 9). Исследование единиц и системы концептуального пространства способствует более глубокому познанию «скрытых» явлений мышления и языка: «Сущность языка... открывается не «инструментальному», а философскому взгляду. Определение «Язык — дом бытия духа» остается в наши дни наиболее проникновенным» (Степанов, 1995: 28). Таким образом, денотативное пространство — это важнейшая часть общей системы мышления и языка, функционирующая одновременно с сигни-

фикативным (семантическим) и знаковым пространствами и обеспечивающая полноценность как процесса мышления и вербализации, так и результата такого процесса — номинации. Динамика языкового мышления в целом обеспечивается постоянным нарушением изоморфности структур денотативного, сигнификативного и знаково-вербального пространств. Существует лишь частичный изоморфизм единиц данных систем в сфере соотнесенности единиц наиболее значимого, концептуального характера (речь идет о конкретно-физических, физиологических, интеллектуальных, эмотивных и других денотатах, объединение которых является достаточно константным; именно эти денотаты имеют строго закрепленные за ними сигнификативные и знаково-вербальные пары, ср.: денотат «постройка», сигнификат «строение, предназначенное для жилья» и лексема «дом»; денотат «ходьба, процесс ходьбы», сигнификат «передвигаться при помощи ног, отталкиваясь от поверхности земли» и лексема «идти»). Однако достаточно широко представлены и нарушения изоморфности отношений единиц денотативного, сигнификативного и знаково-вербального пространств языка и мышления, когда денотативное пространство за счет постоянно изменяющегося состава и характера реальной действительности, а следовательно, за счет огромного запаса потенций (потенциала) пропозициональной сферы (возникновение/исчезновение реалий и — соответственно — денотатов) опережает в количественном и качественном отношении развитие системы и структуры сигнификативности, а особенно — знаково-вербального пространства. В таком противоречивом, несбалансированном отношении трех пространств языка и мышления заключаются истоки асимметричного дуализма языкового знака, в частности лексической единицы.

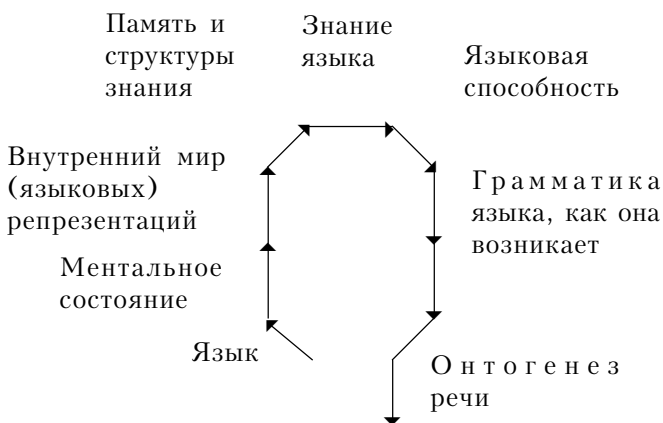
Пространственная структура и система реального мира (многомерное пространство) формируют в отображенном виде в сознании человека другое, идеальное, денотативное (одномерное) пространство, которое, являясь образной (хотя и неполной) моделью реального пространства, должно иметь, по мнению Л. Г. Бабенко, свои особенные качества и характеристики. К последним относятся следующие:

- системность;
- структурность;
- объемность (квантитативность);
- глубинность (качественность);
- динамичность;

— наличие определенных устойчивых отношений между единицами и компонентами, между микро- и макрообъединениями единиц и компонентов денотативного пространства.

Какой должна быть модель описания денотативного пространства, каков порядок характеристики и анализа столь сложного явления, имеющего ментальную, а следовательно, идеальную, практически ненаблюдаемую природу? Е. С. Кубрякова предлагает схему, показывающую основные этапы речемыслительной деятельности (онтогенез речи) в когнитивном (когнитологическом) аспекте (Кубрякова 1995, 184—192):

Этапы речемыслительной деятельности

Денотативное пространство, безусловно, соотносится с такими категориями/состояниями/этапами речемыслительного процесса, как «ментальное состояние», «внутренний мир (языковых) репрезентаций», «память и структура знания» и «знание языка», когда «ментальное состояние» есть стадия формирования денотативного простран-

ства за счет отображенных преимущественно правым полшарием обобщенных образов реалий в виде голограмм; «внутренний мир (языковых) репрезентаций» есть стадия фиксации данных денотатов и закрепления за ними соответствующих сигнификатов (понятий), а также стадия «готовности» языковых знаков — лексем быть употребленными согласно замыслу и т. п.; «память и структура знания» есть стадия усвоения и накопления, а также ментальной типологизации денотатов в соответствии с требованиями структуры знания, картины мира и языковой личности (способности); «знания языка» есть стадия активного отбора и выделения тех или иных языковых знаков — лексем, соответствующих тем или иным денотатам и сигнификатам, а также задачам, которые решает носитель языка/речи, т. е. думающий и говорящий. Таким должен быть один из вариантов порядка формирования и функционирования единиц денотативного пространства:

Реалия → Сознание → Денотация → Сигнификация → Предварительная (стадия отбора) вербализация → Номинация → Коммуникация $\begin{matrix} \swarrow \\ \searrow \end{matrix}$ + п.

Поэтому описание и анализ структуры и единиц денотативного пространства должны происходить по такой же цепочке стадий языкового мышления, но в обратном порядке — от материальных знаков языка к идеально-ментальной сущности единиц денотативного пространства: лексема → семема → ЛСВ + п → понятие + п → денотат + п, — когда становится возможным (с учетом структур лексического, формально-грамматического, и семантического пространств) выявление отношений в триаде «лексема → понятие → денотат», а также осознание особой природы структурной организации денотативного пространства.

2.2. ДЕНОТАТИВНОЕ ПРОСТРАНСТВО РУССКОГО ГЛАГОЛА: СИСТЕМА, СТРУКТУРА, ХАРАКТЕРИСТИКИ (КАЧЕСТВА)

Л. Г. Бабенко, говоря о взаимосоотнесенности и взаимообусловленности семантического, концептуального и денотативного пространств русского глагола, так определя-

ет природу и единицы последнего: «Денотативное пространство русского глагола — это процессуально-событийный мир, каким он осознается носителями русского языка. Он имеет яркую национально-специфическую окраску... Компонентами, составляющими денотативное пространство, являются типовые ситуации, знания о которых, накопленные поколениями русских людей, выражены и закреплены в русской глагольной лексике, поэтому они могут быть получены в результате процедуры семантического вывода из лексической семантики глагола» (Бабенко, 1998а: 10).

Это определение необходимо дополнить мыслью о том, что именно денотативное пространство обеспечивает прямую связь мышления и языка, являясь «промежуточным языком», а также основой формирования концептуального пространства, имеющего конститутивный характер, т. е. определяющий формирование русской языковой / речевой / текстовой личности.

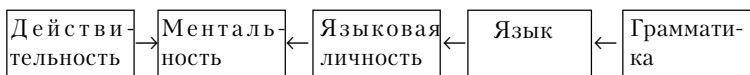
Описание денотативного пространства русского глагола может быть возможным и достаточно объективным только тогда, когда исследователь одновременно учитывает как внешние, так и внутренние (интралингвистические) факторы формирования и функционирования такого пространства. К внешним факторам относится система, структура, а также квантитативность (множественность, количественность) и различные качества реального процессуально-событийного мира. Внутренние, собственно языковые, факторы выражаются в том, что система и структура семантического и лексического (знакового) пространств есть материализованный результат функционирования денотативного пространства как системы, имеющей свою структуру и свои компоненты. По мнению Л. Г. Бабенко, описание и анализ любого из пространств русского глагола (как и русского глагольного предложения) может происходить на пропозициональном (сама действительность), денотативном, семантическом (Бабенко, 1998б: 33) и, добавим, на других уровнях, таких, как формально-грамматический, лексико-грамматический и т. п.

Таким образом, методика анализа единиц и структуры

денотативного пространства включает в себя такую модель описания:

Или:

Т. А. ван Дейк предлагает подобную же процедуру исследования ментально-языковых явлений (от грамматики к когнитивной теории дискурса), когда исследователем вырабатывается определенная стратегия таких исследований как «некая общая инструкция для каждой конкретной ситуации интерпретации», которая должна создаваться с учетом внешней и внутренней информации (ван Дейк, 1989: 8).

Денотативная модель реального процессуально-событийного мира закреплена в сознании человека в качестве идеальной сущности, которая взаимосвязана с материальным воплощением ее структуры и компонентов в языке. Взаимообусловленность таких разноприродных единиц не вызывает сомнения.

На пропозициональном уровне описания денотативного пространства русского глагола обнаруживается строгая соотнесенность структурных частей и реалий процессуально-событийного мира со структурой и компонентным составом денотативного пространства. Результаты исследований последних лет (Бабенко, 1997, 1998а, 1998б; Казарин, 1994, 1997; Плотникова, 1998; и др.) позволяют сегодня представить систему динамики бытия и процессуального денотативного пространства (с опорой на категории абстрактности/конкретности и социальной обобщенности (Ка-

зарин, 1997) процессуально-событийных реалий и глагольной семантики) в виде типологии процессов, которые протекают в действительности и, соответственно, денотативированы в сознании человека.

Сферы динамики процессуально-событийного мира достаточно полно отражены как в лексико-семантическом, так и в денотативном пространстве русского глагола, что подтверждается данными «Толкового идеографического словаря русских глаголов» (М., 1999), который включает в себя практически все сферы динамики, существующей в реальной действительности. Выделение различных сфер процессуально-событийного мира и, следовательно, денотативного пространства русского глагола опирается в основном на теоретические исследования последних лет (см., например, коллективную монографию под общей редакцией проф. Л. Г. Бабенко «Русская глагольная лексика: пересеканность парадигм. Памяти Эры Васильевны Кузнецовой», (Екатеринбург, 1997); Материалы IX Кузнецовских чтений «Денотативное пространство русского глагола» (Екатеринбург, 1998); «Толковый идеографический словарь русских глаголов» (М., 1999); проспект экспериментального словаря «Семантические модели русских глагольных предложений» под общей редакцией проф. Л. Г. Бабенко (Екатеринбург 1998)), на практические идеографические (лексикографические) труды проблемной группы «Русский глагол» (Уральский университет, руководитель проф. Л. Г. Бабенко), а также на эмпирические наблюдения над процессуально-событийной сферой реального бытия.

Тесная взаимосвязь эмпирического (бытийного), ментального, ментально-языкового и собственно языкового в сознании исследователя подтверждается следующим положением: «Получая опыт языка, мы должны постичь то, что язык собственно (сам) приходит к языку. Язык обладает той особенностью, что мы в нем живем, ему доверены, обычно не направляя при этом на него свое внимание, и, таким образом, не замечаем его в его самости» (Бимель, 1998: 240). Ю. С. Степанов, высоко оценивая идеи М. Хайдеггера, поддерживает и развивает утверждение выдающегося немецкого философа «Язык — дом бытия», отме-

чая, что афоризм (тезис) Хайдеггера «означал... возврат к поискам сущности языка, и в этом было его огромное историческое значение» (Степанов, 1995: 31–32). Действительно, денотативное пространство — одна из важнейших конститутивных и конструктивных частей хайдеггеровской «сущности языка». Сам М. Хайдеггер утверждал, что «главная черта мышления — это представление», что «мышление... основывается на представлении, а представление — на ре-презентации» (Хайдеггер, 1991: 144), показывая тем самым нерасторжимую связь ментального («мышления»), ментально-языкового (денотативное пространство / «представление») и собственно языкового («ре-презентация»), в результате которой «власть слова вспыхивает как у-словление веществования вещи» (Хайдеггер, 1993: 312).

Основными, базовыми сферами денотативного пространства русского глагола являются сферы натурдинамики, биодинамики и хомодинамики, причем последние две сферы включаются в качестве видовых в общую, «родовую» сферу натурдинамики. Все сферы динамики так или иначе являются частями целой и целостной, весьма подвижной и развивающейся сферы натурдинамики. Сферы денотативного пространства русского глагола характеризуются следующим образом.

1. **Натурдинамика** — существует два понимания природы и объема этой сферы денотативного пространства:

а) широкое понимание: натурдинамика — это совокупность всех сфер динамики, которые в качественном и количественном отношении являются разновидностями сферы натурдинамики, когда ядро данной сферы составляют (в тесной взаимосвязи и взаимообусловленности) действия, состояния и отношения, входящие в сферы геодинамики, аквадинамики, аэродинамики и биодинамики (последняя сфера включает в себя процессуально-событийные денотаты животного, растительного и человеческого характера);

б) узкое понимание: натурдинамика — это совокупность денотатов геодинамики, аквадинамики, аэродинамики и артединамики (действия, состояния и деятельность предметов и механизмов, созданных руками человека). Для получения наиболее объективных результатов анализа денота-

тивного пространства русского глагола необходимо использовать в дальнейшем исследовании второе, узкое, понимание натурдинамики.

2. **Геодинамика** — часть сферы натурдинамики, совокупность денотатов действий и состояний предметов, явлений и процессов, связанных с неживой природой (географические изменения, происходящие в земной коре, в горах, в почве, в пустынях; изменения в положении материков, островов, извержения вулканов, гейзеров, движение и состояние неживых предметов: минералов, других твердых, раскаленных и т. п., а также сыпучих веществ, составляющих геофизическую основу и структуру планеты).

3. **Термодинамика** — часть сферы натурдинамики, совокупность денотатов действий и состояний предметов, явлений и процессов, связанных с изменением температуры предметов неживой природы (процессы нагревания/охлаждения и связанные с термоизменениями предметов их преобразования, появление и исчезновение, а также процессы возгорания, горения, затухания, плавления, оплавления и т. п.).

4. **Аквадинамика** — часть сферы натурдинамики, совокупность денотатов действий, состояний и отношений жидких веществ (океаны, моря, заливы, озера, пруды, реки и другие водоемы и резервуары, а также все разновидности процессов, связанных с атмосферными осадками).

5. **Аэродинамика** — часть сферы натурдинамики, совокупность денотатов действий, состояний и отношений газообразных веществ (испарения, засуха и другие атмосферные/климатические явления, шторм, гроза, непогода, вёдро, ветер, шквал и т. п., а также любое другое состояние земной атмосферы).

6. **Артединамика** — особая часть сферы натурдинамики, совокупность денотатов действий и состояний предметов и механизмов, созданных человеком. Система, структура и компоненты артединамики абсолютно обусловлены рациональной, социальной, профессиональной и т. п. деятельностью человека.

7. **Биодинамика** — особая часть сферы натурдинамики, составляющая ядерную часть ее системы и структуры и

состоящая из денотатов действий, состояний, отношений и деятельности человека, животных и растений. Данная сфера денотативного пространства русского глагола включает в себя совокупности денотатов хомодинамики, зоодинамики и фитодинамики.

8. **Фитодинамика** — часть сферы биодинамики, совокупность денотатов процессуально-событийного мира растений (прирастание, произрастание, вызревание, ветвление, побегопроизводство, плодоношение, усыхание и т. п.). Денотаты данной сферы взаимосвязаны, во-первых, с процессами натурдинамики, а во-вторых, с процессуально-событийным миром человека и животных.

9. **Зоодинамика** — часть сферы биодинамики, совокупность денотатов процессуально-событийного мира животных (рождение, смерть, падеж, размножение, рост/развитие, поведение, кормление, отношения, воздействия на окружающую среду, флору, содержание в неволе, уход за домашними животными и т. п.). Денотаты зоодинамического характера тесно взаимодействуют с денотатами натурдинамики, фитодинамики и хомодинамики.

10. **Хомодинамика** — следует отметить особую роль, особый характер этой сферы в общей системе и структуре денотативного пространства русского глагола как одной из центральных частей денотативного пространства языка и мышления в целом. Характер данной сферы очевидно детерминантный и доминантный в процессах формирования и структурирования денотативного пространства, что обусловлено не только ведущей ролью деятельности человека в природе, но, главным образом, тем, что именно человек как носитель языка является и «формирователем» совместно с окружающей его действительностью своей картины мира, и «пользователем» языка, и «хранителем» лингвоментальной, лингвобытийной и лингвоконцептуальной информации. Язык — конститутивное свойство человека, способного не только отображать и выражать при помощи языка, речи и текста действительность, но и изменять ее своими действиями, состояниями, отношениями и деятельностью. Хомодинамика — явный центр и системы биодинамики, и системы натурдинамики в целом, так как денота-

тивное пространство русского глагола, как и вся система языка, прежде всего антропологично, т. е. обусловлено лингвистической, социальной, психологической, рациональной, эмоциональной и духовной деятельностью человека как существа, способного воспринимать, отображать, осмыслять и преобразовать бытие.

11. **Лингводинамика** — часть сферы хомодинамики, совокупность денотатов, связанных с мышлением, речевой деятельностью и текстотворчеством. Основные функции, осуществляемые лингводинамической деятельностью человека, следующие: информативность, коммуникативность, когнитивность, познавательность, дидактика, эстетичность и т. п. Денотаты, составляющие систему и структуру лингводинамики, являются основой формирования и денотации многих других действий, состояний, отношений и деятельностью человека рационального, эмоционального, психического, социального и духовного характера.

12. **Социодинамика** — часть сферы хомодинамики, совокупность денотатов действий, состояний, отношений и деятельности, обусловленных социальным статусом человека как деятеля (денотаты процессов, проистекающих в профессиональной, деловой, общественной и бытовой сферах деятельности человека). Компоненты данной сферы динамики детерминированы и обусловлены всем комплексом процессуальности и событийности человека как сущности ментальной, физиологической, психологической, языковой, эмоциональной и духовной.

13. **Монодинамика** — часть сферы хомодинамики, совокупность денотатов действий и деятельности человека, обусловленных его профессиональными особенностями, работой в бытовой сфере, строительстве и т. п., связанной преимущественно с ручным, физическим трудом (мануальная сфера действий и деятельности).

14. **Радиодинамика** — часть сферы хомодинамики, совокупность денотатов интеллектуальных действий и деятельности человека, нерасторжимо связанных с системой и структурой денотатов лингводинамического характера. Интеллектуальная деятельность — основа процессуально-событийного мира человека во всех аспектах его действий, со-

стояний, отношений и деятельности в целом. Денотаты радиодинамической сферы формируют и осуществляют процессы восприятия, осознания, мышления, а главное — речемыслительной и текстотворческой деятельности человека.

15. **Психодинамика** — часть сферы хомодинамики, совокупность денотатов действий, состояний, отношений и деятельности психического и психологического характера. Компоненты психодинамики вступают в достаточно высокой степени изоморфные отношения с компонентами радиодинамики, лингводинамики, эмотиодинамики и спиритодинамики. Процесс формирования денотатов психического и психологического характера обусловлен и детерминирован, во-первых, факторами антропологическими, во-вторых, факторами лингвоментальными и, в-третьих, внешними факторами бытийного и бытового характера. Природа, характер и структура таких денотатов чрезвычайно сложны для исследования.

16. **Эмотиодинамика** — часть сферы хомодинамики, совокупность денотатов эмоционального состояния и отношения. Компоненты сферы эмотиодинамики тесно связаны (чаще всего каузацией) с компонентами физиодинамики, психодинамики, радиодинамики, социодинамики, лингво- и спиритодинамики. Сложность денотативной природы эмотиодинамики обусловлена сверхсложным характером одновременно результата и причины данных действий, состояний и отношений-эмоций, когда эмоциональное состояние и отношение человека может и начать, и прекратить многие другие процессы различного характера (например, процессы социальной деятельности, межличностных отношений, речевой деятельности, художественного творчества и творчества вообще). Эмотиодинамика, ее компоненты и структура имеют абсолютно антропологический характер.

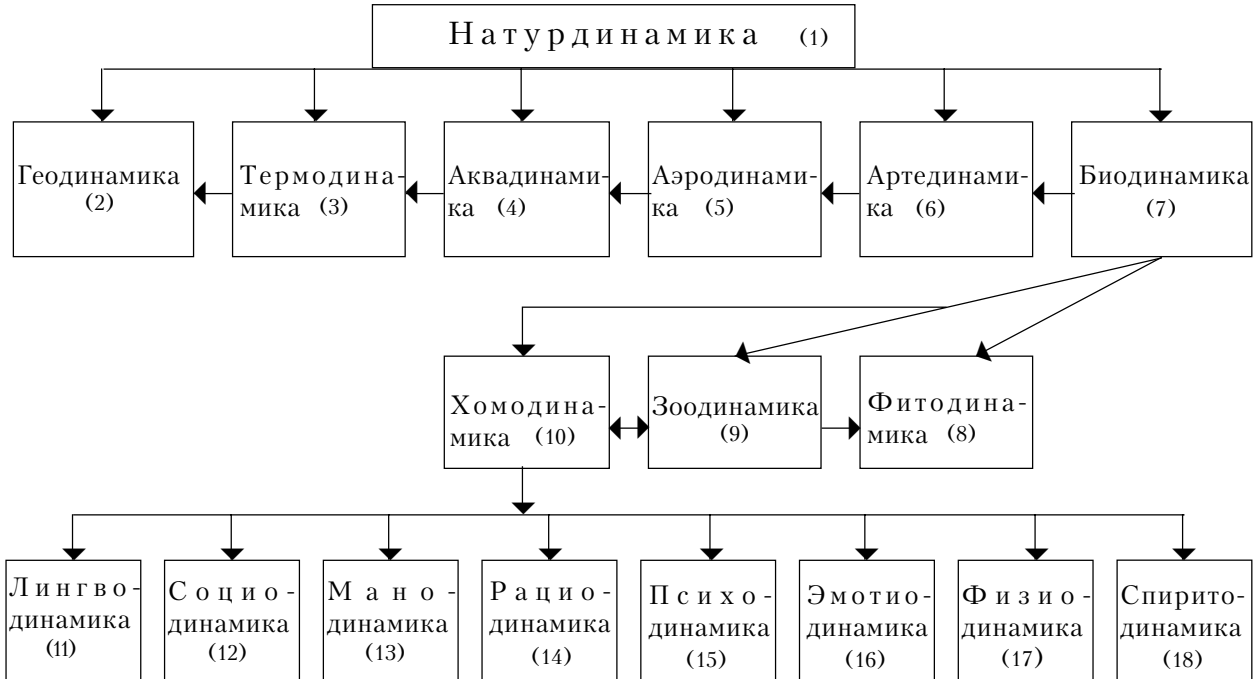
17. **Физиодинамика** — часть сферы хомодинамики, относящаяся с подобной же сферой зоодинамики и биодинамики в целом. Компоненты физиодинамики — денотаты действий и состояний физиологического состояния человека (от начала/прекращения существования/жизни до процессов роста, питания, болезни, отправлений, выделений, возрастных состояний человека и т. п.). Компоненты

данной сферы взаимосвязаны с компонентами сфер психодинамики, радиодинамики, лингводинамики, эмотиодинамики, спиритодинамики и социодинамики денотативного пространства русского глагола.

18. **Спиритодинамика** — часть сферы хомодинамики, совокупность денотатов процессов духовной деятельности человека (художественная деятельность в целом, процессы проявления человеком таких качеств, как здравый смысл (разум, разумность), воля, совесть и интуиция). Интеллектуально-духовная деятельность человека — процесс наиболее закрытый для исследований, но крайне важный по своему месту в общей системе процессуально-событийной сферы денотативного пространства языка и мышления, а также уникальный по своей доминирующей роли в формировании и существовании данной сферы в окружающей человека действительности как реального, так и ирреального характера (см. схему).

Система денотативного пространства русского глагола, включая в себя различные сферы динамики, реализует между своими частями-сферами такие противоречивые отношения, как постоянная, непрекращающаяся диффузность денотативных компонентов живого и неживого, осмысляемого и неосмысляемого, конкретного и абстрактного, физиологического и социально обобщенного характера, а также частичный и изменяющийся по своей степени изоморфизм каузативной природы различных сфер динамики. Эти качества отношений между компонентами, сферами/частями динамики свидетельствуют о безусловном наличии таких качеств и характеристик денотативного пространства русского глагола, как **динамика** (обеспечивается диффузностью сфер денотативного пространства); **глубина** (гиперонимический характер отношений между компонентами сфер динамики); **объем** (наличие разветвленной системы и глубокой структуры денотативного пространства); **системность** (взаимозависимость частей-сфер динамики, находящихся в отношениях приблизительного тождества (физиодинамика человека и физиодинамика животного), в привативных отношениях (включение в себя сферой натурдинамики многих других сфер; включаемость сфер лингводина-

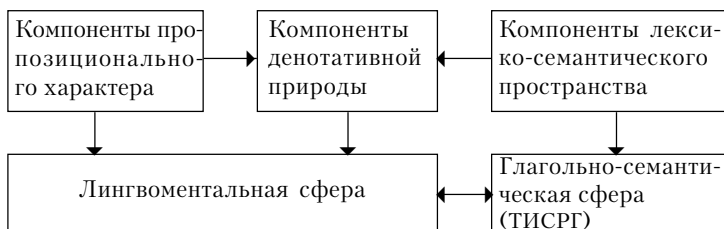
Сферы динамики денотативного пространства русского глагола

мики, радиодинамики и др. в сферу хомодинамики и т. д.), в отношениях пересечения-эквиполентности (денотативное «наложение» сфер хомодинамики, фитодинамики и зоодинамики в рамках биодинамики, а также пересечение и взаимодействие компонентов сфер геодинамики, аквадинамики, аэродинамики и биодинамики); **структурность** (наличие макрокомпонентов и микрокомпонентов денотативного пространства, когда макрокомпонентом является та или иная сфера динамики, а микрокомпонентом — собственно денотат (ситуация)); **отношения** (наличие сходства денотативных ситуаций, принадлежащих различным сферам динамики; взаимодействие макро- и микрокомпонентов различных сфер динамики и наличие вариантов как макрокомпонентов, сфер динамики (ср.: натурдинамика (инвариант) — геодинамика и биодинамика (варианты натурдинамики)), так и микрокомпонентов (см. отношения качественные и количественные денотатов категориального, идентифицирующего характера и денотатов, отображающих конкретные процессы вариантного, «квантового» типа)).

2. 3. СООТНОШЕНИЕ СИСТЕМ ДЕНОТАТИВНОГО И ЛЕКСИКО-СЕМАНТИЧЕСКОГО ПРОСТРАНСТВ РУССКОГО ГЛАГОЛА

«Толковый идеографический словарь русских глаголов» (далее ТИСРГ) достаточно полно представляет системы лексического (знакового), семантического и денотативного пространств русской глагольной лексики, т. е. так или иначе отражает в зеркале лексико-семантического пространства систему, структуру, компоненты и единицы лингвоментальной сферы, состоящей из совокупности образов и представлений (в виде, возможно, голограмм), во-первых, позиционного, а во-вторых, денотативного пространства:

Сферы динамики денотативного пространства русского глагола представлены в ТИСРГ лексико-семантическими единицами, входящими в те или иные лексико-семантические группы глаголов. Следует отметить, что типология 18 сфер динамики (данное количество, естественно, является достаточно условным), созданная на основе учета категорий абстрактности, конкретности и социальной обобщенности денотатов процессуально-событийной природы, вступает в отношения частичного изоморфизма с системой ЛСГ русских глаголов, в которой наблюдаются зоны денотативно-лексической (семантической) диффузности. Однако в целом системы денотативного и лексико-семантического пространств вполне соотносимы. Ср.:

1. Натурдинамика (совокупность денотатов гео-, термо-, аква-, аэро- и артединамики) как сфера денотативного пространства русского глагола (с учетом денотатов с субъектной порцией неживых предметов) реализуется в семантике таких ЛСГ глаголов (далее даются названия ЛСГ, и указываются базовые глаголы), как:

глаголы однонаправленного движения, ориентированного относительно исходного и конечного пунктов (базовые глаголы: *двигаться (двинуться), перемещаться (переместиться)*);

глаголы однонаправленного движения, ориентированного относительно исходного пункта (базовые глаголы: *удаляться (удалиться), двигаться (двинуться), падать (упасть)*);

глаголы однонаправленного движения, ориентированного относительно конечного пункта (базовые глаголы: *достигать (достичь), прибывать (прибыть), подниматься (подняться), добираться (добраться), равняться (поравняться)*);

глаголы беспорядочного, вращательного и колебательного движения (базовые глаголы: *двигаться, вращаться, колебаться, шевелиться*);

глаголы однонаправленного перемещения, ориентированного относительно исходного и конечного пунктов (базовые глаголы: *перемещать (переместить), перемещаться (переместиться), заставлять (заставить), переместиться*);

глаголы однонаправленного перемещения, ориентирован-

ного относительно исходного пункта (базовые глаголы: *заставлять (заставить), перемещаться (переместиться)*);

глаголы однонаправленного перемещения, ориентированного относительно конечного пункта (базовые глаголы: *заставлять (заставить), перемещать (переместить), перемещаться (переместиться), позволять (позволить)*);

глаголы однонаправленного движения, ориентированного относительно промежуточного пункта (базовые глаголы: *перемещаться (переместиться), перемещать (переместить)*);

глаголы кругового и вращательного движения (базовые глаголы: *делать (сделать) какие-либо движения, приводить (привести) в какое-либо движение; вызывать (вызвать) какое-либо движение*);

глаголы субъектного помещения (базовые глаголы: *помещаться (поместиться), проникать (проникнуть), размещаться (разместиться), располагаться (расположиться)*);

глаголы собственно покрытия объекта (базовые глаголы: *покрывать (покрыть), покрываться (покрыться), мазать (намазать), наносить (нанести)*);

глаголы закрытия (базовые глаголы: *прекращать (преградить), закрывать (закрыть), закрываться (закрыться), изолировать*);

глаголы открытия (базовые глаголы: *открывать (открыть), открываться (открыться), раскрывать (раскрыть), раскрываться (раскрыться)*);

глаголы нанесения удара (базовые глаголы: *бить, ударять (ударить)*);

глаголы прикосновения (базовый глагол: *касаться (коснуться)*);

глаголы изменения положения (базовый глагол: *изменять (изменить)*);

глаголы повреждения неодушевленного предмета (базовые глаголы: *портить (испортить), повреждать (повредить), приводить (привести) в негодность, нарушать (нарушить) целостность*);

глаголы разрушения (базовый глагол: *разрушать (разрушить)*);

глаголы соединения (базовые глаголы: *соединять (соединить), соединяться (соединиться)*);

глаголы присоединения (базовые глаголы: *включать (включить), включаться (включиться), присоединять (присоединить), присоединяться (присоединиться)*);

глаголы разделения (базовые глаголы: *делить, разделять (разделить), делиться, разделяться (разделиться)*);

глаголы отделения (базовый глагол: *отделять (отделить)*);

глаголы звучания (базовые глаголы: *издавать (издать) (звуки, шумы), производить (произвести) (звуки, шумы)*);

глаголы становления физического качества (базовый глагол: *становиться (стать)*);

глаголы становления и проявления цветового признака (базовые глаголы: *становиться (стать), выделяться (выделиться)*);

глаголы изменения качественного признака (базовые глаголы: *изменять (изменить), изменяться (измениться)*);

глаголы проявления качества (базовые глаголы: *издавать (издать), источать (источить), испускать (испустить), распространить (распространять) (цвет, запах и т. п.)*);

глаголы изменения качественного признака (базовые глаголы: *уменьшать (уменьшить), увеличивать (увеличить), уменьшаться (уменьшиться), увеличиваться (увеличиться)*).

Следует отметить, что ЛСГ глаголов, входящих в поле «Бытие, состояние, качество», составляют и отображают особую денотативную зону диффузности, так как крайняя важность в бытийном и бытовом отношении данных процессов обуславливает практически все возможные действия, состояния, отношения и деятельность независимо от абстрактного, конкретного и социально-обобщающего характера данных процессов. Ср.:

глаголы каузации начала существования (базовые глаголы: *способствовать, давать (дать) начало чему-либо*);

глаголы начала существования (базовый глагол: *возникать (возникнуть)*);

глаголы начала события, действия (базовые глаголы: *начинать (начать), начинаться (начаться)*);

глаголы собственно бытия (базовые глаголы: *быть, иметься, существовать*);

глаголы осуществления бытия (базовые глаголы: *происходить (произойти), совершаться (совершиться), случаться (случиться), осуществляться (осуществиться)*);

глаголы бытия/существования в определенном времени и пространстве (базовые глаголы: *находиться, располагаться*);

глаголы прекращения действия, бытия, состояния (базовые глаголы: *прекратить, прекратиться*);

глаголы исчезновения (базовый глагол: *исчезать (исчезнуть)*).

Существуют также зоны денотативно-лексической «узости», когда глаголы тех или иных ЛСГ соотносятся с денотатами конкретной той или иной сферы натурдинамики. Ср.:

А р т е д и н а м и к а как сфера натурдинамики реализуется в семантике ЛСГ глаголов поступательного движения субъекта.

А к в а д и н а м и к а реализуется в семантике ЛСГ глаголов пропитывания (базовые глаголы: *пропитывать (пропитать), пропитываться (пропитаться), насыщать (насытить), насыщаться (насытиться)*).

Т е р м о д и н а м и к а реализуется в семантике ЛСГ глаголов приготовления пищи (базовые глаголы: *готовить (приготовить), готовить (приготовить)*), а также ЛСГ глаголов повреждения неодушевленного объекта и тела живого существа (базовый глагол: *повреждать (повредить)*).

Узкое понимание объема сферы натурдинамики (динамики предметов неживой природы) позволяет противопоставить данную часть денотативного пространства русского глагола сфере биодинамики, хотя, например, в системе лексико-семантического пространства существуют также ЛСГ глаголов, которые выражают действия обобщенного в денотативном отношении характера (так, практически все глаголы движения выражают семантику, соотносимую с денотатами натурдинамики и биодинамики (зоо-, хомодинамика и реже фитодинамика). Именно такое качество совмещенности и диффузности отношений частей систем денотативного и лексико-семантического пространств русского глагола обеспечивает постоянную динамику и развитие данных систем.

2. Биодинамика как часть сферы натурдинамики и совокупность хомо-, зоо- и фитодинамики реализуется в семантике более половины всех ЛСГ глаголов, что обусловлено характером бытия, наличием широко представленных в реальной действительности объектов животного и растительного мира, а также чрезвычайно сложных и взаимосвязанных сфер деятельности человека. Как живые существа, человек, животное и растение обитают и действуют в одной и той же среде, совершая одни и те же действия конкретно-физического и физиологического характера (движение, перемещение и т. д.) и участвуя в одних и тех же процессах, поэтому представляется разумным проследить соотношение частей денотативного и лексико-семантического пространств в рамках конкретных сфер-частей биодинамики и, следовательно, ЛСГ русских глаголов. Сферы зоо-, фитодинамики и некоторые сферы хомодинамики — лингво-, социо-, мано-, рацио-, психо-, эмоцио-, физио- и спиритодинамика — как составные части общего денотативного пространства русского глагола реализуются в семантике следующих ЛСГ глаголов:

Зоодинамика: Глаголы движения; глаголы перемещения объекта; глаголы покрытия объекта (исключение составляют глаголы одевания); глаголы физического воздействия на объект (исключение составляют глаголы пропитывания); глаголы пропитывания чего-либо впрок (базовые глаголы: *готовить, приготовить, готовить, приготавливать*); глаголы собирания (базовые глаголы: *собрать (собрать), собираться (собраться)*); глаголы использования (базовый глагол: *использовать*); глаголы противодействия (базовый глагол: *противодействовать*); глаголы поступка и поведения (базовые глаголы: *поступать (поступить) каким-либо образом, вести (себя) как-либо*); глаголы физиологического действия (базовые глаголы: *есть (съесть), кормить, поить, пить, дышать* и пр.); глаголы звучания (базовые глаголы: *звучать, издавать (издать)* (звуки, шумы), *производить (произвести)* (звуки, шумы)); глаголы бытия; глаголы становления физического качества (базовый глагол: *становиться (стать)*); глаголы становления и проявления цветового признака (базовые глаголы:

становиться (стать), выделяться (выделиться)); глаголы проявления качества (базовые глаголы: *издавать (издать), источать (источить), испускать (испустить), распространять (распространить)* (цвет, запах и т. п.)); глаголы изменения качественного признака (базовые глаголы: *изменять (изменить), изменяться (измениться));* глаголы изменения количественного признака (базовые глаголы: *уменьшать (уменьшить), увеличивать (увеличить), уменьшаться (уменьшиться), увеличиваться (увеличиться));* глаголы физиологического состояния (базовые глаголы: *быть в каком-либо состоянии, приходить, приводить в какое-либо состояние, выходить из какого-либо состояния*).

Следует отметить, что некоторые части сферы зоодинамики накладываются на соответствующие части сферы хоомодинамики, например, в части глаголов поступка и поведения, отнесение которых к сфере зоодинамики не является бесспорным, хотя в трудах психологов и нейропсихологов (Н. И. Жинкин, К. Прибрам и мн. др.) доказывается, что животные способны совершать поступки, обусловленные их психической и «зоосоциальной» деятельностью, т. е. животные обладают поведением. Однако невозможно сегодня с уверенностью утверждать, что в науке существуют точные критерии идентификации характера эмоционального состояния животных.

Фитодинамика. Данная сфера как часть биодинамики и денотативного пространства русского глагола в целом включает в себя денотаты действий и состояний субъектов растительного мира, поэтому, имея общую диффузную зону, например, денотатов, соотносящихся с глаголами бытия / наличия / существования / исчезновения и т. п., сфера фитодинамики также имеет и специфические денотаты, их вербализуют следующие ЛСГ: глаголы кругового и вращательного перемещения (базовые глаголы: *делать (сделать) какие-либо движения; приводить (привести) в какое-либо движение, вызывать (вызвать) какое-либо движение*); глаголы повреждения неодушевленного предмета (базовые глаголы: *портить (испортить), повреждать (повредить), приводить (привести) в негодность,*

нарушать (нарушить) целостность); глаголы разрушения (базовый глагол: *разрушать (разрушить)*); глаголы соединения (базовые глаголы: *соединять (соединить), соединяться (соединиться)*); глаголы отделения (базовый глагол: *отделять (отделить)*); глаголы бытия; глаголы становления физического качества (базовый глагол: *становиться (стать)*); глаголы становления и проявления цветового признака (базовые глаголы: *становиться (стать), выделяться (выделиться)*); глаголы проявления качества (базовые глаголы: *издавать (издать), источать (источить), испускать (испустить), распространять (распространить)* (цвет, запах и т. п.)); глаголы изменения качественного признака (базовые глаголы: *изменять (изменить), изменяться (измениться)*); глаголы изменения количественного признака (базовые глаголы: *уменьшать (уменьшить), увеличивать (увеличить), уменьшаться (уменьшиться), увеличиваться (увеличиться)*).

Хомодинамика — наиболее сложная, комплексная и наименее исследованная сфера денотативного пространства русского глагола. Выделяемые 8 сфер хомодинамики (лингво-, социо-, мано-, рацио-, психо-, эмотио-, физио- и спиритодинамика), естественно, могут быть дополнены некоторыми другими (например, бихевиодинамикой), но тем не менее, на наш взгляд, данные сферы достаточно широко, точно и объективно отображают действия, состояния и деятельность человека в быте и бытии как субъекта мыслящего, чувствующего, созидающего, действующего, творящего и существующего физически, психически, социально, этически, нравственно и духовно. Денотаты сферы хомодинамики включаются в общие денотативные сферы натур- и биодинамики, но имеют, видимо, большее значение в силу осмысленности многих действий и деятельности человека в обществе и в природе, в силу взаимодействия человека с миром растений, животных и предметов неживой природы. Различные сферы хомодинамики имеют как общие с другими сферами, так и частные зоны вербализации и реализуются в следующих ЛСГ русских глаголов:

Лингводинамика: глаголы графической передачи информации (базовые глаголы: *писать (написать), сообщать*

(сообщить) в письменной или печатной форме); глаголы речевой деятельности (всего 5 ЛСГ); глаголы профессионально-трудовой деятельности (базовые глаголы: *работать, заниматься (заняться) чем-либо*); глаголы изменения качественного признака (базовые глаголы: *изменять (изменить), изменяться (измениться)*); глаголы изменения количественного признака (базовые глаголы: *уменьшать (уменьшить), увеличивать (увеличить), уменьшаться (уменьшиться), увеличиваться (увеличиться)*); глаголы пребывания в функциональном состоянии (базовые глаголы: *быть в состоянии, находиться в состоянии*); глаголы согласованных действий (базовый глагол: *договариваться (договориться)*); глаголы принуждения (базовый глагол: *заставлять (заставить)*); глаголы собственно влияния (базовые глаголы: *влиять (повлиять), воздействовать*); глаголы убеждения (базовые глаголы: *доказывать (доказать), убеждать (убедить)*); глаголы подчинения (базовый глагол: *подчинять (подчинить)*); глаголы разрешения и запрещения (базовые глаголы: *позволять (позволить), разрешать (разрешить), запрещать (запретить)*); глаголы управления (базовые глаголы: *поручать (поручить), управлять, руководить*).

Социодинамика: глаголы приготовления чего-либо впрок (базовые глаголы: *готовить, приготавливать, готовить (приготовить)*); глаголы собирания (базовые глаголы: *собирать (собрать), собираться (собраться)*); глаголы приведения объекта в прежнее состояние (базовые глаголы: *восстанавливать (восстановить), возрождать (возродить)*); глаголы социальной деятельности (всего 4 ЛСГ); глаголы профессионально-трудовой деятельности (базовые глаголы: *работать, заниматься (заняться) чем-либо*); глаголы поступка и поведения (базовые глаголы: *поступать (поступить) каким-либо образом, вести (себя) как-либо*); глаголы становления социальных качеств (базовый глагол: *становиться (стать)*); глаголы изменения качественного признака (базовые глаголы: *изменять (изменить), изменяться (измениться)*); глаголы образа жизни (базовый глагол: *жить*); глаголы пребывания в функциональном состоянии (базовые глаголы: *быть в состоянии, при-*

ходить в состоянии); глаголы приведения в функциональное состояние (базовый глагол: *приводить (привести) в состояние*); глаголы взаимоотношения (всего 2 ЛСГ); глаголы владения (всего 11 ЛСГ); глаголы контакта (всего 2 ЛСГ); глаголы социальных отношений (всего 10 ЛСГ).

Денотаты социальных действий, состояний, отношений и деятельности взаимосвязаны с денотатами физического, психологического, рационального, эмоционального и иного характера, поэтому достаточно широкая вербальная представленность данной денотативной сферы является закономерной и свидетельствует о том, что социальная сфера динамики является одной из самых важных (наряду с лингво-, радио- и другими сферами динамики) и что она существует как результат практически любых действий и деятельности человека не только в обществе, но и в действительности в целом.

Манодинамика (действия и деятельность человека, связанные с ручным трудом): глаголы помещения объекта в определенном месте каким-либо образом (базовые глаголы: *помещать (поместить), располагать (расположить)*); глаголы помещения объекта в результате физического действия (базовые глаголы: *помещать (поместить), размещать (разместить)*); глаголы помещения объекта в результате перемещения (базовые глаголы: *помещать (поместить), размещать (разместить)*); глаголы собственно покрытия объекта (базовые глаголы: *покрывать (покрыть), покрываться (покрыться), мазать (намазать), наносить (нанести)*); глаголы кругового покрытия объекта (базовые глаголы: *обертывать (обернуть), обвивать (обвить), обматывать (обмотать), покрывать (покрыть)*); глаголы одевания (базовые глаголы: *надевать (надеть), одевать (одеть)*); глаголы скрывания объекта (базовые глаголы: *скрывать (скрыть), помещать (поместить), прятать (спрятать)*); глаголы закрытия (базовые глаголы: *преграждать (преградить), закрывать (закрыть), закрываться (закрыться), изолировать*); глаголы открытия (базовые глаголы: *открывать (открыть), открываться (открыться), раскрывать (раскрыть), раскрываться (раскрыться)*); глаголы физического воздействия на объект (всего 17 ЛСГ);

глаголы создания объекта в результате физического труда (базовые глаголы: *изготавливать (изготавливать), делать (сделать), создавать (создать), создаваться (создаться)*); глаголы приготовления чего-либо впрок (базовые глаголы: *готовить, приготавливать, готовить (приготовить)*); глаголы собирания (базовые глаголы: *собирать (собрать), собираться (собраться)*); глаголы графической передачи информации (базовые глаголы: *писать (написать), сообщать (сообщить) в письменной или печатной форме*); глаголы приведения объекта в прежнее состояние (базовые глаголы: *восстанавливать (восстановить), возрождать (возродить)*); глаголы исполнения художественных произведений (базовые глаголы: *исполнять (исполнить), играть (сыграть)*); глаголы изображения объекта (базовые глаголы: *изображать (изобразить), воспроизводить (воспроизвести)*); глаголы осуществления (базовый глагол: *осуществлять (осуществить)*); глаголы профессионально-трудовой деятельности (базовые глаголы: *работать, заниматься (заняться) чем-либо*); глаголы звучания (базовые глаголы: *звучать, издавать (издать) (звуки, шумы), производить (произвести) (звуки, шумы)*); глаголы пребывания в функциональном состоянии (базовые глаголы: *быть в состоянии, приходить в состояние*); глаголы приведения в функциональное состояние (базовый глагол: *приводить (привести) в состояние*); глаголы получения объекта в определенном количестве (базовые глаголы: *набирать (набрать), брать (взять), собирать (собрать), накапливать (накопить), получать (получить), приобретать (приобрести)*); глаголы получения в свое распоряжение (базовые глаголы: *брать (взять), получать (получить), приобретать (приобрести)*); глаголы отчуждения (базовые глаголы: *отнимать (отнять), брать (взять), извлекать (извлечь), похищать (похитить)*); глаголы компенсированного приобретения (базовые глаголы: *менять, получать (получить), покупать (купить), приобретать (приобрести)*); глаголы передачи объекта (базовый глагол: *давать (дать)*)).

Широкая вербализация денотатов сферы манодинамики обусловлена прежде всего самой действительностью, усло-

виями существования человека в окружающей действительности, его взаимодействием с предметами и объектами живой и неживой природы, а также существованием человека в обществе в качестве работающего, производящего, действующего, созидającego субъекта.

Радиодинамика. Естественно, в основе всякой сознательной деятельности лежит рациональность: замысел, планирование, порядок осуществления и т. п., поэтому взаимосвязь радиодинамики с другими сферами хомодинамики очевидна. Таковую взаимосвязь и каузацию радиодинамикой других сфер хомодинамики, являющихся непосредственно и собственно интеллектуальными или преобладающими, доминирующими действиями в преимущественно созидательной деятельности человека, вербализуют следующие ЛСГ русских глаголов: глаголы создания объекта в результате физического труда (базовые глаголы: *изготавливать (изготовить), делать (сделать), создавать (создать), создаваться (создаться)*); глаголы создания объекта в результате интеллектуального труда (базовые глаголы: *создавать (создать), производить (произвести)*); глаголы графической передачи информации (базовые глаголы: *писать (написать), сообщать (сообщить) в письменной или печатной форме*); глаголы приведения объекта в прежнее состояние (базовые глаголы: *восстанавливать (восстановить), возрождать (возродить)*); глаголы интеллектуальной деятельности (всего 10 ЛСГ); глаголы речевой деятельности (всего 10 ЛСГ); глаголы социальной деятельности (всего 4 ЛСГ); глаголы воспроизведения (всего 6 ЛСГ, исключение составляют 2 ЛСГ глаголов физиологического действия и глаголов звучания); глаголы становления внутренних качеств человека (базовый глагол: *становиться (стать) кем-либо*); глаголы изменения качественного признака (базовые глаголы: *изменять (изменить), изменяться (измениться)*); глаголы образа жизни (базовый глагол: *жить*); глаголы приведения в эмоциональное состояние (базовый глагол: *вызывать (вызвать) какое-либо состояние*); глаголы пребывания в функциональном состоянии (базовые глаголы: *быть в состоянии*); глаголы приведения в функциональное состояние (базовый глагол: *приво-*

дить (*привести*) в состояние); глаголы согласованных действий (базовый глагол: *договариваться* (*договориться*)); глаголы убеждения (базовые глаголы: *доказывать* (*доказать*), *убеждать* (*убедить*)); глаголы управления (базовые глаголы: *поручать* (*поручить*), *управлять*, *руководить*).

Действия, состояния, отношения и деятельность человека рационального (интеллектуального) характера являются каузаторами всех остальных процессов хомодинамической природы, поэтому по степени своей важности могут быть сопоставимы лишь с денотатами сферы натурдинамики.

Психодинамика. Денотаты данной сферы, будучи взаимосвязаны с денотатами сфер натурдинамики, а также радио-, лингво-, социо-, эмотио- и другими видами динамики, вербализуются следующими ЛСГ русских глаголов, выражающих непосредственно денотаты психического и психологического характера: глаголы восприятия (базовый глагол: *воспринимать* (*воспринять*)); глаголы сравнения и сопоставления (базовые глаголы: *сравнивать* (*сравнить*), *согласовываться* (*согласоваться*), *сопоставлять* (*сопоставить*)); глаголы выбора (базовые глаголы и глагольноименные сочетания: *выбирать* (*выбрать*), *признавая каким-либо, отдавать* (*отдать*) *предпочтение кому-либо, чему-либо*); глаголы изменения качественного признака (базовые глаголы: *изменять* (*изменить*), *изменяться* (*измениться*)); глаголы образа жизни (базовый глагол: *жить*); глаголы пребывания в функциональном состоянии (базовые глаголы: *быть в состоянии*, *пребывать в состоянии*); глаголы согласованных действий (базовый глагол: *договариваться* (*договориться*)); глаголы расположения к контакту (базовый глагол: *располагать* (*расположить*)).

Денотаты сферы психодинамики тесно связаны с денотатами сферы эмотиодинамики, но, учитывая особую важность эмоционального мира человека в процессе его жизнедеятельности, особенности вербализации сферы эмотиодинамики рассмотрим отдельно.

Эмотиодинамика: глаголы характеризованной речевой деятельности (базовые глаголы: *говорить* (*сказать*), *произносить* (*произнести*)); глаголы речевого общения (базо-

вые глаголы: *высказывать (высказать), обращаться (обратиться), разговаривать*); глаголы речевого воздействия (базовые глаголы: *говорить (сказать), произносить (произнести), сообщать (сообщить)*); глаголы поступка и поведения (базовые глаголы: *поступать (поступить) каким-либо образом, вести (себя) как-либо*); глаголы становления внутренних качеств человека (базовый глагол: *становиться (стать) каким-либо*); глаголы изменения качественного признака (базовые глаголы: *изменять (изменить), изменяться (измениться)*); глаголы эмоционального состояния (всего 3 ЛСГ); глаголы эмоционально-оценочного отношения (базовый глагол: *относиться (отнестись)*); глаголы внешнего проявления отношения (базовый глагол: *проявлять (проявить)*).

Физиодинамика. Денотаты действий и состояний, характер которых обусловлен деятельностью человека как живого организма, как части биологического мира бытия, вербализуются в лексико-семантическом пространстве русского глагола такими ЛСГ, как: глаголы физиологического действия (базовые глаголы: *есть (съесть), кормить, поить, пить, дышать* и др.); глаголы звучания (базовые глаголы: *звучать, издавать (издать)* (звуки, шумы), *производить (произвести)* (звуки, шумы)); глаголы бытия (всего 8 ЛСГ); глаголы становления физического качества (базовые глаголы: *становиться (стать), выделяться (выделиться)*); глаголы становления внешних признаков человека (базовый глагол: *становиться (стать)*); глаголы изменения качественного признака (базовые глаголы: *изменять (изменить), изменяться (измениться)*); глаголы изменения количественного признака (базовые глаголы: *уменьшать (уменьшить), увеличивать (увеличить), уменьшаться (уменьшиться), увеличиваться (увеличиться)*); глаголы физиологического состояния (базовые глаголы: *быть в каком-либо состоянии, приходиться, приводить в какое-либо состояние, выходить из какого-либо состояния*); глаголы пребывания в функциональном состоянии (базовые глаголы: *быть в состоянии, приходиться в состоянии*); глаголы приведения в функциональное состояние (базовый глагол: *приводить (привести) в состояние*).

Денотаты сферы физиодинамики (как и соответствующие им лексико-семантические глагольные единицы) имеют явно каузирующий характер по отношению к денотатам лингво-, социо-, мано-, рацио-, психо-, эмотио- и спиритодинамики, поэтому в количественном отношении данная сфера явно уступает перечисленным сферам динамики.

Спиритодинамика. Денотаты действий, состояний и деятельности духовного, нравственного, художественно-творческого характера тесно связаны с денотатами лингво-, рацио-, социо-, психо-, а особенно эмотиодинамики. Деятельность человека, обусловленная его духовными, творческими, артистическими устремлениями, детерминирована такими сложными явлениями, как одаренность, талант, интуиция, совесть, замысел и т. п. Денотаты данной сферы динамики вербализованы следующими ЛСГ русского глагола: глаголы создания объекта в результате физического труда (базовые глаголы: *изготавливать (изготовить), делать (сделать), создавать (создать), создаваться (создаться)*); глаголы создания объекта в результате интеллектуального труда (базовые глаголы: *создавать (создать), производить (произвести)*); глаголы приведения объекта в прежнее состояние (базовые глаголы: *восстанавливать (восстановить), возрождать (возродить)*); глаголы воображения и предположения (базовые глаголы: *воображать (вообразить), представлять (представить), предполагать (предположить)*); глаголы деятельности по достижению цели (базовые глаголы: *добиваться (добиться), достигать (достигнуть, достичь), стремиться*); глаголы издательской деятельности и распространения информации (базовые глаголы: *издавать (издать), обнаруживать (обнаружить), проявлять (проявить), распространяться (распространить)*); глаголы исполнения художественных произведений (базовые глаголы: *исполнять (исполнить), играть (сыграть)*); глаголы изображения объекта (базовые глаголы: *изображать (изобразить), воспроизводить (воспроизвести)*); глаголы осуществления (базовый глагол: *осуществлять*); глаголы изменения качественного признака (базовые глаголы: *изменять (изменить), изменяться (измениться)*); глаголы пребывания в функциональном состоянии

(базовые глаголы: *быть в состоянии, приходиться в состояние*); глаголы приведения в функциональное состояние (базовый глагол: *приводить (привести) в состояние*).

Следует отметить, что относительно небольшое количество ЛСГ глаголов, выражающих денотаты сферы спиритодинамики, объясняется тем, что данный вид деятельности так или иначе каузируется действиями, состояниями и отношениями преимущественно психологического, интеллектуального (рационального), эмоционального, физиологического и социального характера.

Исследование соотношения систем денотативного и лексико-смыслового пространств русского глагола показало, что в количественном и качественном отношении наиболее важной зоной процессуально-событийного мира оказываются его части, денотатированные и вербализованные в сознании человека и отраженные в ТИСРГ глаголами **бытия, состояния** и **качества**, денотаты и семантика которых имеют отчетливо каузирующий характер, т. е. обуславливающий и предопределяющий характер процессов, связанных с **действием, деятельностью** и **отношением**:

Зонами денотативно-семантической диффузности можно считать те ЛСГ (или объединения ЛСГ) русских глаголов, которые могут выражать и обозначать одновременно процессы, относятся к различным денотативным сферам динамики. В такие же зоны входят: глаголы движения, глаголы физического воздействия на объект, глаголы бытия. Центром денота-

тивно-семантической диффузности являются глаголы изменения, во-первых, качественного и, во-вторых, количественного признака (предмета, явления, процесса, животного, человека и т. д.). Глаголы данных ЛСГ могут выражать процессы различных сфер динамики, таких, как натур- (все виды натурдинамики), фито-, зоо- и хомодинамики (практически все виды хомодинамики). Наличие зон денотативно-семантической диффузности обусловлено прежде всего тем, что, с одной стороны, человек как мыслящая субстанция считает себя волей-неволей центром мироздания, с другой стороны, исследования лингвоментального и лингвистического характера производятся собственно человеком — носителем языка, когда, по мысли Хайдеггера, язык и мышление исследуются человеком при помощи и языка, и мышления (Хайдеггер, 1991), т. е. субъектом, объектом, инструментом и процессом такого исследования является язык. Также следует отметить, что денотативно-смысловая диффузность есть результат диффузных структур процессуально-событийной действительности, когда человек и животное как часть природы (натуры) способны совершать одни и те же действия и находиться в одинаковом состоянии (сфера термодинамики, например, распространяется, безусловно, на все части — живые и неживые, натур- и артефакты и т. п.).

Наличие автономных, устойчивых денотативно-семантических зон подтверждает, во-первых, дифференцированность процессуально-событийного мира (наличие нескольких сфер динамики), а во-вторых то, что такие зоны являются результатом активного выделения человека из окружающей среды в качестве субъекта, способного не только изменять мир, но и осознавать его (см., например, глаголы обработки и рытья (сфера биодинамики), глаголы приготовления пищи (сфера хомодинамики), глаголы интеллектуальной деятельности (рацио-, психо- и спиритодинамики) и т. п.).

Исследование соотношения систем денотативного и лексико-семантического пространств русского глагола должно учитывать степень абстрактности, конкретности и социальной обобщенности таких компонентов процессуально-событийных денотатов, как:

- 1) субъект процесса;

- 2) характер и природа процесса;
- 3) объект процесса;
- 4) инструмент процесса;
- 5) материал процесса;
- 6) темпоральность процесса;
- 7) локальность процесса и др.

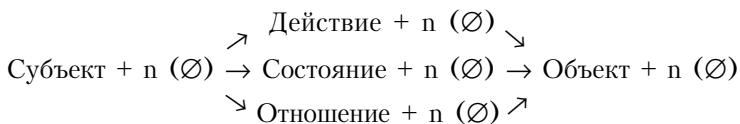
Наличие данных компонентов процессуальных денотатов позволяет, во-первых, определять эту лингвоментальную сущность как ситуацию, а во-вторых, рассматривать такую ситуацию в качестве единицы / компонента той или иной сферы динамики и денотативного пространства русского глагола в целом.

2. 4. ЕДИНИЦЫ ДЕНОТАТИВНОГО ПРОСТРАНСТВА РУССКОГО ГЛАГОЛА

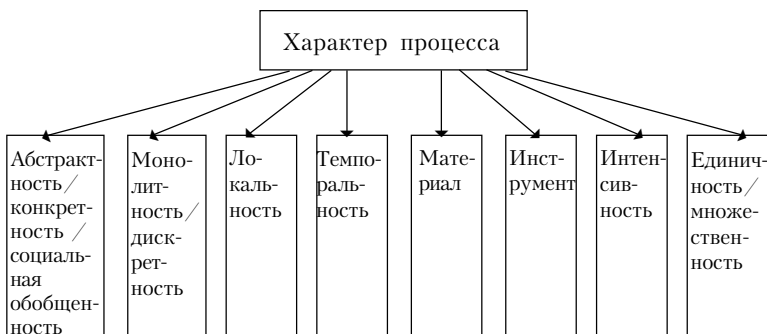
Существование и функционирование денотативного пространства русского глагола связано одновременно с процессами восприятия процессуально-событийного мира, фиксации частей этого мира и закрепления их в памяти в виде голограмм, обобщенных образов и представлений, имеющих сложный и комплексный характер. Э. В. Кузнецова связывала семантику глагола прежде всего с ситуацией (Кузнецова, 1989). Действительно, реальные процессы, происходящие в реальном мире, имеют сложную / комплексную природу, и поэтому денотат как лингвоментальный «оттиск» реального действия или состояния, или отношения, или деятельности является обобщенным образом и представлением той или иной ситуации, имеющей процессуально-событийную сущность / природу. Ю. С. Степанов, говоря о различных «образах языка», сравнивает наше множественное восприятие лингвистической субстанции с «изображением в фасеточном глазу стрекозы» (Степанов, 1995: 29). Это наблюдение ученого удивительно точно, так как любое явление лингвоментального характера не только по-разному воспринимается носителем языка и исследователем, но и «дробится на различные фасетки» (там же), т. е. обнаруживает при восприятии / исследовании свои отдельные части. Денотативное пространство русского глагола как система, имея структуру и отношения между

структурными компонентами — сферами динамики, также дробится на единицы «фасеточного» характера, обнаруживая между собой связи как парадигматического, так и синтагматического, вариантного типа.

Процессуальный денотат как единица сферы динамики и денотативного пространства русского глагола есть ситуация процессуально-событийной природы, так как, во-первых, он является лингвоментальной моделью того или иного процесса как комплексной сущности, а во-вторых, имеет собственное строение / структуру и компоненты этой структуры, что подтверждается комплексной природой лексико-семантических глагольных единиц. Денотативная ситуация процессуально-событийного характера имеет следующую структуру (обобщенный / оптимальный тип структуры):

Центром ситуации является собственно процесс, имеющий свою определенную денотативную специфику и характер:

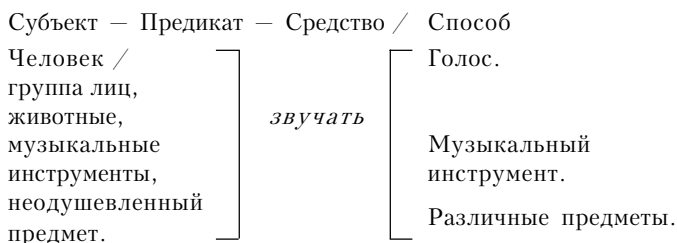

Система ситуаций денотативного пространства в качественном и количественном отношении должна соответствовать системе семантического пространства. Например, ТИСРГ представляет словарные дефиниции около 10 тысяч глагольных лексических значений, которым соответ-

ствуется такое же количество лингвоментальных ситуаций процессуально-событийной природы. Однако лексическое пространство (система глагольных лексем) явно уступает в количественном отношении системам и денотативного, и семантического пространств, что обусловлено явлением полисемии.

Динамика и развитие лексического и семантического пространств обеспечиваются функционированием системы денотативного пространства, структура которой является более подвижной и актуальной, так как она детерминирована чрезвычайно подвижной системой и структурой реального процессуально-событийного мира. Так, глагол *идти*, по данным современных языковых словарей, имеет 26–27 лексико-семантических вариантов, тогда как в памяти человека, в денотативном пространстве, существует лингвоязыковая зона, соответствующая общей и целой семантике глагола *идти* и представленная более чем в 50 различных денотативных процессуальных ситуациях, количество реализаций которых в речи и в тексте подчиняется «контекстологической» / «контекстуальной» прогрессии.

Л. Г. Бабенко предлагает следующий способ представления структуры (на основе исходной семантической модели) пропозиции глагола-концепта *звучать* (Бабенко, 1998: 33):

Учитывая каузирующий характер взаимосвязи «пропозиция → денотат», мы имеем возможность утверждать, что структура денотата-ситуации в силу своего подобия / родства со структурой ситуации пропозиционального характера должна представляться таким способом / образом:

Ситуация создания объекта в результате физического труда:

Субъект —	Предикат —	Объект —	Орудие —	Материал
Человек/ группа лиц.	Процесс создания, произведе- ния фи- зического характера.	Предмет/ объект создания.	Орудие инстру- мент, на- выки.	Материал.

Данная типовая ситуация может иметь достаточно большое число вариантов, см. денотативную ситуацию «плотничать»:

Человек: плотник, группа плотни- ков.	Обработка дерева, изготовле- ние строе- ния, сборка и т. д.	Доски, брус, грубая мебель.	Инструменты: топор, долото, шило, стамеска, сверло, рубанок фуганок и др.	Дерево различных пород в виде заготовок.
---	--	--------------------------------------	---	--

Характер денотативных ситуаций определяется степенью абстрактности и конкретности основных параметров-составляющих ситуации: субъекта, процесса, объекта, инструмента, материала и т. п.

Ситуация «плотничать» с учетом степени абстрактности / конкретности природы ее составляющих (компонентов) является конкретной, или конкретно-физической.

Анализ денотативных ситуаций различных сфер динамики показал, что в системе и структуре денотативного пространства русского глагола выделяются следующие типы ситуаций (денотатов):

1. Денотаты конкретно-физического характера (ситуации сфер гео-, термо-, аква-, аэро-, арте-, зоо-, фито-, манодинамики).

2. Денотаты физиологического характера (ситуации сфер зоо- и физиодинамики).

3. Денотаты социально-обобщенного характера (ситуации сфер социо- и манодинамики).

4. Денотаты абстрактно-интеллектуального характера (ситуации сфер лингво- и радиодинамики).

5. Денотаты абстрактно-психологического характера (ситуации сфер социо-, эмотио-, спирито- и психодинамики).

6. Денотаты абстрактно-эмотиологического характера (ситуации сфер социо-, рацио-, психо-, эмотио- и спиритодинамики).

7. Денотаты абстрактно-духовного характера (ситуации сфер лингво-, социо-, рацио-, психо- и эмотиодинамики).

Следует отметить, что отношения денотативных ситуаций как компонентов структуры денотативного пространства русского глагола имеют взаимообусловленный и взаимопроникающий характер, что объясняется взаимодействием, во-первых, всех сфер динамики, во-вторых, способностью частей / компонентов этих сфер в виде ситуаций составлять единое, цельное денотативное поле, а также пространство, имеющее свое лингвоментальное происхождение, динамику, объем и глубину, системность, структурность и те или иные отношения как между сферами динамики, так и между событийными денотатами-ситуациями.

2.5. БАЗОВЫЕ СИТУАЦИИ КАК ДЕНОТАТИВНЫЕ КОНСТАНТЫ ПРОЦЕССУАЛЬНО-СОБЫТИЙНОГО МИРА

Денотат-ситуация как единица денотативного пространства русского глагола хранится в памяти / сознании человека и является одновременно и обобщенным образом определенной части процессуально-событийного мира, и выразителем-накопителем части общего знания о таком мире. Существуют различные ситуации по степени их обобщенности, кумулятивности и концептуальности, что подтверждается соответственно различной природой лексико-семантических глагольных единиц, среди которых выделяются базовые глаголы (идентификаторы) и глаголы — рядовые члены ЛСГ (Казарин, 1997).

Л. Г. Бабенко весьма доказательно утверждает, что «суперпарадигма состоит из микрокомпонентов — частных лексических парадигм, связанных экстралингвистически: общностью отображаемых денотатов» (Бабенко, 1997: 24 — 25). Т. е. лексико-семантические глагольные единицы, вербализуя особые лингвоментальные сущности — денотаты / ситуации и являясь собственно результатом номина-

ции, обнаруживают — явно и определенно — структуру денотативной системы процессуально-событийного мира. Так, ТИСРГ представляет лексико-семантическую систему, состоящую из 121 ЛСГ, в которую входят около 8, 5 тысяч ЛСВ глаголов (из них 295 базовых глаголов и глагольно-именных сочетаний), — систему, отображающую лексико-семантическое пространство русского глагола, включающую в себя 121 лексико-семантический центр. Естественно, денотативное пространство русского глагола должно иметь гораздо больше таких центров: денотативные центры, видимо, невозможно описать полностью в силу огромной подвижности элементов данного пространства, однако ТИСРГ достаточно объективно и полно представляет наиболее важную, если не ядерную, зону как лексико-семантического пространства, так и соответствующего ему пространства денотативного.

Базовые глаголы-идентификаторы, являясь носителями категориального семантического признака, вербализуют и номинируют базовые денотативные ситуации, что позволяет нам сделать вывод о том, что ситуации процессуально-событийного мира могут иметь высокую степень обобщенности родового характера по отношению к другим ситуациям видового характера. Родственный (подобный друг другу) характер систем и структур семантического, лексического и денотативного пространств подтверждает это положение. Базовые ситуации постоянны, т. е. такие денотаты являются константами. Денотативные константы, являясь центрами денотативного пространства, составляют жесткую и постоянную базовую структуру, основу общей системы такого пространства. Существуют следующие признаки денотативной константы (базовой ситуации):

1. Базовый денотат является частью парадигмы классифицирующего типа, суперпарадигмы, парадигмы базовых ситуаций.

2. Базовый денотат является обобщенным образом / представлением типовой ситуации родового характера по отношению к ситуациям вариантного / видового типа.

3. Базовый денотат представляет собой пропозицию идентифицирующего характера, входящую в качестве про-

позиционального ядра в другие пропозиции, относящиеся к одной и той же сфере динамики.

4. Базовый денотат есть тематический и процессуальный центр (или часть такого центра) той или иной сферы динамики.

5. Базовый денотативный комплекс (термин Л. Г. Бабенко) имеет крайне обобщенный характер и включает в себя только категориальные компоненты ситуации, также содержа в себе — потенциально / имплицитно — те компоненты ситуации, которые так или иначе эксплицируются / представляются в остальных ситуациях вариантного типа. Так, сфера радиодинамики включает в себя 24 базовые ситуации:

1. Создание объекта в результате интеллектуального труда.

2. Графическая передача информации / сообщения.

3. Приведение объекта в прежнее состояние.

4. Восприятие.

5. Понимание.

6. Познание.

7. Мышление.

8. Сравнение и сопоставление.

9. Выбор.

10. Решение.

11. Воображение.

12. Предположение.

13. Определение.

14. Проверка / испытание.

15. Речевая передача информации / сообщения.

16. Издательская деятельность / распространение информации.

17. Изображение объекта.

18. Профессионально-трудовая деятельность.

19. Становление внутренних качеств человека.

20. Изменение качественного признака.

21. Приведение в эмоциональное состояние.

22. Пребывание в функциональном состоянии.

23. Приведение в функциональное состояние.

24. Управление.

Эти ситуации так или иначе включают в себя сложные процессы, которые относятся к деятельности, в отличие от действия и т. п., и в основе такой деятельности прежде всего лежат мыслительные процессы, или процессы, связанные с познанием, пониманием, осознанием, мыслительным анализом и синтезом, с решением, рассуждением, идентификацией, определением и т. п., словом, с мышлением. Данные денотативные центры формируются в сознании вокруг денотативно-ядерной зоны процессов становления и изменения качественного признака и способа / метода собственно мышления, который, естественно, обусловлен базовой ситуацией «восприятие». Представляется возможным составление денотативной карты рассматриваемой сферы (где термин «базовая ситуация» обозначен аббревиатурой БС):

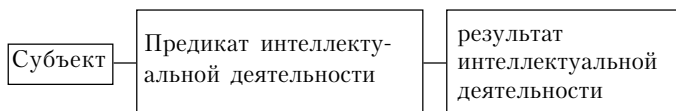
Денотативная карта сферы рациодинамики

Такое представление той или иной части денотативного пространства русского глагола отображает прежде всего когнитивную специфику, природу и основу данного пространства как результата, инструмента и способа познания. Когнитивная значимость той или иной базовой ситуации, в свою очередь, определяет отношение ее к другим

базовым ситуациям, принадлежащим одной о той же сфере динамики, т. е. определяет направление каузации и степени обусловленности / детерминированности общего комплексного процесса данной сферы динамики. Так, БС «пребывание в функциональном состоянии» предопределяет объем и качество БС «восприятие», которая, в свою очередь, детерминирует становление и изменение качественного признака БС «понимание и познание», структурирующих БС «воображение, предположение, сравнение, решение и мышление в целом»; данные же БС являются основой для реализации БС «определение, проверка и испытание», что приводит к формированию других БС, таких, как «создание объекта в результате интеллектуальной деятельности» и др., а также БС профессионально-трудовой и вообще творческой деятельности человека.

Пропозициональная специфика базовых ситуаций, по Л. Г. Бабенко, «выводится путем обобщения семантических компонентов, составляющих семантические комплексы глаголов одной ЛСГ» (Бабенко 1998: 9). Процесс такого обобщения противоположен методу ступенчатой идентификации (уточнения, конкретизации), т. е. по сути является деидентификацией, приближением исследователя к сущностям сверхабстрактным, какими и являются денотаты-явления лингвоментальной природы человека. Пропозициональный комплекс сферы радиодинамики включает в себя следующие компоненты:

В качестве субъекта может выступать только человек или группа людей. Предикат интеллектуальной деятельности может быть представлен сложными процессами, связанными прежде всего с мышлением. Результатом такого процесса являются объекты как абстрактного характера (мысль, речь, текст, идея, концепция, гипотеза и т. п.), так и конкретного характера (объекты и предметы — результаты творческой и профессиональной деятельности).

Денотативные базовые ситуации как денотативные константы, парадигмы денотативных констант составляют оси различных сфер динамики общего денотативного пространства русского глагола, что подтверждается прежде всего спецификой лексико-семантических констант, которыми являются базовые глаголы.

Исследование такой сложной сущности, как структура и компоненты денотативного пространства, безусловно, должно производиться с учетом когнитивной и пропозициональной специфики базовых ситуаций.

2. 6. ВЫВОДЫ

Ю. С. Степанов, рассуждая о несомненности наличия того или иного явления в языке с философской и чисто бытийной точки зрения, вводит в научный обиход категорию факта, а также предлагает «конститутивные аспекты субстанции, которые определяют наличие чего-либо как факта», опираясь на порядок описания явления, предложенный Аристотелем (Степанов, 1995б: 55). Лингвофилософские, лингвологические категории Аристотеля таковы: сущность (субстанция), т. е. «наличие», количество, качество, отношение (соотношение), где (место), когда (время), положение, обладание (состояние), действие, претерпевание (страдание). Если все эти конститутивные аспекты (категории) присущи тому или иному явлению, то, по Ю. С. Степанову, данное явление есть факт, или оказывается категорией факта.

Денотативное пространство русского глагола, на наш взгляд, есть факт по следующим причинам:

1. Денотативное пространство русского глагола существует в сознании человека в виде лингвоментальной сущности («субстанция»).

2. Денотативное пространство русского глагола есть система, совокупность определенного числа денотатов («количество»).

3. Денотативное пространство русского глагола как система имеет свою структуру (18 сфер динамики) («качество»).

4. Все сферы динамики в системе денотативного пространства русского глагола взаимосвязаны и взаимообусловлены («отношение / соотношение»).

5. Денотативное пространство русского глагола есть часть лингвоментальной сферы сознания человека («где / место»).

6. Денотативное пространство русского глагола как лингвоментальная часть сознания человека существует в определенный момент времени, отражая в виде денотатив-ситуаций процессы, происходящие в реальной действительности в настоящее (будущее, прошедшее) время («когда / время»).

7. Денотативное пространство русского глагола есть часть общей пространственной системы языка («положение»).

8. Денотативное пространство русского глагола — система динамическая, обновляющаяся и т. п. («обладание / состояние»).

9. Денотативное пространство русского глагола есть часть процесса номинации и вербализации («действие»).

10. Денотативное пространство русского глагола как система претерпевает изменения не только количественного, но и качественного характера («претерпевание / страдание»).

Таким образом, денотативное пространство русского глагола есть факт, подлежащий всестороннему изучению.

Глава 3

ДЕНОТАТИВНО-РЕФЕРЕНЦИАЛЬНОЕ ПРОСТРАНСТВО РУССКОГО ГЛАГОЛА

Пространство — основополагающая философская категория, исследованию которой посвящено множество работ. Категория пространства широко используется и в других науках, особенно в естественных и точных. В наиболее обобщенном виде сущность понятия пространства отражена в «Философском энциклопедическом словаре»: «Пространство есть форма бытия материи, характеризующая ее протяженность, структурность, сосуществование и взаимодействие элементов во всех материальных системах» (ФЭС: 519).

Категория пространства применима и к системе языка как одному из подвидов материальных систем. По словам Ю. С. Степанова, «нет ничего более естественного, как представлять себе язык в виде пространства или объема, в котором люди формируют свои идеи» (Степанов, 1985: 3). Представление языка в виде строго организованного пространства, по мнению Ю. С. Степанова, отвечает требованиям семиотики, науки о знаковых системах. Следовательно, возникает вопрос: как структурировано пространство, в том числе пространство знаковых систем? По мнению О. Н. Селиверстовой, «более соответствующим языковому представлению пространства является скорее его геометрическое изображение» (Селиверстова, 1990: 7). В «Философском энциклопедическом словаре» говорится, что «общим свойством пространства, обнаруживающимся на всех известных структурных уровнях, является трехмерность, которая органически связана со структурностью систем и их движением» (ФЭС: 520).

Рассматривая вслед за Л. М. Васильевым, В. В. Виноградовым, Э. В. Кузнецовой, Л. А. Новиковым, Д. Н. Шмелевым и др. лексику как знаковую систему, исследователи Уральской лингвистической школы (Л. Г. Бабенко, Ю. В. Казарин, Т. В. Попова и др.) представляют организацию лексики в виде пространства. Эту мысль подтверждают множественность лексических связей, подвижность лексического

состава, связь лексики с внеязыковой действительностью. Все эти факты вряд ли позволяют структурировать лексические единицы в единую иерархическую систему или полевую структуру (хотя, конечно, нельзя отрицать наличие полевых структур и иерархических отношений в частных лексических подсистемах — семантических классах слов). Следовательно, пространство с такими его характеристиками, как протяженность (т. е. сосуществование различных элементов, возможность прибавления к каждому данному элементу некоторого следующего элемента либо возможность уменьшения числа элементов), незамкнутость и непрерывность, является идеальной моделью организации лексики как системы.

Структура пространства словарного состава в целом обусловлена структурой языкового знака, в том числе слова, его связями с действительностью и с мышлением. Это позволяет Л. Г. Бабенко выделять лексико-семантическое, денотативное и концептуальное пространства глаголов (Бабенко, 1996, 1997, 1998).

Лексическое пространство слов — это совокупность лексем, пространство множеств, это непрерывная и в то же время открытая система, поскольку словарный состав языка постоянно изменяется. Лексическое пространство всегда связано с семантическим, и эта связь определяется отношениями манифестации между лексемой и семемой. «Семантическое пространство слов — это область существования и функционирования их лексических значений» (Новиков, Ярославцева, 1990). В данном определении вновь выявляются общие признаки пространства, фиксируемые в словарных определениях: непрерывность, структурность, открытость. Компонентами, единицами семантического пространства, по мнению П. Н. Денисова, А. И. Новикова, Ю. В. Казарина, являются семантические классы. Как пишет Л. Г. Бабенко, «семантическое пространство русского глагола — это совокупность глагольных семем, структурно организованных в семантические комплексы, включающие в свой состав категориально-лексическую и дифференциальную семантику всех глаголов одной лексико-семантической группы» (Бабенко, 1998: 8–9).

Понятия «лексическое» и «семантическое пространства» (или «лексико-семантическое пространство») достаточно устойчивы в научной литературе, и можно отметить определенные научные традиции изучения лексического и семантического пространств глаголов (см. работы Л. Г. Бабенко, Ю. В. Казарина, М. Л. Кусовой, Т. В. Поповой и др.). Вряд ли это можно отнести к денотативному пространству, изучение которого только начинается.

3. 1. ДЕНОТАТ ГЛАГОЛА И ПРЕДЛОЖЕНИЯ

В современной семасиологии достаточно традиционным стало разделение слов на два функциональных типа: предметные и признаковые. Предметная лексика обладает идентифицирующим, денотативным значением, признаковая — сигнификативным, предикатным (см.: Арутюнова, 1980; Васильев, 1990; Никитин, 1988; Степанов, 1980). Н. Д. Арутюнова пишет: «Для того чтобы оперировать именами, ведущими адресата к предметам действительности, нужно разбираться в природе мира; для того чтобы оперировать семантическими предикатами (признаковыми словами), нужно разбираться в способах мышления о мире... Употребление конкретных имен предопределено онтологией мира, а употребление семантических предикатов — гносеологией» (Арутюнова, 1980: 185).

Различие предметных и признаков слов, связанное с их отношением к действительности и ее отражением, обуславливает и различие их денотатов. Денотатом предметных слов является конкретный предмет, явление, обозначенное словом (см.: Новиков, 1982; Степанов, 1975; и др.). Значение признаков слов раскрывается через связи с предметными словами (см.: Арутюнова, 1980; Кубрякова, 1978; Уфимцева, 1986).

Поскольку признаковое слово обращено всегда к субстанции и обозначает признак этой субстанции, то природа признакового слова, в первую очередь глагольного, определяется исследователями как сигнификативно-денотативная (Ф. С. Бацевич, А. А. Уфимцева). Сигнификативную часть семантики глагола составляет собственно признаковое, процессуальное, реляционное значение; денота-

том глагола является понятие, представление о ситуации, включающее участников ситуации и другие обстоятельства. По словам А. А. Уфимцевой, «включенное в глагольное наименование предметное имя формирует денотативный компонент его знакового значения» (Уфимцева, 1986: 176). Взаимодействие денотативного и сигнификативного компонентов глагольной семантики выносится Ф. С. Бацевичем в плоскость синтагматики. С этим можно согласиться, если добавить существенное уточнение: денотат и сигнификат глагола взаимодействуют не в реальной синтагме — предложении, а в потенциальной — глагольном значении, и, следовательно, можно говорить о внутрисловной синтагматике глагола. По словам Е. В. Падучевой, «глагол в каждом случае своего употребления обозначает ситуацию с определенным набором участников; в семантику глагола входит указание на свойства этих участников, их отношение друг к другу» (Падучева, 1998: 87).

Представители денотативного направления в семантическом синтаксисе (В. Г. Гак, Т. П. Ломтев, Г. Г. Сильницкий и др.) полагают, что денотатом предложения является ситуация, соотнесенная через категории синтаксического времени и наклонения с реальной действительностью. Различие между денотатом слова и высказывания (предложения) отмечает В. Г. Гак: «Отличительные качества высказывания связаны с характером обозначаемого (ситуации): предикативность — отличительное свойство высказывания — есть показатель его соотнесенности с ситуацией, и, естественно, обладать ею может только высказывание — единица, референтом которой является не абстрагированный элемент ситуации (как у слова), а сама ситуация» (Гак, 1998: 247).

Таким образом, денотатом глагола является «свернутая», обобщенная, типизированная ситуация, а денотатом предложения — ситуация, соотнесенная с действительностью через грамматическое значение предикативности.

3. 2. СТРУКТУРА СИТУАЦИИ

Бесконечно и разнообразно количество ситуаций, событий реальной действительности. Попытки описать ситуа-

ции, отраженные в языке, предпринимались разными авторами.

Отправной точкой ряда классификаций является либо семантический тип предиката (см. типологии Т. В. Бульгиной, М. В. Всеволодовой, Л. М. Васильева, Г. А. Золотовой, Э. В. Кузнецовой, О. Н. Селиверстовой и др.), либо семантический тип субъекта (см. типологии Ф. С. Бацевича, О. А. Михайловой и др.).

Так, М. В. Всеволодова, пытаясь обобщить существующие классификации, выделяет 5 видов ситуаций: действие, состояние, отношение, свойство, бытие*, а далее классифицирует предикаты действия в соответствии со следующими сферами проявления события: физической, физиологической, эмоционально-психической, интеллектуально-творческой, социальной (Всеволодова, 1997: 21). При этом сфера проявления события определяется не только семантикой предиката, но и «тем, что мыслится в роли участников события, то есть лексическими значениями именных компонентов» (там же: 20).

Понимая ситуацию как отрезок реальной действительности, в структуре ситуации исследователи традиционно выделяют такие компоненты, как участники события и отношения, связывающие их. Эти компоненты М. В. Всеволодова называет денотативными ролями (1997: 20).

Иногда исследователи разделяют элементы ситуации на константные и переменные. К константным относятся компоненты с предметной семантикой — актанты (слова, называющие участников ситуации), к переменным — компоненты с признаковой семантикой — предикаты (слова, обозначающие действия, состояния, отношения, возникающие между участниками ситуации). Т. е. константные и переменные компоненты, получая языковое воплощение, становясь актантами и предикатами, составляют основу семантической модели предложения. Например, семантическая модель предложений с глаголами противодействия (см.

* Указанные виды ситуаций почти полностью совпадают с выделенными Э. В. Кузнецовой семантическими полями и семантическими подполями глаголов (см. «Лексико-семантические группы русских глаголов: Учеб. словарь-справ.» Свердловск, 1988).

предикаты *биться, бороться, воевать, драться, конкурировать, противодействовать, противоборствовать, противостоять, соперничать, соревноваться, состязаться* и др.) состоит из трех элементов: предикат противодействия, который в силу своей реляционной сущности является двухместным и «открывает» места для активного субъекта-адресанта и пассивного субъекта-адресата. В терминах ролевой грамматики эти актантные позиции определяются как агент и контрагент. Можно видеть, что семантическая модель предложения оказывается изоморфной структуре ситуации, в которой также выделяются два участника, связанных отношением противодействия.

Следовательно, изучению денотативного пространства глагола должно предшествовать выявление и анализ денотативных ролей, или элементов ситуации. Вслед за синтаксической традицией для обозначения элементов ситуации мы далее будем использовать термины «предикаты», «актанты», «сирконстанты»*.

3. 3. ТИПЫ АКТАНТНЫХ КОМПОНЕНТОВ

Л. Теньер, впервые обратившись к ролевой структуре предложения, метафорически назвал глагольный узел «маленькой драмой» и отвел актантам роль ее актеров. Л. Теньер выделил трех основных участников действия: «того, который осуществляет действие», «того, который испытывает действие», «того, в чью пользу совершается действие» (Теньер, 1988: 124). В работах других исследователей эта классификация значительно расширяется.

У. Чейф в зависимости от типа глагольного действия выделяет такие виды актантов, как агент, пациент, бенефициант, инструмент, сентиент, дополнение, местоположение (Чейф, 1975). Ч. Филлмор в построении падежной грамматики руководствуется тем, что «предложение в своей

* Эти же термины служат для обозначения компонентов семантической модели предложения. Так, Т. В. Шмелева пишет: «Следует различать актант как элемент плана содержания, как роль в ситуации, и актант как позицию в структуре предложения, предназначенную для определенных ролей» (Шмелева, 1988: 44), однако она не использует различные термины для разграничения денотативных и семантических ролей.

глубинной структуре трактуется как состоящее из глагола и одной или более именных групп, каждая из которых связана с глаголом определенным падежным образом» (Филлмор, 1981: 405). Он выделяет следующие падежи: агентив, инструменталис, датив, фактитив, локатив, обьектив (там же: 405—408). В поверхностной структуре глубинные падежи могут получать самые разные воплощения. В современном синтаксисе термин «актант» употребляется для обозначения элемента пропозиции, зависимого от предиката и соответствующего действующему лицу в событии, ситуации (В. А. Белошапкина, Т. В. Шмелева).

Таким образом, термин «актант» используется и в лексической семантике при выделении семантических валентностей глагола (Ю. Д. Апресян, М. В. Никитин, А. А. Уфимцева), и в падежной грамматике (Ч. Филлмор), и в семантическом синтаксисе (Н. Д. Арутюнова, В. В. Богданов, В. Г. Гак, Ю. А. Левицкий, Т. В. Шмелева).

Число выделяемых актантов в разных классификациях колеблется от 3 до 50. Мы полностью разделяем точку зрения В. В. Богданова, Ю. А. Левицкого, М. В. Никитина, Т. В. Шмелевой и других исследователей, утверждающих, что «глубина этих классификаций зависит от порога дробности семантических валентностей предиката» (Богданов, 1977: 57—58), «деление можно довести до каждой отдельной аргументной роли конкретных слов» (Никитин, 1988: 125). М. В. Никитин несколько раз подчеркивает, что «номенклатура, системные отношения и обозначения классов аргументов подлежат разработке и уточнению, равно как и зависимости между синтаксической семантикой аргумента, лексическим значением имени-аргумента и семантической структурой предиката. Пока они лишь намечены» (там же: 127). Эту позицию разделяет и Ю. А. Левицкий, полагающий, что «вопрос о номенклатуре глубинных падежей еще не решен — число ролей и их наименования у разных исследователей различны» (Левицкий, 1995: 128). Необходимо также помнить, что набор типов актантов вряд ли может быть универсальным для всех языков.

По справедливому замечанию Т. В. Шмелевой, «в классификацию актантов чаще всего привносится классифика-

ция пропозиций, в результате говорят о субъекте действия, состоянии, восприятия и т. д.» (Шмелева, 1988: 43). Часто при построении классификаций актантов учитывается, что характер актанта определяется семантикой глагола-предиката. Нельзя не согласиться с Т. В. Шмелевой, которая считает, что более рационально «различать актанты по признакам «собственно актантным»: принадлежность к предметам, лицам, событиям, а также по особенностям межактантных отношений...» (там же: 44).

Необходимо заметить, что денотативные классификации предметных имен (классификации на тематические группы, ономаσιологические группы, референтно-отражательные классы) исследователями предпринимались неоднократно (Бацевич, 1992; Ганжа, 1970; Лебедева, Янценецкая, 1989; Михайлова, 1985, 1998; Степанов, 1981; Шведова 1981 и др.).

Ориентируясь на семиологическую таксономию субъектов, выделенную Ю. С. Степановым, и функционально-отражательную типологию предметных имен Ф. С. Бацевича, мы выделяем два основных денотативных класса актантов: актанты, отражающие живую материю (люди, животные, растения), и актанты, отражающие неживую материю (вещи, предметы, реалии естественного мира). **Денотативный класс** — это объединение слов, отражающее онтологические свойства и категории субстанций, существующих в мире.

Ниже дана типология денотативных классов актантов, а также приведены примеры глаголов, границы референции которых определяются денотативными классами актантов.

Денотативные классы актантов

1. Живая материя

1.1. Люди

*Говорить, грустить, думать,
дирижировать, радоваться,
создавать*

1.2. Животные

*Лягать, мычать, опылять,
скулить*

1.3. Растения

*Взойти, высемениться,
распуститься, расцвести*

2. Неживая материя

2.1. Натурфакты:

- небо и небесные светила *Взойти, зайти, закатиться, клониться, вызвездить*
- явления природы, осадки *Выпасть, завьюжить, запушить, крапать, накрапывать, перестать, припустить*
- время *Длиться, идти, мелькать, мчаться, тянуться*
- свет, звук, запах, огонь *Благоухать, вспыхнуть, греметь, грохотать, грянуть, звучать, мерцать, ослепить, сиять*
- жидкость *Бурлить, впитаться, журчать, литься, кипеть, клокотать, течь, хлынуть*
- участки земной поверхности *Штормить (о море)*
- органы и части тела *Биться, колотиться, стучать (о сердце) моргать, сиять, щуриться (о глазах); виться, вылезти, расти (о волосах); сократиться (о мышцах)*

2.2. Артефакты:

- строения, сооружения *Воздвигаться, восстанавливаться, строиться*
- орудия труда, механизмы *Буксовать, работать, функционировать, настроиться*
- одежда, обувь *Износиться, морщить, тереть*
- продукты питания *Вариться, жариться, засахариться, коптиться, печься*
- предметы обихода, быта *Биться (о посуде)*
- краски, химические вещества *Отойти (о пятнах, грязи), облезть (о краске);*
- средства передвижения *Ездить, ехать, лететь, курсировать, приземлиться*
- продукты интеллектуальной деятельности. *Идти (о пьесе), исполняться*

2.3. Речефакты	<i>Выплескиваться, вырываться, сказываться (о словах)</i>
2.4. Психофакты	<i>Бушевать, всколыхнуть, захватывать, зачаровывать, овладеть, навеять</i>
2.5. Социофакты	
— деньги, ценные бумаги	<i>Расходо́ваться, тратиться</i>
— учреждения, организации, коллективы	<i>Автоматизировать, механизировать, обезопасить</i>

Таким образом, актантный компонент с предметной семантикой очерчивает границы референциального поля глагола и определяет референциальную соотношенность глагола-предиката с тем или иным денотативным классом. Это позволяет Ф. С. Бацевичу говорить о функциональном и коммуникативном доминировании субъектного компонента над предикатным в структуре пропозиции и о важности «именного» подхода, устанавливающего референциальную сферу действия глагольных слов (Бацевич, 1992, 1993, 1997). Выявление денотативных классов актантов позволяет определить типы ситуаций и сферы динамики бытия, отображаемые глаголами.

3. 4. СФЕРЫ ДИНАМИКИ, ОТОБРАЖАЕМЫЕ ГЛАГОЛАМИ

Отмечая динамизм и синтаксичность семантики глагола, исследователи определяют категориальное значение глагола как значение процессуальности (В. В. Виноградов, В. В. Богданов, Т. В. Булыгина, Л. М. Васильев, Г. А. Золотова, Э. В. Кузнецова, М. В. Никитин и др.). Так, Е. С. Кубрякова указывает на обращенность семантики глагола к формам экзистенции материи, к движению во времени и пространстве (Кубрякова, 1978: 101). Значение процессуальности проявляется во всех типах глагольной семантики — в глаголах действия, состояния, отношения, свойства, качества.

По словам Л. Г. Бабенко, «описание денотативного пространства русского глагола не ставит цель вскрыть все

объективно существующие в действительности события, процессы, связи, отношения... Цель описания денотативного пространства русского глагола — обнаружение в его лексической семантике наших знаний об организации процессуально-событийного мира» (Бабенко, 1998: 3–4). Одним из возможных путей исследования процессуально-событийного мира, зафиксированного в сознании носителей языка, является изучение референциальной соотнесенности глагольных, предикатных слов с предметными, идентифицирующими именами.

В зависимости от референциальной соотнесенности глаголов с тем или иным денотативным классом можно выделить две основные сферы динамики (т. е. области референциальной приложимости признакового глагольного слова) — сферы натурдинамики и антроподинамики.

3.4.1. Сфера натурдинамики

Сфера натурдинамики включает в себя три разновидности: собственно натурдинамику, биодинамику, предметную динамику. Все глаголы, покрывающие сферу натурдинамики, обозначают ситуацию динамического или функционального состояния субъекта. Каждая из выделенных подсфер (собственно натурдинамика, биодинамика и предметная динамика) обладает характерным для нее денотативным комплексом. **Денотативный комплекс** — набор денотативных ролей (элементов ситуаций) и ситуаций, репрезентирующих определенный фрагмент действительности, представленный в сознании говорящих в качестве инварианта (обобщенной, типовой ситуации).

Собственно натурдинамика представлена следующим денотативным комплексом: натурфакты — их бытие, существование, состояние, движение, проявление качества. На наш взгляд, именно специфика этого денотативного класса (натурфакты) определяет структуру денотативного комплекса и наличие в нем двух денотативных ролей. В данной сфере отображено представление человека об окружающей среде (природе), находящейся независимо от человека в каком-либо состоянии и обнаруживающей, проявляющей какие-либо свойства, качества, воспринимаемые человеком.

Исследуя закономерности организации семантики глагольных предикатов и их взаимодействие с актантами, можно конкретизировать типы ситуаций, представленные в подсфере собственно натурдинамики, и их языковое воплощение:

1. Небо, небесные светила — их движение и функционирование. Предикаты: *взойти, греть, зайти, жарить, клониться, подняться, припечь (о солнце); вызвездить, выясниться, хмуриться (о небе); взойти, зайти, закатиться (о небесных светилах)*. Указанные глаголы относятся к лексико-семантическим группам (ЛСГ) глаголов движения и глаголов функционального состояния. Семантические модели предложений, обозначающих ситуацию непоступательного движения субъекта и проявления функционального состояния, по данным ЭСС, двухкомпонентны, т. е. включают позиции субъекта и предиката.

2. Осадки, природные явления (ветер, стихия, тучи, туман) — их проявление. Предикаты: *бушевать (о природной стихии), выпасть (о дожде, снеге), дуть (о ветре), завьюжить (о вьюге), заняться (о заре), запушить (о снеге), идти (об осадках); зарядить, капать, накрапывать, перестать, припустить, сеять (о дожде)* и др. Большинство данных глаголов также относится к лексико-семантическим группам движения и функционального состояния.

Достаточно большой класс глаголов, включающих компонент 'явление природы' в качестве субъектного, относится к ЛСГ звучания (*барабанить (о дожде), завывать, стонать (о явлениях природы), греметь, грохать, грохотать, рокотать (о громе)* и др.). Единичные глаголы обозначают ситуацию помещения (покрытия) объекта: *заволочь (о тучах, тумане), затянуть (об облаках), опушить (о снеге), наволочь и обволочь (о тучах, небе)*. Семантическая модель предложений с данными глаголами трехкомпонентна, она включает позицию объекта со значением 'поверхность чего-л.' Например, в предложении *Все дороги к Ишимовке, глухой уральской деревеньке, занесло снегом* семантический субъект — «снег» (принадлежит к денотативному классу «Осадки»), семантический объект — «дороги» (принадлежит к денотативному классу «Участки

земной поверхности»), предикат — *занести* (относится к ЛСГ глаголов покрытия). Глаголы, включающие в значение семантический субъект «ветер», могут относиться к ЛСГ глаголов прикосновения, например, *обвевать, обдавать* (кого-что, безл.), и в структуре семантической модели предложений с данными глаголами оказывается позиция одушевленного объекта.

Природное явление может выступать в качестве причины движения, перемещения объекта, вызывать непоступательное движение объекта (см. предикаты: *ворошить, играть, качать, колебать, колыхать, кружить, крутить, покачивать, раскачивать, содрогать, теребить, трепать, тормошить, шевелить, шелохнуть* и др.). Семантические модели таких предложений трехкомпонентны, например: *Ветер качнул ветку сирени* (субъект-каузатор — предикат — объект). Природное явление может вызывать однонаправленное перемещение объекта относительно исходного пункта (см. предикаты: *выбрасывать, выкидывать, вышвыривать, отгонять, относить, оттягивать, развеивать, стряхивать, увлекать, угонять, уносить, утаскивать* и др.). Семантические модели таких предложений состоят их четырех компонентов, например: *Ветер отогнал лед от берега* (субъект-каузатор — предикат — объект — исходный пункт).

Анализ семантики глаголов и семантических моделей предложений позволяет говорить о том, что ситуация, в которой природное явление выступает в роли участника события, не всегда замыкается на субъектной сфере, природное явление мыслится как активная субстанция, способная выступать в роли каузатора действия.

3. Жидкость — ее функциональное состояние. Предикаты: *брызнуть, бурлить, впитаться, выкипеть, журчать, залиться, кипеть, kloкотать, литься, расплескаться, сочиться, схлынуть, течь, хлынуть*. Указанные глаголы относятся к лексико-семантическим группам движения, функционального состояния, проявления качества. При этом многие глаголы, референциально соотносимые с субъектом «жидкость» и относящиеся к ЛСГ движения, обладают дифференциальной семьей 'интенсивность движения, действия',

например, *бурлить, бушевать, кипеть, клокотать, реветь* и др. В контексте эти глаголы могут сочетаться с достаточно широким рядом субъектов-натурфактов (ветер, огонь, стихия, вода). Например: *Ночью буря бушевала* (И. Бунин); *Бушует полая вода, шумит и глухо и протяжно* (И. Бунин); *Ветер свирепствовал, море бушевало* (И. Гончаров).

4. Физические явления (свет, звук, запах, огонь) — их функционирование. Предикаты: *бить, благоухать, ворваться, греметь, грохотать, грянуть, докатиться, звучать, лить, мерцать, нестись, ослепить, падать, пылать, полыхать, прозвонить, прозвучать, прокатиться, раскатиться, раздаться, резать, слепить, тлеть, тянуться, ударить* и др. В силу семантической близости и общности ряда семантических компонентов «свет» и «огонь» являются субъектами одних и тех же глаголов, например, *блестеть, вспыхнуть, гаснуть, гореть, осветить, сиять, слепить* и др. По словам О. А. Михайловой, «большинство глаголов, имеющих названную лимитирующую сему, обозначают разные способы перемещения, распространения этих физических явлений, и этот факт совершенно понятен, потому что свет, звук и запах сходны именно по волновому способу перемещения» (Михайлова, 1998: 14). Таким образом, указанные глаголы относятся к ЛСГ глаголов движения, перемещения, проявления качества, звучания.

Глаголы, включающие в значение компонент 'огонь, дым', «называют действия, связанные преимущественно с разрушительной силой огня: *пожирать — уничтожать, сжигая (об огне, пламени); слизать — уничтожить (об огне); опалить — уничтожить поверхность или края чего-л. (об огне)...*» (Михайлова, 1998: 149) и, следовательно, могут быть отнесены к ЛСГ глаголов повреждения объекта. К ЛСГ повреждения объекта можно отнести и глаголы *бить, резать, ударить (о резких, пронзительных звуках, ярком свете)*. Два глагола — *лизать (о языках пламени)* и *обнять (о пламени)* — в переносных значениях относятся к ЛСГ прикосновения. Семантические модели предложений с глаголами, включающими ДС 'огонь' и ДС 'яркий свет', обычно трехкомпонентны: помимо субъектного и предикатного компонента, они включают объектный компонент, часто имею-

щий значение 'место, участки земной поверхности, здания, строения, какие-л. объекты, поверхность чего-л.'

В семантических моделях предложений с глаголами движения и перемещения *ворваться, доноситься, нестись, разноситься, падать, перебежать, прокатиться, повиснуть* (о звуках, свете) репрезентирована позиция сирконстанта — компонента с локальным значением. Например: *Откуда-то несло благоуханье мокрой, освеженной дождем сирени* (А. Куприн); *Из раскрытых окон доносится звук стаканов и лязг стали* (В. Вересаев); *Звук ее шагов разносился по пустой и холодной квартире* (Л. Андреев). В некоторых случаях этот сирконстантный компонент оказывается включенным в значение глагола и конкретизированным в словарной дефиниции, например, *повиснуть* — 'распространиться в воздухе (о запахах, звуках)'; иногда сирконстантный компонент представлен в дефиниции обобщенно, с помощью местоименного наречия (где-л., куда-л.), например, *ворваться* — 'быстро проникнуть куда-л. в большом количестве, наполнить собой (о звуках, запахах)'

Многие глаголы этой группы представлены неосновными лексико-семантическими вариантами. Регулярными оказываются уже названные выше переносы с субъекта «вода» на субъект «свет, звук», например: *И льется в душу свет с небес* (Н. Рубцов); *Из страны, где солнца свет льется с неба жгуч и ярост...* (М. Волошин).

5. Время — его движение. Предикаты: *бежать, длиться, идти, лететь, мелькать, мчаться, настать, наступить, нестись, ползти, пройти, промелькнуть, течь, тянуться* и др. Большинство глаголов употреблено в переносном значении. В основе возникновения переносного значения лежит актантная метафора (мена субъектов, перенос с субъекта «движущееся лицо, человек» на субъект «время»). При этом исследователи отмечают, что в языке больше глаголов, характеризующих быстротечность времени, чем глаголов, характеризующих его остановку или медленное протекание (см. Михайлова, 1998: 151; Яковлева, 1994), что, вероятно, связано со значением времени как одной из форм существования бесконечно развивающейся материи. Семантические модели предложений, обозначающих движе-

ние времени, двухкомпонентны, например: *Могучий день пришел...* (Н. Заболоцкий); *Но время шло, и приближался день* (Н. Рубцов); *Как медленно текут расплавленные дни* (М. Волошин); *За годом год уносится навек* (Н. Рубцов); *Серый день ползет лениво* (А. Фет). Помимо обязательных субъектных и предикатных компонентов, предложения включают компонент со значением качественной характеристики движения времени (см. в приведенных примерах наречия *медленно, лениво, навек*).

Семантический анализ глаголов, составляющих центр подсферы «собственно натурдинамика», а также рассмотрение семантических моделей предложений с данными глаголами позволяют говорить об универсальном для данных глаголов концептуальном признаке движения. Движение, способность к изменениям характеризует натурфакты как денотативный класс. При этом характер движения может быть различным: поступательным и непоступательным, одноподнаправленным и разнонаправленным, медленным и быстрым, интенсивным (чаще всего в глаголах содержится семантический компонент интенсивности, что связано с изменяемостью, текучестью, быстрой сменой и сложной фиксацией природных явлений). Природные и физические явления (ветер, осадки, звук, запах, огонь) могут приводить в движение какие-либо неодушевленные объекты и воздействовать на человека, т. е. могут быть каузаторами действий.

Биодинамика представлена следующим денотативным комплексом: биофакты (растения, животные, человек как биологическое существо) — их функциональное действие или состояние. В этой подсфере закреплено представление человека о денотативном классе «Живая материя» как биологическом субъекте, обладающем такими специфическими признаками, как возникновение, зарождение, рост, развитие, жизнедеятельность, исчезновение.

Рассмотрим основные типы ситуаций, представляющих биодинамику, и их языковое отображение:

1. Животные — их жизнедеятельность (зоодинамика). Предикаты: *блестать, бодать, ворковать, гнездиться, кричать, котиться, кусать, лаять, лягать, метать (икру, о рыбах), мяукать, нести (яйца), пастись, пороситься, пор-*

хоть, телиться и др. О. А. Михайловой выявлены для данной группы глаголов так называемые «когнитивные стратегии именованья», т. е. свойства, воспринимаемые человеком и отражаемые в языке: звуки, воспроизводимые животными; рождение потомства; действия животных, представляющие опасность для человека; действия, связанные с использованием животного (см.: Михайлова, 1998: 129—131). Также можно говорить о специфических движениях животных, различающихся по способу и среде перемещения (*лететь, парить, плыть, ползать, припрыгивать, прискакать, порхать, реять*). Кроме того, зафиксирована целая группа глаголов, объединенных дифференциальной семьей ‘множество, несколько субъектов’ (*набегать, наезжать, налететь, сбегаться, собираться, сползаться, нахлынуть*); обозначаемое этими глаголами однонаправленное движение может быть референциально соотнесено с субъектом «животные». Приоритетность названных ситуаций определяет принадлежность глаголов, референтно связанных с актантом «животные», к ЛСГ звучания, физиологических действий, движения, нанесения удара, давления. Семантические модели предложений с такими глаголами обычно двухкомпонентны и состоят из субъекта (лексически репрезентированного видовым названием животного) и предиката, характеризующего основные функции животного (особенности звучания и жизнедеятельности). В то же время выделяются особые семантические модели предложений с типовой семантикой ‘животное наносит удар по кому-л., чему-л.’ (предикаты: *бить, давать, долбить, колотить, колотиться, лупить, лягать, надавать, огреть, пинать, притоптывать, стучать, топтать, тыкаться, ударять, ударяться, шлепать*); с типовой семантикой ‘группа животных подвергает кого-л., что-л. нападению, опустошению, нанося вред, причиняя ущерб’ (предикаты: *заедать, набрасываться, накидываться, налетать, нападать, опустошать*). Семантические модели этих предложений трехкомпонентны (т. е. включают позицию объекта), а иногда и четырехкомпонентны (т. е. включают позицию неотчуждаемого инструмента — части тела; например: *Пес притаптывал лапами только что выпавший снег*).

2. Растения — их возникновение, развитие, рост, гибель (фитодинамика). Предикаты: *акклиматизироваться, ветвиться, взойти, выколоситься, взяться, вымереть, выметаться, вымокнуть, вырасти, высемениться, зеленеть, запушиться, засорить, зреть, колоситься, пробиться, распуститься, расти, расцвести, цвести* и др. Семантические модели предложений с глаголами, включающими субъектную сему 'растения', обычно двухкомпонентны. Трехкомпонентную модель образует сравнительно небольшой класс глаголов, относящихся к ЛСГ перемещения и включающих, помимо субъектной, позицию объекта со значением 'листья, ростки, почки, цветы', например: *выпустить (ростки, о растениях); обронить (листву, о растениях); осыпать (листву, о деревьях, цветах); пустить (ростки, корни, о растениях); раскрыть, распустить, распушить (почки, цветы, о растениях); ронять, скидывать, сбросить (листву, о деревьях)*. Трехкомпонентными оказываются и семантические модели с глаголами ненаправленного перемещения, включающие позицию неотчуждаемого инструмента со значением 'часть растения', например: *взмахивать, встряхивать, двигать, качать, кивать, махать, покачивать, раскачивать, шевелить (ветвями, цветками и т. п., о растениях)*.

3. Человек — развитие, рост, физиологические действия, физиологическое состояние. Предикаты: *беременеть, болеть, выздоравливать, голодать, грипповать, дремать, жить, зябнуть, знобить, изнемогать* и др. Выделяя основные системы человека, отображенные в языке, Ю. Д. Апресян указывает на физиологические состояния (голод, жажда, желание, боль), локализующиеся в органах тела, и физиологические реакции на разного рода внешние и внутренние воздействия (Апресян, 1996). Семантический анализ глаголов названной подсферы позволяет выявить следующие типовые ситуации, отображаемые глаголами: 1) ситуацию бытия, существования человека (*жить, существовать, быть*); 2) ситуацию болезненного состояния или физиологического дискомфорта (*болеть, грипповать, заражаться, простудиться, температурить, кашлять* и др.); 3) ситуацию физиологических действий (*дышать, есть, кашлять, моргать, сморкаться*); 4) ситуацию — реакцию человека

на внешние и внутренние воздействия (*коченеть, замерзать, застывать, проголодаться, угорать, мерзнуть, укачивать*); 5) ситуацию сна (*забываться, дремать, спать, смотреть*); 6) ситуацию вынашивания и рождения ребенка (*беременеть, вынашивать, родить*); 7) ситуацию смерти (*издыхать, околевать, погибать, умереть*); 8) ситуации, связанные с изменением внешних (физических) признаков человека (*глохнуть, дряхлеть, жиреть, лысеть, неметь, слепнуть*); 8) ситуации, связанные с другими частными физиологическими действиями и состояниями, например, ситуация опьянения (*пьянеть, трезветь*).

В количественном отношении наиболее значительную группу представляют глаголы болезненного состояния, которые отображают разнообразные болезненные ощущения человека. Н. А. Боровикова отмечает, что многие предикаты болезненного состояния являются вторичными, т. е. они «семантически производны от глаголов следующих лексико-семантических групп: а) разделения: *поясницу переломило, глаза режет, в боку колет, виски разламывает, зубы ломит* и т. п.; б) давления: *в груди жмет, глаза щиплет, желудок давит*; в) звучания: *в ушах звенит, в голове гудит, в висках стучит, голова трещит* и т. п. и некоторых других лексико-семантических групп: *голова горит, сердце схватило, в желудке жжет* и т. п. Эти глаголы обозначают болезненное состояние человека через уточнение характера испытываемой боли (режущая, колющая, давящая и т. п.)» (Боровикова, 1995: 4). Можно предположить, что такого рода вторичные предикаты представляют результат мыслительных операций: сравнения боли с физическими реалиями, способными отрицательно воздействовать на человека. Неконтролируемость болезненных ощущений, неподвластность их человеку становятся причиной безличного употребления обозначающих их глаголов. Глаголы болезненного состояния называют физические отклонения от нормы (отметим, кстати, что в русском языке почти нет глаголов, имеющих значение ‘быть здоровым’; исключения составляют лишь несколько глаголов в переносном значении, например: *цвести* — ‘находиться в состоянии расцвета физических сил’; *бегать* — ‘быть, оставаться

в здоровом состоянии, несмотря на возраст', а также глаголы со значением 'выйти из какого-либо болезненного состояния': *выздоровливать, выживать, вылечиваться, полегчать, очухаться*). Лексически номинированной оказывается и ситуация, связанная с представлением психических отклонений от нормы (*галлюцинировать, помешаться, свихнуться, угорать*). Изменение внешних физиологических признаков человека отражено отадективными производными (*грузнеть, дряхлеть, лысеть, полнеть, седеть, слепнуть, стареть, хрометь, худеть*), имеющими значение становления качества, при этом в семантике глаголов содержится отрицание, репрезентирующее потерю качества, которым ранее обладал субъект глагольного действия.

Семантические модели предложений с глаголами, отображающими денотативный комплекс «человек — развитие, рост, физиологические действия и состояния», обычно двухкомпонентны, что связано с самим характером физиологического действия, замыкающегося на сфере субъекта. В роли факультативного компонента семантической модели могут выступать словоформы со значением причины (*он замер от страха; ребенок изнемог от плача; он простудился, катаясь на лыжах* и т. п.). Трехкомпонентной оказывается модель с глаголами *вынашивать, родить*, обладающими закрепленным лексическим контекстом и включающими в значение субъектный компонент (*о женщине*) и объектный компонент (*ребенок*). Предложения с безличными глаголами, входящими в ЛСГ физиологического состояния, могут включать специализированный локативный компонент (орган тела, в котором локализуется боль): *в сердце колет, в висках стучит, в голове шумит*.

4. Органы тела — их функционирование. Предикаты: *биться (о сердце), блестеть (о глазах), болеть (об органах и частях тела), отсыхать (о частях тела), сокращаться (о мышцах), щуриться (о глазах)* и др. Данные глаголы можно отнести, пользуясь терминологией Л. М. Васильева и Г. А. Золотовой, к функциональным, т. е. обозначающим «возможность функционирования как способ существования предмета или осуществления его назначения» (Золотова, 1982: 162). Основной концептуальный признак «функ-

ционирование» характеризует в целом сферу биодинамики, а для глаголов, референциально соотнесенных с именами «органы, части тела» он является наиболее значимым. В то же время глаголы данной группы распределяются неравномерно по ЛСГ: часть глаголов оказывается в ЛСГ функционального состояния (*биться, колотиться*), физиологического состояния (*болеть*); часть глаголов относится к семантическому полю «Действие», например, ЛСГ глаголов помещения, разделения, соединения. Достаточно подробные референциальные характеристики данного глагольного класса содержатся в работе О. А. Михайловой (1998).

Семантический анализ глаголов, входящих в подсферу биодинамики, и анализ семантических моделей предложений позволяет говорить о сложной, комплексной природе действий и состояний, обозначаемых этими глаголами. Основное категориальное значение большинства глаголов, относящихся к данной подсфере, — бытие, существование, функционирование — совмещается с комплексом других, обозначающих способ бытия, существования, выполнения функции. Для денотативного класса «Животные» к таким способам можно отнести движение, образ жизни, воспроизводство потомства, различные физические действия, для класса «Растения» — изменение состояния и перемещение своих частей, для класса «Человек» — физиологические действия и состояния. В семантическом плане наиболее разнообразными оказываются действия, выполняемые органами тела, что объясняется и многофункциональностью ряда частей тела, и самим характером осуществляемых ими действий.

Предметная динамика представлена следующим денотативным комплексом: вещь, предмет — его качество, свойство, положение в пространстве, движение. В зависимости от денотативного статуса имени можно выделить типы глаголов, референциально связанных со следующими субъектами действия:

- 1) строениями, сооружениями: *выстроиться* (о строениях), *стоять* (о строениях, сооружениях);
- 2) орудиями труда, механизмами: *буксовать* (о колесах), *заглохнуть* (о моторе), *показать* (об измерительных приборах), *тикать* (о звуке работающего механизма);

3) средствами передвижения: *приземлиться* (о летательном аппарате), *ехать* (о средствах передвижения), *курсировать* (о пароходе, самолете, автобусе), *причалить* (о судах, дирижаблях);

4) одеждой, обувью: *морщить* (об одежде), *тереть* (о неудобной обуви, одежде);

5) продуктами питания и внутреннего употребления: *бродить* (о вине), *взойти* (о тесте), *засахариться* (о варенье), *коптиться* (о продуктах питания), *подняться* (о тесте), *черстветь* (о хлебе);

6) предметами обихода, быта: *биться* (о посуде), *отвязаться* (о веревке, шнуре);

7) красками, химическими веществами: *отойти* (о пятнах, грязи, краске), *облезть* (о краске), *улететь* (о летучих частицах).

Все названные глагольные классы обладают общим семантическим признаком — узкой специализированностью значения относительно референциально ограниченного ряда субъектов. Их референтная соотношенность может быть единичной или групповой, множественной. Такие глагольные классы привлекали не раз внимание исследователей и получили разные терминологические определения: денотативно зависимые, однопризнаковые глаголы (Бацевич, 1997); глаголы с лимитирующими (специализированными) семами (Михайлова, 1985, 1998); глаголы с включенной актантной рамкой и др.

Действия, называемые этими глаголами, разнообразны, вследствие чего данные глаголы могут быть отнесены к разным ЛСГ. Так, глаголы, референтно соотношенные с именами «транспорт, средства передвижения», относятся к ЛСГ движения (*ездить, лавировать, летать, маневрировать, плавать* и др.). Но в остальных случаях однозначного соответствия между денотативным классом субъектного имени и ЛСГ глагола не обнаруживается. Например, глаголы, референтно соотношенные с актантом «продукты питания», могут быть отнесены к ЛСГ приготовления пищи (*вариться, жариться, печься*), к ЛСГ изменения количественного признака (*взойти, подняться — о тесте; набухать*), изменения качественного признака (*заветреть, черстветь*) и др.

Общий концептуальный признак, характеризующий предметную динамику, — признак функционирования. В большей степени этот признак характерен для глаголов, референтно соотнесенных с субъектами — орудиями труда, механизмами, что определено, как пишет О. А. Михайлова, самой природой механизмов, орудий труда, т. е. «артефактов — функционально ориентированных предметов, созданных человеком» (Михайлова, 1998: 155). Концептуальный признак функционирования объединяет предметную динамику с биодинамикой* и противопоставляет в целом натурдинамику (собственно натурдинамику, биодинамику, предметную динамику) сфере антроподинамики. Глаголы, входящие в сферу натурдинамики, являются в большинстве своем субъектно ориентированными. Действие, обозначаемое ими, замыкается чаще всего в самом субъекте и не распространяется на объект.

3.4.2. Сфера антроподинамики

Рассматривая образ человека в языке, Ю. Д. Апресян говорит, что «человек мыслится в русской языковой картине мира как динамическое, деятельное существо» (Апресян, 1996).

Сфера антроподинамики включает в себя 4 подсферы: радиодинамику, социодинамику, психодинамику, речединамику. Это самая сложная по внутренней организации сфера, состоящая из множества денотативных комплексов, объединенных областью референциальной приложимости: все они соотносятся с субъектом-человеком. В сфере психодинамики это субъект-человек, испытывающий определенные чувства, эмоции; в сфере речединамики человек, выражающий мысли, чувства с помощью речи; в сфере социодинамики — субъект-человек как часть социума, вовлеченный в какие-либо общественные и социальные отношения и прояв-

* Так, Ф. С. Бацевич пишет: «...глаголы функционирования — это в большинстве случаев те же глаголы действия, природа референтов, стоящих за именами их субъектов, имеет особый характер: они «действуют» не сами по себе, а благодаря заложенным в них человеком конструктивным особенностям (артефакты) или управляются более сложно организованным целым — человеком или животным (части тела)» (Бацевич, 1997: 99).

ляющий себя в общественной, социальной, профессионально-трудовой, политической деятельности; в сфере радиодинамики это субъект-человек, выполняющий действия по созданию, изменению, разрушению каких-либо объектов.

Радиодинамика отображает следующую инвариантную, типовую ситуацию: человек воздействует на объект каким-либо образом, воспринимая, осмысляя, созидая или разрушая его. В структуре денотативного комплекса выделяются три денотативные роли: основной участник ситуации — субъект (человек); второй участник ситуации — объект (обычно неодушевленный), на который направлено или которого касается действие; целенаправленное действие. Именно характер действия — физическое или интеллектуальное, созидательное или разрушительное — определяет денотативную природу объектов (натурфактов / артефактов).

При выделении основных типов ситуаций, репрезентирующих область радиодинамики, мы, с одной стороны, опирались на семантическую классификацию глаголов, представленную в ТИСРГ, и классификацию семантических моделей глагольных предложений (опыт которой изложен в проспекте экспериментального синтаксического словаря «Семантические модели русских глагольных предложений»), а с другой стороны, учитывали семантические функции и денотативную природу объекта действия. При выявлении типов ситуаций оказывается существенным определить не только тип глагольного действия (физическое, интеллектуальное, речевое и т. д.), но и денотативный тип объекта, вовлеченного в это действие и во многом определяющего характер и сферу его протекания. Именно такой подход, на наш взгляд, позволяет исследовать референциальную природу глагольного слова, соотносительность глагола и имени и способ воплощения в языковом сознании реальных действий, процессов, ситуаций.

Рассмотрим основные типы денотативных комплексов с учетом характера двух денотативных ролей: субъекта и объекта действия.

1. Человек — натурфакты. Сфера воздействия человека на натурфакты (небо, небесные светила, природные яв-

ления) достаточно ограничена, и этот объективный факт находит отражение в семантике глаголов. Так, О. А. Михайлова отмечает субъектную ориентацию глаголов: натурфакты значительно реже, чем артефакты, выступают в роли объекта действия; исключением, по ее мнению, являются функционально-отражательные классы слов со значением 'жидкость' и 'участки земной поверхности' (Михайлова, 1998). Кроме названных, в позиции объекта, на который направлено действие, может выступать натурфакт «время» и натурфакты «свет, звук, запах, огонь».

1.1. Человек — какие-либо вещества (что-либо жидкое, сыпучее). Предикаты: *болтать, взбалтывать, встряхивать, вливать, выливать, высыпать, лить, сыпать*. Ряд глаголов помещения с объектным конкретизатором 'жидкое, сыпучее' невелик по объему. Значительно чаще семантический конкретизатор 'какие-либо вещества', 'жидкость' занимает в семной структуре глагольного значения позицию локализатора действия, например: *макать, обмакивать, окунуть, погружать (во что-л. жидкое, сыпучее)* или производные от глагола *плыть*: *доплывать, подплывать, приплывать* (в семной структуре которых содержится компонент 'в воде, в водной среде').

1.2. Человек — участки земной поверхности. Предикаты: *боронить, взрыхлить, вскопать, дисковать, запахивать, культивировать, протоптать, разработать, разминировать, копать, разгрести, рыть* и т. д. «Земля» как объектный компонент обычно выступает в роли предмета, вовлеченного в действие человека, предмета, на изменение которого направлено действие человека, и в силу этого может быть отнесена к артефактам. Предикаты, покрывающие названную денотативную сферу, относятся к ЛСГ глаголов обработки и рытья (*боронить, взрыхлить, возделывать, копать, рыть*). В глаголах *асфальтировать, гатить, мостить, накатывать, прокладывать, протаптывать, разбивать, торить (дорогу, тропинку, колею)* компонент 'участок земной поверхности' приобретает результативную функцию и становится артефактом (результатом, продуктом человеческой деятельности). Кроме того, «земля» может выполнять функцию социофакта, например, в глаголах *намежевать*

(землю, лесные участки), столбить (место, участок), эксплуатировать (землю, природные богатства, земные недра) и др., в которых земля выступает как объект социальных действий человека (купли-продажи). Значения глаголов могут включать объектную позицию, репрезентированную в словарной дефиниции как 'место, помещение, пространство', например: *вытравить (поля, луга)*, *разминировать (какую-л. местность, участок моря)*, *оккупировать (какое-л. место, помещение)*.

1.3. Человек — время. Предикаты: *выбирать (время, день)*, *тратить (время)*, *назначать (срок совершения какого-л. действия)*, *наполнять (время, период)*, *освобождать (время)*, *отрабатывать (время, срок)*, *проводить (время)*, *улучать (время)*, *урвать (время)*. По словам Ю. С. Степанова, «время — абстрактное философское понятие, но оно все окружено моральными ассоциациями, что и делает его концептом» (Степанов, 1997: 15). Анализ глаголов, содержащих семантический компонент 'время', позволяет говорить о событийном наполнении времени. Особенно четко это обнаруживается в парадигме глаголов с префиксом *про-*: *прогулять, продумать, проиграть, пролежать, пропить, просидеть, прослушать* и т. п. (*какое-л. время или в течение какого-л. времени*). Анализ переносных значений глаголов показывает, что чрезвычайно важным признаком времени является его ограниченность, вследствие чего время можно *истратить* и *потратить (обычно на что-л. ненужное и бесполезное)*, а также его труднодоступность (см. глаголы *выкраивать, высвободить, улучшить, урвать*).

1.4. Человек — свет, звук, запах, огонь. Предикаты: *выветрить (запах)*, *приглушать (свет, звук)*, *раздувать (огонь)*, *разводить (огонь)*, *гасить (огонь)*. Сфера воздействия человека на указанные субстанции достаточно ограничена, что и подтверждается незначительным количеством глагольных лексем. В то же время в силу того, что свет, звук, запах имеют волновую природу, человек может воспринимать эти явления с помощью зрения, слуха, обоняния. Поэтому глаголы восприятия (*воспринимать, видеть, слышать, чувствовать* и др.) также могут быть отнесены к данной подсфере.

2. Человек — биофакты. Разнообразны по семантической природе группы глаголов, референциально соотносимые с субъектом-человеком и объектами-биофактами. Глаголы, область референциальной приложимости которых ограничена объектом «животные», относятся к ЛСГ перемещения объекта (*вводить, втаскивать, отводить, заманивать*), помещения объекта в результате физического воздействия (*впрягать, запрягать, загонять, заталкивать*), избавления (*выпрягать, расседлывать*), отрицательного воздействия и лишения жизни (*забить, загарпунить, затравить*), принуждения (*погонять, понукать*), влияния (*приучать, воспитывать*) и к другим ЛСГ, обозначающим неспециализированные действия, которые могут быть отнесены как к объекту-животному, так и к объекту-человеку. Менее разнообразными по характеру обозначаемых действий оказываются глаголы, референциально соотнесенные с объектом «растения». В основном это глаголы, описывающие ситуацию помещения растения в землю (*сеять*, а также производные от *сажать*: *насаживать, обсаживать, пересаживать, рассаживать*) или ситуацию уничтожения объекта-растения (*выкосить, вырубить, полоть, уничтожить*). Объектный компонент 'органы тела' обычно конкретизируется в словарной дефиниции, и наиболее объемными оказываются группы глаголов помещения с референтным ограничителем 'руки, ноги, голова': *вытягивать руки, ноги, шею; запрокидывать голову, отставлять руки, ноги; протягивать руки, ноги; простирать руки; качать головой; махать головой* и т. п. Единичны случаи употребления в роли объектного компонента других органов, частей тела: *сжать губы, рассыпать волосы, зачесать волосы, изогнуть шею*. По словам О. А. Михайловой, частотность лимитирующей семы 'руки, ноги' в значениях глаголов объясняется разнообразием положений, которые могут принимать конечности человека (Михайлова, 1998: 118). Другим фактором частотности глаголов с объектным компонентом 'руки, ноги', а также с объектным конкретизатором 'голова', на наш взгляд, являются и присущие им референциальные признаки 'способность к движению, к изменению положения' и 'способность человека (или животного) как

носителя действия контролировать это перемещение'. Поэтому неслучайно наличие целого комплекса глаголов, в которых референтный ограничитель 'органы, части тела' занимает позицию неотчуждаемого инструмента (*взмахивать рукой, головой; двигать рукой, ногой; крутить, махать, мотать головой* и т. п.). Признак неотчуждаемости, характерный для всех органов тела, ограничивает и характер движения. Также фактором частотности глаголов с референтными ограничителями 'руки', 'ноги', 'голова' является способность данных глаголов передавать различного рода эмоциональные состояния. Об этом уникальном явлении в русском языке пишет А. Вежбицкая, приводя ряд словосочетаний, не всегда переводимых на другие языки: *потирать руки (от удовольствия), ломать руки (в отчаянии), вспелснуть руками, развести руками, прижимать руки к груди, обхватить голову руками, схватиться за голову, понурить голову, биться головой о стену, топтать ногами (в ярости), бухнуться в ноги* и др. (см.: А. Вежбицкая, 1999: 537 – 545).

Таким образом, связь человека с животными, растениями и органами тела фиксируется в глаголах перемещения объекта (как однонаправленного, так и разнонаправленного) и помещения объекта (в результате перемещения и в результате физического действия). Следовательно, основным концептуальным признаком, выявляемым в ходе анализа денотативного комплекса «человек — биофакты», является признак перемещения и помещения объекта.

3. Человек — артефакты. Область взаимодействия человека с артефактами связана с физическими действиями и физической деятельностью человека. Характер такой деятельности различен: это и созидание, и разрушение объекта, и воздействие на него. Семантические роли объекта также разнообразны: это и объект-партитив, и объект-результатив, и объект с локальным и инструментальным значениями. Рассмотрим типы ситуаций с учетом денотативных ролей объектов-артефактов.

3.1. Человек — строения, сооружения. Предикаты: *возводить, воздвигать, восстанавливать, выкладывать, закладывать, навести, насыпать, пристраивать, перестраи-*

вать, реставрировать, создавать, сооружать, ставить, строить и др. Большинство глаголов относится к ЛСГ создания объекта — строения, сооружения в результате физического труда; и объект этот выполняет семантическую функцию результата действия. Значимым для представления действия и зафиксированным в семантике глагола оказывается признак ‘размеры, величина строения’, например, глаголы *возводить, воздвигать, сооружать* имеют объектный конкретизатор ‘что-л. высокое’. При реализации глаголов в контексте также возможной, но необязательной является позиция материала — ‘из камня, кирпича’ и др.

3.2. Человек — орудия труда, механизмы. Предикаты: *изобретать, конструировать, моделировать, созидать, исправить, наладить, починить*. Орудия труда и механизмы могут реже выступать в роли объекта и чаще — в роли инструмента и способа действия, что обусловлено спецификой денотативного класса. Поэтому глаголы, отображающие сферу воздействия человека на орудия труда, семантически однородны: они обозначают созидательную деятельность и относятся к ЛСГ создания объекта в результате физического и/или интеллектуального труда (*конструировать, моделировать* и др.) и приведения объекта в прежнее состояние (*наладить, ремонтировать*). Также при ряде глаголов помещения объекта в результате физического действия (*вбивать, ввертывать, вколотить, впаять, зарядить* и др.) позицию объекта может занимать имя, принадлежащее к денотативному классу механизмов, например: *ввертывать, ввинчивать — что-л., имеющее винтовую резьбу*.

3.3. Человек — средства передвижения. Так же, как и для орудий труда, механизмов, для денотативного класса «Средства передвижения» не характерна позиция объекта действия. Чаще «средства передвижения» занимают в семантической модели предложения позицию инструмента или средства, с помощью которых осуществляется действие, причем эти позиции не обязательно эксплицитно представлены в предложении. Например, семантическая модель предложений с глаголами *ввозить, докатывать, домчать, достав-*

лять, отвозить, подбрасывать, умчать и т. п. включает семантические позиции субъекта, предиката со значением перемещения, объекта и конечного пункта действия, а позиция средства является факультативной. Например, позиция средства передвижения «на трамвае» является необязательной для глагола *отвозить* в предложении *Каждое уро бабушка отвозила Варю в ясли на трамвае.* (ЭСС: 53).

3.4. Человек — продукты питания. Предикаты: *варить, выпекать, готовить, жарить, заваривать, запекать, мариновать, солить* и др. Данная группа глаголов невелика по объему и пополняется за счет префиксальных производных, например, *наваривать, нажаривать, наквашивать, натушить, отварить* и др.) (см.: Миронова, 1998). Так, Л. Г. Бабенко говорит о незначительном воплощении в русском языке представлений о ситуации приготовления пищи и, как следствие, недостаточной семантической разработанности данной группы, что, вероятно, можно объяснить национальными приоритетами (см.: Бабенко, 1998: 10). В то же время в русском языке выделяется особая группа глаголов со значением приготовления чего-либо впрок. Компоненты с временным значением ‘впрок’, ‘заранее’, ‘заблаговременно’, ‘для хранения в течение какого-л. времени’ оказываются регулярно представленными в семной структуре ряда глаголов (*засахаривать, запасать, мариновать, наквашивать, напасать, насаливать, насушивать, солить* и др.) и реализуются при употреблении данных глаголов в контексте, характеризуя субъекта действия как человека запасливого, предусмотрительного.

3.5. Человек — одежда, обувь. Предикаты: *набрасывать, надевать, накидывать, обувать, одевать, примеривать, вязать, ткать, стегать, шить.* Данные глаголы обозначают две типовые ситуации: ситуацию покрытия объекта или ситуацию создания объекта. Во втором случае объект со значением ‘предметы одежды’ выполняет функцию результата действия. Кроме того, ситуация создания объекта, принадлежащего к денотативному классу «Одежда, обувь» носит комплексный характер: создание такого объекта происходит с помощью других действий, специальной техники. Глаголы *вязать, плести, пряхать, ткать, ушивать, шить*

можно отнести к включенным предикатам, или предикатам с включенной пропозицией (см.: Бабенко, 1997): помимо семантики созидательной деятельности, они включают в значение действие соединения деталей или нитей. Кроме того, ряд глаголов, относящихся к разным ЛСГ, включают в свое значение компонент 'белье, предметы одежды': *крахмалить, полоскать, подчинить, стирать, гладить, утюжить*.

3.6. Человек — предметы быта. Предикаты: *задергивать (занавеску, штору), закрывать (крышку, створки), запечатывать (конверт), навешивать (двери, ставни), отпирать (замок, задвижку), привязывать (веревку, ремень, камень), прикуривать (папиросу), разбирать (постель), растворять (дверь), растворить (ножки циркуля, лезвия ножниц), склеивать (разбитое, разорванное, сломанное), ставить (посуду), уничивать (нить, бечевку, стержень)* и др.

Это разнообразный по семантике класс глаголов достаточно подробно описан в работе О. А. Михайловой (1998: 155–162).

3.7. Человек — краски, химические вещества. Предикаты: *нюхать (лекарственные, наркотические средства), размазывать (что-л. мажущее, красящее, жирное), хлорировать (молекулы органического вещества), смазать (невысохшую краску, чернила); гранить (камень, стекло, металл), закаливать (металл), намыть (золото), плавить (твердое тело в жидкое), томить (чугун), шлифовать (поверхность металла, дерева, стекла)*. Как показывают приведенные выше примеры, объектную позицию при глаголах чаще всего занимают слова, обозначающие вещества (металл, камень, чугун), на которые может быть направлена физическая и созидательная деятельность человека. Терминологичным характером обладает ряд глаголов с узкоспециализированными значениями; (например: *пробировать (драгоценные металлы в рудах, сплавах), торпедировать (взрывчатое вещество в буровой скважине), хлорировать (материалы, содержащие цветные металлы), шуровать (горящее топливо)*).

3.8. Человек — продукты физической (трудовой) деятельности. Предикаты: *вылить (металлическую деталь), выпускать (изделие, товары), вырыть (углубление, выем*

ку), *высверливать* (отверстие), *затесывать* (брус, бревно), *наколотить* (обручи, служащие для скрепления бондарных изделий), *клепать* (металлические части), *переплавлять* (металлическую деталь), *проваривать* (сварной шов), *чеканить* (металлическое изделие). Выделенные выше денотативные классы (строения, механизмы, средства передвижения, продукты питания, предметы быта и т. д.) также можно отнести к более общему классу «продукты физической (трудовой) деятельности». Однако многообразие продуктов и предметов человеческой деятельности не позволяет однозначно распределить их по денотативным классам. Глаголы, обозначающие процесс трудовой деятельности, не всегда включают в значение объект с узкой референтной отнесенностью. Например, для глаголов созидательной деятельности *делать*, *изготавливать*, *обрабатывать* можно говорить только об объекте с обобщенной семантикой «изделия, предметы, вещи, детали и т. п.». Тем не менее анализ глаголов позволяет выявить некоторые признаки объектов, регулярно фиксируемые в словарных дефинициях и обнаруживающиеся при контекстном употреблении ряда глаголов. К таким признакам можно отнести ‘что-л. тяжелое’ (*взваливать*, *взгромоздить*, *ворочать*, *навалить*, *приволоочь*, *приворотить*), ‘что-л. острое’ (*вкалывать*, *вонзать*, *втыкать*, *засаживать*), а также объектный компонент ‘отверстие, углубление’ (*буравить*, *выдолбить*, *выпилить*, *вырыть*, *высверлить*, *забить*, *заделать*, *зажать*, *закленть*, *замуровать*, *прорубать*, *сверлить*). Анализ семантических моделей предложений с глаголами *выдавать*, *выделывать*, *выпускать*, *вырабатывать*, *производить* позволяет говорить об особенностях заполнения позиции субъекта и объекта действия: субъектную позицию занимают обычно лексемы *завод*, *фабрика*, *рабочий коллектив*, а объектный компонент «изделия, вещи» сопровождается словами с количественной семантикой. Например: *За последний год обувная фабрика выпустила много новых и качественных товаров; Магнитогорские металлурги производят тысячи тонн сверхплановой продукции* (ЭСС: 93). Также характерной особенностью глаголов, обозначающих ситуацию создания объекта в результате физического тру-

да, является наличие в их семной структуре инструментального компонента: *выпиливать (при помощи пилы)*, *выточить (на токарном станке)*, *выбивать (ударами молотка)*, *строгать (рубанком или другим режущим инструментом)*, который не обязательно эксплицируется при употреблении глаголов в контексте.

3. 9. Человек — продукты интеллектуальной деятельности. Предикаты: *выгравировать (надпись, рисунок)*, *высвистеть (мелодию)*, *декламировать (художественное произведение)*, *рифмовать (строки, стихи)*, *печатать (фотографию)*, *репетировать (спектакль)*, *реставрировать (произведения искусства)*, *сочинить (литературное или музыкальное произведение)*. Имена, референциально связанные с данными глаголами, относятся к одному денотативному классу — «Произведения искусства». При этом ряд глаголов включает в значение специализированные семантические признаки объекта, т. е. обладает единичной референтной соотносительностью, например: *ваять (скульптурное произведение)*, *петь (оперную партию)*, *оркестровать (музыкальное произведение)*, *защитить (диссертацию)* и т. п. У некоторых глаголов нет специализированности значения, например, у глаголов *вырабатывать*, *готовить*, *изобретать*, *образовывать*, *разрабатывать*, *формировать* объект «что-л. новое, возникающее в результате созидательной деятельности, умственных усилий» (см. ЭСС: 96). Глаголы, объектом которых выступают «продукты интеллектуальной деятельности», семантически однородны, они отображают ситуацию созидательной деятельности (ЛСГ создания объекта в результате интеллектуальной деятельности, ЛСГ графической передачи информации, ЛСГ приведения объекта в прежнее состояние).

Таким образом, связь человека с артефактами фиксируется в основном глаголами созидательной и трудовой деятельности. Артефакты чаще всего являются результатом физической и/или интеллектуальной деятельности человека, особенно это касается артефактов, относящихся к денотативным классам «Строения, сооружения», «Продукты питания», «Одежда, обувь», «Механизмы», «Предметы интеллектуальной деятельности». Ряд артефактов оказыва-

ются вовлеченными в деятельность человека: на них направлены действия перемещения и помещения объекта (средства перемещения, транспорт, одежда), физического воздействия на объект (предметы быта, краски, химические вещества орудия труда), воспроизведения объекта (произведения искусства).

Анализ рациодинамики с учетом всех денотативных ролей объектов (натурфакты, биофакты, артефакты) позволяет определить основной концептуальный признак данной сферы — признак акциональности. Выделяя акциональные глаголы как особый подкласс, составляющий центр глагольной системы, Г. А. Золотова называет их основные признаки: «активность и целенаправленность действия, совершаемого, как правило, лицом или живым существом, потенциальная наблюдаемость и способность к конкретно-временной локализации» (Золотова, 1998: 61). Перемещение объекта, помещение объекта, физическое воздействие на объект, создание и уничтожение объекта — все эти действия носят активный и целенаправленный характер. Следовательно, акциональность характерна в целом для денотативного комплекса, репрезентирующего типовые ситуации в сфере рациодинамики.

Социодинамика. В сфере социодинамики можно выделить три базовые модели ситуаций: 1) субъект-агенса — предикат социальной деятельности; 2) субъект — предикат социального отношения — субъект-коагенса, контрагенса; 3) субъект — предикат социальной деятельности — объект. Данные модели отображают структуру ситуации и набор денотативных ролей, репрезентирующих элементы ситуации. Соответственно можно говорить о нескольких денотативных комплексах, представляющих сферу социодинамики.

В структуре первого денотативного комплекса выделяются субъект (человек, коллектив) и его социальные действия, роли, функции. Специфика денотативного комплекса определяется характером социального действия, обозначаемого предикатами поведения, общественно-политической, профессионально-трудовой деятельности и предложениями с этими предикатами. Например, несерьезное поведение человека, совершающего нелогичные, глупые, безрас-

судные и легкомысленные поступки может быть обозначено глаголами *баловаться, буяннить, глупить, дурачиться, кутить, озорничать, паясничать, проказничать, чудачествовать, шалить* и др. Интересно, что большинство глаголов поведения (см. приведенные выше примеры), профессионально-трудовой деятельности (*гончарничать, директорствовать, кустарничать, малярничать, секретарствовать* и т. п.) являются производными от имен. Словообразовательная мотивация глагола существительным позволяет говорить об иррадиации предметной семантики в сферу глагола. Такие глаголы содержат инкорпорированные позиции субъекта действия (*столярничать, токарничать, плотничать*) или способа действия с оценочно-сопоставительной семантикой (*геройствовать, храбриться, мошенничать, попугайничать, петушиться*).

В структуре второго денотативного комплекса выделяются следующие позиции: первый субъект (человек, коллектив, организация, учреждение), второй субъект (человек, коллектив, организация, учреждение), социальные отношения. Глаголы, репрезентирующие ситуацию социальных отношений между субъектами, называют в научной литературе двусубъектными, бисубъектными, интересубъектными, межличностными. Характер социальных отношений определяется и семантикой глагола, и соотношением субъектов (их равноправием, подчинением одного другому, противодействием и т. п.). Этот денотативный комплекс репрезентирует ситуации победы, поражения, противодействия, влияния, подчинения, управления, взаимосвязи, замены, лишения, контакта, защиты, помощи (см. соответствующие ЛСГ в ТИСРГ). Например, ситуация управления отображается следующими двусубъектными глаголами: *властвовать, возглавлять, господствовать, начальствовать, назначать, поручать, руководить, управлять* и др. Активным субъектом (агентом) могут быть человек, юридическое лицо, официальная организация, наделенные властью; вторым субъектом, испытывающим воздействие со стороны первого, также могут быть человек, группа лиц, официальная организация, юридическое лицо. Для ряда двусубъектных глаголов, отображающих ситуации принуждения, подчинения,

обеспечения, разрешения и запрещения, важной оказывается и позиция средства. Например, ядром предложений, отображающих ситуацию обеспечения, являются предикаты *обеспечивать, снабжать, оснащать (кого-что чем)*, открывающие места не только для субъектных актантов, но и для актанта со значением средства.

В структуре третьего денотативного комплекса выделяются три денотативные роли: субъект (человек, коллектив, организация), объект (продукт социальной деятельности) и социальное действие. Характер социальной деятельности определяется семантикой объекта — продукта, результата социальной активности человека. Этот денотативный комплекс репрезентирует ситуации издательской деятельности и распространения информации, использования, исполнения художественных произведений. Анализ глаголов, входящих в соответствующие ЛСГ, позволяет говорить о следующей закономерности: и базовые глаголы, и рядовые члены ЛСГ включают в свою семантику объектные актанты. Например, базовый глагол ЛСГ издательской деятельности *издавать* — ‘распространять книги, журналы и др. печатную продукцию типографским способом, делая это известным путем помещения в печать, печатать для всеобщего сведения; син. *публиковать, выпускать*’ (ТИСРГ) — содержит в структуре лексического значения дифференциальную сему объекта. Поскольку позиция включенного объекта задается базовым глаголом как неким инвариантом, то в рядовых членах ЛСГ включенный объект со значением ‘печатная продукция: книги, журналы, газеты’ также обнаруживается (см., например, глаголы *выпускать, публиковать, печатать, обнародовать, представлять* и др.). То же самое касается и других групп глаголов, например, ЛСГ глаголов использования, включающих в значение объектный компонент ‘какие-л. деньги, средства’: *изводить, издерживать, мотать и проматывать, проигрывать, просаживать, растрчивать, расходовать, транжирить, тратить* и т. п.

Многообразие ситуаций и неоднородность социальных отношений (купля, продажа, аренда, ссуда, обмен, победа, поражение и др.) обуславливают и сложный характер се-

мантики социальных глаголов, большинство которых можно отнести, пользуясь терминологией Л. Г. Бабенко, к глаголам с совмещенной событийной пропозицией или с включенной пропозицией (Бабенко, 1997).

Психодинамика отображает эмоциональную и интеллектуальную деятельность человека, которая связана с чувственным, эмоциональным познанием и оценкой человеком окружающей его действительности. В силу сложности и ненаблюдаемости (или частичной наблюдаемости) мыслительных и психических действий, их фазового характера (возникновение, становление, проявление, исчезновение) можно говорить о наличии нескольких денотативных комплексов в сфере психодинамики.

В структуре первого денотативного комплекса выделяются две роли: субъект (чувство, мысль, эмоциональное состояние) и действие, обозначающее динамику мысли, чувства (возникновение, становление, движение, исчезновение, воздействие, приведение в эмоциональное состояние). Например: *копошиться, блуждать, гнездиться, роиться* (о мыслях, чувствах) — ситуация движения; *подступить* (о чувствах, состояниях) — ситуация становления; *изгладиться* (о впечатлениях, воспоминаниях), *рассеяться* (о чем-л. неблагоприятном) — ситуация исчезновения; *ослепить, охватить, преследовать* (о чувствах) — ситуация воздействия. Л. Г. Бабенко называет подобные глаголы словами полипредикативной семной структуры, дифференциальная сема которых передает денотативную информацию (информацию об эмоциях), а категориально-лексическая сема фактически акцентирует аспекты чувств и характер их протекания (Бабенко, 1989: 42).

Большинство глаголов, референциально соотнесенных с субъектом «чувства, мысли», представлены вторичными, переносными значениями. Закономерности образования таких значений и регулярность в мене субъектов (жидкость — чувства: *вскипеть, захлестнуть, нахлынуть, течь*; свет, звук, запах, огонь — чувства: *блеснуть, гаснуть, заглохнуть, зажечься, пронизать*; стихия — чувства: *бушевать, навевать, налететь, охватить, пробрать* и др.) описаны в ряде работ (см.: Арутюнова, 1976, 1979; Бабенко,

1989; Бахмутова, 1988; Кожевникова, 1986; и др.). Метафорические переносы такого рода «служат задаче создания признаковой лексики «невидимых миров» — духовного начала человека» (Арутюнова, 1979: 164).

В структуре второго денотативного комплекса также выделяются две роли, но, в отличие от предыдущего, этот денотативный комплекс репрезентирует ситуацию пребывания в каком-либо эмоциональном состоянии и становления какого-либо эмоционального состояния. Субъектом эмоционального состояния всегда выступает человек. Эмоциональное состояние не направлено на какие-либо объекты, оно замкнуто на человеке — носителе эмоционального состояния. Этот денотативный комплекс отображается глаголами *благодушествовать, блаженствовать, веселиться, опомниться, настораживать, расслабляться* и др.

В структуре третьего денотативного комплекса выделяются три роли: субъект (человек), объект (результат эмоциональной или интеллектуальной деятельности, обычно чувство, мысль), эмоциональное или интеллектуальное действие. Этот денотативный комплекс в большей степени отражает специфику интеллектуальной и эмоциональной деятельности, поэтому представлен глаголами всех ЛСГ, относящихся к интеллектуальной деятельности, и ЛСГ глаголов эмоционального состояния, например: *ворошить (воспоминания), вытерпеть (страдания), испытать (чувства, ощущения), маскировать (мысли, чувства, поступки), охладить (чувства, желания), навеять (какое-л. состояние, настроение, мысли), ощутить (чувство), пережить (чувство), побороть (чувство, состояние), преодолеть (чувство, ощущение, желание), рассеять (неприятные чувства, мысли)*.

В структуре четвертого денотативного комплекса, отображающего ситуацию эмоционального отношения, выделяются следующие денотативные роли: субъект 1 (человек), субъект 2 (человек), эмоциональное воздействие или эмоциональное отношение, возникающее между субъектами. Этот денотативный комплекс отображается глаголами ЛСГ приведения в эмоциональное состояния и ЛСГ эмоционального отношения: *боготворить, волновать, любить, почитать, конфликтовать, презирать, огорчать, раздражать* и др.

Речединамика характеризуется такой же сложной смысловой организацией, что и психодинамика. Сфера речединамики представляет следующие типовые ситуации: человек произносит что-либо, обращается к кому-либо, общается с кем-либо, сообщает что-либо кому-либо.

В структуре первого денотативного комплекса выделяются две денотативные роли: субъект (человек), объект (результат речевой деятельности — содержание сообщения, слова, фразы) и речевая деятельность. Предикаты: *выговаривать, излагать, выкрикивать, шептать* и т. д. Довольно часто глаголы включают в значение компоненты уточняющего характера, ограничивающие сочетаемость глагола-предиката и определяющие особенности ситуации, обозначенной глаголом, например, *извергать* — ‘произнести, выкрикнуть (брань, проклятия, угрозы)’, *ворчать* — ‘издавать негромкие звуки, выражающие недовольство’.

Для второго денотативного комплекса характерны четыре денотативные роли: субъект (человек), объект (результат речевой деятельности — содержание сообщения, слова, фразы), адресат (человек), речевое сообщение, речевое воздействие и речевое общение. Предикаты: *агитировать, бранить, говорить, допрашивать, сообщать, рассказывать, информировать, высказывать, изъяслять* и др.

В структуре третьего денотативного комплекса выделяются три денотативные роли: субъект (человек), субъект (человек), речевое общение и речевое обращение. Предикаты: *беседовать, обращаться, общаться, полемизировать, спорить, соболезновать* и др.

Характерная особенность речединамики (так же, как и психодинамики) — наличие значительного количества глаголов во вторичных (переносных значениях), например: *бросать (слова), выдавить (слова), извергнуть (брань, проклятия, угрозы), перевести (разговор), промолвить (слово), проронить (слово), растянуть (слова), смягчить (слова), цедить (слова)*. Особенности этих глаголов и их роль в структуре денотативного пространства описаны в гл. 6.

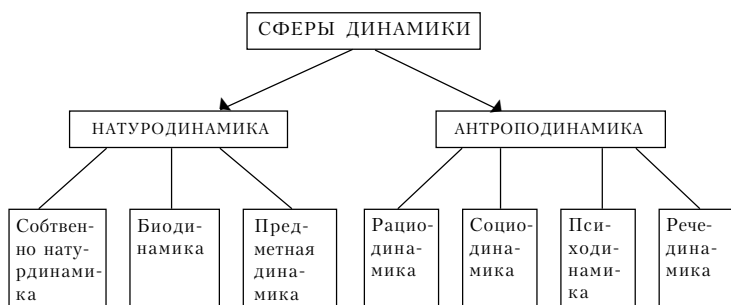
Определяя иерархию основных систем человека, Ю. Д. Апресян в качестве самых сложных называет мышление, интеллектуальную деятельность, эмоции и речь (Ап-

ресян, 1996). Разнообразие денотативных комплексов, выявленных при анализе сфер психодинамики и речединамики, также свидетельствует об этом. Если в сфере натурдинамики структуру денотативного комплекса определяет характер субъекта, а в сфере радиодинамики — характер объекта, на который направлено действие, то в сферах социодинамики, психодинамики и речединамики характер действия (состояния, отношения) прогнозирует качество и количество субъектов и объектов. Вероятно, это связано с рядом причин, к которым можно отнести абстрактный характер действий, их ненаблюдаемость (или частичную наблюдаемость), сложную пропозициональную структуру глагольного значения (многие глаголы обозначают несколько ситуаций, включенных друг в друга, осложненных дополнительными причинно-целевыми, причинно-следственными и другими значениями).

3. 5. ВЫВОДЫ

Глагольное предикатное слово обладает сложной референцией: с одной стороны, как любой лексический знак, оно называет фрагмент действительности, с другой стороны, обозначает целую ситуацию, состоящую из набора денотативных ролей. К денотативным ролям относятся и участники действия (субъекты / объекты), и предметы, с помощью которых осуществляется действие (инструменты, средства и т. п.), и само действие. Набор денотативных ролей (компонентов ситуации), а также набор ситуаций, репрезентирующих определенный фрагмент действительности, представленный в сознании говорящих в качестве инварианта — типовой ситуации, составляет **денотативный комплекс**. Денотативный комплекс носит прототипический характер, так как представляет некую типовую, базовую ситуацию, инвариант. Для выявления структуры денотативного комплекса значимыми являются все денотативные роли, но в первую очередь субъектно-объектные, т. е. идентифицирующие имена. По словам Н. Д. Арутюновой, «идентифицирующие имена отражают и классифицируют то, что существует в мире», они «ориентированы на объективный мир» (Арутюнова, 1998: 39). Как показал

анализ денотативных связей глаголов с идентифицирующими (предметными, субъектно-объектными) именами, идентифицирующие имена определяют референциальную приложимость и границы референции предикатного слова. Изучение денотативных классов имен субъектов / объектов (натурфакты, артефакты, биофакты, социофакты, речефакты) и исследование соотношения характера глагольного действия с денотативными классами имен позволило выявить основные денотативные комплексы и сферы динамики, отображенные глаголами. Эти сферы динамики можно представить следующим образом:

Выявленные сферы динамики определяют ракурсы обозначения глаголом реальных ситуаций, действий, событий действительности.

ДЕНОТАТИВНО-РЕФЕРЕНЦИАЛЬНОЕ ПРОСТРАНСТВО ОТРИЦАТЕЛЬНЫХ ГЛАГОЛОВ

**4. 1. ДЕНОТАТИВНО-РЕФЕРЕНЦИАЛЬНАЯ СООТНЕСЕННОСТЬ
ОБЩЕОТРИЦАТЕЛЬНЫХ ГЛАГОЛОВ**

В лексической системе языка как особый класс единиц выделяются отрицательные лексические единицы, общим семантическим признаком которых является наличие отрицания в их семантике. В качестве средств, репрезентирующих отрицание в лексике, выделяются отрицание *не*, лексемы, отрицательная семантика которых манифестирована соответствующими морфемами (*диспропорция*, *невоспитанный*, *бездоказательный*, *вневременной*, *малодостоверный*), лексемы со скрытым отрицанием (*тихомолком* — ‘ничего не говоря’, *тленный* — ‘не вечный’, *тарабарщина* — ‘нечто непонятное’).

На основании материалов «Словаря русского языка» (1981), «Толкового словаря русского языка» (1994), словарей антонимов русского языка (Введенская, 1971; Колесников, 1972; Львов, 1978, 1985) выделяются порядка 6000 лексико-семантических вариантов значений слов, соотношенных с лексическим или грамматическим отрицанием, вычлененных нами с учетом особенностей морфемной структуры, наличия негативных аффиксов и особенностей словарного определения, включающего отрицание или его эквиваленты в ядро или периферию толкования.

Описание отрицательных лексических единиц с опорой на словарные материалы считаем целесообразным в силу того, что лексикографическое их представление отражает двойственный, логический и языковой характер отрицания: отраженное в словаре «лексическое значение слова представляет языковую интерпретацию «мыслительной основы», «при лексикографическом описании учитывается связь «предмет — слово, его обозначающее», словарное определение строится по логическому принципу» (Семантические вопросы словообразования..., 1991: 3, 77). И хотя «лексическое значение слова — это часто не научное, а

«житейское» понятие о соответствующей вещи» (Денисов, 1980: 94), это отражение процесса восприятия носителями языка в объективной действительности. Лексические единицы являются частью номинативного состава языка, функция которого заключается в названии «вычлененных языковым сознанием из внеязыкового континуума отдельных его фрагментов, соответствующих «видению мира» данной лингвокультурной общностью» (Телия, 1996: 57).

Основываясь на принятых в лингвистике определениях процесса номинации, акцентирующих связь номинации и мышления: «...всякая номинация опосредована мышлением»; «в гносеолого-семиотическом аспекте номинация есть процесс обращения фактов внеязыковой действительности в достояние системы и структуры языка, в языковые значения, отражающие в сознании носителей языка их общественный опыт»; «номинация есть закрепление за языковым знаком понятия-сигнификата, отражающего определенные признаки денотата — свойства, качества и отношения — предметов и процессов материальной и духовной сферы...» (Языковая номинация, 1977: 156, 13, 101), — определяем номинативные и денотативные особенности отрицательных глаголов.

Продолжая разговор об особенностях семантики языковых единиц, обратим внимание на высказывание Л. Г. Бабенко о том, что «семантика любого языкового знака двунаправленна: она содержит, во-первых, информацию о мире (образ мира), во-вторых, информацию о месте этой языковой единицы в семантической системе языка и о связях ее с другими единицами» (Бабенко, 1990: 38). А поскольку отрицание в лексической системе языка однозначно связывают с явлением антонимии (Апресян, 1974: 285—288, Новиков, 1973: 90), представляется тем более актуальным описание отрицательных единиц, в ходе которого возможны постановка и разрешение следующих вопросов: каковы денотативно-референциальные особенности отрицательных лексических единиц; наблюдается ли в этом плане тождество эксплицитно и имплицитно отрицательных лексических единиц; каковы парадигматические особенности отрицательных лексических единиц.

Заметим, что эксплицитно отрицательными называем лексические единицы, в морфемной структуре которых есть манифестаторы отрицания (префиксы *не-*, *без-*, *ди-* и т. д.), а имплицитно отрицательными — единицы, наличие отрицания в семантике которых выявляется в процессе ее лексикографического анализа с опорой на словарное определение, например:

легкий — '1. незначительный по весу // неплотный, воздушный;

2. // не вызывающий ощущения тяжести в желудке;

3. // не причиняющий затруднений;

4. незначительный, небольшой, слабый // слабый, неглубокий (о сне) // неопасный, без труда излечимый;

5. беззаботный, беспечный;

7. без тяжелого вооружения'.

Отрицательные лексические единицы могут принадлежать к различным категориальным грамматическим классам, в том числе к глагольному. Ограничение предмета исследования денотативно-референциальным пространством отрицательных глаголов нам представляется возможным и целесообразным в силу ряда причин: во-первых, глагол занимает особую позицию среди единиц других категориально-грамматических классов, это наиболее яркие представители класса предикатов; во-вторых, единицы данного класса особым образом связаны с отрицанием.

Н. Ю. Шведова отмечает, что глагольная лексика организуется в систему противопоставлений, и в качестве одного из противопоставлений выделяет «безусловное противопоставление глаголов действия глаголам состояния. Первые представляют процесс как действие... вторые представляют процесс как состояние» (Шведова, 1983: 313). Как особенность организации глагольной лексики выделяется противопоставление двух функционально-семантических сфер: выражение трудовой целенаправленной деятельности человека и обозначение состояний человека, живых существ, предметов, явлений объективной действительности как носителей этих состояний» (Кильдебекова, 1985: 69).

Следует заметить также, что глагол выполняет особую роль в действии негации, поскольку отрицание предика-

тивно. В семной структуре отрицательных глаголов семантический компонент 'отрицание' соотносится с элементами семной структуры, выполняющими функцию идентифицирующего предиката. Например, в глаголе *покоиться* отрицание указывает на наличие состояния покоя при отсутствии действия. Отрицание в глаголах является показателем либо противопоставленности действий, либо противопоставленности состояний, либо противопоставленности действия состоянию (об этом подробнее см.: Кусова, 1997).

Семантический анализ отрицательных глаголов, описание названных противопоставлений позволит увидеть соотношенность объективной действительности и понятийного содержания, того, что в процессе номинации выбрано для обозначения носителями языка. При этом мы исходим из того, что «лексическое значение слова представляет определенную языковую интерпретацию «мыслительной основы». Те или иные элементы мыслительного содержания могут быть не отмечены в значении слова, являясь как бы резервным запасом (потенциалом), который при необходимости может быть представлен в виде языкового компонента. Границы между лексической семантикой и информацией, не представленной в слове, подвижны и легко изменяемы» (Семантические вопросы словообразования..., 1991: 77). Представители когнитивистики конкретизируют данное определение, замечая, что «формирующаяся в сознании человека система концептуальных связей основана не столько на том, какова онтология объектов, сколько на наших представлениях о существенных свойствах окружающего мира» (Фрумкина, 1989: 57).

Дефиниционный анализ отрицательных словарных определений на материале глагола свидетельствует, что отрицание может относиться либо к части глагольного значения, охватывать часть семантики, не затрагивать обобщенные компоненты, либо ко всему значению, затрагивать само действие (Гуревич, 1978: 45). Первые в нашем исследовании получили название частноотрицательных, вторые — общеотрицательных. В дальнейшем считаем необходимым и целесообразным учитывать подобное разграничение, так как глагольные единицы, в которых отрицание связано не

с ядерными, а с периферийными семами (например, *сори-гинальничать* — ‘поступить необычно, не так, как все’), объектом специального изучения становятся крайне редко в отличие от единиц типа *молчать*.

Особое внимание к семантическим группам отрицательных глаголов объясняется характером связи глаголов с отрицанием, тем, что в глагольном классе отрицание имеет особый статус, охватывая через отношения противопоставления весь глагольный класс. Н. Ю. Шведова при создании классификации русского глагола по принципу противопоставлений приходит к выводу, что «абсолютно регулярна в языке антонимия всех глаголов по принципу негирования: она или выражена специальными лексемами и тогда она отражается словами, например: *полюбить* — *не-взлюбить*, *информировать* — *дезинформировать*, или всегда приставкой *не-*, орфографически представляемой как отрицательная частица» (Шведова, 1983: 314).

Описывая глагольную лексику, исследователи выделяют семантические поля «Действие и деятельность», «Бытие, состояние, качество», «Отношение» (ТИСРГ). Согласно нашим наблюдениям, отрицательные глаголы представлены во всех семантических полях. Представленность отрицательных глаголов в семантических полях, охватывающих в сумме весь глагольный класс, определяется сущностью категории отрицания, номинативными особенностями отрицательных глаголов, тем, что «отрицание и утверждение — двуединая операция в речемыслительном процессе перехода от неопределенности к определенности» (Михайлов, 1987: 34).

В семантическом поле «Действие и деятельность» дено-тативная область общеотрицательных глаголов связана прежде всего с движением. Отрицательные глаголы указывают либо на отсутствие движения вследствие его прекращения, либо на отсутствие некоторых признаков, значимых для характеристики движения: *остановиться* — ‘1. прекратить движение’; *проехать* — ‘2. не остановиться, не повернуть там, где следует, // не задеть, не коснуться’. При этом отрицание последовательно связано с указанием на отсутствие.

Полагаем, что указание на отсутствие связано с денотативными особенностями данных единиц, тогда как вычленение отсутствующих признаков связано с областью референции, очевидно, именно референциальными процессами можно объяснить выделение отсутствующих признаков, значимых для характеристики движения: порядок следования, пространственные координаты: *проехать* — ‘2. не остановиться, не повернуть там, где следует // не задеть, не коснуться’. (При определении денотативных особенностей отрицательных глаголов здесь и в дальнейшем мы использовали материалы А. М. Плотниковой по сопоставительно-критическому описанию денотативных классов; Плотникова, 1997.)

Референция и референт неоднозначно понимаются в лексической семантике и лингвистической прагматике. В лексической семантике различают референт как предмет реальной действительности вне зависимости от языковой системы и денотат как тот же предмет, выделенный знаком, получивший знаковое обозначение. При этом отношение между словом и миром рассматривается независимо от говорящего или слушающего, вне реального использования языка, процесса общения. В лингвистической прагматике референция предстает как действие со стороны говорящего (пишущего), которым говорящий связывает слово с определенным образом реального мира. Референция в прагматике предстает не через отношение «слово — внеязыковая действительность», а через отношение «говорящий — слово — мир» (Педагогическое речеведение, 1998).

Интересное соотношение денотации и референции наблюдается в глаголах, обозначающих отрицательное воздействие на объект: нанесение вреда, разрушение, лишение жизни (*умертвить* — ‘лишить жизни’). Глаголы с подобной семантикой достаточно разнообразны, что закономерно, поскольку, как утверждает В. Г. Гак, «отбор признака при номинации объясняет разнообразие языковых единиц в семантическом плане» (Принципы и методы семантических исследований, 1976: 83). Референция в них может быть связана с определением носителем языка результатов действия, которые могут восприниматься как отрицательные:

съесть — ‘1. перен. /только съесть/ погубить, не дать существовать’; как позитивные: *пресечь* — ‘1. прекратить что-л. путем применения энергичных мер’; либо могут вообще не соотноситься с оценкой: *забить, держать, исключать*. Функция отрицания в данных глаголах иная, характеризующая; налицо пересечение денотата и характеризующего субъекта — все связано с человеком.

Косвенное подтверждение данного утверждения можно увидеть в суждении В. Н. Телия «... объекты из мира «Действительное» безразличны сами по себе к ценностной картине мира языковой личности» (Телия, 1996: 100). Позитивная-негативная оценка не заложена в отрицательных глаголах, эта оценка определяется ценностными представлениями носителей языка.

Не останавливаясь на перечислении всех других групп глаголов семантического поля «Действие и деятельность», отметим их денотативную соотнесенность с миром человека. Прежде всего, это касается глаголов, обозначающих созидательную деятельность (*сохранить* — ‘1. оберегая, не дать пропасть’), интеллектуальную деятельность (*стоять* — ‘14. не выходить из сознания’), речевую деятельность (*промолчать* — ‘1. не ответить, ничего не сказать’). Приведенные примеры обращают наше внимание на еще одну особенность отрицательных глаголов: логическое отрицание выражается в них положительными языковыми формами. Возможность подобной связи языкового и логического отрицания и ранее отмечалась исследователями (см.: Бондаренко, 1983: 77), однако именно в имплицитно отрицательных глаголах эта связь реализуется более последовательно. Полагаем, что само существование имплицитного отрицания в классе глаголов при абсолютной возможности негирования с помощью *не* (см. об этом выше) уже связано с областью референции. Установка носителя языка здесь определена не только обращением к скрытому отрицанию, но и возможностью некоторого дублирования в номинации, обеспечивающего выделение иных, значимых с точки зрения носителя языка, составляющих понятия (*растеряться* — ‘утратить способность соображать’; ср.: *растеряться* — ‘не соображать’).

Таким образом, референция в имплицитно отрицательных глаголах связана с выделением соотносительных с отрицанием семантических признаков. Отрицание может указывать на отсутствие действия вообще по какой-либо причине: *игнорировать* — ‘умышленно не заметить, // не принять во внимание’; на отсутствие действия вследствие недостаточного его проявления: *недослышать* — ‘плохо расслышать, не услышать всего’; на отрицательно определяемые признаки действия: *притаить* — ‘не высказать, не раскрыть другим’. Способность глаголов речевого акта, даже не содержащих в семантике отрицание, указывать на отношение говорящего к действительности уже отмечалась М. Я. Гловинской, которая выделила отрицательно воспринимаемые «мягкие» речевые акты (*ворчать, корить*) и «грубые» речевые акты (*распекать, крыть*) (Русский язык в его функционировании, 1993^ 197). Безусловно, разграничение «мягких» и «грубых» речевых актов связано с коннотацией, но присутствие отрицания в их семантике объясняется лишь фактом референции. Глаголы говорения, подтверждающие социальную сущность человека, яркие представители соответствующего денотативного класса, настолько значимы для носителей языка, что всякие ненормативные явления в связи с говорением воспринимаются как отрицательные независимо от того, какими единицами, позитивными или негативными по семантике, обозначаются. Обращение к данной семантической группе глаголов, анализ ее денотативных особенностей позволяет обратить внимание еще на одну функцию отрицания в отрицательных глаголах, интерпретирующую. Разграничение речевых актов обусловлено именно интерпретацией, трактовкой процесса носителем языка.

М. Я. Гловинская отмечает различие глаголов отрицать и опровергать, связанные с референцией: отрицаются знания и факты, опровергается мнение (Русский язык в его функционировании, 1993: 205). Отличие глагола *молчать* от *не говорить* определяют как отличие внешнего и внутреннего содержания, случившегося и неслучившегося (Арутюнова, 1994: 106–107).

В глаголах, обозначающих профессионально-трудовую

деятельность, отрицание связано с указанием на отсутствие деятельности: *бездействовать* — ‘не проявлять никакой деятельности’; на нарушение временных рамок в процессе деятельности: *опоздать* — ‘2. не сделать своевременно’; на отношении к трудовой деятельности: *прогулять* — ‘не выйти на работу без уважительных причин’; на завершение самых разнообразных профессиональных действий и трудовой деятельности вообще: *отработать* — ‘закончить работу’, *отучиться* — ‘перестать учиться’; на неполноту осуществления действия: *недопечь* — ‘2. не пропечь, не довести до состояния готовности’.

Таким образом, анализ общеотрицательных глаголов с имплицитно выраженным отрицанием показывает, что отрицательные глаголы присутствуют прежде всего в семантических объединениях, связанных с деятельностью человека как социального и социализированного существа, и четко ограничены денотативным классом «Человек». Именно это, с нашей точки зрения, объясняет тот факт, что не представлены имплицитно отрицательные глаголы в подполе «Перемещение», а в подполе «Движение» указывают лишь на движение вообще, не дифференцируя его. Референциальные особенности данных глаголов связаны с кругом отрицательно определяемых признаков и самим фактом сосуществования имплицитного и эксплицитного отрицания. Определенная денотативная ограниченность общеотрицательных глаголов компенсируется разнообразием в реализации функций отрицания, которое связано с противопоставлением, указанием на отсутствие, характеристикой.

Очевидно, что имплицитно отрицательные глаголы соотносятся с сочетанием «положительный по семантике глагол + индекс противоположности» (*воспретить* — ‘не разрешить’, *нарушить* — ‘не соблюсти’), что позволяет предполагать наличие эквивалентности между имплицитно и эксплицитно отрицательными единицами. Как показывает наше исследование, эквивалентность имплицитно и эксплицитно отрицательных единиц проявляется нерегулярно. Эквивалентность данных единиц носит функциональный характер, проявляется в рамках определенных кон-

текстов, следовательно, обусловлена контекстологическими факторами, которые либо способствуют нейтрализации семантических различий описываемых единиц, либо усиливают эти различия. Например, потенциально эквиваленты единицы *не говорить* — *молчать*: *Об этом я не говорю* = *Об этом я молчу*. Отношения эквивалентности не реализуются, если при глаголе *говорить* имеются слова, указывающие на характер действия говорения, на адресата данного действия, на признаки, присущие говорению, но не присущие молчанию.

Последнее объясняется наличием антонимических отношений между имплицитно отрицательной единицей и глаголом в сочетании, представляющем эксплицитное отрицание. «Несовпадающая (индивидуальная) сочетаемость отражает те случаи употребления антонимов, когда каждый из них может соединяться только с теми словами, которые по своему значению и природе обозначаемого предмета соответствуют характеру или положительных, или отрицательных компонентов противопоставляемых слов там, где различие таких компонентов не может быть нейтрализовано...» (Новиков, 1982: 256). Например: *Об этом больше не говорили*. Проявление функциональной эквивалентности ограничено наличием обстоятельства, указывающего на временную соотнесенность действия говорения, характеризующая функция отрицания ограничивает реализацию эквивалентности имплицитно и эксплицитно отрицательных глаголов.

Заметим, что функциональная эквивалентность имплицитно и эксплицитно отрицательных единиц традиционно рассматривается с точки зрения парадигматических связей лексических единиц. Представляется возможным описание этих отношений и в ином аспекте. Полагаем, регулярность проявления функциональной эквивалентности данных единиц может быть непосредственно соотнесена с потребностями коммуникативного акта, со стилистическими установками автора, использующего определенные способы выражения отрицания, с наличием установки подчеркнуть противоположность процессов, называемых имплицитно отрицательной единицей и глаголом с *не*: *После*

операции нужно лежать. Лежать и не подниматься. Наши наблюдения, таким образом, могут служить иллюстрацией утверждения Ю. С. Степанова о том, что предметная или денотативная синонимия, экстенциональное тождество выражений необязательно влечет за собой сигнификативную или понятийную синонимию, интенциональное тождество, и наоборот (Степанов, 1981: 13). Дополним, что отсутствие синонимических отношений между имплицитно и эксплицитно отрицательными единицами определяется характеризующей функцией отрицания, что отмечалось и ранее по отношению к глаголам, обозначающим речевую деятельность.

Однако важнейшим фактором, оказывающим влияние на эквивалентность данных единиц, предопределяющим действие других факторов: контекстологических, факторов, связанных с потребностями акта коммуникации, — является особенность семантики имплицитно отрицательного глагола и глагола с *не* — их семантическая двуплановость. Семантически двупланова как имплицитно отрицательная единица, так и сочетание глагол + *не*. Двуплановость данных единиц является их общей чертой и обуславливает определенные различия в их семантике, определяет возможность реализации интерпретационной функции отрицания.

При эксплицировании отрицания в сочетании «*не* + глагол» главное и первичное — указание на отсутствие процесса, вторично и не всегда актуально указание на противоположный процесс: *не торопиться* — ср. *мешкать, замереть; застопориться* — ср. *не действовать*. Для *не говорить* актуально указание на отсутствие процесса говорения, менее актуально указание на состояние молчания, не столь актуальна противопоставленность последнего действию говорения. Для глагола *молчать* актуально указание на состояние молчания, не столь важна противопоставленность состояния молчания действию говорения и отсутствие последнего.

Двуплановость данных единиц является следствием отношений, связывающих имплицитно отрицательный глагол и глагол, — компонент сочетания «*не* + глагол», а нерегулярность ее проявления обусловлена интерпрета-

ционным характером языковой картины мира. Нерегулярная эквивалентность имплицитно отрицательных глаголов и сочетаний «*не* + глагол» определяется референциально, различие значений данных единиц, актуализация одного из планов их значения определяется представлением говорящего о внеязыковой действительности. Заметим, что сказанное несколько расходится с утверждением Т. А. ван Дейка о том, что «когнитивные модели составляют референциальный базис для интерпретации дискурса, а не «фрагментов реального мира», или ситуаций. В них [когнитивных моделях] отражены знания и мнения людей о конкретных событиях или ситуациях» (ван Дейк, 1989: 164).

Для нас более значимо именно наличие референциально обусловленных различий данных единиц, последовательное же осознание этих референциальных различий носителями языка объясняется тем, что «у членов социума имеются общие социальные репрезентации различного типа, которые организуют их социальное общение и понимание» (цит. по: ван Дейк, 1989: 146).

Названные нами референциальные особенности имплицитно отрицательных глаголов наблюдаются также у отрицательных глаголов семантического поля «Бытие, состояние, качество». Знаменательно, что имплицитно отрицательные глаголы широко используются для номинации небытия. Данные единицы имплицитно указывают на отсутствие, а эксплицитно — на бытие противоположного состояния. «Ниши» небытия, которые должны быть обозначены синонимами к «*не существовать*», наше сознание заполняет представлениями о существовании противоположных состояний, называя эти состояния положительными по форме единицами: *исчезнуть, уничтожиться, остановиться, пройти*.

Определяя денотативную соотнесенность имплицитно отрицательных глаголов названного поля, отметим, что данные глаголы последовательно связаны с миром живых существ, в первую очередь с человеком. Они связаны с обозначением эмоционального состояния (*развинтиться* — '2. перен. потерять душевное равновесие'); образа жизни

(*скитаться* — ‘не иметь постоянного места жительства, дома, семьи’); проявления признака (*одеревенеть* — ‘2. перен. утратить способность к проявлению чувств’); физиологического и функционального состояния (*есть* — ‘4. перен. мучить, не давать покоя (о болезни)’).

В представленности имплицитно отрицательных единиц в поле «Бытие, состояние, качество» есть определенные ограничения: в нем нет имплицитно отрицательных единиц, обозначающих динамику существования — начало бытия, становление качества, так как становление не предполагает отсутствия. В отличие от имплицитно отрицательных глаголов поля «Действие и деятельность» проявление референциальных факторов здесь видим в разнообразии единиц для называния небытия, отсутствия бытия, состояния: *полететь, сорваться, остановиться, пройти, закрыться, развеяться* и т. п.

Общеприцательные глаголы семантического поля «Отношение» все без исключения принадлежат денотативному классу «Человек» и определяют взаимоотношения, характер владения, межличностные и социальные отношения: *прокатить* — ‘3. перен. не избрать кого-, чего-л.’; *беречь* — ‘2. не давать расходоваться напрасно, осторожно тратить’; *запретить* — ‘4. перен. запретить, не пропустить в печать или к постановке’.

При этом отрицание связано с состоянием «утрата» в семантике всех глаголов семантических групп «утрата» и «лишение». Утраты и лишения могут определяться как материальными, так и духовными ценностями, физически, духовно и социально значимым: *бесчестить* — ‘лишать чести’; *теснить* — ‘1. лишать простора’; *ослабить* — ‘лишить прежней силы’

У глаголов лексико-семантической группы «передача объекта» отрицание соотносится с отсутствием действия или недостаточной мерой его проявления, т. е. неполнота проявления процесса приравнивается к его отсутствию. Отрицательная единица указывает не на отсутствие процесса, а на особенности его проявления. Следовательно, в акте номинации оказывается значимым референциальный фактор: отрицательная семантика данных единиц определяется носи-

телем языка, его представлением о том, что ограничения в проявлении могут быть связаны с отсутствием.

Сказанное объясняет тот факт, что отрицательные глаголы используются для называния противоположных по сути процессов, например, наличия и отсутствия контакта: *рассаться* — 1. прекратить дружеские отношения; *сблизиться* — 3. утратить резкие расхождения; наличия и отсутствия подчинения: *сопротивляться* — '1. // не подчиняться кому-, чему-л.'; *воспротивиться* — 'не согласиться на что-л.'; *поддаться* — '2. перестать противиться, уступить'.

Таким образом, семантический анализ общеотрицательных глаголов позволяет сделать некоторые выводы относительно их денотативно-референциальной соотнесенности. Общеотрицательные глаголы одноплановы с точки зрения их денотативной принадлежности: все они связаны с миром человека, отражают особенности восприятия человеком действительности. В этом видится определенное противопоставление общеотрицательных глаголов общеотрицательным именам, наречиям: общеотрицательные единицы являются номинациями денотатов в области живой и неживой природы, обозначают натурфакты, социофакты и их признаки: *складка* — '1. // неровность, изгиб на ткани, на бумаге'; *безветрие* — 'без ветра'; *безрыбица* = *безрыбье* — 'отсутствие или недостаток рыбы'. Очевидно, некоторые ограничения в денотативной соотнесенности общеотрицательных глаголов связаны с особым положением глагола в системе языка.

Определение денотативного пространства общеотрицательных глаголов позволило выделить фрагменты реальной действительности, наиболее значимые для человека, так как именно последней причиной можно объяснить возможность сосуществования эксплицитного и имплицитного отрицания в глагольном классе. Подчеркнем, что все выделенные фрагменты прежде всего связаны с областью социофактов: это профессиональная и речевая деятельность. Обращенность к области социофактов, очевидно, определяет и разнообразие функций отрицания, реализуемых в общеотрицательных глаголах: противопоставление, указание на отсутствие, интерпретация, характеристика.

Универсальный характер сочетания «не + глагол» уже априори позволяет говорить о дублетности эксплицитно и имплицитно отрицательных глагольных единиц. Однако, как показывает анализ, эта дублетность во многом является кажущейся. Эксплицитно отрицательные сочетания «не + глагол» дублетны имплицитно отрицательным глаголам в плане денотативной соотнесенности, референциальная соотнесенность их различна. Как показывает наш анализ, референциальные различия последовательно проявляются в выборе семантических признаков, соотнесенных с отрицанием, в двуплановости имплицитно отрицательных глаголов и соотносимых с ними сочетаний «не + глагол» и в возможности актуализации одного из планов.

Безусловно, сосуществование эксплицитного и имплицитного отрицания в глагольном классе можно объяснить особенностями человеческого сознания, связью отрицания и нормы: Заметим, что Н. Д. Арутюнова определяет норму достаточно широко, связывая ее не только с областью социофактов. «Понятие «норма» относится не только к сознательному поведению, но и к естественным процессам и явлениям, в которые человек вмешивается и которыми надеется управлять. Оно формирует некоторую идеализированную картину действительности. Из нормативных представлений исключается все отрицательное, чего можно избежать» (Арутюнова, 1988: 200).

Одновременное существование единиц, отличающихся манифестированностью отрицания, не противоречит, таким образом, закону экономии языковых усилий, а соответствует представлениям человека, являясь референциальным отражением следования некоторому «табу», когда отсутствие обозначается формально положительной единицей.

4.2. ДЕНОТАТИВНО-РЕФЕРЕНЦИАЛЬНАЯ СООТНЕСЕННОСТЬ ЧАСТНООТРИЦАТЕЛЬНЫХ ГЛАГОЛОВ

Прежде чем перейти к определению денотивно-референциальных особенностей частноотрицательных глаголов, отметим, что целесообразность подобной детализации, разграничение общеотрицательных и частноотрицательных

глаголов видим в особом статусе данного грамматического класса: глагол — пропозиция предложения, «универсальным свойством глагольных лексем является то, что каждый полнозначный глагол представляет собой полнозначную синтагму» (Уфимцева, 1986: 137, 161, 199), а также в особенностях семантики исследуемых глаголов. В частноотрицательных глаголах, как уже отмечалось, отрицание занимает периферийное положение в словарных дефинициях: *закрасться* — ‘незаметно проникнуть куда-л.’; *заехать* — ‘1. приехать ненадолго’; *шаркать* — ‘3. ходить, не поднимая ног’.

Как показывает семасиологический анализ, частноотрицательные глаголы представлены во всех глагольных полях. Анализ частноотрицательных глаголов поля «Действие и деятельность» показывает, что они представлены в лексико-семантической группе ненаправленного перемещения, где отрицание связано с определением условий перемещения: пространственных, временных, причинных и др. Темпоральный аспект связан с недолгим протеканием действия: *пройтись* — ‘2. пойти ненадолго’; пространственный — либо с отсутствием указания на пункты перемещения, либо с указанием на небольшое расстояние: *проехаться* — ‘съездить на небольшое расстояние’; либо с одновременным указанием на недолгое протекание действия и небольшое расстояние: *прокатиться* — ‘3. съездить на небольшое расстояние, ненадолго’.

Параметрические характеристики включают информацию о протекании действия, причем достаточно последовательно эта информация связана с невозможностью восприятия перемещения: *ускользнуть* — ‘быстро, незаметно уйти’; *реять* — ‘1. незаметно двигаться’; *прошмыгнуть* — ‘незаметно пройти, проскользнуть’.

Определяя особенности семантики общеотрицательных глаголов, мы последовательно отмечали определенную избирательность в наборе отрицательно определяемых признаков, объясняя эту избирательность процессом референции. Полагаем, что именно референциальными особенностями данных глаголов объясняется тот факт, что отрицание в глаголах перемещения связано не только с характе-

ром протекания действия, его субъектно-объектными характеристиками, но и с содержанием процесса восприятия.

Именно в процессе референции выделяются такие параметры в характеристике ненаправленного перемещения, как перемещение не по прямой: *метаться* — ‘1. беспорядочно устремляться то в одну, то в другую сторону’; *лететь* — ‘1. двигаться не по прямой линии’; *мыкаться* — ‘2. беспорядочно двигаться’; как перемещение при отсутствии определенной цели: *фланировать* — ‘прогуливаться без цели’; блуждать — ‘ходить без определенной цели’.

Указание на отсутствие цели, особенности локализации действия связаны с отрицанием в глаголах помещения и поступательного движения субъекта: *соскочить* — ‘2. не удержавшись, упасть’; *совать* — ‘2. // класть без разбора, без надобности’.

Частно-отрицательные глаголы поля «Действие и деятельность» представлены также в глаголах интеллектуальной деятельности, ментальных и речемыслительных действий: *проглотить* — ‘2. перен. выслушать без всякого протеста что-л. неприятное’; *зачеркнуть* — ‘признать недействительным’; *отбросить* — ‘3. отвергнуть как ненужное’. Среди отрицаемых дублируются такие семантические компоненты, как непригодность, недействительность, ненужность, незаметность, неясность.

При определении речевой деятельности отрицание может соотноситься с логическим аспектом: *заговариваться* — ‘говорить бессвязно’; с фонетическим: *заплетаться* — ‘неясно, нечленораздельно выговаривать’; с эмоционально-оценочным: *забранить* — ‘высказать неодобрение’. С отрицанием связываются и такие признаки речевой деятельности, как характер ее протекания: *трещать* — ‘говорить, не умолкая’; ее результат: *отсоветовать* — ‘убедить не делать что-л.’

Обращенность к денотативному классу «Человек» проявляется не только в том, что речевая деятельность — это особый вид деятельности, присущий человеку, но и в том, какими лексическими единицами манифестируется отрицание в данной группе глаголов. В глаголах речевой деятельности отрицание манифестируется лексемами: *неясно*,

нечленораздельно, неотчетливо, необдуманно, неосторожно, неодобрение, неудовольствие, несогласие.

В глаголах интеллектуальной деятельности и в ментальных глаголах частное отрицание связано с признаками объекта, на который направлено действие, с негативной характеристикой воспринимаемого: *проглотить* — ‘перен. выслушать без всякого протеста что-л. неприятное’. Среди отрицаемых представлены семантические компоненты: непригодность, недействительность, ненужность, незаметность, неприятное, причем все они дублируются. Выделение перечисленных семантических компонентов обращает внимание на референциальные особенности частного отрицания, связанного с указанием не на отсутствие процесса восприятия, а на природу воспринимаемого.

Иллюстрацией денотативной соотношенности частноотрицательных глаголов с миром человека является семантическая группа глаголов социальной деятельности. В частноотрицательных глаголах социальной деятельности, как и в глаголах речевой деятельности, отрицание связано либо со способом протекания действия: *долечить* — ‘неудачным лечением довести себя до нежелательных последствий’; либо с его результатом: *досидеться* — ‘2. просидев где-л. долго, навлечь на себя неприятности’; в том числе и позитивным: *исправить* — ‘1. устранить неприятности, 2. устранить неточность’. Частноотрицательные члены этой парадигмы достаточно разнообразны, но в их определении выделяется частотный компонент ‘неприятные последствия’.

В глаголах профессиональной деятельности присутствуют признаки: неискусность, неумение, неторопливо, без усилий, недобросовестно, бесцеремонно, недостаточно: *бренчать* — ‘2. неискусно играть на каком-л. инструменте’; *размалевать* — ‘неискусно разрисовать’; *пачкать* — ‘делать что-л. неумело’. Для профессиональной деятельности значимо также отсутствие подготовки, плохое воспроизведение. Отметим, что в частноотрицательных глаголах, соотношенных с денотативным классом «Человек», отрицательные семантические признаки пересекаются, порой дублируют друг друга в разных семантических группах, как, например, в глаголах профессиональной деятельности, ин-

теллектуальной, речевой. Среди отрицательных дублируются семантические признаки: ненужность, неприятное, результат процесса: *долечить* — ‘неудачным лечением довести себя до отрицательных последствий’; *отсоветовать* — ‘убедить не делать что-л.’; *скушать* — ‘выслушать неприятное’; *забранить* — ‘высказать неодобрение’.

С денотативным классом «Человек» связаны частноотрицательные глаголы поведения: *развоеваться* — ‘начать вести себя несдержанно’; *соригинальничать* — ‘поступать необычно, не так, как все’; *балаганить* — ‘держаться несерьезно’. Для данных глаголов актуальны такие отрицательные признаки: беспокойно, недружелюбно, несерьезно, неискренне, нечестно, несдержанно, неестественно, — характеризующие поведение человека с разных сторон — эмоциональной, этической, с точки зрения межличностных отношений. В определении поведения значимо его соответствие некоторой норме, наличие противопоставленности обычаям; отрицательное в поведении обозначается имплицитно отрицательными единицами, негативное не эксплицируется.

В поле «Действие и деятельность», наряду с частноотрицательными глаголами, определяющим и сферу деятельности человека, выделяются глаголы, соотносимые с более широким кругом денотатов, с живой и неживой природой, — это глаголы перемещения. В глаголах перемещения отрицание связано с типичным набором отрицательных признаков: пространственных, временных, причинных, т. е. налицо определенные референциальные ограничения. Характеризующая функция отрицания здесь проявляется особенно ярко. Темпоральный аспект связан с недолгим протеканием действия (*пройтись* — ‘пойти ненадолго’), пространственный — либо с отсутствием указания на пункты перемещения, либо с указанием на небольшое расстояние (*забежаться* — ‘убежать неизвестно куда’).

Параметрические характеристики включают информацию о протекании действия, причем достаточно последовательно эта информация связана с невозможностью восприятия перемещения: *закрасться* — ‘незаметно проникнуть куда-л.’; *просочиться* — ‘незаметно и постепенно пробраться’.

Таким образом, в частноотрицательных глаголах движения мы наблюдаем особую, ранее не отмеченную исследователями функцию отрицания, когда отрицание не связано с характером действия, с его субъектно-объектными и обстоятельственными характеристиками. Оно находится вне действия, процессуальный признак, соотнесенный с отрицанием, определяется только содержанием процесса восприятия. Полагаем, что отмеченная особенность частноотрицательных глаголов референциально обусловлена, определяется осознанием носителями языка окружающей действительности, их представлениями об этой действительности. Очевидно определенное несоответствие между денотативной соотнесенностью и факторами, определяющими содержание отрицания в семантике данных глаголов. Как уже отмечалось, денотативная соотнесенность глаголов перемещения широка, тогда как содержание отрицания в них определяется действием человеческого фактора, что особенно ярко проявляется в глаголах ненаправленного перемещения, где значимо указание на движение не по прямой: *летлять* — ‘двигаться не по прямой линии’. Оказывается, именно этот семантический признак в глаголах движения носители языка последовательно соотносят с отрицанием.

Частноотрицательные глаголы поля «Бытие, состояние, качество» связаны с денотативным классом «Человек» и с классом натурфактов. С классом натурфактов связаны глаголы становления качества: *измельчать* — ‘2. стать неглубоким’; *изгладиться* — ‘1. стать незаметным’; *мелеть* — ‘2. перен. становиться незначительным’. Отрицание связано с признаками, определяемыми визуально, рационально, эмоционально, и обозначает не утрату, а приобретение признака, определяемого отрицательно. Среди отрицательно определяемых признаков выделяются: негодность и, что более непредсказуемо, неровность. Первый признак соотносим с нормой, регулярное присутствие его объяснимо, однако и второй признак очень частотный, отсутствию его уделяется внимание достаточно последовательно: *огрубеть* — ‘2. стать негладким’; *разгладиться* — ‘// освободиться от складок, неровностей’. Последовательное выде-

ление этого признака связываем также с процессом референции.

С нарушением нормы, порядка соотносится отрицание в глаголах, обозначающих функциональное состояние: *обтрепаться* — ‘ноской прийти в негодность’; *лишаться* — ‘2. приходиться в беспорядок’.

Для частноотрицательных глаголов данного поля значим социальный аспект, соответствие признаков процесса некоторой норме, и отрицание связано с отступлением от нормы.

Глаголы эмоционального состояния соотносятся с денотативным классом «Человек»: *волноваться* — ‘3. испытывать недовольство существующим положением’; *замяться* — ‘1. остановиться в нерешительности’. При определении эмоционального состояния значимы неприятное, недовольство, нерешительность, бездушие, бесчувственность. Определяя денотативную соотнесенность данных глаголов как соотнесенность с классом «Человек», считаем возможным и более широкое определение денотативной связи, очевидна связь с денотативным классом «Живая природа». Но очевидно также, что эта соотнесенность вторична, обусловлена связью человека и природы.

Отмеченная особенность денотативной соотнесенности глаголов состояния проявляется и в глаголах физического состояния, где состояние живых существ также определяется через соотнесенность с состоянием человека: *вздремнуть* — ‘немного подремать’; *подкоситься* — ‘непроизвольно согнуться от слабости’. В словарных дефинициях данных глаголов выделяются указания на непроизвольность состояния, его непродолжительность, несоответствие норме, негодность, отсутствие сходства: *обгереться* — ‘3. прийти в негодное состояние’.

Как показывает анализ, для частноотрицательных глаголов поля «Бытие, состояние, качество» значим социальный аспект, соответствие признаков процесса некоторой норме, и отрицание связано с отступлением от нормы. В действии социального фактора и проявляется определенная денотативно-референциальная ограниченность данных глаголов. Частноотрицательные глаголы поля «Бытие, состояние, ка-

чество» соотносятся с денотативным классом «Человек», связь с классом натурфактов вторична и обусловлена связью с классом «Человек». Соотнесенные с отрицанием семантические признаки обусловлены процессом восприятия человеком действительности, содержанием понятий, отражающих эту действительность.

В поле «Отношение» частноотрицательные глаголы принадлежат к лексико-семантической группе «приобретение» (*урвать* — ‘2. приобрести не вполне честным путем’), где отрицание связано с характеристикой обстоятельств или объекта действия; к лексико-семантическим группам передачи объекта и сохранения (*сберечься* — ‘остаться неизрасходованным’; *дарить* — ‘1. отдавать безвозмездно’).

В частноотрицательных глаголах лишения отрицание связано с каузацией: *транжирить* — ‘неразумно, без толку тратить’.

В глаголах эмоционально-оценочного отношения отрицание указывает на негативно воспринимаемое в межличностных отношениях: *травить* — ‘2. // заставлять пережить неприятное’.

При описании частноотрицательных глаголов поля «Отношение» была выявлена следующая закономерность: чем более социализирована семантика глагола, обращена к репрезентации социальных связей и отношений, тем более последовательно отрицание соотносится с негативной оценкой. Ранее, определяя денотативную соотнесенность частноотрицательных глаголов, мы говорили о доминирующей связи с денотативным классом «Человек», подчеркивали, что связь с другими денотативными классами опосредована связью с данным классом. В связи с этим можно говорить о социализированности отрицания. Круг отрицательных единиц разнообразнее там, где процессуальные признаки связаны с миром человека.

Из выделенных Ю. Д. Апресяном в наивной картине мира основных систем человека — физическое восприятие, физиологическое состояние, физиологические реакции на воздействие, физическая деятельность и действие, желание, интеллектуальная деятельность, эмоции и речь (Апресян, 1995, т. 1: 355) — отрицание не связано, по нашим

наблюдениям, лишь с системой «Желание». Следовательно, отрицание антропологично. Этим также объясняется столь последовательная связь отрицательных глаголов с денотативным классом «Человек». Частноотрицательные глаголы непосредственно или опосредованно связаны с человеком, только человеческим фактором объясняется выделение некоторых отрицательных признаков.

Денотативная связь частноотрицательных глаголов может определяться по-разному. При учете их субъектной соотнесенности значима связь данных глаголов с человеком и артефактами, а при учете объектной соотнесенности — связь с социофактами, психофактами. При этом, если говорить о функции отрицания, наиболее ярко проявляется характеризующая функция.

4. 3. ДЕНОТАТИВНО-РЕФЕРЕНЦИАЛЬНАЯ СООТНЕСЕННОСТЬ ГЛАГОЛЬНЫХ ОТРИЦАТЕЛЬНЫХ ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКИХ ЕДИНИЦ

Определение денотативно-референциальной соотнесенности будет неполным без обращения к фразеологическим единицам. Подобное обращение обусловлено близостью слова и фразеологизма (Молотков, 1977: 15), наличием у фразеологизма значения, представляющего собой «известную смысловую абстракцию, смысловое отвлечение, обозначение или название тех или иных сторон, свойств, отношений и т. п. предметов и явлений реального мира» (там же: 104), наличием у фразеологизма функции, способности служить «средством отражения и познания объективного мира» (Жуков, 1986: 26). Функционально-грамматическая близость слова и фразеологизма (подробнее об этом см.: Бабкин, 1970: 10) является основанием для разграничения фразеологических единиц с учетом категориально-грамматических признаков главного слова. Объектом нашего описания являются фразеологизмы, в которых положение грамматически господствующего слова занимает глагол: *переворты́вать вверху́ дном* — ‘1. приводить в беспорядок’; *стуча́ться в дверь* — ‘2. неуклонно приближаться’ и семантика которых связана с отрицанием’. Одним из компонентов лексического толкования анализируемых фразео-

логизмов является отрицание, либо слово с отрицательным префиксом, либо лексическая единица с имплицитно выраженным отрицанием.

Подчеркнем, что фразеологические единицы, связанные с отрицанием, ранее не являлись предметом специального изучения. Высказывания о фразеологических единицах обычно носят частный характер и могут быть связаны с определением характера варьирования фразеологизмов (так, А. И. Молотков отмечает, что при постановке перед фразеологизмом отрицания не меняется форма второго компонента: *заговаривать зубы* — *не заговаривать зубы* (должно быть *не заговаривать зубов*) (Молотков, 1977: 23); с определением категориально-грамматических особенностей данных единиц (И. М. Богуславский со ссылкой на Ю. Д. Апресяна отмечает, что отрицательно поляризованные единицы есть прежде всего в области глагола и глагольной фразеологии (Богуславский, 1996: 332). Акцентируя внимание на манифестации отрицания, Ю. Д. Апресян говорит о наличии во многих языках единиц, тяготеющих к отрицательным предложениям, и приводит в качестве убедительных иллюстраций фразеологизмы: *не взять в толк*, *пальцем не шевельнуть*, *звезд с неба не хватает* (Апресян, 1995, т.2: 616—617).

Обратив внимание на близость фразеологизма и слова, отметим также, что данная близость не предполагает тождества: лингвисты последовательно отмечают специфику фразеологизмов, в том числе связанную с денотативной соотносительностью последних. По утверждению А. М. Мелерович, денотатами фразеологических единиц в системе языка служат социально закрепленные, типизированные представления об определенных явлениях (Мелерович, 1979: 12). И на современном этапе развития фразеологии традиционно выделяемый ономазиологический и номинативный подходы конкретизируются определением области денотации фразеологизмов. С учетом денотативной соотносительности В. Н. Телия, характеризуя идиомы (заметим, что объект характеристики несколько уже, чем в нашем исследовании), выделяет идиомы, указывающие на натуральные объекты (*львиный зев*); обозначающие артефакты

(*черное золото*); идиомы, являющиеся функциональными именами (*первая скрипка*); идиомы с реляционным основанием (*свой брат*), обозначающие время, место, меру и являющиеся непродуктивными, обозначающие физические действия и действия в пространстве и также являющиеся непродуктивными, идиомы, обозначающие поведение (Телия, 1996: 162 – 163).

Существенное отличие фразеологического значения от лексического В. Н. Телия видит в особенностях реализации идиомами номинативной функции: это отличие связано с сигнификативной частью значения. По замечанию В. Н. Телия, идиомы не наделены классообразующей ролью, нет класса «стреляных воробьев», их номинативная функция связана не столько с обозначением явлений реальной действительности, сколько с «приписыванием» признака обозначаемому (Телия, 1995: 15; 1996: 152). Предметом нашего исследования является прежде всего определение денотативной соотношенности глагольных отрицательных фразеологических единиц. Заметим, что при определении категориальной семантики фразеологизмов учитывали не только категориальную семантику грамматически господствующего слова, но и синтаксическую роль фразеологизма в структуре предложения (об этом см.: Жуков, 1986: 135).

Специфика фразеологических единиц связана и с их деонтативно-референциальной соотношенностью. Исходя из разграничения денотата как предмета мысли, получившего наименование, и сигнификата как понятия о предмете мысли (о разграничении денотатной и сигнификатной семантики см.: Степанов, 1981: 59), из наличия трех сторон в процессе наименования (номинация, сигнификат, денотат; Гак, 1972: 13), считаем, что значение фразеологических единиц денотативно. Наше заключение косвенно подтверждается и выделением А. А. Уфимцевой оппозиций, передающих категорию значения в логической семантике: значение и смысл, экстенционал и интенционал, референция и значение, денотат и сигнификат, называемое и значение (Уфимцева, 1986: 5). Значение фразеологизма прежде всего связано с называемым, значение фразеологизмов есть предметы и явления реальной действительности.

Безусловно, подобное определение денотативного компонента значения является несколько упрощенным, и следует признать определение В. Н. Телия: «Денотат, то, что обозначено, содержит информацию о множестве, классе объектов, представленных данным именем. Эта информация создает не существующий в мире, но существующий в виде прототипа объект. Это не реальность из мира «Действительное», но это представление типовых признаков обозначаемых реалий» (Телия, 1996: 95). Представление типовых признаков реалий есть значение фразеологизмов: *складывать руки* — ‘переставать действовать’; *хлопать глазами* — ‘1. бездействовать’. Признавая денотативный характер значения фразеологизма, подчеркиваем, что выделение типовых признаков у его денотатов связано с референцией.

Определяя денотативную соотнесенность описываемых фразеологических единиц, остановимся на предложенной нами типологии отрицательных фразеологических значений. Выделяются отрицательные фразеологические единицы, обозначающие бытие в пространстве и времени, отрицательные фразеологические единицы, характеризующие человека в сфере деятельности: интеллектуальной, речевой, трудовой, оценочной, деятельности по восприятию; в сфере отношений: межличностных, эмоциональных, социально-значимых; характеризующие человека по статусу в сфере социальных и межличностных отношений; характеризующие человека по поведению.

Фразеологизмы, определяющие деятельность, являются глагольными по статусу главного слова. Как и в ранее описанных отрицательных глаголах, очевидна их связь с миром человека. «Тяготение» фразеологических единиц к миру человека отмечалось фразеологами. Так, Ю. А. Гвоздарев замечает: «Подавляющее большинство фразеологических единиц нацелено на оценку человека и взаимоотношений между людьми» (Гвоздарев, 1989: 16). Это понятно, так как людей больше всего интересуют себе подобные.

В денотативном классе «Человек» прежде всего выделяются фразеологизмы, отражающие бытие человека. При этом небытие определяется через связь с бытием, бытием

опосредуется: *испустить дух, лечь в гроб, много не надышит, найти конец, окончить дни свои, отдавать концы, отойти в вечность, отправляться на тот свет, приказать долго жить, решиться жизни, протянуть ноги, сложить свои кости, проливать кровь, лечь костями, сходить в могилу, сыграть в ящик, уходить в лучший мир, уходить из жизни.*

Фразеологизмы со значением 'деятельность' также связаны с денотативным классом «Человек». Фразеологизмы данной семантической группы распределяются по двум парадигмам: отсутствие деятельности (бездействие) — деятельность, а первичным денотатом для них выступают словосочетания со значением 'деятельность человека, производственная, бытовая' и 'поведение животных'.

Члены парадигмы «бездействие» либо указывают на отсутствие деятельности: *отбиваться от дела* — 'перестать проявлять интерес к делу'; либо на причины этого отсутствия, обусловленные отсутствием желаний, способностей, сил, смелости, возможности, времени: *не идет на ум* — 'нет желания или возможности делать что-л.'; *опускать руки* — 'утрачивать способность или желание действовать'; *не у дел* — 'без службы по причине отстранения'. Заметим, что причины отсутствия деятельности последовательно связаны с человеком, его личным желанием, социальными факторами. Полагаем, что выбор этих причин определен референциальным фактором, интерпретацией носителем языка окружающего его мира. Наличие у фразеологизма двух денотатов, первичного и вторичного, делает интерпретационный характер отрицательных фразеологизмов наиболее ярким.

В парадигме «деятельность» отрицательные глагольные фразеологизмы связаны с различными параметрами в характеристике деятельности, с определением результата деятельности: *бросать на полпути* — 'не доведя до конца'; *размениваться на мелкую монету* — '2. заниматься не главным, не основным, а несущественным'.

Определяя содержание гносеологического аспекта номинации, А. А. Уфимцева подчеркивает, что здесь имеет значение соотношение между именуемым объектом и именуемым субъектом: если в основе формирования значе-

ния лежит классификационная способность человеческого мышления, то в основе самого акта наименования оказывается способность выбирать определенные признаки предметов, что и определяет внутреннюю форму наименований (Языковая номинация. Общие вопросы, 1977: 49). Полагаем, что указанное соотношение значимо прежде всего для фразеологических единиц, двуденотативность которых однозначно определяет позицию именуемого субъекта, выбор им существенных признаков, соотносимых с денотатом. Например, для обозначения отсутствия деятельности, безделья в качестве первичных денотатов используются сочетания слов, обозначающие социально незначимые действия или просто действия ненужные, нецелесообразные в процессе жизнедеятельности человека: *считать ворон, гонять собак, хлопать глазами, складывать руки*. Референциальные особенности отрицательных глаголов проявлялись, в том числе, в их двуплановости: значимым оказывалось то отрицание данного действия, то указание на действие противоположное: *сохранить — не утратить* (один план — отсутствие утраты, другой — наличие действия противоположного, сохранения); в отрицательных фразеологизмах это проявляется в соотношении первичного и вторичного денотатов, в том, какой именно первичный денотат выбирается в качестве основы для фразеологического наименования. Так, для обозначения бесполезного занятия в качестве первичных денотатов используются сочетания, называющие действия, абсурдные с точки зрения носителя языка: *переливать из пустого в порожнее, толочь воду в ступе*.

При назывании трудовой деятельности обращается внимание на отсутствие таковой через называние социально незначимых действий: *собак гонять, бить баклуши, валять дурака*; на наличие определенных умений через называние действий, противоречащих логике трудового процесса: *валить через пень колоду, бросать на ветер*. Референциальная обусловленность видится в определенной избирательности отрицательных фразеологизмов. В трудовой деятельности с отрицанием не соотносятся временные, пространственные параметры, хотя очевидно, что деятельность

осуществляется в пространстве и времени; не определяется инструментом, необходимым для осуществления трудовой деятельности.

В денотативном пространстве, связанном с человеком, выделяется также группа фразеологизмов со значением 'речевая деятельность', члены которой, как и в семантической группе «деятельность» объединяются в две парадигмы: отсутствие речевой деятельности и наличие речевой деятельности. Отсутствие речевой деятельности соотносимо с лексической номинацией молчания: *держат язык на привязи* — 'молчать, не болтать, не говорить лишнего'. При наличии речевой деятельности отрицание связано с противопоставлением правды и лжи: *лить пули* — 'бессовестно врать'; с негативным в речевой деятельности: *прохаживаться на счет* — 'отзываться неодобительно'; *играть в загадки* — 'высказываться неясно'.

Отрицательные фразеологические единицы связаны также с характеристикой интеллектуальной деятельности, когда отсутствие интеллектуальной деятельности определяется отсутствием способности соображать, причем утрата этой способности манифестируется и на уровне первичных денотатов: *лишиться ума, терять рассудок, голова идет кругом, закружилось в голове, голова пухнет*.

Интеллектуальной деятельности присущи неполнота, ненамеренность проявления: *упускать из виду* — 'не принимать во внимание, не учитывать чего-л.' Сопоставив фразеологизмы со значением деятельность ('трудовая деятельность', 'интеллектуальная деятельность', 'речевая деятельность'), видим совпадение отрицательно определяемых параметров при назывании различных видов деятельности. Прежде всего при назывании каждого вида деятельности актуально противопоставление «наличие — отсутствие деятельности»: отсутствие в дальнейшем не конкретизируется, а определение наличия различных видов деятельности имеет общие параметры. Значимы отсутствие содержания, наличие условий реализации, отрицательно определяемых параметров деятельности.

Продолжая описание фразеологических единиц, отметим наличие связи всех последующих групп фразеологиз-

мов с денотативным классом «Человек». И хотя многие фразеологические единицы могут быть соотнесены не только с человеком, но и с миром живой природы вообще, их содержание определяется переносом признаков, присущих человеку, на другие живые существа. В человеческой деятельности, кроме перечисленных уже видов, выделяется деятельность по восприятию: *терять из вида* — ‘1. переставать видеть’; деятельность, связанная со сферой социальных отношений: *класть на бочку* — ‘не откладывая платить’; *держат в кубышке* — ‘не пускать в оборот’.

Отрицательные фразеологические единицы денотативного класса «Человек» содержат в себе оценку. Наличие коннотативного компонента определено самой семантикой фразеологизмов. Более значимым является то, что, чем «социализированнее фразеологизм», тем более последовательно он связан с отрицательной оценкой в качестве коннотативного компонента значения. Данное явление объясняется референциальными особенностями фразеологизмов. В лингвистике имеется обобщенное объяснение подобного явления: «... частноотрицательные значения релятивизированы к нормам бытия объекта и создают ценностную картину мира, всегда в чем-то специфическую для данного языкового коллектива» (Телия, 1996: 104). Референция является фактором, во многом объясняющим существование фразеологических единиц. Лексические и фразеологические единицы нередко соотносятся с одним и тем же денотатом, их семантические различия обусловлены в том числе и процессом референции.

Не останавливаясь на перечислении всех других семантических групп глагольных отрицательных фразеологизмов в силу их денотативной близости, подчеркнем, что в денотативном классе «Живая природа» отрицательные фразеологические единицы связаны с подклассом «Человек» и определяют различные виды деятельности, присущие человеку: *слушать во все уши* — ‘очень внимательно, не пропуская ни слова’ (интеллектуальная деятельность); физическое состояние человека: *валиться с ног* — ‘не быть в состоянии держаться на ногах’; его бытие в действительности: *нога не ступит* — ‘кто-л. не появится где-л.’; ха-

ракетер его отношений с другими людьми и предметами окружающего мира: *МОЗОЛИТЬ ГЛАЗА* — ‘2. не давать покоя постоянными жалобами, разговорами’.

Налицо различия между первичным денотатом и значением фразеологизма: первичный денотат соотносится практически со всем классом «Живая материя», фразеологизм — только с человеком. Животные и растения как составляющие денотативного класса «Жвая природа» не нашли отражения в отрицательных фразеологических единицах, эти фрагменты денотативного класса представлены лишь на уровне первичных денотатов. Даже определение физического состояния обращено в первую очередь к миру человека: *НЕ ЛЕЗЕТ В ГЛОТКУ* — ‘нет никакого желания есть’.

В определении человека наблюдается некоторое совмещение границ между денотативными классами, поскольку для человека значимо не просто бытие в пространстве и времени в определенном физическом состоянии, для человека значимо бытие в социуме. Социальный аспект характеристики уточняется такими социофактами, как деньги, жилье, наличие семьи, близких людей, опыта, руководство в жизни нормами морали: *КАЗАНСКАЯ СИРОТА, ГОЛОВА САДОВАЯ, ЗАКОН НЕ ПИСАН*.

Первичные денотаты охватывают очень широкий круг явлений, тогда как область натурфактов практически не представлена анализируемыми фразеологическими единицами. Натурфакты, социофакты в семантике фразеологических единиц представлены в качестве факторов, определяющих благополучие человека: *СИДЕТЬ У РАЗБИТОГО КОРЫТА* — ‘ни с чем’.

Поскольку отрицательные фразеологические единицы связаны с человеком, достаточно и разнообразно фразеологизмами представлены психофакты: эмоциональное состояние, эмоциональное отношение, межличностные отношения: *ЖЕЧЬ КОРАБЛИ* — ‘делать невозможным возврат к прежнему’; *СТАНОВИТЬСЯ ПОПЕРЕК ГОРЛА* — ‘делаться для кого-л. невыносимым, нестерпимым’.

Завершая описание отрицательных глаголов и отрицательных глагольных фразеологизмов, отметим последовательное тяготение данных единиц к денотативному классу

«Человек», связь эта тем более очевидна, чем более социализирована семантика анализируемых единиц. Налицо денотативная одноплановость отрицательных глаголов и отрицательных глагольных фразеологизмов и денотативная ограниченность. Названные единицы связаны с денотативным классом «Живая природа», подклассом «Человек», с областью социофактов и психофактов.

Референциальные особенности анализируемых единиц проявляются в характере соотношения имплицитного и эксплицитного отрицания в общеотрицательных глаголах, в одновременном наличии и отсутствии тождества у данных единиц, в двуплановости общеотрицательных глаголов, в выборе отрицательно определяемых признаков. Референциальные особенности отрицательных фразеологических единиц определяются характером связи первичного денотата и фразеологизма, кругом явлений, связанных с данными фразеологизмами как вторичными номинациями. Актуальным является также вывод о референциально обусловленном характере проявления отрицания: отрицание в отрицательных глаголах реализует функцию противопоставления, указание на отсутствие, функцию характеризующую и интерпретирующую. В частноотрицательных глаголах реализуются только характеризующая и интерпретирующая функции. В отрицательных фразеологизмах реализуется прежде всего интерпретирующая функция отрицания.

Глава 5

ДЕНОТАТИВНОЕ ПРОСТРАНСТВО ГЛАГОЛОВ КОМПЛЕКСНОЙ ПОЛИПРОПОЗИТИВНОЙ СЕМАНТИКИ

Природа полипропозитивных глаголов уникальна: в их лексической семантике обнаруживаются знания о денотативных связях слов, о семантических расстояниях в лексико-семантическом пространстве глагола, о пересекаемости концептосфер.

Цель данной главы — попытаться выявить закономерности сопряжения и сближения типовых ситуаций средствами лексической семантики полипропозитивных глаголов.

По данным экспериментального синтаксического словаря «Семантическое модели русских глагольных предложений» (Екатеринбург, 1998), совмещенные лексические репрезентации когнитивно-пропозициональных структур базовых концептов охватывают все сферы процессуально-событийного мира, но в разной степени. Больше всего они представлены в денотативной сфере «Действие (около 200 вариантов) и деятельность» (около 100 вариантов), меньше — в денотативных сферах «Бытие, состояние, качество» (около 60 вариантов) и «Отношение» (около 70 вариантов). С одной стороны, это объясняется тем, что категоризация процессуально-событийного мира более разработана глагольной лексикой в сферах «Действие» и «Деятельность», которые включают в свой состав более половины всех ЛСГ глаголов. В связи с этим естественно выглядит и преобладание совмещенных репрезентаций когнитивно-пропозициональных структур. С другой стороны, бросается в глаза тот факт, что в структурах концептосфер, заключающих знания о данных сферах процессуально-событийного мира, доминирует зона ближайшей периферии, представленная совмещенными пропозитивными моделями. При этом она либо преобладает над основными лексическими и образными репрезентациями, либо полностью охватывает всю концептосферу (см. гл. 1).

В тех случаях, когда полипропозитивные глаголы и репрезентируемые ими когнитивно-пропозитивные модели совмещения пропозиций охватывают всю концептосферу определенного концепта, это обычно отражается в названии ЛСГ глаголов и обязательно содержится в типовой семантике базовой семантической модели предложений, отображающих типовые ситуации. Например, имеется три ЛСГ глаголов помещения: ЛСГ глаголов помещения объекта в определенном месте каким-либо образом, ЛСГ глаголов помещения объекта в результате физического действия, ЛСГ глаголов помещения объекта в результате перемещения. Как видим, в названиях групп содержатся сведения об основных семантических связях отображаемой ситуации помещения с ситуациями помещения и конкретного физического действия, а также указания на характер этих связей: образа действия, способа и результативно-следственные.

Обращает на себя внимание и такая закономерность: для денотативных комплексов характерны не только регулярность сопряжения определенных типовых ситуаций, но и регулярность логико-семантического ракурса подобного сопряжения. Так, глаголы поступательного однонаправленного движения относительно исходного пункта типа *бежать, эмигрировать, выселяться, эвакуироваться* сопрягаются с ситуациями избавления и субъектного помещения, выражая при этом причинно-следственные отношения. Их типовая семантика содержит ответ на вопрос, почему субъект должен откуда-либо удаляться: 'удаляться из какого-л. пункта изоляции тайком, спастись бегством'; 'удаляться с постоянного места жительства, работы, учебы, вынужденно или добровольно менять свой образ жизни'. Близкие им по общей категориально-лексической семантике, но противопоставленные по направленности глаголы поступательного однонаправленного движения относительно конечного пункта регулярно совмещаются с ситуациями посещения (*наведываться, навещать, пожаловать* и др.), субъектного помещения и образа жизни (*иммигрировать*), собирания (*набегать, наезжать* и др.). Во всех трех вариантах совмещенные ситуации оказываются связанными логико-

семантическими отношениями цели, что также отражается в их типовой семантике: 'кто-л. прибывает в какое-л. место, к кому-л., чтобы с определенной целью пробыть в данном месте какое-то время'; 'кто-л. прибывает в какую-л. страну на постоянное место жительства' и т. д.

Денотативный комплекс «Лишение жизни живого существа» полностью состоит из совмещенных репрезентаций базовой когнитивно-пропозициональной структуры (9 вариантов совмещения), для которых существенным оказывается актуализация способа осуществления действия: использование орудия убийства (*застрелить*), нанесение удара (*пристукнуть*), давление (*давить*, *душить*), прикосновение и повреждение тела (*зарезать*, *засекать*), физиологического действия (*отравить*), использование животных (*затравить*, *заклевать*), перемещения объекта (*толкать*), отделения (*обезглавить*).

Как показал анализ семантики полипропозитивных глаголов, в структуре их лексических значений способны репрезентироваться в свернутом виде (в отличие от развернутых — синтаксических способов) следующие разновидности логико-семантических отношений, связывающих совмещаемые ситуации: результативно-следственные, причинно-следственные, цели, образа действия, способа осуществления действия, одновременности протекания процессов.

Если охарактеризовать денотативные комплексы в аспекте отображаемых универсальных отношений, то можно говорить о наличии в их составе однородных и неоднородных в этом плане концептосфер. Первые отличаются однотипностью выражаемых логико-семантических отношений, обнаруживаемой во всех вариантах совмещенных репрезентаций когнитивно-пропозициональной структуры одного денотативного комплекса. К однородным структурам относятся все вышеприведенные, а также следующие денотативные комплексы: «Приведение объекта в прежнее состояние», «Помещение объекта в результате физического действия», «Очищение и удаление», «Собирание», «Графическая передача информации», «Проверка», «Исполнение художественных произведений», «Получение объекта в определенном количестве», «Лишение объекта», «Победа

или поражение», «Принуждение», «Убеждение», «Расположение к контакту», «Влияние», «Внешнее выражение отношений», «Прекращение бытия», «Исчезновение», «Изменение качественного признака», «Становление физического качества», «Пребывание в функциональном состоянии», «Приведение в функциональное состояние», «Поступательное однонаправленное движение относительно исходного пункта», «Поступательное однонаправленное движение субъекта относительно конечного пункта», «Понимание», «Познание», «Решение», «Утрата объекта», «Взаимосвязь», «Однонаправленное перемещение объекта относительно исходного пункта», «Однонаправленное перемещение объекта относительно конечного пункта», «Речевое воздействие», «Использование», «Передача объекта».

Вторые характеризуются разнообразием (от двух до пяти) выражаемых логико-семантических отношений в наборе вариантов совмещенных репрезентаций когнитивно-пропозициональной структуры одного денотативного комплекса. Это следующие денотативные комплексы: «Бытие-существование во времени», «Физиологическое состояние», «Давление», «Воздействие на объект», «Собственно бытие», «Характеризованная речевая деятельность», «Избавление», «Разрушение», «Поступательное разнонаправленное движение», «Выбор», «Помещение объекта в результате перемещения», «Помещение объекта в определенном месте каким-либо образом», «Создание объекта в результате интеллектуального труда», «Прикосновение», «Круговое, вращательное перемещение объекта», «Субъектное помещение», «Закрытие объекта», «Речевое общение», «Создание объекта в результате физического труда», «Профессионально-трудовая деятельность», «Физиологические действия», «Согласованные действия», «Определение», «Приведение в эмоциональное состояние», «Изменение качественного признака», «Общественно-политическая деятельность», «Речевое сообщение», «Разделение».

Рассмотрим подобные структуры денотативных комплексов с учетом логико-семантического ракурса совмещения ситуаций.

5.1. ДЕНОТАТИВНЫЕ КОМПЛЕКСЫ ОДНОРОДНОЙ ЛОГИКО-СЕМАНТИЧЕСКОЙ СТРУКТУРЫ ПЕРИФЕРИЙНОЙ ЗОНЫ СОВМЕЩЕННЫХ РЕПРЕЗЕНТАЦИЙ

Данные комплексы формируются полипропозитивными глаголами с совмещенной и включенной пропозицией событийного типа, связанной с главной пропозицией одинаковыми логико-семантическими отношениями. К ним относятся следующие.

Отношения временной одновременности

Подобные отношения связывают равнозначные пропозиции, которые обычно дополняют друг друга и совместно отображают сложные комплексные ситуации. Возьмем, к примеру, полипропозитивные глаголы замены. В их семантике содержится информация о взаимодополнительности различных ситуаций, одна из которых — ситуация получения, которая регулярно сопровождается ситуациями отдачи, отчуждения объекта (*менять*), использования (*переменить*), управления (*заменить*), профессионально-трудовой деятельности (*подменять*). Анализируемый денотативный комплекс включается в денотативную сферу «Отношение», а обнаруженные в его концептосфере совмещенные репрезентации пересекаются с денотативной сферой «Деятельность».

Подобную однородную структуру имеет и денотативный комплекс «Покрытие объекта», причем он имеет яркую особенность — лексическую неразработанность основной приядерной зоны и широкую лексическую разработанность периферийной зоны совмещенных репрезентаций. В последней обнаруживаются следующие варианты аддитивного совмещения основной пропозиции собственно покрытия с пропозициями пропитывания (*красить, смолить*), созидания (*крыть, покрывать*), помещения объекта куда-либо в определенном положении (*наслаивать*), обработки (*заращивать*), субъектного помещения (*облеплять*), становления физического качества (*загнаиваться, плесневеть*), графической передачи информации (*гравировать, татуировать*), создания объекта в результате физического труда (*разрисовать, униживать*). Особенно широко представленной оказывается совмещенная пропозиция покрытия и ста-

новления физического качества. В данном денотативном комплексе преимущественно оказываются сопряженными близкие типовые ситуации, относящиеся к одной денотативной сфере «Действие и деятельность».

Рассмотренные выше сложные когнитивно-пропозициональные структуры, выражающие знания о комплексе ситуаций, связанных отношениями временной одновременности, являются прототипическими совмещенными репрезентациями в силу равнозначности сопрягаемых ситуаций. Когнитивно-пропозициональные структуры с отношениями логической обусловленности, в которых одна пропозиция является главной, а другая уточняет, характеризует ее в каком-либо аспекте (образа действия, способа, результативно-следственном и цели), мы условно, в целях единообразия терминологии также называем совмещенными. При этом имеется в виду принципиально другой тип совмещения: не на основе равноправия и взаимодополнительности, а на основе включения пропозиций (см.: Бабенко, 1997).

Отношения образа и способа действия

К однородным структурам, концептосфера которых содержит совмещенные репрезентации, связывающие типовые ситуации в аспекте образа и способа действия, относится рассмотренный выше денотативный комплекс «Лишение жизни живого существа».

Эти отношения в большей степени свойственны группам полипропозитивных глаголов, отображающих ситуации, связанные с воздействием на объект, изменяющим его качества, свойства. Например, в денотативном комплексе «Приведение объекта в прежнее состояние» все выявленные совмещенные варианты репрезентации когнитивно-пропозициональной структуры выделяют именно этот ракурс сопрягаемых ситуаций. Приведение объекта в прежнее состояние осуществляется следующими способами: устранением повреждений (*ремонттировать*), прикосновением и изменением положения (*одергивать*, *поправлять*), давлением и прикосновением (*выправлять*), соединением (*штопать*), изменением качественного признака (*штопать*), помещением объекта в результате перемещения (*убирать*).

Подобная картина наблюдается и в денотативном ком-

плексе «Помещение объекта в результате физического действия», который в плане семантических расстояний близок к предыдущему комплексу. В этом комплексе ситуация помещения регулярно сливается с ситуациями присоединения (*нанизывать, наклеивать, минировать* и мн. др.), обработки, покрытия и графической передачи информации. Причем первый вариант совмещения тщательно разработан лексически с учетом конкретного способа и материала, инструмента присоединения, которое может осуществляться благодаря воздействию высокой или низкой температуры (*сваривать, вмораживать* и др.), путем переплетения отдельных нитей и прядей с основным объектом (*вплетать, ввязывать*), с помощью какого-либо вещества (*вклеивать, вlepлять*), с помощью каких-либо инструментов или техники (*вмонтировать, врезать, пломбировать* и др.), присоединением какой-либо ткани, одежды к костюму, платью и т. д. (*вкраивать, вшивать* и др.).

Денотативный комплекс «Очищение и удаление объекта» также относится к разряду однородных в аспекте репрезентации логико-семантических связей сопрягаемых ситуаций. Всего обнаружено десять вариантов сопряжения ситуаций, причем чаще всего в качестве ситуаций, способствующих очищению и удалению объекта, выступают ситуации, обязательно содержащие идею движения, что естественно обусловлено самой природой базовой ситуации, предполагающей их нерасторжимое единство, взаимодополнительность. Очищение и удаление объекта осуществляется перемещением объекта (*местить*), помещением его куда-либо в результате перемещения (*купать*), нанесением удара (*выбивать*), отделением (*отскабливать, брить*), давлением и перемещением (*выдавливать*), перемещением объекта (*выплювывать*), перемещением объекта и изменением его качественного признака (*вытирать*), изменением качественного признака объекта (*зачищать, стесывать*), касанием (*зализывать*), конкретным физическим действием (*полоть*).

Итак, в рассмотренных выше однородных по типу выражаемой логической пропозиции (пропозиция образа, способа осуществления действия) денотативных комплексах, свя-

занных с воздействием на объект, явно выражены представления о близости расстояний между ними и ситуациями перемещения объекта, помещения объекта в результате перемещения, соединения, присоединения, отделения, касания, покрытия, давления, нанесения удара, которые чаще всего приводят к качественному изменению самого объекта.

В денотативной сфере созидательной деятельности данный тип логико-смыслового совмещения ситуаций представлен в двух комплексах: собирания и графической передачи информации. В первом из них наблюдается совмещение с ситуацией приобретения (*брать, собирать*), во втором — с ситуациями присоединения (*приписать*), речевого сообщения (*описывать*), речевого общения (*переписываться*), воспроизведения (*переносить, списывать*). Здесь совмещение также имеет вполне объяснимую природу и обусловлено реальной близостью ситуаций: то, что собирается, чаще всего приобретается, а графическая передача информации неразрывно связана с речевым общением и сообщением, без которых она лишается смысла.

Интеллектуальная деятельность в целом по сравнению с другими денотативными сферами имеет значительно меньше совмещенных вариантов репрезентации базовых когнитивно-пропозициональных структур. Что касается рассматриваемого логико-семантического типа, то он характерен для денотативного комплекса проверки, в типовой семантике которого заложена целеустановка (с какой целью что-либо проверяется?), а в лексической семантике полипропозитивных глаголов воплощается характер, способ проверки (как проверяется?). Выявлены регулярные связи данной базовой ситуации и ситуаций воздействия на объект (*ревизовать, испытать*), речевого общения (*экзаменовать*), функциональной деятельности (*обкатывать*), физиологических действий (*перепробовать*), обработки (*корректировать*). Спектр сопрягаемых ситуаций в данном случае напрямую не обусловлен их реальными связями и более разнообразен: сближаются в денотативном пространстве ситуации из разных денотативных сфер.

В денотативной сфере социальной деятельности только денотативный комплекс «Исполнение художественных

произведений» также имеет однородную природу, и все совмещенные репрезентации когнитивно-пропозициональной структуры основаны на выражении отношений образа действия. В данном комплексе наблюдается совмещение с ситуациями присоединения (*аккомпанировать, вторить*), звучания (*запевать*), движения (*вальсировать*).

Денотативная сфера «Бытие, состояние, качество» не имеет в своем составе однородных денотативных комплексов, содержащих совмещенные репрезентации типовых ситуаций, связанных отношениями образа действия и способа.

В денотативной сфере «Отношение», наоборот, подобные репрезентации присутствуют в разных денотативных комплексах: получения объекта в определенном количестве (*натанывать*), лишения объекта (*грабить*), победы или поражения (*переспоривать, проспоривать*), принуждения (*понукать*), помощи (*консультировать, посредничать*). В этой денотативной сфере есть достаточно развернутые денотативные комплексы однородной логико-семантической структуры совмещения, выражающие анализируемые отношения. К ним относятся следующие денотативные комплексы: убеждения, расположения к контакту, влияния, внешнего выражения отношения. Обращает на себя устойчивость связей со строго определенными ситуациями, проявляющаяся в этих денотативных комплексах. Чаще всего в качестве включенных пропозиций в них выступают событийные пропозиции речевого общения, речевого воздействия, речевого сообщения, поведения, общественно-политической деятельности, эмоционального состояния в разных его проявлениях. Сравним:

— Денотативный комплекс «Убеждение» формируется включением в лексическую семантику соответствующих глаголов пропозиций поведения и речевого общения (*вразумлять*), речевого воздействия (*разубеждать, аргументировать*), характеризованной речевой деятельности (*умолять*), общественно-политической деятельности (*агитировать*).

— Денотативный комплекс «Расположение к контакту» включает в качестве уточняющих базовую ситуацию в аспекте способа и образа сопутствующей ей ситуации поведения (*льстить*), межличностных отношений (*родниться*),

речевого сообщения (*представляться*), эмоционального воздействия (*приручать*), приведения в эмоциональное состояние (*сближать*).

— Денотативный комплекс «Влияние» имеет следующий спектр связей, отраженных в качестве включенных пропозиций в лексической семантике составляющих его глаголов: речевое воздействие (*подговаривать, надоумливать*), речевое воздействие и убеждение (*опровергать, опаривать*).

— В денотативном комплексе «Внешнее проявление отношения» спектр связей, отраженных в семантике полипропозитивных глаголов, более широк. Это звучание (*аплодировать*), речевое воздействие (*благодарить, бесславить*), поведение (*ухаживать, зверствовать, двуличничать*), становление внешних признаков (*улыбаться, хмуриться*), прикосновение (*ласкать*), помощь (*заботиться*), интеллектуальная деятельность (*судить, считаться*), изменение положения тела (*кланяться*).

Как видим, спектр связей в денотативной сфере «Отношение» ограничен областями деятельности человека: интеллектуальной, речевой, эмоциональной, его поведением и жестами, сближение с которыми в рассмотренных выше денотативных комплексах вполне естественно и выявляет объективно существующие в действительности связи типовых ситуаций.

Итак, анализ семантики полипропозитивных глаголов с включением пропозиций в аспекте образа и способа действия обнаружил активную зону взаимодействия ситуаций в денотативных сферах «Действие и деятельность», в которой сближаются как денотативно родственные ситуации, так и достаточно удаленные друг от друга ситуации. Регулярно участвуют в выражении логико-семантических отношений образа и способа действия в качестве включенных следующие типовые ситуации: **прикосновение** (денотативные комплексы «Приведение объекта в прежнее состояние», «Очищение и удаление», «Исполнение художественных произведений», «Внешнее проявление отношений»), **давление** (денотативные комплексы «Очищение и удаление», «Приведение объекта в прежнее состояние»),

присоединение (денотативные комплексы «Помещение объекта в результате физической деятельности», «Проверка», «Исполнение художественных произведений»), **помещение объекта в результате перемещения** (денотативные комплексы «Приведение объекта в прежнее состояние», «Очищение и удаление»), **речевая деятельность** (денотативные комплексы «Графическая передача информации», «Проверка», «Убеждение», «Влияние», «Внешнее проявление отношений», «Расположение к контакту»).

Результативно-следственные и причинно-следственные отношения

Эти логико-семантические отношения также чрезвычайно частотны и характерны для совмещенных когнитивно-пропозициональных структур различных концептов процессуально-событийного мира и встречаются также в составе однородных концептосфер.

В отличие от рассмотренных выше отношений образа и способа действия, они прежде всего характерны для когнитивно-пропозициональных структур денотативной сферы «Бытие, состояние, качество». В частности, концептосферы «Прекращение бытия», «Исчезновение», «Изменение качественного признака», «Становление физического качества», «Пребывание в функциональном состоянии» и «Приведение в функциональное состояние» содержат совмещенные пропозиции, однородные по логико-семантической основе. Различия обнаруживаются в характере сближаемых типовых ситуаций.

В концептосфере «Прекращение бытия» в качестве включенных пропозиций, связанных с главной пропозицией результативно-следственными отношениями, выступают следующие: межличностных отношений и пребывания в определенном месте (*покидать, разводиться*), межличностных отношений (*мирить, сдаваться*), движения (*замирать, застревать*), функционального состояния (*отказываться служить*), проявления признаков, воспринимаемых органами зрения и слуха (*гаснуть*), горения (*тушить*), звучания (*глохнуть, замолкать*). Как видим, спектр связей здесь достаточно широк, хотя доминируют типовые ситуации, связанные, с одной стороны, с проявлением меж-

личностных отношений, с другой стороны, с наблюдаемыми, ощущаемыми, воспринимаемыми органами чувств типовыми ситуациями конкретно-физического характера.

Концепт «Исчезновение» по своей сущности предполагает обоснование причины главной пропозиции, что прослеживается в типовой семантике полипропозициональных глаголов, связанных с его репрезентацией: 'Человек, группа лиц, живое существо (животное, птица, рыба, насекомое), или какой-л. предмет исчезают по какой-л. причине'. Это объясняет и характер когнитивно-пропозициональной структуры, репрезентирующей концепт, в которых главная пропозиция и зависимая связаны причинно-следственными отношениями. В качестве зависимых при этом регулярно выступают пропозиции конкретного физического действия — очищения или отрицательного воздействия на объект (*истребляться, отмывать, упраздниться*), движения (*вылезать, перевестись, уходить*), утраты объектом качества (*выгорать, сохнуть*).

Больше всего рассматриваемый тип логико-семантических отношений представлен в концептосфере «Изменение качественного признака». В самой типовой семантике данной концептосферы, отраженно воплощенной и в ее названии, присутствует намек на данный тип отношений. Включенные пропозиции указывают на конкретную типовую ситуацию, послужившую причиной изменения качественного признака.

В качестве включенных выступают преимущественно событийные пропозиции: прикосновения, удара (*лохматиться, пушиться, взбивать, ерошить*), давления (*деформироваться, мять*), удаления (*сушиться*), пропитывания (*мокнуть*), проявления эмоционального состояния (*кривиться, морщиться*), осуществления процесса (*вызревать, вырождаться*), покрытия (*выкрасить*), речевой деятельности (*перешептывать*). К данной концептосфере притягиваются достаточно удаленные от нее типовые ситуации из сфер «Действие» и «Деятельность», причем преимущественно относящиеся к конкретной физической деятельности. Это обнаруживает реальную соотнесенность указанных выше ситуаций: обычно результатом конкретного фи-

зического действия является изменение качественной природы объекта.

Концептосфера «Становление физического качества» содержит в качестве включенных пропозиции из разных денотативных сфер: действия и деятельности, состояния. К ним относятся следующие пропозиции: использования, разрушения (*гнить, ветшать*), функционального состояния (*густеть, холодеть*), пропитывания, покрытия (*грязнить*), восприятия (*киснуть, черстветь*), остановки движения (*каменеть*).

Близко расположенные относительно друг друга концептосферы «Пребывание в функциональном состоянии» и «Приведение в функциональное состояние» имеют периферийные зоны совмещенных пропозиций также однородной структуры, основанные на выражении результативно-следственных отношений. При этом наблюдается сближение пропозиций состояния преимущественно с пропозициями денотативной сферы «Действие» и «Деятельность» и минимально — с пропозицией денотативной сферы «Качество». Так, пребывание в функциональном состоянии регулярно является результатом изменения местоположения (*дыбиться*), восприятия, воздействия природных сил (*коченеть*), повреждения или контакта (*заклинивать*), приготовления пищи (*лопсевать*). Приведение в функциональное состояние сопрягается с проявлением признака (*зажигать*), конкретного физического действия (*разрыхлять*), использования объекта (*трепать*).

В денотативной сфере «Действие» только денотативный комплекс «Поступательное однонаправленное движение относительно исходного пункта» имеет совмещенные пропозиции анализируемого типа (см. выше). А в денотативной сфере «Деятельность» только глаголы интеллектуальной деятельности — полипропозитивные глаголы понимания, познания и решения — имеют широкоразвитую периферийную зону совмещенных пропозиций исследуемого типа при отсутствии основных лексических репрезентаций в ядерной зоне.

Общая закономерность, свойственная вышеуказанным глаголам и обуславливающая полевую структуру их кон-

цептосферы, то, что их типовая семантика выражает знания о регулярном характере включения зависимых пропозиций на основе результативно-следственных отношений. Так, типовая семантика глаголов понимания формулируется следующим образом: 'Человек понимает что-л. (какие-л. явления, процессы, события), проникая в суть явлений в результате наблюдений, размышлений, специальных логических выводов'. В качестве зависимых выступают пропозиции мышления (*додуматься, уяснить*), предположения и жизненного опыта (*осознать, смыслить*), оценки (*выяснить*), восприятия (*ощущать, воспринимать*), речевого общения (*выяснить*), предположения (*видеть*). Все они относятся к той же денотативной сфере и выражают знания о регулярности тесного взаимодействия в ней составляющих ее типовых ситуаций.

Глаголы познания объединяются типовой семантикой, также имеющей сложный характер и выражающей знания о склеивании пропозиций по результативно-следственному типу: 'Человек познает смысл, значение чего-л. в процессе исследования, изучения и в результате приобретает знания, получает представление о ком-, чем-л.' На основании семантического вывода из лексического значения рассматриваемых глаголов получаем данные о наборе типовых ситуаций, включаемых в совмещенные когнитивно-пропозициональные структуры в качестве зависимых. К ним относятся ситуации интеллектуальной научной деятельности (*анализировать, изучать*), определенного ритуала, поступка (*ворожить, гадать*), речевого общения (*выспрашивать*), сохранения (*запоминать*), приобретения (*обучаться*), утраты (*забывать*), восприятия (*осматривать*) и эмоционального состояния (*испытать*).

Типовая семантика глаголов решения выражает знания о сложном характере отображаемого комплекса ситуаций: 'Человек приходит к какому-л. решению, выводу, заключению в результате определенных усилий, деятельности'. Анализ семантики этих глаголов позволяет выявить набор типовых ситуаций, регулярно предваряющих решение, способствующих принятию решений. К ним относятся типовые ситуации мыслительной деятельности (*заду-*

мать), математических расчетов (*делить*), выбора (*находить, приступать*), воображения (*предрекать*), жизненного опыта, профессиональной деятельности (*судить, считать*), социальных отношений (*заседать*). В данной концептосфере наблюдается склеивание близкорасположенных в семантическом пространстве пропозиций. Все совмещаемые и выражаемые результативно-следственные отношения пропозиции относятся к интеллектуальной деятельности в разных ее проявлениях.

Для денотативной сферы «Отношение» рассматриваемый тип логико-семантических отношений при совмещении пропозиций в целом не характерен. Встретились лишь единичные случаи подобных когнитивно-пропозициональных структур в концептосферах полипропозитивных глаголов утраты объекта и взаимосвязи, которые отличаются широко разработанным лексическим ядром с большим набором репрезентации базовой пропозиции и минимальной периферийной зоной совмещенных пропозиций. Типовая семантика глаголов утраты объекта в обобщенном виде указывает на логическую пропозицию причинно-следственного типа, связывающую базовую и включенную пропозиции: 'Живое существо, общественная организация, предмет утрачивают кого-, что-л., какое-л. свойство в результате чего-л., по какой-л. причине'. В качестве причины выступают типовые ситуации отчуждения (*разоружаться*) и использования (*издерживать*). Обе они относятся к денотативным сферам деятельности — социальной деятельности. Социальные отношения и социальная деятельность, — достаточно близко расположенные в денотативном пространстве сферы процессуально-событийного мира. Глаголы взаимосвязи имеют только один логико-семантический вариант анализируемого типа, в котором главная исходная пропозиция является причиной зависимой пропозиции — пропозиции изменения качественного признака (*передать* что кому-чему, *сказываться* на ком-чем).

Итак, анализ семантики полипропозитивных глаголов с включением зависимой пропозиции только по результативно-следственному типу (однородные структуры) показал, что данный тип когнитивно-пропозициональных

структур в большей степени характерен для денотативной сферы «Бытие, состояние, качество» и для денотативной сферы «Интеллектуальная деятельность». Спектр связей пропозиций в них по данному логико-семантическому типу достаточно разнообразен, следствием чего является преобладание уникальных для каждого денотативного комплекса типов взаимодействия. Несмотря на это, в каждой денотативной сфере обнаруживается и зона активного взаимодействия определенных типовых ситуаций. Для денотативной сферы «Интеллектуальная деятельность» эту зону формируют денотативные комплексы «Понимание», «Мышление», «Восприятие», «Познание», «Предположение», «Жизненный опыт», «Интеллектуальная научная деятельность», «Решение», которые тесно переплетаются в денотативном пространстве русского глагола, что находит отражение в лексической семантике полипропозитивных глаголов. В денотативной сфере «Бытие, состояние, качество» регулярно участвуют в выражении результативно-следственных отношений в качестве включенных следующие типовые ситуации: **движение** (денотативные комплексы «Прекращение бытия», «Исчезновение», «Становление физического качества»), **функциональное состояние** (денотативные комплексы «Прекращение бытия», «Становление физического качества»), **пропитывание, покрытие** (денотативные комплексы «Изменение качественного признака», «Становление физического качества»).

Целевые отношения

Данный тип логико-семантического совмещения пропозиций доминирует в денотативной сфере «Действие и деятельность» и на его основе организуются периферийные зоны денотативных комплексов «Однонаправленное поступательное движение относительно конечного пункта» (см. начало главы), «Однонаправленное перемещение объекта относительно исходного пункта» и «Однонаправленное перемещение объекта относительно конечного пункта», «Речевое воздействие», «Использование», а также денотативный комплекс «Передача объекта» из денотативной сферы «Отношение».

Анализ самого набора денотативных комплексов, имеющих однородные по структуре периферийные зоны с целевыми отношениями, показывает, что в нем доминируют когнитивно-пропозитивные структуры, в которых пропозиции движения чаще всего являются главными, а уточняются они самыми разными пропозициями из различных денотативных сфер «Действие» и «Деятельность», «Состояние», «Отношение».

Обычно типовая семантика различных вариантов совмещенных репрезентаций отличается конкретизацией целевых отношений. Так, в денотативном комплексе «Однонаправленное перемещение объекта относительно исходного пункта» включенные типовые ситуации избавления (*выбрасывать, выкидывать*) и наказания (*высылать*) следующим образом интерпретируются в целевом аспекте: 'освобождаясь от объекта как от чего-л. ненужного', «в наказание».

Денотативный комплекс «Перемещение объекта относительно конечного пункта» также имеет однородные в логико-семантическом отношении совмещенные пропозиции, но состав пропозиций, зависимых от главной, — пропозиции перемещения, — здесь совершенно иной. Это ситуации звучания (*грохать, опрокидывать*), разрушения (*заваливать, обрушивать*), повреждения (*сбивать*), давления (*придавливать, прижимать*).

Денотативный комплекс «Речевое воздействие» не имеет приядерной зоны, состоящей из основных его лексических репрезентаций, в то же время он имеет богатую в плане лексической разработанности периферийную зону совмещенных репрезентаций, все варианты которых однотипны, так как выражают целевые отношения. Это нашло отражение и в формулировке типовой семантики полипропозитивных глаголов, составляющих этот комплекс: 'Человек произносит что-л. каким-л. образом с целью эмоционально воздействовать на собеседника или побудить его к совершению какого-л. действия'. Сопрягаемые с речевой деятельностью типовые ситуации привлекаются из денотативных сфер «Состояние», «Отношение» и «Деятельность». Это ситуации внешнего выражения отношения

(*бранить, укорять*), приведения в эмоциональное состояние (*грозить, стыдить*), влияния (*агитировать, просить*), принуждения (*допрашивать, командовать*), убеждения (*божиться*), речевого сообщения (*врать, кляузничать*), характеризованной речевой деятельности (*орать, нападать*), достижения цели (*выпрашивать*), помощи (*остерегать*). Спектр связей здесь, с одной стороны, достаточно широк, с другой стороны, все сопрягаемые ситуации связаны с психологической и социальной сущностью человека, что объясняет сокращение расстояний между вышеуказанными типовыми ситуациями, их сближение в денотативном пространстве.

Денотативный комплекс «Использование» также не имеет приадресной зоны, но имеет расширенную периферийную зону совмещенных когнитивно-пропозитивных структур с целевыми отношениями. Сама типовая ситуация использования это предполагает, что отражается в описании типовой семантики комплекса: 'Человек использует, расходует что-л. для осуществления, достижения чего-л., получения каких-л. результатов, с какой-л. целью или бесцельно, попусту, зря'. В качестве включенных типовых ситуаций здесь встречаются ситуации профессиональной трудовой деятельности (*нанимать*), приобщения объекта (*брать, нанимать*), достижения цели (*прилагать, практиковать*), интеллектуальной деятельности (*оперировать*), расходования (*промаывать, транжирить*).

Денотативный комплекс «Передача объекта» наряду с широкоразвитой приадресной зоной имеет и хорошо лексически разработанную периферийную зону совмещенных пропозиций, связанных отношениями цели. В ней главная ситуация дополняется ситуациями межличностных отношений (*вознаграждать*), трудовой деятельности (*авансировать, выплачивать*), противодействия (*вооружать*), определения (*предъявлять*), социальной деятельности (*учить*), осуществления (*предоставлять*). В данном комплексе (как и в предыдущем) сближаются типовые ситуации как входящие в одну денотативную сферу, так и привлекаемые из сферы «Деятельность».

В отличие от рассмотренных выше денотативных комп-

лексов однородной логической структуры данное множество денотативных комплексов с включенными пропозициями в аспекте цели отличается разнообразием связей, уникальностью их набора для каждого отдельного денотативного комплекса. Здесь мы не обнаружили в лексической семантике полипропозитивных глаголов повторяющихся типовых ситуаций в качестве включенных.

5.2. ДЕНОТАТИВНЫЕ КОМПЛЕКСЫ НЕОДНОРОДНОЙ ЛОГИКО-СЕМАНТИЧЕСКОЙ СТРУКТУРЫ ПЕРИФЕРИЙНОЙ ЗОНЫ СОВМЕЩЕННЫХ РЕПРЕЗЕНТАЦИЙ

В денотативном пространстве полипропозитивных русских глаголов большое место занимают денотативные комплексы, неоднородные по структуре в плане выражаемых логико-семантических отношений. Анализ обнаружил, что спектр выражаемых отношений (и в качественном, и в количественном плане) здесь достаточно разнообразен. Рассмотрим подобные структуры в логико-семантическом аспекте.

Есть денотативные комплексы, которые организуются на основе двух логико-семантических отношений, при этом выявлены следующие варианты структуры совмещенных периферийных зон в аспекте выражаемых логико-синтаксических отношений.

Во-первых, имеются денотативные комплексы, организуемые полипропозитивными глаголами с собственно совмещенной (отношения одновременности) и включенной пропозицией (отношения обусловленности). Разновидности их с учетом набора вариантов выражаемых отношений следующие:

Денотативные комплексы с отношениями одновременности и образа действия: «Бытие-существование во времени».

Денотативные комплексы с отношениями одновременности и результативно-следственными: «Физиологическое состояние», «Давление», «Воздействие на объект».

Денотативные комплексы с отношениями одновременности, цели и причинно-следственными: «Заккрытие объекта».

Денотативные комплексы с отношениями одновремен-

ности, образа действия и причинно-следственными: «Речевое общение», «Создание объекта в результате физического труда», «Профессионально-трудовая деятельность».

Денотативные комплексы с отношениями одновременности, образа действия, результативно-следственными и цели: «Физиологические действия», «Согласованные действия», «Определение», «Приведение в эмоциональное состояние», «Изменение качественного признака», «Общественно-политическая деятельность», «Речевое сообщение», «Разделение».

Во-вторых, имеются денотативные комплексы, состоящие из полипропозитивных глаголов с включенной пропозицией, которая связана с главной пропозицией отношениями обусловленности. К ним относятся следующие комплексы:

Денотативные комплексы с отношениями образа действия и причинно-следственными: «Собственно бытие», «Характеризованная речевая деятельность», «Избавление», «Разрушение», «Поступательное разнонаправленное движение».

Денотативные комплексы с отношениями цели и причинно-следственными: «Выбор», «Помещение объекта в результате перемещения», «Помещение объекта в определенном месте каким-либо образом».

Денотативные комплексы с отношениями цели и образа действия: «Создание объекта в результате интеллектуального труда», «Прикосновение».

Денотативные комплексы с отношениями образа действия, цели и причинно-следственными: «Круговое, вращательное перемещение объекта», «Субъектное помещение».

Как показывает обзор подобных неоднородных структур, они довольно значительно представлены в денотативном пространстве русского глагола и разнообразные аспекты взаимодействия в их составе совмещаемых ситуаций обусловлены в первую очередь типовой семантикой денотативных комплексов, которая может быть самой разной степени сложности.

Не останавливаясь подробно на рассмотрении всех де-

нотативных комплексов, имеющих неоднородные в логико-семантическом отношении структуры совмещенных репрезентаций, обратим внимание лишь на два способа выражения различных логических отношений в семантике полипропозитивных глаголов, составляющих один денотативный комплекс.

Во-первых, знания о взаимодействии событийных пропозиций, связанных различными логико-семантическими отношениями, могут выражать различные варианты совмещенных репрезентаций одного денотативного комплекса. Возьмем, к примеру, денотативный комплекс «Поступательное разнонаправленное движение субъекта», в котором имеется три различных варианта совмещения исходной типовой ситуации разнонаправленного движения субъекта с типовыми ситуациями: 1) образа жизни (*колесить, кочевать, скитаться, странствовать*), 2) звучания (*шаркать, шлепать*) и 3) эмоционального состояния (*метаться*). Первый и третий вариант совмещения представляют собой логическую пропозицию причинно-следственного типа, второй вариант — образа действия. В денотативном комплексе «Разделение» исходная типовая ситуация регулярно сочетается с двенадцатью включенными ситуациями, выражая при этом различные логические отношения. Отношения образа действия характерны для полипропозитивных глаголов с включенной семантикой нанесения удара (*бить, колоть*), давления (*переламывать*), приготовления пищи (*крошить, резать*), помещения объекта (*перегораживать*), физиологических действий (*глодать*). Для глаголов с включенной семантикой разрушения (*дробить, дробиться*), повреждения объекта (*порвать*) свойственны уже другие — причинно-следственные отношения. В этом же денотативном комплексе имеются совмещенные варианты с логическими отношениями цели. К ним относятся полипропозитивные глаголы с включенными ситуациями определения (*дифференцировать*), противодействия (*разлучать*), передачи объекта (*распределять*), приведения в функциональное состояние (*демонтировать*). Таким способом организована большая часть денотативных комплексов неоднородной логической структуры.

Во-вторых, имеются денотативные комплексы неоднородной логической структуры, типовая семантика которых в обобщенном виде указывает на то, что составляющие эти комплексы полипропозитивные глаголы выражают знания о совокупности событийных пропозиций, связанных одновременно различными логико-семантическими отношениями. Так, типовая семантика денотативного комплекса «Обработка и рытье» следующим образом описывает эту сложную комплексную типовую ситуацию: 'Человек, группа лиц обрабатывает какой-либо объект, поверхность чего-либо каким-либо образом (обычно с помощью специально приспособленных для этого орудий, препаратов и т. п.) и с какой-либо целью'. Как видим, в типовой семантике отображены логико-семантические отношения образа действия и цели, связывающие типовую ситуацию обработки и рытья с другими событийными типовыми ситуациями. Эти логико-семантические отношения регулярно повторяются во всех выделенных в данном денотативном комплексе вариантах совмещенных репрезентаций. При этом надо отметить еще одну особенность: в качестве включенных типовых ситуаций в этом денотативном комплексе выступают обычно несколько ситуаций (обычно две), одна из которых — типовая ситуация изменения качественного признака объекта. Разнообразие лексической категоризации здесь достигается за счет конкретизации объекта обработки, способов и цели обработки. Выделены следующие варианты совмещения типовой ситуации денотативного комплекса со следующими ситуациями: 1) разрушения и изменения качественного признака (*боронить, копать*), 2) перемещения объекта и изменения качественного признака (*затачивать*), 3) очищения, удаления и изменения качественного признака (*дезинфицировать*), 4) пропитывания и изменения качественного признака (*крахмалить*), 5) соединения (*обметывать*), 6) нанесения удара, давления и изменения качественного признака (*ковать*), 7) перемещения объекта, очищения и изменения качественного признака (*гранить, полировать*), удаления и изменения качества объекта (*строгать*). Все они передают знания о трех и более событийных пропозициях, связанных отношениями

образа, способа осуществления действия и его цели. Подобные глаголы фактически содержат в своей лексической семантике до пяти пропозиций, т. е. содержат знания, которые обычно выражаются сложными синтаксическими конструкциями.

Для подобных денотативных комплексов характерно не только регулярное сопряжение определенных типовых ситуаций, но и устойчивость сопряжения связывающих их логических пропозиций. Так, если для денотативного комплекса, рассмотренного выше, типично сопряжение отношений образа, способа действия и цели, то, например, для денотативных комплексов «Повреждение тела живого существа» и «Повреждение неодушевленного объекта» свойственно совмещение событийных пропозиций на основе логических отношений образа действия, способа и результативно-следственных, которое обнаруживается в типовой семантике денотативного комплекса и регулярно прослеживается во всех совмещенных репрезентациях. Например, денотативный комплекс «Повреждение неодушевленного объекта» включает на основе логических отношений образа действия, способа и результативно-следственных следующие типовые ситуации: 1) разрушение, давление, физическое действие (*выгрызать, искусывать*), 2) физическое воздействие, изменение качеств, разрушение (*изъедать, истачивать*), 3) нанесение удара, разрушение (*истыкивать, прокалывать, продырявливать*), 4) давление и движение субъекта (*вытаптывать*), 5) нарушение целостности объекта, давление, движение, физическое воздействие (*изрывать, искапывать*), 6) прикосновение, разрушение (*исцарапывать*), 7) давление и изменение качественного признака (*давить, коверкать*), 8) нанесение удара, прикосновение и изменение качеств объекта (*исхлестывать*), 9) изменение положения объекта и разделение (*ломать*), 10) прикосновение, покрытие (*грязнить*), 11) использование (*изнашивать*), 12) температурное воздействие на объект (*переварить*), 13) воздействие природной стихии (*истачивать, прорывать*).

Итак, исследование семантики полипропозитивных глаголов в аспекте ее соотносительности с денотативным про-

странством показало, что в ней закреплены знания о регулярном взаимодействии типовых ситуаций процессуально-событийного мира, в разной степени удаленных друг от друга в денотативном пространстве. Полипропозитивные глаголы различаются по количеству «упакованных» в их семантику пропозиций и по характеру логико-семантических отношений, связывающих событийные пропозиции в их лексической семантике. Подобные глаголы, относящиеся к одной ЛСГ слов, формируют периферийную зону совмещенных репрезентаций исходной когнитивно-пропозициональной структуры, относящихся к одному денотативному комплексу. Регулярность взаимодействия различных денотативных комплексов, обнаруживаемая в семантике полипропозитивных глаголов, приводит к размыванию границ в отдельных фрагментах денотативного пространства русского глагола, к появлению денотативных зон активного взаимодействия, к формированию сложных денотативных комплексов, репрезентирующих это взаимодействие.

ОСОБЕННОСТИ МЕТАФОРИЧЕСКОЙ КАТЕГОРИЗАЦИИ ДЕНОТАТИВНОГО ПРОСТРАНСТВА РУССКОГО ГЛАГОЛА (НА МАТЕРИАЛЕ ГЛАГОЛОВ ДВИЖЕНИЯ, РЕЧЕВОЙ И ЭМОЦИОНАЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ)

Основанием выделения денотативного пространства лексики является существование в сознании говорящих связей слов с предметами, фактами внеязыковой действительности. Отправным моментом для научных изысканий в этом направлении стала антропоцентрическая точка зрения: взгляд на язык как на собственно человеческое достояние, изучение связи его с мышлением, познанием, действительностью, ориентацией человека в мире. В таком понимании компонентами денотативного пространства русского глагола выступают «типичные ситуации, знания о которых, накопленные поколениями русских людей, выражены и закреплены в русской глагольной лексике» (Бабенко, 1998а: 10)*. Денотативное пространство определенным образом организовано и структурировано: во-первых, в соответствии с взаиморасположением, взаимосвязями предметов, явлений, признаков в реальном мире; во-вторых, в соответствии с тем, как членится реальность в сознании человека, со значимостью для него тех или иных ее фрагментов, что проявляется в разработанности средств для их языкового представления. Так, Л. Г. Бабенко отмечает в этой связи «глубокую семантическую разработанность и, соответственно, богатое лексическое воплощение в русском языке представлений и знаний о ситуациях движения, речевой деятельности, эмоционального состояния» (Бабенко, 1998а: 10). Эту же мысль подтверждает и большое / малое количество метафорических предикатов, отображающих те или

* Многие исследователи отмечают такую особенность семантики глагольного слова, как способность в свернутом виде содержать информацию о ситуации и участниках действия. Подробное теоретическое обоснование этого см.: Бабенко, 1998б.

иные ситуации действительности. При этом по мере продвижения от конкретных сфер динамики (см., например, сферу движения) к более абстрактным (см. сферы речединамики, социодинамики) и далее к «метафизическим», чувственно не воспринимаемым (таким, как сфера психодинамики) наблюдается не просто увеличение количества, но изменение функции метафор с характеризующей на номинативную и когнитивную. При обозначении, схватывании, назывании абстрактного — например, различных аспектов внутреннего мира человека — проявляется гносеологическая значимость метафоры, ведь именно она помогает нам «достигнуть самых отдаленных участков нашего концептуального поля» (Ортега-и-Гассет, 1990: 72). Мысль о том, что одна из главных функций метафоры — делать абстрактное легче воспринимаемым, не подлежит сомнению. Приведем высказывание Ш. Балли, в котором, на наш взгляд, также содержатся положения, важные для осмысления принципов описания денотативного пространства глаголов в переносных значениях: «Метафора — это не что иное, как сравнение, в котором разум под влиянием тенденции сближать абстрактное понятие и конкретный предмет *сочетает их в одном слове*. Подобные сближения обычно основываются на смутных аналогиях, порой совершенно нелогичных, однако они достаточно ясно показывают, *что же именно во внешнем мире привлекает внимание человека и в каких образах рисуется* ему то, что ум его не может постичь в чисто абстрактной форме» (Балли, 1961: 21; выделено нами — Т. В.). Как нам представляется, описать денотативное пространство русского глагола, как оно предстает в метафорической интерпретации, — значит, во-первых, выяснить, какие элементы в структуре ситуаций определенных типов и — шире — какие признаки, характеристики и т. п. различных сфер динамики оказываются предметом образного осмысления; во-вторых, показать уподобление одной ситуации другой на основе соотношения переносных и прямых значений (применительно к метафорической лексике безусловно оправданно говорят об удвоении денотата).

Не будет преувеличением сказать, что больше всего метафор человек применяет к самому себе. Рассмотрим в

качестве фрагментов денотативного пространства глаголов в переносных значениях (материал взят из ТИСРГ и МАС) следующие типовые ситуации: **человек и его движение, человек и его речь, человек и его эмоции**. Все они представляют разные аспекты чрезвычайно широкой и разветвленной сферы антроподинамики.

I. В подсфере **«человек и его движение»** отчетливо выделяются две разновидности ситуации, обозначаемые метафорически: движение одного субъекта и движение нескольких субъектов, группы людей, толпы.

1. Движение одного субъекта номинируется следующими глаголами в переносных значениях:

— *лететь, летать* и их производными: *влетать, вылетать, подлетать, улетать* и т. д. Например: *Лакеи летали туда и назад, в кухню и к экономке* (Л. Толстой; МАС); *Посыльный, получив задание, мгновенно улетел выполнять его* (ТИСРГ);

— *плыть* (но не *плавать*) и его производными: *вплывать, выплывать, подплывать, проплывать* и т. д. Например: *Мать встала, проплыла по комнате...* (М. Горький; МАС);

— *ползти* (редко — *ползть*) и производными: *вползть, выползть, доползть, расползаться* и т. д. Например: *Обсудив все деревенские новости, старухи расползлись от магазина по домам* (ТИСРГ).

Данные метафорические предикаты дают возможность говорить о таком способе переноса значений, который основан на ассоциативных признаках, связанных с «устойчивыми представлениями о типовых условиях, способах, характере осуществления того или иного действия» (Чудинов, 1988: 21). Выделяя эти ассоциативные признаки (они эксплицируются в семной структуре переносных ЛСВ, чем доказывается их релевантность), можно определить круг денотативной отнесенности метафорических предикатов движения. Образно обозначаются скорость движения (*лететь, ползти*), скорость и эмоциональное состояние движущегося субъекта (*плыть*). В том, что важными оказываются именно эти ассоциативные признаки, можно убедиться, сопоставляя переносные значения глаголов с прямыми.

Так, глагол *лететь* — ‘Передвигаться, перемещаться по воздуху с помощью крыльев’ (МАС) не имеет в своем основном значении семы ‘с высокой скоростью’, передвигаться по воздуху можно и медленно. Но переносное значение указывает на то, что именно этот признак является устойчивой ассоциацией, сопровождающей прямое значение данного глагола, ведь он составляет основу для метафоризации и образного обозначения быстрого движения человека. Ср.:

летать — ‘перен. // Разг. Торопливо бегать, ходить, ездить в разных направлениях в течение длительного времени’(МАС);

улетать — ‘перен. Удаляться откуда-л. очень быстрым шагом, бегом, стремительно уходить, убежать’ (ТИСРГ).

Подобным же образом в прямом значении глагола *ползти* нет сем ‘медленно’, ‘с трудом’, см. подробную дефиницию в ТИСРГ: *ползти* — ‘Перемещаться в определенном направлении по поверхности чего-л. движениями всего лежачего тела или на коротеньких ножках (о пресмыкающихся, насекомых и некоторых животных, обычно с большим количеством ножек), или припадая туловищем к поверхности и перебирая по ней конечностями (о человеке и других животных)’. Передвижение ползком может осуществляться не обязательно с малой скоростью, ср. возможность фраз типа *Ящерица быстро уползла под камень*. Однако присутствие признаков ‘малая скорость’, ‘приложение усилия’ в качестве ДС в переносном значении доказывает, что основное значение глагола *ползти* имеет такие ассоциативные семы: *ползти* — ‘перен. Разг. Двигаться в определенном направлении очень медленно, с трудом, идти тихо, шаг за шагом’ (ТИСРГ); *выползти* — ‘перен. Разг. Медленно, с трудом выйти’ (МАС).

С помощью глагола *плыть* в переносном значении обозначаются не только количественные характеристики движения (малая скорость, плавность), но и качественные (отношение субъекта к действию, его эмоциональное состояние — «легко», «приятно», «без усилий»). Указанные характеристики, подобно вышеописанным случаям, отсутству-

ют в семной структуре прямого значения: *плыть* — ‘Передвигаться в воде с помощью определенных движений тела, загребая, выталкивая воду назад (о человеке и животных, не живущих в воде), а также передвигаться по поверхности или в глубине воды при помощи специальных приспособлений (о корабле, лодке и т. п.)’ (ТИСРГ). Передвигаться в (по) воде можно и быстро, делая резкие движения, с трудом и т. п., но в переносном значении актуализируются именно легкость, плавность, малая скорость, а значит, эти смыслы являются устойчивыми ассоциациями прямого значения глагола. Ср.: *плыть* — ‘перен. Двигаться в определенном направлении легко, как бы не прилагая усилий...’ (ТИСРГ); *подплывать* — ‘перен. Разг. Приближаться к кому-л. или к какому-л. предмету, двигаясь медленно и плавно, легко перебирая ногами...’ (ТИСРГ).

Важно и то, что глагол *плыть* метафорически обозначает движение человека, находящегося в определенном эмоциональном состоянии, настроении (положительном), что, думается, связано с ассоциативным представлением движения в воде как приятного. Ср. *В храме ей овладевали благостные чувства, и, возвращаясь домой, Марфа не шла, а плыла* (ТИСРГ) при невозможности фраз типа **Она была в такой тоске, что не шла, а плыла* или **Соседка проплыла по коридору с выражением злости на лице*.

Итак, метафорические предикаты *лететь*, *плыть*, *ползти* и их производные дают образное представление таких характеристик движения субъекта, как скорость, плавность, приложение усилия, эмоциональное состояние человека. При этом говорящий «сопредставляет» две ситуации: ситуации собственно движения человека и перемещения особым образом в (по) воде, земле, воздуху.

Такое сопредставление может дополняться метафорическим уподоблением субъекта движения другому субъекту, причем ограничение референциальной отнесенности прямого значения глагола ведет к ограничению референциальной отнесенности переносного значения, а исходное и производное значения имеют общую (общие) ДС. Примером этого являются глагол *порхать* и его производные *впорхнуть*, *выпорхнуть*, *упорхнуть* и т. д.:

порхать — ‘Двигаться в воздухе в разных направлениях при помощи крыльев, легко перелетая с места на место (о птицах, насекомых)’ (ТИСРГ); — ‘перен. Двигаться в разных направлениях (ходить, бегать, танцевать и т. п.), быстро, легко и с изяществом перемещаясь... (обычно о ребенке, девочке, девушке)’ (ТИСРГ)*.

Действительно, образность обозначения таких характеристик движения, как легкость, быстрота, красота, усиливается тем, что субъектная отнесенность и в прямом значении (о небольших птицах, бабочках), и в переносном (о лицах женского пола, причем юного возраста и стройного телосложения) достаточно жесткая: нельзя сказать **Мальчишки выпорхнули из школы* или **Полная женщина в телогрейке впорхнула в комнату*, так же как нельзя сказать **Вороны (ястребы), мухи (шмели) порхают*. Кроме того, в метафорическом значении глагола *порхать* есть указание и на эмоциональное состояние (положительное) движущегося субъекта, ср. *Юные школьницы радостно порхали по паркету актового зала* (ТИСРГ) при сомнительности фразы **Она рассердилась, хлопнула дверью и упорхнула в сад*.

Итак, глагол *порхать* и его производные, обозначая движение человека, содержат указание на его положительное эмоциональное состояние и дают образное представление о таких характеристиках движения, как легкость, быстрота, красота.

Есть глаголы, указывающие на другие внешние характеристики движения человека. Так, глагол *лавировать* в переносном значении содержит указание на меняющееся направление движения и цель субъекта — обойти препятствия. При этом происходит сопредставление в сознании говорящего как двух субъектов разной природы — человек и парусное судно, — так и двух различных ситуаций в целом, т. е. метафорический перенос основан на образном уподоблении двух предметов, а исходное и производное значения имеют общие ДС. Ср.:

* Здесь и далее в словарных дефинициях подчеркнуты сопоставляемые компоненты исходного и переносного значений.

лавировать — ‘Идти под парусами против ветра по ломаной линии, так, чтобы встречный ветер был то с правой, то с левой стороны’ (МАС);

— ‘перен. Двигаться в разных направлениях, с частой переменной курса, непрямо, зигзагами, обходя препятствия. Носильщик с багажной тележкой ловко лавировал между пассажирами, заполнявшими перрон.’ (ТИСРГ).

Глагол *выскальзывать* обозначает движение человека, который не хочет, чтобы его увидели, заметили, — быстрое, осторожное, бесшумное. Эти семы репрезентированы, в частности, в дефиниции ТИСРГ: *выскальзывать* — ‘перен. Удаляться (удалиться) откуда-л., быстро выходя или выбегая, обычно незаметно для окружающих, легко и бесшумно. Мальчуган осторожно выскользнул из подъезда и бросился за братом.’

Прямое же значение таких компонентов не содержит: *выскользнуть* — ‘Скользнув, выпасть, вырваться’ (МАС), то есть мы снова имеем дело с метафорическим переносом на основе общности ассоциативных признаков. Действительно, какой-либо предмет выскальзывает, выпадывает из рук или откуда-либо обычно быстро и / или незаметно.

Суммируя вышесказанное, отметим, что метафорическому обозначению подвергаются следующие характеристики движения субъекта-человека: скорость (глаголы *лететь*, *плыть*, *ползти* и их производные, глагол *порхать* и его производные), плавность (*плыть*), направление движения (*лавировать*), цель движения (*лавировать*, *выскальзывать*), эмоциональное состояние человека при движении (*плыть*, *порхать*). Метафорические переносы в основном осуществляются на основе ассоциативных признаков исходного значения, которые в переносном значении получают статус дифференциальных сем.

2. Движение множества, массы, толпы людей представляет собой другую разновидность типовой ситуации «человек и его движение». Здесь выделяются два способа разного представления ситуации. Так, движение большого

количества людей как сплошной массы уподобляется интенсивному движению потока жидкости: глаголы *течь, стекаться, кипеть, хлынуть, отхлынуть*. Движение множества людей (воспринимаемого как дискретное, состоящее из большого количества отдельных движущихся субъектов) предстает как движение мелких предметов или мелких частиц какого-либо вещества: глаголы *высыпаться, рассыпаться, катиться, брызнуть*. Например:

хлынуть — ‘Двинуться неожиданно откуда-л. куда-л. с силой, потоком (о большом количестве жидкости)’ (ТИСРГ);

— ‘перен. Двинуться откуда-л. куда-л., устремляясь во множестве... *С наступлением купального сезона в этот маленький южный городок хлынул из столицы и других крупных городов командировочный люд*’ (ТИСРГ);

стечься — ‘Соединиться (о потоках текущей жидкости)’ (МАС);

— ‘перен. Сойтись, съехаться в одно место (о людях)’ (МАС);

рассыпаться — ‘Сыпясь, раскатиться по поверхности. *Порвалась нитка, и бусы рассыпались по всему полу* (Чехов)’ (МАС);

— ‘перен. Удаляться (удалиться) откуда-л. каким-л. способом (бегом, летя, шагом и т. д.) группами (о толпе, стае и т. п.)’ (ТИСРГ);

брызнуть — ‘Разлететься, рассеяться каплями, мелкими частицами. *Искры брызжут и летят...* (Тютчев)’ (МАС);

— ‘перен. Разг. Внезапно и быстро устремиться прочь откуда-л. (о множестве живых существ, предметов; разлететься)’ (МАС).

Как видим, движение множества, толпы людей образно осмысляется и передается в русском языке «наложением», одновременным представлением разных субъектов движения: масса людей уподобляется интенсивному потоку жидкости или множеству мелких предметов, частиц какого-либо вещества.

В целом, подводя итог, можно сказать, что в денотатив-

ной подсфере **«человек и его движение»** метафорически обозначается и движение одного субъекта (такие его характеристики, как скорость, плавность, разнонаправленность, цель, а также эмоциональное состояние человека, передвигающегося определенным образом), и движение совокупности субъектов (дискретной или сплошной массы). Метафорические переносы значений могут осуществляться на основе уподобления одного движущегося субъекта другому (А. М. Плотникова на материале глаголов с включенными актантами называет такое явление «актантной метафорой» (Плотникова, 1997)); но частотнее метафоризация осуществляется на основе ассоциативных признаков, сопутствующих прямым значениям глаголов. Следует указать еще на одну важную особенность: движение метафорически обозначается тоже «как движение», т. е. метафорические значения глаголов находятся в пределах той же ЛСГ движения, что и значения, исходные для них (*плыть, лететь, ползти, порхать, лавировать, течь, хлынуть, высыпаться* и т. д.). Функция метафоры в рассматриваемой подсфере — характеризующая, поскольку движение само по себе является видимым, чувственно воспринимаемым, а метафора помогает охарактеризовать отдельные аспекты движения человека или движение совокупности людей.

II. Типовая ситуация **«человек и его речь»** является по своему характеру более сложной, чем типовая ситуация «человек и его движение». Это обусловлено тем, что речевая деятельность реальна, чувственно воспринимаема только с точки зрения звучания, но само слово, речь как средство воздействия на собеседника, передачи информации не является физическим объектом, видимым или осязаемым. Поэтому речевая деятельность часто предстает в образном воплощении, в соответствии со свойством метафоры делать абстрактное легче воспринимаемым. Нами зафиксировано около 150 переносных ЛСВ, образно обозначающих речевую деятельность (ср. для движения человека — около 50 единиц). Если выше мы говорили о метафорическом представлении движения «как движения», то в отношении речевой деятельности картина иная. Анализируя исходные

для метафор значения глаголов и относя их к различным ЛСГ, мы определили, чему в русском языке может образно уподобляться речевая деятельность. Это следующие действия, состояния, отношения:

1. Движение: *вертеться, вилять, выплескиваться, вырываться, донестись, запинаться, литься, налетать, наскокивать, наступать, петлять, плавать, слететь, соскочить, течь, ходить* и т. п.

2. Звучание: *взрываться, ворковать, дребезжать, дудеть, журчать, звонить, кудахтать, (про) кричать, (про) петь, (про) трубить, скулить, шелестеть, щебетать* и т. п.

3. Перемещение объекта: *брякать, выдавливать, кидать, перекидываться, разносить, ронять, сыпать* и т. п.

4. Помещение:

4.1. Помещение объекта: *вклинивать, выкладывать, приклеить(ся), прилепить(ся), размазывать, сеять* и т. п.

4.2. Покрытие объекта — *забрасывать, закидывать*.

5. Физическое воздействие на объект:

5.1. Прикосновение: *затрагивать, касаться*.

5.2. Изменение положения объекта: *клонить, обрывать, одергивать, (с) комкать* и т. п.

5.3. Отрицательное воздействие на объект: *бичевать, (за) грызть, клеймить, ломать, обрушиваться, пилить, подковырнуть, (под) колоть, трепать* и т. п.

6. Физиологическое действие: *жевать, проглотить, разжевывать* и т. п.

7. Созидательная деятельность:

7.1. Создание объекта в результате физического труда: *наплести, плести, приплетать*.

7.2. Приготовление пищи: *пересыпать, приправить, сдобрить*.

8. Социальная деятельность:

8.1. Изображение объекта: *расписывать, рисовать*.

8.2. Обрядовая деятельность: *исповедоваться, кадить*.

9. Качественное состояние:

9.1. Проявление качества: *греть (взгреть), освещать*.

9.2. Изменение качественного признака: *склонять, темнить*.

10. Социальные отношения (победа): *громить, отражать, парировать, разбивать, разить*.

Как видим, ЛСГ речевой деятельности в плане ассоциативно-образных связей обладает большой центростремительной силой (подробно о центростремительных и центроостремительных силах в пределах различных лексических групп см.: Бабенко 1980, 1990), заимствуя глаголы из различных лексико-семантических групп и полей. Предикатами речевой деятельности могут становиться в переносных значениях не только глаголы поля «Действие», но и глаголы, относящиеся к полям «Состояние» и «Отношение». В наибольшем количестве «поставляют» метафоры ЛСГ физического воздействия на объект, звучания, движения, перемещения объекта и помещения объекта.

Однако проведенная классификация является в большей степени лексико-семантической, чем денотативной. Для описания речевой деятельности как фрагмента денотативного пространства, создаваемого глаголами в переносных значениях, важным оказывается то, образное представление каких элементов ситуации является основой для метафоризации и какое именно это образное представление. Например, речевая деятельность мыслится как звучание — кого? чего?, как перемещение объекта — какого именно объекта?, как физическое воздействие на объект — на какой объект? с помощью чего? и т. д. Здесь мы опираемся на следующие теоретические положения. Переносные значения глаголов образуются более сложным способом, чем переносные значения имен. На метафоризацию глагола может влиять наполнение его валентностей. Эта особенность неоднократно отмечалась исследователями. Так, З. Д. Попова и И. А. Стернин говорят о том, что при семантическом рассогласовании «сочетание слов либо становится бессмысленным... либо в нем происходит перестройка семного состава одной из семем» (Попова, Стер-

нин, 1984: 67). Э. В. Кузнецова в отношении глагольной метафоры уточняет: «в большинстве случаев более “сильными”, денотативно детерминированными оказываются актантные позиции. Существительное, в особенности конкретно-предметного типа, может создать для глагола-предиката такие условия, в которых он варьирует свое значение, вплоть до утраты категориально-лексической семы» (Кузнецова, 1987: 9). Такой подход к исследованию глагола, при котором учитывается ориентация его семантики при номинации действия, состояния, отношения на определенные классы актантов, «предстает прежде всего как отражательный» (Бацевич, Космеда, 1997: 29). Действительно, семантика глагола специфична: номинация действия, признака осуществляется не изолированно, а относительно вовлекаемых в действие имен-предметов, что, по словам Е. С. Кубряковой, «неизбежно возвращает нас к предметному миру» (Кубрякова, 1978: 102). Вспомним и мысль Э. В. Кузнецовой о том, что «глагол и имя — это прежде всего некое единство противоположностей, которые могут существовать только как части этого единства, только в рамках его» (Кузнецова, 1987: 3).

Сопоставление актантов при метафорических предикатах с именами предметов, «отражательно связанных» (терминология Ф. С. Бацевича) с прямыми значениями рассматриваемых глаголов, оказалось плодотворным для нашего исследования на данном этапе.

Было выявлено, что человек представляет с помощью различных образов прежде всего само слово. Для обобщенного обозначения продуктов речевой деятельности мы предлагаем использовать термин «речефакты», по аналогии с такими терминами, как, например, «социофакты», «психофакты». Мы также полагаем, что речевая деятельность человека должна быть выделена в особую подсферу антроподинамики, наряду с обозначенными в работах Ю. В. Казарина, А. М. Плотниковой областями радиодинамики, социодинамики, психодинамики, так как речевая деятельность («речединамика»), так же, как интеллектуальная, психическая, общественная стороны бытия человека, является собственно человеческой, отличающей *homo loquens* от всего остального живого мира.

Мы определили статус компонентов ‘речь’, ‘слово’, ‘разговор’ и т. п. в семной структуре исследуемых глагольных ЛСВ и выяснили, что наиболее частотным речевым фактом является объект действия. Например:

переброситься — ‘перен. Обращаясь друг к другу, быстро обмениваясь (словами, замечаниями и т. п.)’ (МАС);

приклеить — ‘перен. Разг. Закрепить за кем-, чем-л. (прозвище, какое-л. слово и т. п.)’ (МАС);

клонить — ‘перен. Сообщая что-л. кому-л. с целью воздействия на собеседника, направлять разговор к чему-л. определенному, заранее задуманному, в чем лично заинтересован говорящий, словно управляя течением разговора’ (ТИСРГ).

Речевым фактом может представлять как перемещаемый (*кидать фразы, ронять слова, приклеить прозвище, забрасывать вопросами*), изменяемый (*ломать речь, оборвать рассказ, скомкать фразу*) или создаваемый / уничтожаемый объект (*плести историю, проглотить конец фразы, разбивать чьи-л. доводы*).

Теперь на основании типологии имен, отражательно связанных в качестве объектов действия с данными глаголами в прямых значениях (объект может быть репрезентирован в словарной дефиниции, устанавливаться методом компонентного анализа, манифестироваться в иллюстрации), представим более подробную классификацию того, каким предметным объектам действительности могут в русском языке уподобляться объекты-речевые факты. Такими объектами являются:

1) предмет(ы) небольшого размера, которым(и) человек может манипулировать (*выкладывать, кидать, переброситься, принести, сыпать* и т. п.):

кидать — ‘Взмахом заставлять лететь, падать что-л. находящееся в руке (в руках); бросать’ (МАС);

— ‘перен. Быстро, небрежно произносить,

обращать к кому-л. (слова, замечания, реплики и т. п.)' (МАС);

2) жидкое, вязкое вещество (*выдавливать, изрыгать, размазывать*):

выдавливать — 'Удалять, извлекать что-л. из чего-л., налегая тяжестью, сжимая; заставляя выйти наружу или выпускать откуда-л. жидкость, сок, влагу, содержимое' (ТИСРГ);

— 'перен. Разг. Произносить что-л. с усилием, медленно и с паузами, словно давлением выжимая слова из себя' (ТИСРГ);

3) предмет, имеющий относительно большую длину, высоту, протяженность (*клонить, гнуть, отклонять, обрывать, развернуть, комкать*):

клонить — 'Изменять прямое, отвесное положение чего-л., нагибая его верхнюю часть и придавая чему-л. наклонное положение' (ТИСРГ);

— 'перен. Сообщая что-л. кому-л. с целью воздействия на собеседника, направлять разговор к чему-л. определенному, заранее задуманному, в чем лично заинтересован говорящий, словно управляя течением разговора' (ТИСРГ);

4) ломкий, хрупкий предмет (*ломать, разбивать*):

ломать — 'Нарушать целостность чего-л., сгибая, перегибая или ударяя с силой, разделять на части, куски, приводить в негодность' (ТИСРГ);

— 'перен. Разг. Произносить что-л. неправильно, сознательно коверкая слова, язык, речь, ... обычно подражая кому-, чему-л.' (ТИСРГ);

5) артефакт — предмет, сделанный путем переплетения отдельных частей (*наплести, плести, приплетать*):

наплести — 'Изготовить плетением в каком-л. количестве. *Тимка с Ваней Строкиным нам бечевок наплели из лыка* (Мусатов)' (МАС);

— 'перен. Прост. Наговорить много чего-л. (лишнего, вздорного); наболтать. *Они на-*

плели на меня разные глупости мужу (А. Островский)’ (МАС);

6) артефакт — продукт питания (*пересыпать, приправить, проглотить, разжевывать, сдобрить*):

пересыпать — ‘Насыпать что-л. между частями чего-л., обсыпать со всех сторон.... А сало *пересыпала солью?* (Шолохов)’ (МАС);

— ‘перен. В изобилии наполнить (речь) какими-л. замечаниями, остротами и т. п.’ (МАС).

Слово может выступать как другой актанта — инструмент или средство воздействия на человека (собеседника, адресата речи), например:

поддеть — ‘перен. Разг. Сделать колкое замечание кому-л., задеть кого-л. своими словами’ (МАС);

пилить — ‘перен. Разг. Изводить, донимать непрерывными попреками, придираками’ (МАС).

В соответствии с этим, анализируя имена, выступающие в роли инструмента в прямых значениях глаголов, можно дополнить классификацию образных уподоблений речефактов:

7) острый, режущий предмет (*есть, жалить, (за) грызть, пилить, подковырнуть, (под) колоть*):

колоть — ‘Касаясь чем-л. острым, причинять боль, вызывать ощущение укола’ (МАС);

— ‘перен. Задевать кого-л. колкими, неприятными замечаниями, язвительно упрекать кого-л.’ (МАС);

8) знак, метка (*клеить, припечатать*);

9) орудие наказания (*бичевать, казнить*);

10) оружие (*громить, отражать, парировать, разбивать, разить*):

разить — ‘Наносить удар (удары) кому-, чему-л., поражать оружием’ (МАС);

— ‘перен. Книжн. Высок. Подвергать беспощадной критике’ (МАС);

11) удар, движение руки (*затрагивать, касаться, обрывать, одергивать, (по) щипать*);

12) свет, огонь (*греть (взгреть), освещать*);

13) условный (неязыковой) знак (*сигнализировать*).

Наконец, слово, звучащая речь может представлять как субъект действия, состояния, например:

журчать — ‘перен. Звучать тихо, монотонно (о речи, разговоре)’ (МАС);

ходить — ‘перен. Говориться о чем-л., распространяясь и становясь известным многим (о слухах, легендах, анекдотах и т. п.)’ (ТИСРГ);

прилепиться — ‘перен. Разг. Пристать к кому-, чему-л., закрепиться за кем-, чем-л. (о прозвище, названии и т. п.)’ (МАС).

Следовательно, классификация образных уподоблений речевых фактов еще расширяется:

14) жидкость (*выплескиваться, журчать, прокатиться, (про) литься*):

литься — ‘Течь непрерывной струей, струями. *Вода ручьями лилась с моей отяжелевшей бурки* (Пушкин)’ (МАС);

— ‘перен. Излагаться, произноситься свободно, без затруднения, в стройной последовательности (о речи, словах)’ (ТИСРГ);

15) звук, запах (*донестись*);

16) огонь, дым (*вырываться*);

17) клейкое, вязкое и т. п. вещество / предмет + клейкое, вязкое и т. п. вещество (*приклеиться, прилепиться, прилипнуть, пристать*);

18) живое существо (*ходить, соскочить, слететь, вертеться*):

ходить — ‘Двигаться в пространстве в разных направлениях или в разное время, ступая ногами, делая шаги (о человеке, животном)’ (ТИСРГ);

— ‘перен. Говориться о чем-л., распространяясь и становясь известным многим (о слухах, легендах, анекдотах и т. п.)’ (ТИСРГ).

Итак, метафорические переносы значений глаголов и включение переносных ЛСВ в ЛСГ речевой деятельности могут основываться на образном представлении речевого факта

как вещи, предмета, вещества или живого существа. При этом отмечаются различия в образном представлении речевых фактов разного порядка. Так, слово (короткая фраза, замечание, реплика, вопрос и т. п.) в соответствии с такими своими характеристиками, как отдельность, выделимость в потоке речи, малый объем, чаще предстает как небольшой предмет, которым можно манипулировать (глаголы *бросать, кидать, сыпать* и т. п.). Разговор, беседа в соответствии со своей длительностью, протяженностью во времени предстает как предмет, имеющий относительно большую длину, высоту, которую можно менять или как предмет, чье положение в пространстве можно изменять (глаголы *клонить, комкать, одергивать* и т. п.). Звучащая речь в соответствии со своим спонтанным, текучим характером предстает как природное явление или стихия (глаголы *выплескиваться, вырываться, литься* и т. п.). А случайно, нечаянно сказанное слово представляется как живое существо, которое действует помимо воли говорящего и может само *слететь, соскочить* с языка и т. п.

Кроме того, метафорические переносы значений могут происходить на основе сочетания субъекта речевой деятельности (человека) с предикатами, отражательно связанными в прямых значениях с другими именами субъектов, т. е. на основе уподобления человека:

1) предмету:

а) издающему характерные для себя звуки: *дребезжать, шелестеть*;

б) издающему звуки при разрушении: *взрываться, извергать обрушиваться*;

2) животному:

а) издающему характерные для себя звуки: *ворковать, кудахтать, мурлыкать, скулить, трещать* и т. п.;

б) совершающему характерные для себя действия: *вскинуться, жалить, (за) грызть, (пере) грызться*.

Итак, при метафорическом обозначении ситуации речевой деятельности, наряду с переосмыслением самого характера действия, релевантным оказывается образное представление таких компонентов ситуации **«человек и его речь»**, как: 1) субъект речевой деятельности (человек) —

он уподобляется предмету или животному; 2) сами продукты речевой деятельности, речефакты — они уподобляются предметам, веществам, живым существам. Эти вспомогательные имена субъектов и объектов, отражательно связанные с рассматриваемыми глаголами в их прямых значениях, присутствуют в сознании говорящих при метафорическом использовании глаголов различных ЛСГ в качестве предикатов речи. В этом проявляется такая черта метафоры, как ее семантическая двуплановость, соотнесение в сознании человека двух сущностей разных логических порядков.

III. Типовая ситуация **«человек и его эмоции»** с точки зрения метафорического обозначения характеризуется еще большим количеством означающих ее единиц (нами зафиксировано около 260 переносных ЛСВ). Это, с одной стороны, обусловлено общей спецификой обозначения в языке эмоций, чувств человека. Исследователи отмечают большое количество глаголов среди эмотивной лексики; по словам Л. Г. Бабенко, «глагол является именно той частью речи, которая наиболее приспособлена для отображения эмоций.... Эмоции передаются глаголами как состояние... и как становление состояния... как отношение... и как воздействие... а также как внешнее проявление эмоций» (Бабенко, 1989: 65). С другой стороны, большое количество метафорических предикатов эмоций предопределяется тем, что сфера человеческих чувств — пространство метафизическое, чувственно не воспринимаемое. Глаголы в переносных значениях «описывают и создают» данный фрагмент мира. Н. Д. Арутюнова отмечает: «Описание внутренней жизни... требует определенного набора атрибутов — прилагательных и глаголов. Для этой цели не всегда пригодны слова в прямых номинативных значениях, поскольку речь идет о воссоздаваемом, а не наблюдаемом мире» (Арутюнова, 1976: 95). Этот фрагмент денотативного пространства русского глагола наиболее красноречиво иллюстрирует когнитивную значимость метафоры, с помощью которой происходит «перенос концептуализации наблюдаемого мыслительного пространства на непосредственно не наблюдаемое, которое в этом процессе

концептуализируется и включается в общую концептуальную систему данной языковой общности» (КСКТ: с. 55)*. Поэтому в области обозначения эмоций функция метафоры в большей степени номинативная и познавательная, чем характеризующая. И, как нам кажется, нельзя говорить о том, что метафорические предикаты эмоций составляют периферию этого пространства. Эту мысль подтверждает уже то, что для лексико-семантических подгрупп пребывания в эмоциональном состоянии, становления эмоционального состояния, приведения в эмоциональное состояние нет базовых глаголов-идентификаторов, а базовые глагольно-именные обороты «вызывать эмоциональное состояние», «испытывать эмоциональное состояние», «быть, находиться в эмоциональном состоянии», «приходить в эмоциональное состояние» являются, по сути, мертвыми, стершимися метафорами.

Анализ прямых значений глаголов, которые в переносных значениях обозначают эмоциональную деятельность человека, и их лексико-семантическая классификация позволяют сказать, что эмоциональное состояние, отношение, воздействие образно осмысляются с помощью соотнесения их с конкретно-физическими действиями, качествами, так как для этой цели используются глаголы таких полей, групп и подгрупп, как:

1. Качественное состояние:

1.1. Становление физического качества: *воспламеняться, загораться, каменеть, раскисать, (рас) таять, стыннуть, теплеть* и т. п.

1.2. Становление цветового признака: *светлеть, темнеть*.

1.3. Проявление качества: *бурлить, бушевать, кипеть, пылать*.

1.4. Проявление качества, воспринимаемого органами чувств: *лучиться, сверкать, светиться, сиять* и т. п.

2. Физиологическое действие и состояние: *заразить (ся)*,

* Об этом и о роли метафор в создании языковой картины мира см. также сборники: Метафора в языке и тексте, 1988; Роль человеческого фактора в языке. Язык и картина мира, 1988.

захлебываться, переболеть, пресытиться, пробудить(ся), спать и т. п.

3. Функциональное состояние: *завести(сь), зарядить(ся), настраивать(ся)*.

4. Бытие, существование:

4.1. Начало существования: *вырасти, (на) родиться* и т. п.

4.2. Собственно бытие: *жить*.

4.3. Прекращение действия, бытия, состояния: *завянуть, замолкнуть, развеяться, умереть* и т. п.

5. Движение: *вылиться, купаться, метаться, плавать, прихлынуть, соскользнуть, соскочить* и т. п.

6. Помещение объекта: *вдохнуть, впадать, залить, наполнить, погрузить(ся), поселить(ся)* и т. п.

7. Физическое воздействие на объект: *давить, жечь, охлаждать, ранить, раскачать, терзать, трогать, ударить* и т. п.

8. Социальные отношения (победа): *завладевать, пленять, сразить* и т. п.

Таким образом, как и в отношении речевой деятельности, можно говорить о действии центростремительных сил в области образного отображения эмоций, для которого используются глаголы самых разных полей, групп и подгрупп. Существенно то, что заимствуются глаголы, называющие конкретные, физические действия, качества: происходит переосмысление самого характера действия (ситуации, связанные с внутренней, эмоциональной стороной жизни человека, уподобляются ситуациям чувственно воспринимаемой действительности).

При таком наложении различных ситуаций говорящий часто представляет в каком-либо образе само чувство, эмоцию, облакает ее в какую-л. наглядную форму. Ф. С. Бацевич, анализируя фразы, где психофакты выступают в роли субъектов действия, справедливо утверждает: «Специфика глаголов, приписывающих динамические признаки именам психофактов, состоит в том, что они отражательно в прямых значениях «приписаны» характерным для них функционально-ономасиологическим группам имен субъектов...» (Бацевич, Космеда, 1997: 168). В его работе пред-

ставлена подробная классификация имен субъектов, которым уподобляются субъекты-психофакты. Мы учитываем тот факт, что эмоции могут быть представлены в высказываниях различными способами. На основе сопоставления прямых и переносных значений исследуемых глаголов и их актантов можно утверждать, что в русском языке эмоции уподобляются таким именам субъектов и объектов, как:

1) жидкость — *вылить, излить(ся), кипеть, купаться, нахлынуть, перехлестнуть, плавать* и т. п.:

вылить — ‘Заставить жидкость вытечь, удалить ее, наклоняя или опрокидывая’ (МАС);

— ‘перен. Дать исход какому-л. чувству; выразить, излить’ (МАС);

перехлестнуть — ‘Сильным всплеском перелиться через что-л., куда-л. (о воде)’ (МАС);

— ‘перен. Проявиться с огромной силой, найти себе выход (о чувствах)’ (МАС);

2) свет — *лучиться, погаснуть, светить(ся), снять* и т. п.:

светиться — ‘Излучать ровный, несильный свет, быть видимым (об источниках света)’ (МАС);

— перен. Проявляться, обнаруживаться (о каких-л. чувствах, переживаниях и т. п.)’ (МАС);

3) звук — *замолкнуть, затихнуть, приглушить* и т. п.:

замолкнуть — ‘Перестать звучать, прекратиться. *Замолкли звуки чудных песен...* (Лермонтов)’ (МАС);

— ‘перен. Перестать проявляться, обнаруживаться (о рассудке, чувствах)’ (МАС);

2) огонь — *жечь, загореться, полыхать, прожечь, разжечь* и т. п.:

разжечь — ‘Заставить загореться. *Мы нарубили сухих сучьев..., разожгли в самой глубине леса большой костер* (Морозов)’ (МАС);

— ‘перен. Возбудить, усилить (какое-л. чувство, состояние); распалить’ (МАС);

5) электрический заряд — *зарядить(ся), (на) электризовать*:

зарядить — ‘Сообщить электрическую энергию (какому-л. телу, прибору и т. п.)’ (МАС);
— ‘перен. Возбудить, сообщить какое-л. чувство, качество’ (МАС);

6) летучее вещество — *вдохнуть, испариться, навевать, развеять(ся), рассеять(ся), улетучиться*.

улетучиться — ‘Исчезнуть, обратясь в газообразное состояние; испариться. *Эфир улетучился.*’ (МАС);

— ‘перен. Пройти, перестать обнаруживаться, проявляться... *Все мое вдохновение пройдет, пропадет, улетучится* (Достоевский) (МАС);

7) предмет — *заронить, (при) давить* т. п.:

заронить — ‘Разг. Уронить куда-л., за что-л., заставить проникнуть куда-л. *Заронить ключи за шкаф.*’ (МАС);

— ‘перен. Вызвать, возбудить (какое-л. чувство, мысль)’ (МАС);

8) живое существо — (*за*) *грызть, (за) родиться, глодать, душить, замереть, поселиться, преследовать, прокрасться, проснуться, роиться, скрестить, слететь, спать, умереть* и т. п.:

рождаться — ‘Получать жизнь в результате родов, появляться на свет. *От второй жены у лесника родились две девочки* (Исаковский)’ (МАС);

— ‘перен. Возникать, появляться где-л., у кого-л., впервые проявив себя (о каких-л. чувствах, мыслях и т. п.)’ (ТИСРГ);

глодать — ‘Грызть, обгрызать, оскабливать зубами... *Местные зайцы придут зимой глодать кору* (Пришвин)’ (МАС);

— ‘перен. Мучить, терзать (о чувстве)’ (МАС).

Это представление о чувстве «как живом существе, имеющем материальную оболочку, существующем помимо субъекта» (Бабенко, 1980: 160) для русского языка является характерным.

Другой элемент ситуации, обозначаемый метафорически, — субъект эмоции, человек. Он может уподобляться различным предметам, подвергающимся физическому воздействию и изменяющим свое качественное состояние, т. е. предикатами эмоций становятся глаголы, в прямых значениях отражательно связанные с именами вещей: *воспламенять, всколыхнуть, допечь, завянуть, заморозить, кипеть, разжигать, разразиться, раскиснуть, распалаять, растаять, расцвести, смять* и т. п.:

всколыхнуть — ‘Привести в колебательное движение.

Ветер всколыхнул листву’ (МАС);

— ‘перен. Вызвать состояние волнения, побуждая кого-л. к какой-л. деятельности, как будто приводя органы чувств, душу человека в движение. *Никто не умел так, как он, словом всколыхнуть самое черствое сердце и вызвать в человеческой душе чувство доброты*’ (ТИСРГ);

кипеть — ‘Клокотать, пениться от образующихся при сильном нагревании пузырьков пара (о жидкости)’ (МАС);

— ‘перен. Быть охваченным каким-л. чувством, страстью, со страстью отдаваться чему-л. *Все кипели, волновались, спорили и не пропустили ни одного спектакля.* (Щепкина-Куперник)’ (МАС).

Частным случаем такого уподобления является представление человека (или его души, сердца) как некоего пространства, вместилища, в котором находится чувство подобно какому-либо предмету, веществу или живому существу: *вдохнуть, вселиться, заронить, налиться, наполнять(ся), перелить(ся), переполнять(ся), поселить(ся)* и др.:

налиться — ‘Наполниться (жидкостью)’ (МАС);

— ‘перен. Преисполниться каким-л. качеством, свойством (силой, здоровьем и т. п., а также злостью, гневом, радостью и т. п.)’ (МАС);

вселиться — ‘Занять место для жительства, поселить-

ся. *В ее комнату... по прошествии малого времени вселилась тетя Поля (Нагибин)' (МАС);*

— 'перен. Появившись, укрепиться. *С самого начала вселилось в меня темное подозрение (Достоевский)' (МАС).*

Если субъектом и в прямом, и в переносном значении выступает человек, то возможен обратный вариант: чувство как бы заполняет пространство вокруг человека, в него можно *вдаться, погрузить(ся)*, в нем можно *купаться, парить, плавать*:

купаться — 'Погружаясь в воду, обмываться, плавать, плескаться' (МАС);

— 'перен. Наслаждаться чем-л., с удовольствием отдаваться чему-л. ... *Я чувствую, что вся полна, купаюсь в своем счастье* (Толстой)' (МАС).

Эмоция может предстать и как различные ощущения человека:

1) тепло, жар / холод — *жечь, (за) стыть, охлаждать, палить, пробрать, пронять, разгорячить(ся), согреть, теплеть* и т. п.:

согреть — 'Вернуть утраченную теплоту озябшему телу, рукам, ногам' (МАС);

— 'перен. Утешить, ободрить участливым, заботливым и т. п. отношением' (МАС);

охлаждать — 'Делать холодным или более холодным.... *Даже ветер не охладил ее пылающей кожи* (А. Н. Толстой)' (МАС);

— 'перен. Вызывать у кого-л. состояние спокойствия, равнодушия к кому-, чему-л., умерив в ком-л. силу чувств, переживаний' (ТИСРГ);

2) боль — *бередить, наболеть, переболеть, ранить, сжать, терзать, ударить* и т. п.:

бередить — 'Причинять боль прикосновением к ране, ссадине и т. п.' (МАС);

— 'перен. Раздражать, беспокоить' (МАС);

раздражать — 'Возбуждать, волновать' (МАС);

волновать — ‘Приводить в тревожное, возбужденное состояние; беспокоить’ (МАС);

3) вкусовые ощущения — *пресытиться, смаковать*:

смаковать — ‘Есть или пить, наслаждаясь вкусом чего-л.’ (МАС);

— ‘перен. Делать что-л., выполнять или воспринимать что-л., испытывая особое удовольствие, наслаждение этим’ (МАС);

1) ощущения, вызываемые различными способами воздействия на психику — *зачаровывать, одурманивать, околдовывать, пьянеть, пьянить* и т. п.:

зачаровать — ‘По суеверным представлениям, воздействовать на кого-, что-л. с помощью чар; заколдовать’ (МАС);

— ‘перен. Вызывать у кого-л. чувство восторга от кого-, чего-л., воздействуя чем-л., производящим неотразимое впечатление...’ (ТИСРГ).

Итак, типовая ситуация **«человек и его эмоции»** характеризуется метафорическим сопоставлением эмоциональной деятельности (психодинамики) с различными конкретными действиями, состояниями, отношениями, а также разнообразием образного представления субъекта эмоционального состояния, самой эмоции и характера их взаимодействия.

В целом исследование метафорического, образного отображения различных ситуаций как фрагментов денотативного пространства русского глагола позволяет говорить о том, что в «зеркале» метафор процессуально-событийный мир в сознании русского человека членится и структурируется совершенно особым образом.

1. Использование переносных значений и ЛСВ глаголов для обозначения определенных фрагментов мира количественно расширяет денотативное пространство русского глагола. Метафорические предикаты не только характеризуют действие, состояние, качество, отношение; в процесс их образного осмысления оказываются вовлеченными самые разные элементы ситуаций — от внешних, конкретных признаков, аспектов действия (см., например, ко-

личественные и качественные характеристики движения) до структурных элементов ситуации, таких как субъект, объект, инструмент и т. д., образное представление которых является основой метафоризации глагольного значения (см., например, уподобление речефактов или психофактов предметам, веществам, живым существам).

2. Денотативное пространство русского глагола в метафорическом представлении получает качественно иное членение.

Реально существующие связи между ситуациями действительности отражены в семантике так называемых глаголов сложного действия — глаголов с включенной и совмещенной пропозицией (см. об этом: Бабенко, 1997, а также соответствующую главу данной монографии). Глаголы же в переносных значениях, отображая определенные ситуации, представляют их особым образом, сдвигая, «размывая» границы между сферами процессуально-событийного мира и сближая далекие друг от друга области динамики.

Так, речевая деятельность регулярно соотносится в русском языке с ситуациями эмоциональной деятельности, в частности, проявления эмоционального состояния (*брюзжать, восклицать, ойкать* и т. п.), внешнего проявления отношения (*благодарить, браниться, дразнить* и т. п.), приведения в эмоциональное состояние (*грозить, стыдить*) и с ситуациями социального действия и отношения, в частности, издательской деятельности и распространения информации (*докладывать, информировать, рекламировать* и т. п.), помощи (*подсказывать, советовать* и т. п.), убеждения (*агитировать, клясться, обосновывать* и т. п.), принуждения (*приказывать, требовать*) (ЭСС: 103—115). В метафорическом представлении ситуация речевой деятельности чаще всего сближается с ситуациями движения (*вертеться, литься, наскакивать, ходить* и т. п.), звучания (*ворковать, дребезжать, шелестеть* и т. п.), перемещения объекта (*брякать, кидать, разносить* и т. п.), помещения объекта (*вклинивать, забрасывать, приклеить(ся)* и т. п.) и физического воздействия на объект (*затрагивать, ломать, трепать* и т. п.). Также соотносенными с ситуацией речевой деятельности, но более удаленными от нее (об этом

свидетельствует меньшее количество глаголов, способных в переносных значениях становиться предикатами речи) являются ситуации физиологического действия (*разжевывать, проглотить*); созидательной деятельности, в частности, создания объекта в результате физического труда (*наплести, приплести*) и приготовления пищи (*пересыпать, приправить, сдобрить*); социального действия и отношения, в частности, изображения объекта (*расписывать, рисовать*), обрядовой деятельности (*исповедоваться, кадить*) и победы (*громить, разить*); изменения качественного состояния (*освещать, темнить*).

Эмоциональная деятельность в русском языке реально соотносится с ситуациями социальных отношений: помощи (*ободрять, утешать*) и влияния (*вдохновлять, льстить, расхолаживать*) (ЭСС: 143–152). В денотативном пространстве русского глагола, структурированном метафорой, рядом с ситуациями эмоций оказываются ситуации качественного состояния (*воспламеняться, каменеть, (рас) таять, светлеть* и т. п.), физиологического действия и состояния (*заразить(ся), пресытиться, пробудить(ся)* и т. п.), функционального состояния (*завести(сь), зарядить(ся), настраивать(ся)*), бытия и существования (*вырасти, жить, завянуть, умереть* и т. п.), движения (*метаться, плавать, прихлынуть, соскользнуть* и т. п.), помещения объекта (*вдохнуть, залить, поселиться* и т. п.), физического воздействия на объект (*давить, жечь, охлаждать, ударить* и т. п.), победы (*пленять, побеждать, сразить* и т. п.).

Рассмотренные нами типовые ситуации «человек и его движение», «человек и его речь», «человек и его эмоции» представляют разные аспекты денотативной сферы антроподинамики. Материал показывает, что сфера антроподинамики в метафорическом представлении сближается с предметной динамикой и зоодинамикой (ср уподобления человека как субъекта движения, речевой и эмоциональной деятельности предметам или животным). Это подтверждается и тем, что речефакты и психофакты как специфически человеческие продукты деятельности также метафорически уподобляются предметам, веществам различной природы и живым существам.

Итак, можно говорить об особом, метафорическом способе категоризации денотативного пространства русского глагола и об особой, метафорической картине процессуально-событийного мира. Как справедливо утверждает В. Н. Телия, «картина мира не есть зеркальное отображение мира и не открытое «окно» в мир, а именно картина, т. е. интерпретация, акт миропонимания... она зависит от призмы, через которую совершается мировидение... Роль такой призмы наиболее успешно выполняется метафорой...» (Роль человеческого фактора в языке. Язык и картина мира, 1988: 179). Действительно, метафоре больше соответствует образ призмы, чем зеркала, ведь в метафорическом представлении процессуально-событийный мир «преломляется» и выглядит отличным от реального. Но, тем не менее, это дает дополнительные возможности для обозначения различных фрагментов мира и акцентирования самых разных оттенков смысла.

ОТГЛАГОЛЬНЫЕ СИНТАКСИЧЕСКИЕ ДЕРИВАТЫ
В СОВРЕМЕННОМ РУССКОМ ЯЗЫКЕ: ДЕРИВАЦИ-
ОННО-СЕМАНТИЧЕСКОЕ И ДЕНОТАТИВНОЕ
ПРОСТРАНСТВА

7. 1. ОПРЕДЕЛЕНИЕ СИНТАКСИЧЕСКОЙ ДЕРИВАЦИИ. МЕСТО
ОТГЛАГОЛЬНОЙ СИНТАКСИЧЕСКОЙ ДЕРИВАЦИИ
В СЛОВООБРАЗОВАТЕЛЬНОЙ СИСТЕМЕ РУССКОГО ЯЗЫКА

Элементы денотативного пространства глагола — ситуации процессуально-событийного мира — получают отражение не только в рамках собственно глагольной лексемы, но и в многочисленных производных словах, образованных от глаголов. Особый интерес в этом отношении представляют отглагольные синтаксические дериваты — отвлеченные имена существительные, называющие процессуальные признаки (действия, состояния, отношения) и, таким образом, несмотря на частеречное оформление, остающиеся «глаголами» по своей номинативной сущности. Эти синтаксические дериваты составляют объект рассмотрения в рамках настоящей главы. Предметом исследования является специфически субстантивное отражение исходно глагольного денотативного пространства и связанные с этим семантические, словообразовательные и синтаксические феномены.

Изучению семантических отношений между деривационно связанными словами в отечественной и зарубежной лингвистике последних десятилетий уделялось значительное внимание. Еще в 30-х годах нашего века выдающийся польский лингвист Ежи Курилович выделил два общих типа семантических отношений: синтаксическую деривацию и лексическую деривацию (Курилович, 1962). Е. Курилович принципиально разграничивает эти сферы деривации как словообразовательные феномены, один из которых (лексическая деривация) предполагает преобразование лексического значения производящего слова (*читать* → *читатель*, *читальня*; *белый* → *белок*, *беляк*), а другой (син-

таксическая деривация) связан лишь с преобразованием синтаксической функции производящего вследствие изменения его частеречной принадлежности (*читать* → *чтение*; *белый* → *белизна*). Все выделяемые современной наукой словообразовательные типы распределяются по этим двум рубрикам деривации.

На основе рассматриваемой теории строятся более поздние классификации содержательных отношений между производными и производящими единицами (М. Докулил, Ю. Д. Апресян, В. А. Белошапкина, Е. А. Земская, И. Г. Милославский, Г. А. Пастушенков, И. С. Улуханов и др.).

Синтаксическая деривация представляет собой специфический тип семантических отношений между производным и производящим, основанный на функциональной (межкатегориальной, частеречной) транспозиции. Шарль Балли, основоположник теории транспозиции, определял транспозицию вообще как изменение грамматического значения знака, обуславливающее выполнение им новой функции, при полном или частичном сохранении семантического содержания (Балли, 1955). Транспозиция в широком понимании — это использование формы одной языковой единицы в функции (значении) другой языковой единицы. Под транспозицией в узком смысле понимается перевод слова или его основы из одной частеречной рубрики в другую. Транспозиция в узком понимании играет чрезвычайно важную роль в системе словообразования. Именно наличие или отсутствие транспозиции в актах словопроизводства побудило Е. Куриловича ввести фундаментальное деление всех словообразовательных типов на сферы лексической и синтаксической деривации. Дж. У. Марчанд вообще включил понятие транспозиции в определение словообразования: «О деривации можно говорить лишь тогда, когда слово меняет свою классную принадлежность или же свою принадлежность к определенному лексическому разряду слов» (цит. по: Кубрякова, 1974а: 64). В последние десятилетия в отечественном языкознании феномен транспозиции на словообразовательном уровне является предметом глубокого и всестороннего изучения (работы В. Г. Гака, Е. А. Земской, Е. С. Кубряковой, В. В. Лопатина,

В. М. Никитевича, Л. В. Сахарного, П. А. Соболевой, И. С. Улуханова и др.).

В случае синтаксической деривации лексический элемент значения мотивирующей единицы, вне зависимости от его внутренней организации, от степени его сложности, переносится (транспонируется) из одного частеречного поля в другое и сам при этом принципиально не затрагивается. Тождество основных его характеристик не нарушается. Одна и та же лексическая семантика в исходном и в производном словах сочетается с разными категориально-грамматическими значениями, т. е. принципиально по-разному оформляется грамматически. Следовательно, в качестве семантического различия между производным и производящим (семантического отношения производного к производящему) в случае синтаксической деривации всегда выступает категориально-грамматический (общекатегориальный, частеречный, классифицирующий, «первичный») компонент значения. Именно этот семантический компонент составляет словообразовательное значение синтаксических дериватов.

Характеризуя механизм транспозиции рассматриваемого типа, Е. С. Кубрякова выделяет ее главную особенность: «...В ходе транспозиции лексическое значение исходной единицы остается прежним, зато все ее грамматические значения перераспределяются. Транспозиция из одной части речи в другую в простейших случаях и может быть представлена как редистрибуция основы с преобразованиями некоторых из ее категориальных значений. <...> Главное в транспозиции этого типа — изменение синтаксической функции транспонированного знака по сравнению с исходной единицей» (Кубрякова, 1978: 69–70).

В отношении состава области синтаксической деривации в русском словообразовании среди исследователей нет единства (Земская, 1973: 185–191; Милославский, 1980: 139–140; 1989: 34). Чаще всего к сфере синтаксической деривации в современном русском языке относят транспозиционные преобразования четырех видов: 1) глагол → существительное: *бежать* → *бег*; *искать* → *поиск*; *изучать* → *изучение*; 2) прилагательное → существительное:

синий → *синева*; *хитрый* → *хитрость*; *популярный* → *популярность*; 3) прилагательное → наречие: *громкий* → *громко*; *веселый* → *весело*; *дружеский* → *по-дружески*; 4) существительное → прилагательное: *город* → *городской*; *язык* → *языковой*; *ананас* → *ананасовый*. Так, по мнению Ю. Д. Апресяна, «к числу синтаксических производных в собственном смысле слова относятся отглагольные имена действия или состояния и отадективные имена признака, относительные прилагательные, некоторые типы отадективных наречий и ряд других. Со всеми ними возможны равнозначные преобразования» (Апресян, 1995в: 164). Во всяком случае, не вызывает принципиальных возражений и споров выделение субстантивной синтаксической деривации, чрезвычайно широко представленной в современном русском языке. Речь идет об образовании отвлеченных существительных от глаголов и прилагательных: *читать* → *чтение*; *рисовать* → *рисование*; *преподавать* → *преподавание*; *переписывать* → *переписывание*; *бороться* → *борьба*; *продавать* → *продажа*; *отсеивать* → *отсев*; *принимать* → *прием* и т. п. (отадективная синтаксическая деривация); *белый* → *белизна*; *черный* → *чернота*; *свежий* → *свежесть*; *аккуратный* → *аккуратность*; *известный* → *известность*; *разнообразный* → *разнообразие* и т. п. (отадективная синтаксическая деривация). В содержательном отношении отглагольную и отадективную синтаксическую деривацию объединяет, в частности, тот факт, что в качестве производящей базы в том и в другом случаях выступают единицы признаковой лексики — слова, обозначающие различные процессуальные и непроцессуальные признаки. Примечательно, что М. Н. Петерсон определял процесс как «признак, протяженный во времени» (Петерсон, 1941). Именно признаковый частеречный семантический характер глагола и прилагательного создает предпосылки для их принципиального участия в актах синтаксической деривации, поскольку признак в принципе может быть отвлечен от его носителя или производителя и представлен в языке как таковой, в «изолированном» виде, при помощи отвлеченного существительного. На наш взгляд, обсуждаемая область функциональной транспози-

ции — субстантивная, и прежде всего, отглагольная, синтаксическая деривация — представляет наибольший научный интерес.

Важно иметь в виду, что в настоящей главе речь идет хотя и о семантически специфических отглагольных существительных, но все же именно о существительных, а не о самих глаголах. «Денотативное пространство организуется денотативным компонентом лексического значения, и в его формировании участвует не только индивидуальное лексическое значение слов, но и категориально-грамматическая семантика, поэтому имеет смысл рассматривать отдельно денотативное пространство существительных...» (см. «От редактора»). Вместе с тем, содержательная специфика существительного — отглагольного синтаксического деривата заключается в том, что его денотативное пространство организуется денотативным компонентом лексического значения производящего глагола, которое транспонируется в субстантивное частеречное поле. Этим компонентом является типовая ситуация внеязыковой действительности (в рамках процессуально-событийного мира), представление о которой «зафиксировано» в семантике глагола-мотиватора.

В общем виде синтаксическая деривация как словообразовательный феномен — это особый случай семантического варьирования языковых единиц, при котором одна (исходная) единица, изменяя один из основных компонентов своего значения, трансформируется в другую. Варьирование части семантики заданной языковой единицы приводит к образованию принципиально новой единицы, отличной от заданной только этой меняющейся частью значения и соответствующими формальными показателями. В качестве языковых единиц в случае синтаксической деривации выступают слова (в лексико-семантических вариантах), а в качестве варьирующегося семантического компонента — категориально-грамматическое значение слова ('предметность', 'признаковость', 'процессуальность'), регулирующее его принадлежность к определенному частеречному классу.

Как известно, общая семантика словоформы в русском

языке складывается из трех основных компонентов: категориально-грамматического значения, лексического значения и собственно грамматического значения. В случае словообразовательных отношений между единицами, в отличие от отношений словоизменительных, собственно грамматический элемент, передающий частные грамматические значения, принципиально не учитывается, так как мы имеем дело с лексемами (точнее — с ЛСВ), а не со словоформами. В значении исходного класса остаются два компонента — общекатегориальный (тоже грамматический, обязательный, регулярный по своей природе) и лексический. Отношения синтаксической деривации предполагают варьирование только одного из них — первого. Второй компонент, несущий смысл качественно иного (лексического) уровня, является величиной постоянной. Поскольку в рассматриваемом случае в роли производящего выступает глагол, в его смысловой структуре представлен общекатегориальный компонент ‘процессуальность’ (‘процессуальный признак предмета’). Получение имени существительного требует замены этого семантического компонента другим, сообщаемым данной структуре категориальное значение ‘предметность’ (значение результитивного класса).

Таким образом, семантическая структура исходного глагола изменяется, не приобретая дополнительных рубрик, т. е. не увеличивая числа своих компонентов. Рассматриваемое изменение носит не количественный, а качественный характер: меняется качество одной из имеющихся в исходной структуре семантических составляющих.

7. 2. ГРАММАТИЧЕСКИЕ ХАРАКТЕРИСТИКИ СИНТАКСИЧЕСКОГО ДЕРИВАТА

Отвлеченные существительные образуются от соответствующих глаголов с чрезвычайно высокой степенью регулярности — почти от каждого глагола. Это принципиально отличает отглагольную синтаксическую деривацию от отадъективной: имена прилагательные обладают весьма различными словообразовательными потенциями в плане синтаксической деривации, в зависимости от их лексических и грамматических характеристик. (Принято считать, что с

достаточно высокой степенью регулярности синтаксические дериваты образуются только от так называемых качественных прилагательных.) Этот факт, а также лексическая тождественность производящей базе принципиально сближают отглагольные синтаксические дериваты с глагольными словоформами (ср.: *молчать* — *молчание*; *молчать* — *молчу*, *молчит*, *молчал*, *молчи...*). Примечательно, что сам Е. Курилович рассматривал формальные показатели синтаксической деривации как чисто синтаксические морфемы (типа флексий, манифестирующих грамматические формы слов) (Курилович, 1962: 61–62).

Принципиальное сближение статусов синтаксического деривата и грамматической формы слова находит отражение в лексикографической практике — в словарях, где синтаксический дериват (в отличие от других производных слов) и его производящее разрабатываются в рамках одной словарной статьи. Так, С. И. Ожегов помещает в словарную статью производящего «такие производные слова, в которых новый смысловой оттенок создается только в связи с принадлежностью производного слова к иной грамматической категории по сравнению с основным словом»; и в частности, это отвлеченные «имена существительные, производные от глаголов, без суффиксов и с суффиксами **-ние (-ание, -ение), -тие, -ка** и др., обозначающие действия; напр. **умаление** при глаголе **УМАЛИТЬ**, **сосание** при **СОСАТЬ**, **накрытие** при **НАКРЫТЬ**, **стирка** при **СТИРАТЬ**» (Ожегов, 1994: 10).

Однако одного (хотя и очень важного) признака высокой регулярности образования недостаточно для включения отвлеченного существительного в парадигму соответствующего глагола на правах его грамматической формы. Во-первых, рассматриваемая деривация отнюдь не является строго обязательной, тогда как собственно грамматические характеристики слова должны обладать этим свойством. В связи с этим Е. С. Кубрякова подчеркивает, что грамматической «признается любая облигаторная категориальная (обычно морфемная) примета части речи и все вступающие с ней в прямые оппозиции категориальные приметы. Так, категория числа находит свое обязательное морфем-

ное выражение в сфере имени существительного германских и славянских языков, благодаря чему каждое имя выражает облигаторно единственное или множественное число и вне этих значений немислимо. Можно утверждать в силу этого, что число есть грамматическое значение имени существительного в германских и славянских языках. При этом наличие формы существительного предполагает наличие форм единственного и множественного числа (функция интердепенденции); отсутствие такой двусторонней зависимости заставляет предположить существование иного типа значения» (Кубрякова, 1974б: 146–147). Последнее положение Е. С. Кубрякова иллюстрирует фактами современного английского словообразования, где, например, «от любого глагола (за редким исключением) можно образовать с помощью суффикса *-ing* соответствующее отглагольное имя, а с помощью суффикса *-er* — название лица или предмета, производящих действие. Появление этих форм, однако, не обязательно, и в структуре простого глагола противоположные по типу значения (например, не-агентивность) никакого выражения не находят. Это служит основанием для отнесения морфем *-ing* и *-er* к числу деривационных» (там же: 147). Данное замечание в полной мере касается и обсуждаемых аналогичных фактов русского языка.

Во-вторых, словоформы одной лексемы — это языковые единицы, совпадающие по номинативному и общекатегориальному значениям, но противопоставленные по частным грамматическим характеристикам. В соответствии с этим отглагольный синтаксический дериват является отдельным, самостоятельным словом, поскольку имеет отличный от глагольного, процессуального, категориально-грамматический компонент значения ('предметность') и, следовательно, обладает всеми морфологическими и синтаксическими свойствами принципиально иной части речи — имени существительного: изменяется по падежам и (реже) числам, но не изменяется по родам, лицам, временам, наклонениям, залогам; выполняет соответствующие синтаксические функции в предложении. Таким образом, формальные средства синтаксической деривации являются словообра-

зовательными структурными аффиксами, так как «кардинальное деление грамматических морфем на словообразовательные и несловообразовательные базируется на способности первых создавать новые слова», в случае же транспозиции «роль деривационных морфем сводится как раз к изменению категориальной принадлежности исходного слова» (Кубрякова, 1974б: 151, 145).

7.3. ЛЕКСИКО-СЕМАНТИЧЕСКИЕ ХАРАКТЕРИСТИКИ СИНТАКСИЧЕСКОГО ДЕРИВАТА

В случае синтаксической деривации члены словообразовательной пары представляют одну лексико-семантическую единицу (лексический компонент значения производного тождествен лексическому компоненту значения производящего), но, вместе с тем, являются разными лексемами, а не словоформами одной и той же лексемы, в силумены категориального компонента значения производящего.

Синтаксический дериват в системе языка противопоставлен не только грамматической форме, но и лексико-семантическому варианту (ЛСВ) исходного слова. Будучи двусторонними языковыми единицами, синтаксический дериват и лексико-семантический вариант принципиально различаются как, соответственно, единица грамматической (словообразовательной) парадигмы и единица лексической парадигмы слова. В традиционном понимании лексема (слово как носитель одновременно и лексических, и грамматических значений; слово как парадигма — совокупность словоформ и конкретных смысловых вариантов) и минимальная лексическая единица (слово как носитель отдельного, частного лексического значения; слово-значение; лексико-семантический вариант) — сущности неоднородные; они соотносятся между собой как целое и частное, обобщенное и конкретное соответственно, как парадигматический ряд единиц и отдельная единица, являющаяся конкретным извлечением из этого ряда. «Формальное единство лексемы обеспечивается единством словоизменяющей основы ее словоформ, принадлежностью к определенной части речи (единством так наз. категориального значе-

ния), принадлежностью к определенному словоизменительному типу, а смысловое единство — семантической связью между отдельными лексико-семантическими вариантами одной лексемы (т. е. минимальными лексическими единицами. — *Д. Ш.*)» (Булыгина, Крылов, 1990: 257).

Отношения синтаксической деривации в определенном смысле «обратны» отношениям полисемии. Многозначная лексема содержит парадигматический ряд частных, элементарных лексических значений и характеризуется единством категориально-грамматической семантики, тогда как синтаксическая деривация, наоборот, представляет парадигматический ряд категориальных значений и характеризуется единством лексической семантики. Иными словами, в первом случае представлены разные лексические значения в комбинации с одним категориально-грамматическим значением (т. е. разные лексико-семантические единицы, но одна грамматическая единица), а во втором — одно лексическое значение в комбинациях с разными категориально-грамматическими значениями (т. е. одна лексико-семантическая единица, но разные грамматические единицы):

Полисемичная лексема	Лексич. знач. 1 Категор. знач. 1	Лексич. знач. 2 Категор. знач. 1
----------------------	-------------------------------------	-------------------------------------

Синтаксическая деривация	Лексич. знач. 1 Категор. знач. 1	Лексич. знач. 1 Категор. знач. 2
--------------------------	-------------------------------------	-------------------------------------

Таким образом, синтаксический дериват представляет собой как бы «перевернутый» лексико-семантический вариант многозначной лексемы.

Если же понимать под лексемой абстрактную комплексную языковую сущность, обладающую и лексическим, и грамматическим единством, а под лексической единицей как таковой — актуализованную языковую сущность, характеризующуюся только лексическим единством, то в рассматриваемом случае лексическая единица, по определению, существует безотносительно к границам отдельной лексемы: одна лексическая единица оказывается представленной разными лексемами (синтаксический дериват и его производящее). Можно даже утверждать, что данная лек-

сическая (номинативная) единица выступает в различных частеречных ипостасях (= в сочетаниях с различными грамматическими единицами). Таким образом, в рамках отглагольной синтаксической деривации определение производного и производящего как отдельных, различных лексем осуществляется не по лексическому, а исключительно по грамматическому основанию.

В отличие от лексем, представляющих собой лексико-грамматические общности языковых единиц, так понимаемые минимальные лексические единицы — это только лексически (лексико-семантически) охарактеризованные языковые единицы, в общем не регламентированные со стороны грамматики (подобно тому как грамматические, например, синтаксические, единицы в принципе допускают весьма разнообразное, широко варьирующееся лексическое наполнение). Категориальная, частеречная характеристика таких единиц является величиной переменной. В этом случае минимальная лексическая единица представляет собой не только отдельный лексико-семантический вариант слова, но и целый класс языковых единиц — совокупность лексико-семантических вариантов различных слов, объединенных общим, тождественным планом содержания — одним лексическим значением.

Минимальными собственно лексическими единицами языка являются лишь носители частных, элементарных лексических значений. Именно эти слова-значения выступают в качестве основных операциональных единиц в словообразовании, в том числе и в синтаксической транспозиции. В последнем случае семантическое расстояние между ними, как правило, равно нулю, поскольку речь идет, по словам И. А. Мельчука, только о формальном вложении одной знаковой единицы в другую при тождестве их значений (Мельчук, 1968: 431, 432).

Таким образом, отношения синтаксической деривации охватывают две лексемы, различающиеся частеречной принадлежностью, но при этом не выходят за пределы одной лексической единицы.

Принципиальное сходство планов содержания производного и производящего лексико-семантических вариан-

тов при синтаксической деривации дает основания И. Г. Милославскому для уподобления обсуждаемого словообразовательного феномена отношениям синонимии. «Можно даже утверждать, — пишет И. Г. Милославский, — что члены пары... являются синонимами, различающимися своими сочетаемостными свойствами, как, например, слова *карий* (только в сочетании с *глаз!*) и *коричневый*, *потупить* (тоже только *глаза* или *взор*) и *опустить*» (Милославский, 1993: 61). Признание синтаксического деривата и его производящего синонимами представляется весьма проблематичным ввиду несовпадающей частеречной принадлежности этих единиц, их значительной формальной близости и наличия отношений непосредственной словообразовательной мотивации между ними. Вместе с тем, существование между членами рассматриваемой словообразовательной пары «отношений семантического тождества при различии лишь в синтаксических ролях» (там же) обеспечивает возможность того, что во многих случаях соотносительные синтаксические конструкции с синтаксическим дериватом, с одной стороны, и с его мотиватором, с другой, действительно находятся в синонимических отношениях. «Понятно, почему этот тип словообразования семантически сближается с синонимией, — пишет по этому поводу Ю. Д. Апресян, — главным свойством синонимов является именно то, что они не различаются своим лексическим значением» (Апресян, 1995в: 164).

7.4. СЕМАНТИЧЕСКИЕ ОТЛИЧИЯ ОТГЛАГОЛЬНОЙ СИНТАКСИЧЕСКОЙ ДЕРИВАЦИИ ОТ ОТАДЪЕКТИВНОЙ СИНТАКСИЧЕСКОЙ ДЕРИВАЦИИ

Различие между производящим и производным во многих случаях отглагольной синтаксической деривации, в отличие от деривации отадъективной, носит характер не глубоко синтаксический (интролингвистический, связанный со средствами различных частей речи и, следовательно, различными синтаксическими функциями), а номинативный (экстралингвистический, связанный с отражением различных фрагментов внешнего мира). Обе лексемы обозначают, в общем, один и тот же феномен (денотат) внеязыковой

действительности, представляя его в системе языка принципиально по-разному: соответственно — как процесс и как предмет (точнее, как «собственно процесс» и как «предметный процесс»), что получает четкое внешнее, формальное выражение. Значение основного классифицирующего синтаксического признака (категориально-грамматическая семантика) манифестируется соответствующими специфическими формальными средствами — «словообразовательными транспонирующими морфемами» (термин Е. С. Кубряковой) — суффиксами *-ниј-*/*-ениј-*/*-тиј-*/*-иј-*, *-ациј-*, *-к(а)-*, *-от(а)-*, *-б(а)-*, *-аж-*, *-еж-*, *-ур(а)-*, *-ч(а)-*, *-н(я)* / *-отн(я)* / *-овн(я)*, *-ок-*, *-изм-*, *-ищ(е)*, словообразовательным нулем и другими суффиксами. И. С. Улуханов всего выделяет более 40 семантически неинвариантных транспозиционных суффиксов, выступающих в существительных — названиях процессов (Улуханов, 1996: 168).

Однако при отглагольной синтаксической деривации производящее и производное нередко обозначают один и тот же процесс действительно лишь в общем. Помимо степени регулярности, акты отадъективной и отглагольной синтаксической деривации принципиально различаются семантической стороной преобразований. В отличие от отадъективной синтаксической деривации отношения отглагольной синтаксической деривации вполне допускают наличие некоторых номинативных различий между членами словообразовательной пары. Семантическое расстояние между ними отнюдь не всегда является нулевым. При этом обсуждаемые номинативные различия всегда связаны не с лексическим, а с грамматическим компонентом значения. Дело в том, что частеречные грамматические категории производящего могут обладать определенным номинативным содержанием. Строго говоря, чисто синтаксические значения способны передавать только грамматические (синтаксические, синтаксически обусловленные) формы падежа существительных, рода, числа, падежа прилагательных и числа, лица либо рода (в зависимости от формы времени) глаголов. Остальные формальные грамматические характеристики слов в русском языке номинативно значимы. Глагол представляет собой морфологически го-

раздо более богато охарактеризованную часть речи, чем имя прилагательное. Среди многочисленных глагольных грамматических характеристик имеются как синтаксические, так и номинативные, тогда как все грамматические характеристики прилагательного (род, число, падеж) являются синтаксическими. Этим фактом и обусловлены различия в характере семантических отношений между производным и производящим при отглагольной синтаксической деривации, с одной стороны, и при отаггективной синтаксической деривации — с другой. В случае образования отвлеченных существительных от глаголов обычно утрачиваются специфически глагольные номинативные компоненты значения производящего, и прежде всего те, которые связаны с категорией вида (аспектуальные). «Так, глаголы *изумляться, обижаться, огорчаться* и пр. могут иметь в разных условиях своей реализации либо стативное, либо начинательное значение, производные же от них обозначают только состояния (ср. *обида, изумление, огорчение*)» (Кубрякова, 1978: 75). По утверждению В. Н. Хохлачевой, вообще «взаимодействие имени и глагола на почве словообразования принимает форму преодоления производными существительными категориальных значений производящих глаголов», регулярной «утраты глагольности», в частности, «каких-либо влияний видовых значений на семантику производного имени» (Хохлачева, 1976: 27–29). Известно, например, что мотивирующие префиксальные глаголы совершенного вида теряют вместе с формальной видовой приметой сопровождаемые ею содержательные характеристики по способам глагольного действия. «В результате этого, — пишет И. Г. Милославский, — во-первых, в имени могут становиться неопределенными те характеристики, которые в глаголе вполне определены: *взлететь* (результат) — *взлетать* (процесс), но *взлет* (и процесс, и результат); *уговорить* (результат) — *уговаривать* (процесс), но *уговор* (обычно результат), хотя *уговоры* (обычно процесс). Во-вторых, в именных образованиях характеристики, связанные (формально и содержательно) с видом, могут вовсе утрачиваться...» (Милославский, 1980: 138). Исследователь считает, что существительные — син-

таксические дериваты своими собственными, специфически субстантивными, средствами «компенсируют» утрату соответствующих номинативных характеристик производящего глагола. Среди этих средств — «и числовое противопоставление: *колоть* — *уколы*, *уколоть* — *укол*; *говорить* — *разговоры*, *поговорить* — *разговор*; и парадигматическое противопоставление именных суффиксов: *поворот* (и процесс, и результат), но *поворачивание* (только процесс) и т. п. Разумеется, полного семантического тождества между глаголами и именами в силу специфики средств каждой части речи не получается, однако тенденция к семантической изоморфности очевидна» (там же). К подобному выводу приходит и Е. С. Кубрякова, не разделяющая «категорических суждений» В. Н. Хохлачевой. По мнению Е. С. Кубряковой, «и временные, и аспектуальные значения производящих глаголов отнюдь не всегда стерты в отглагольных именах, иногда они отражены системно» (Кубрякова, 1978: 93).

Семантический план синтаксической деривации существительных от прилагательных «устроен» принципиально иначе. Лишенное номинативных грамматических характеристик, подобных глагольным, имя прилагательное и его синтаксический дериват не имеют аналогичных семантических различий. В современном русском языке номинативные признаки производящего прилагательного утрачиваются в результате синтаксической деривации лишь в том случае, когда словоформа этого прилагательного выполняет в тексте номинативные функции существительного, в частности, когда словоформа прилагательного определяет неизменяемое существительное или участвует в неполном согласовании с существительным, либо является формой степени сравнения (в отаъективном синтаксическом деривате оказываются нейтрализованными или снятыми указания на количество предметов, пол лица или степень проявления признака соответственно; ср.: *элегантные пальто*; *элегантная секретарь*; *платье элегантнее костюма* → *элегантность (пальто, секретаря, платья)*).

В связи с обсуждаемой проблемой особый интерес в сфере отглагольной синтаксической деривации представ-

ляет словообразовательный тип с суффиксом *-ни(е)*. Многочисленные производные структурного типа на *-ние*, обозначающие процессы, в наибольшей степени сохраняют номинативные грамматические признаки мотивирующего глагола. Суффикс *-ни(е)* в большей мере по сравнению с другими словообразовательными средствами специализирован на чисто синтаксической трансформации глагола как номинативной единицы в существительное. «Качества глагольного слова в собственном смысле, могущего означать протекающий во времени процесс, лучше всего сохраняются за словами на *-ние*» (Винокур, 1939: 26). «Большинство исследователей считали и считают тип на *-ние* идеальным для выражения процесса действия (сохранение видоразличительных суффиксов в образованиях на *-ние*, устойчивость значения, т. е. менее яркая, чем в других именах действия, тенденция к опредмечиванию придает... этому типу черты «идеальности» для выражения действия, протекающего во времени)» (Даниленко, 1968: 145). «Существительные данного типа обозначают действие как процесс. Возможны образования, мотивированные соотносительными по виду глаголами и различающиеся видовыми оттенками значения: ср. *возвеличение* (*возвеличить*) — *возвеличивание* (*возвеличивать*), *осмысление* — *осмысливание*, *укрытие* — *укрывание*, *печатание* — *напечатание*, *комплектование* — *укомплектование* и т. п.» (Лопатин, 1970: 68)*. Однако в настоящее время выражение рассматриваемых глагольных номинативных характеристик в имени в подавляющем большинстве случаев, по-видимому, не

* Вместе с тем в «Русской грамматике» В. В. Лопатин указывает, что «видовое значение мотивирующего глагола, как правило, не отражается на семантике существительного. Поэтому возможно употребление таких слов в тождественных контекстах: *процесс переосмысления* и *процесс переосмысливания*; *завершено формирование правительства* и *завершено формирование правительства* (газ.)» (РГ-80: 159 — 160). Данный аргумент трудно принять, поскольку подобные контексты не выполняют различительной функции: в сочетании со словом *процесс* естественным образом может выступать любое существительное с процессуальной семантикой; в последнем примере, к тому же, в одном словосочетании идея результативности действия выражена только лексическим средством (*завершено*), а в другом — и лексическим, и словообразовательным (приставка *с-*: *с-формирование*).

является существенным, релевантным для говорящего и оказывается невостребованным в процессе коммуникации. Отчасти именно поэтому в последние десятилетия словообразовательный тип с суффиксом *-ни(е)* весьма активно вытесняется типом с суффиксом *-к(а)*. Как отмечают исследователи, в немалой степени этому процессу способствует «стилистическая нейтрализация имен действия с суффиксом *-к(а)*, создающая условия для свободного функционирования слов этого типа в разных жанрах литературного языка и специальных сферах; высокая употребительность образований на *-ка*, усиливающая продуктивность типа; словообразовательная способность образований на *-ка* создавать ряды соотносительных слов...» (Даниленко, 1968: 155). Что касается представления глагольных номинативных характеристик в дериватах с суффиксом *-к(а)*, то оно свойственно лишь «некоторым образованиям, мотивированным глаголами сов. вида и прежде всего глаголами однократного действия на *-нуть*, обозначающим отдельный акт действия: *попытаться* — *попытка*, *вспыхнуть* — *вспышка*, *захлестнуть* (спец.) — *захлестка* (в редких случаях такое значение имеют и слова, мотивированные глаголами несов. вида: *ездка*, *шутка*, *издевка*)» (Лопатин, 1980: 161).

Достаточно продуктивен и употребителен сегодня (особенно в ряде терминологических систем) и тип со словообразовательным нулем. Грамматики отмечают, что при этом одни отвлеченные существительные с нулевым суффиксом «чаще называют действие безотносительно к длительности и характеру его протекания; однако могут иметь и значение единичного акта: *взгляд*, *взмах*, *вздых*, *поцелуй*, *окрик*, *подскок*, *ушиб*, *чих* (разг.), *щелк* ‘щелчок’ (разг.); техн.: *замес*, *замер*, *разрыв* (*разрывы нити*)»; другие — только *pluralia tantum* — называют «действие или состояние, преимущественно совершаемое многократно, длительное время или многими субъектами: *переговоры*, *уговоры*, *пересуды*, *проводы*, *расспросы*, *похороны*, *выборы*, *толки*, *роды*, *хлопоты*, *торги*, *побои*, *корчи* (разг.), *спрыски* (прост.), *счеты* (*считаться* ‘вести взаимный счет услуг, претензий и т. п.’)...» (Лопатин, 1980: 220, 224).

Утрата дериватом специфически глагольных семантических характеристик может сопровождаться приобретением («приращением») некоторых новых номинативных компонентов, не «заложенных» в семантике производящего. Так, по наблюдениям лингвистов, существительные с суффиксами *-еж* и *-н(я)* дополнительно могут выражать «значение интенсивности проявления действия»: *грабить* — *грабеж*, *делить* — *дележ*; *суетиться* — *суетня*, *толкаться* — *толкотня*; существительные с суффиксом *-к(и)* обозначают «длительное, неоднократное действие или многосубъектное действие (названия обрядов, сборищ, игр)»: *нападать* — *нападки*, *прятаться* — *прятки*; существительные с продуктивным суффиксом *-ок* обозначают сегмент, квант определенного действия, «"отдельный акт действия (способного состоять из многократно повторяемых актов)" ... *кивать* — *кив-ок*, *толкать* — *толчок*, *бросок*, *прыжок*, *звонок*, *глоток*, *щелчок*; то же значение может выражаться суффиксами *-ни|j|* / *-ени|j|* / *-ти|j|* и *-к(а)*: *восклицать* — *восклица-ние*, *прикоснуться* — *прикоснов-ение*, *погружение*, *подтягивание* (в контекстах типа: *сделать пять погружений в воду*, *десять подтягиваний на турнике*); *вспыхивать* и *вспыхнуть* — *вспыш-к-а*, *затягиваться* и *затянуться* (при курении) — *затяжка*, *попытиться* — *попытка*» (Краткая русская грамматика, 1989: 53).

Таким образом, отражение процессуально-событийной сферы объективного мира отглагольными синтаксическими дериватами имеет свои особенности, обусловленные частеречной спецификой имени существительного.

7.5. ОТВЛЕЧЕННОСТЬ КАК КОНСТИТУИРУЮЩЕЕ СЕМАНТИЧЕСКОЕ СВОЙСТВО СУБСТАНТИВНЫХ СИНТАКСИЧЕСКИХ ДЕРИВАТОВ

Важнейшим семантическим свойством существительных — синтаксических дериватов является отвлеченность. В результате отглагольной (и отадъективной) синтаксической деривации образуются именно отвлеченные имена существительные. Термин «отвлеченное существительное» представляется гораздо более точно отражающим семантическую природу соответствующих синтаксических

дериватов, чем просто «абстрактное существительное». Строго говоря, «отвлеченное» и «абстрактное» — принципиально не всегда одно и то же, хотя данные понятийные категории обнаруживают значительную общность и во многих частных случаях совпадают. Дело здесь в различных пониманиях термина «отвлеченность». В широком значении это действительно абстрактность (обобщенность) как свойство, основанное на абстрагировании в гносеологическом смысле, т. е. мысленном отвлечении от всех несущественных конкретных сторон, признаков или связей предмета с целью выделения лишь существенных и закономерных его характеристик. При таком понимании отвлеченные существительные являются абстрактными. Это слова, обозначающие разного рода абстрактные понятия, концепты (включая действия, состояния, отношения, свойства, качества); при этом речь идет о лексической абстракции. С другой стороны, «отвлеченность» может пониматься гораздо более узко, в частности, при семантической характеристике субстантивных синтаксических дериватов. Имя существительное — отглагольный (или отадъективный) синтаксический дериват всегда обозначает опредмеченный процессуальный (или, соответственно, непроцессуальный) признак, отвлеченный от его носителя или производителя, т. е. признак как таковой, взятый в отвлечении от характеризуемого им предмета (субстанции). В этом случае представлен только один из аспектов абстрагирования — отвлечение от связей признака с соответствующей субстанцией. Другие стороны явления (признака) не обобщаются и сохраняют свою характеристику по категории «абстрактность / конкретность», т. е. в частном случае могут оставаться вполне конкретными. Иными словами, отвлечение свойства от субстанции отнюдь не сопровождается его логическим обобщением, следовательно, нельзя говорить и о высокой степени абстрактности номинации. Понятие абстрактности тождественно понятию отвлеченности в широком смысле, т. е. полной абстрагированности от конкретных характеристик, всесторонней обобщенности феномена. Таким образом, широкое понимание отвлеченности ориентировано на понятие обобщенности суб-

станционального признака (соответствует лексической абстракции), а узкое — на отвлечение признака от субстанции (соответствует грамматической абстракции). Отсюда следует, что абстрактное существительное всегда отвлеченно (в широком смысле), тогда как отвлеченное (в узком смысле) — не всегда абстрактно.

Абстрактное существительное — это слово с обобщенным значением; оно называет отвлеченное (максимально обобщенное, формируемое на основе абстракции) понятие. Отвлеченное существительное в широком понимании называет принципиально то же самое, а в узком — является синтаксическим дериватом и называет только признак, рассматриваемый вне его связей с предметом. Этот признак может быть как абстрактным, так и конкретным.

Поэтому к числу абстрактных существительных принадлежит большое количество лексем, не являющихся синтаксическими дериватами и, в том числе, вообще непроизводных (*воля, счастье, жизнь, свобода, скука* и т. п.). Все эти существительные — отвлеченные в широком значении термина. С другой стороны, далеко не всякое существительное — синтаксический дериват, в особенности отглагольный, всегда будучи отвлеченным в узком смысле, является абстрактным (ср.: отглагольные дериваты *ходьба, вышивание, упаковка, чтение, обмолот, лай, вой, расстрел* и т. п.; отадективные дериваты *белизна снега, синева неба, крутизна склона, скалистость берега, зубчатость вершин, прозрачность воды, эластичность ткани, тугоплавкость металла* и т. п.). Так, существительное *ходьба* — отвлеченное в узком понимании и вместе с тем вполне конкретное (не абстрактное). Ср.:

ходьба (конкр.) — *движение* (абстр.) ← *ходить* (конкр.) — *двигаться* (абстр.);

седение (конкр.) — *старение* (абстр. /конкр.) — *изменение* (абстр.) ← *сесть* (конкр.) — *стареть* (абстр. /конкр.) — *изменяться* (абстр.).

Абстрактность / конкретность лексического значения существительного — синтаксического деривата предопределяется соответствующей семантической приметой его мотиватора (производящей основы).

Грамматическая абстракция имеет свои формальные показатели. В случае отглагольной синтаксической деривации — это многочисленные суффиксы (включая словообразовательный нуль) со значением отвлеченного процессуального признака (см. выше).

Субстантивные синтаксические дериваты и абстрактные существительные в лексико-семантической системе языка соотносятся между собой как признаковые имена и имена абстрактных понятий соответственно. И те, и другие выполняют номинативную функцию предикации — сообщения о свойствах субстанции. При этом признаковые имена в принципе обозначают субстанциональные или (в случае синтаксической деривации) отвлеченные от субстанции свойства (различные процессуальные и непроцессуальные признаки), а имена абстрактных понятий — понятия-концепты, конструируемые человеком (*вера, надежда, любовь*). Поэтому абстрактные существительные являются словами преимущественно сигнификатными (нереферентными, неденотатными). Что же касается существительных — синтаксических дериватов, то они могут быть и денотатными (референтными), и неденотатными (нереферентными) в зависимости от соответствующей характеристики их производящей базы; ср.: *создание* (← *создавать*) — *соединение* (← *соединять*) — *склеивание* (← *склеивать*); *воздействие* (← *воздействовать*) — *улучшение* (← *улучшать*) — *обновление* (← *обновлять*) — *реставрация* (← *реставрировать*).

В сравнении с терминами «абстрактное существительное», «отвлеченное существительное» или «существительное с отвлеченным значением» наиболее точным и адекватно отражающим содержательную специфику отглагольного синтаксического деривата представляется обозначение «существительное со значением отвлеченного процессуального признака (действия)» (для отадъективных синтаксических дериватов — «существительное со значением отвлеченного признака»), используемое, в частности, в академических «Грамматике современного русского литературного языка» (1970) и «Русской грамматике» (1980).

7.6. СЕМАНТИЧЕСКИЕ ОСНОВАНИЯ РАЗГРАНИЧЕНИЯ ФОРМАЛЬНО ТОЖДЕСТВЕННЫХ ИЛИ БЛИЗКИХ СИНТАКСИЧЕСКИХ И ЛЕКСИЧЕСКИХ ДЕРИВАТОВ

При рассмотрении семантических отношений между словообразовательно связанными глаголом и существительным важно иметь в виду, что понятие отглагольного существительного значительно шире понятия отглагольного синтаксического деривата. Далеко не всякое отглагольное существительное является результатом простой мены только общекатегориального компонента значения глагола. Многие отглагольные существительные семантически отличаются от производящих глаголов еще и некоторым дополнительным лексическим содержанием. В этом случае мы имеем дело уже не с синтаксическими, а с формально близкими или даже тождественными им лексическими дериватами (мутационного типа). Производное и производящее обозначают при этом принципиально различные феномены объективной действительности; деривация сопровождается преобразованием категориально-лексической семантики производящего. Ср.: *привыкать* → *привыкание* и *привычка* (свойство), *получать* → *получение* и *получка* (зарплата), *молиться* → *моление* и *молитва* (текст), *рассказывать* → *рассказывание* и *рассказ* (жанр), *рождать(ся)* → *рождение* и *рождество* (праздник), *указать* → *указание* и *указ* (постановление), *складывать* → *складывание* и *склад* (помещение), *поминать* → *поминовение* и *поминки* (обряд, мероприятие), *следить* → *слежение* и *слежка* (полицейская мера), *блокировать* ('прекращать действие каких-л. механизмов') → *блокирование* и *блокировка* (1) то же, что *блокирование*, 2) автоматическое устройство), *группировать* → *группирование* и *группировка* (1) то же, что *группирование*, 2) группа, объединение), *шифровать* → *шифрование* и *шифровка* (1) то же, что *шифрование*, 2) зашифрованная запись), *рифмовать* → *рифмовка* (1) = *рифмовать*, 2) система рифм).

В силу значительной формальной и семантической близости (а нередко — формального тождества) подобных соотносительных производных единиц практическое их различие может быть связано с рядом принципиальных

трудностей. Еще Ш. Балли, а вслед за ним Дж. Марчанд, отмечали, что некоторые многозначные производные в одном из своих значений (ЛСВ) являются синтаксическими дериватами, а в другом (других) — лексическими дериватами. Так, отглагольное существительное *создание* в значении ‘процесс’ (*создание монумента*) — синтаксический дериват, а в значениях ‘предмет, являющийся результатом этого процесса’ (*Зимний дворец — создание Растрелли*) или ‘лицо’ (*прелестное создание*) — уже лексический дериват. Существительное *терпение* в значении ‘состояние’ (*терпение болей*) — синтаксический дериват, а в значении ‘свойство’ (*ангельское терпение, отличаться терпением*) — лексический дериват; существительное *мойка* в значении ‘действие’ (*мойка автомобиля*) — синтаксический дериват, а в значениях ‘место’ (*автомобильная мойка*) или ‘предмет’ (*кухонная мойка*) — лексический дериват и т. п. Рассматриваемые семантические особенности производных характерны для всей сферы субстантивной синтаксической деривации. Ср. формально (в плане выражения) тождественные отадъективные синтаксические и лексические дериваты. Многозначное отадъективное существительное также является синтаксическим дериватом лишь в тех своих значениях, в которых не представлены какие-либо дополнительные лексические компоненты, отсутствующие в исходном прилагательном; ср.: *мощность раскатов грома* и *мощность двигателя*, *плотность ткани* и *плотность воздуха*, *видимость реформ* и *видимость на дорогах*, *краснота излучения* и *болезненная краснота*, *глупость человека* и *наделать глупостей*, *трудность пути* и *непредвиденная трудность*, *зелень деревьев* и *в городе много зелени* и т. п.

Учитывая данные факты, многие исследователи выступают «решительно против того, чтобы именовать синтаксическими дериватами целые классы слов; по-видимому, принадлежность конкретного производного области синтаксической или же лексической деривации может быть установлена только после его индивидуального анализа. Факт наличия синтаксической деривации устанавливается значительно проще, чем факт отсутствия или же наличия деривации лексической.... Утверждать априорно, что, напри-

мер, все отглагольные имена действия или состояния — синтаксические дериваты, значило бы отрицать самое главное в словообразовании — направленность его на создание новых наименований и новых значений. При преобладании в языке одной синтаксической деривации мы бы имели дело с простым перераспределением функций и оставались бы в кругу наличных значений. Поэтому чистая синтаксическая деривация — явление более редкое, чем деривация лексическая. В большинстве процессов словообразования возникает не просто новое слово для выполнения новых синтаксических функций старыми значениями, но и новое слово с новой смысловой структурой, передающей новое содержание», — подчеркивает Е. С. Кубрякова (1978: 73–74).

Таким образом, далеко не все рассматриваемые отглагольные образования представляют собой продукты чисто синтаксической деривации. Члены подобных словообразовательных пар нередко содержательно различаются «приращенными» неграмматическими (нерегулярными) компонентами и могут обозначать различные феномены внеязыковой действительности (см. п. 7.4). Ср.: *помянуть* — *помянушки* (только обряд), *прятаться* — *прятки* (только игра), *платить* — *платеж* (только оплата каких-либо счетов или сумма), *падать* (*пасть*) — *падеж* (только массовая, повальная смертность скота во время эпидемии), *хлопотать* — *хлопотня* (слишком активные, излишне суетливые хлопоты), *суетиться* — *суетня* (бессмысленная, ненужная суета), *резать* — *резня* (массовое жестокое истребление людей), *кивать* — *кивок* (отдельное, однократное движение головой), *звонить* — *звонок* (отдельный звуковой сигнал) и т. п. В этом случае имеются основания определить производные единицы рассматриваемого типа как лексико-синтаксические дериваты. Эти производные существительные, в противоположность собственно синтаксическим и собственно лексическим (со значениями лица, предмета, места и т. д.) дериватам, связаны со своими производящими словообразовательными отношениями, подобными отношениям синтаксической деривации, но осложненными еще и некоторыми принципиальными номина-

тивными различиями в словообразовательной паре, характерными для лексической деривации. Если отношения синтаксической деривации состоят в изменении только категориально-грамматического компонента значения производящего в производном, то для отношений лексико-синтаксической деривации такое изменение также является строго обязательным. Однако, помимо этого, лексико-синтаксическая деривация предполагает еще и обязательное преобразование лексического компонента значения производящего слова. По сути дела, речь идет не о «чистой транспозиции», а о «транспозиции, осложненной семантическим сдвигом» (Е. С. Кубрякова): «Смена парадигм бывает нередко сопряжена и с другими дополнительными семантическими сдвигами, носящими в отдельных языках индивидуальный характер. Благодаря этому на изменения в грамматической семантике слов могут наслаиваться и добавочные смысловые оттенки» (Кубрякова, 1974 а: 73).

Часто отглагольный синтаксический дериват, в отличие от лексического деривата, в принципе можно заменить соответствующим инфинитивом. Ср.:

Какой русский не любит быстрой езды?! —

Какой русский не любит быстро ездить?! —

Брат начал строительство собственного дома. —

Брат начал строить собственный дом.

Строительство дома — дело нужное. —

Строить дом — дело нужное.

Строительство дома ему надоело. —

Строить дом ему надоело.

Строительство дома необходимо. —

Строить дом необходимо.

Однако такая замена возможна далеко не всегда — в определенных случаях лишь в синтаксических позициях N1 (форма именительного падежа существительного) и N4/N2 (формы винительного или родительного падежей существительного в качестве присловных распространителей грамматикализованных (фазовых и модальных) глаголов — показателей предикативности).

Для некоторых глаголов (главным образом, не участвующих в синтаксической деривации) функции синтакси-

ческих дериватов в тексте могут выполнять обычные семантически соотносительные с этими глаголами абстрактные существительные, в том числе непроизводные, например: *интересоваться* — *интерес*, *чувствовать* — *чувство*, *верить* — *вера*, *горевать* — *горе*, *тосковать* — *тоска*, *бойкотировать* — *бойкот*, *контролировать* — *контроль*, *философствовать* — *философия*, *экспериментировать* — *эксперимент*, *реформировать* — *реформа*, *связывать(ся)* — *связь*, *гордиться* — *гордость* (от *гордый*). Подобные имена существительные, являясь фактически субститутами, «функциональными заместителями» синтаксических дериватов (реальных и потенциальных), связаны с соответствующими глаголами несколько иными семантическими отношениями, чем те, которые предполагает синтаксическая деривация. Обсуждаемые корреляты имеют принципиальные номинативные различия. Существительные в этом случае не выражают процессуальной семантики, идеи опредмеченного процессуального признака (ср.: *философия* и *философствование*, *экспорт* и *экспортирование*, *бойкот* и *бойкотирование*, *акцент* и *акцентирование*, *реформа* и *реформирование*, *связь* и *связывание*, *смерть* и *умирание*). Тем не менее существительные — синтаксические дериваты и соответствующие существительные — не синтаксические дериваты могут выступать в тождественных контекстах. Ср.: *Многие страны экспортируют нефть на Запад. — Экспорт / Экспортирование нефти приносит большие доходы*, *Студенты бойкотировали выборы. — Бойкот / Бойкотирование выборов студентами влияет на результаты голосования*.

По поводу семантических различий между рассматриваемыми соотносительными существительными И. С. Улуханов замечает: «"Чистой" транспозиции нет и в тех многочисленных случаях, когда мотивирующие имена не имеют значения "чистого" действия, а представляют собой, по словам Р. Гжегорчиковой, "названия действий, воспринятых более предметно, как целая ситуация". В этом можно убедиться, сравнив эти имена с "чистыми" *nomina actionis*: *бокс* — *боксирование*, *эксперимент* — *экспериментирование*, *маневр* — *маневрирование*, *гримаса* — *гримасничанье*,

интервью — *интервьюирование* и др. *Бокс* — это не просто ‘нанесение ударов противнику руками в соответствии с определенными правилами’, а ‘вид спорта, для которого характерно нанесение...’ (ср. также *футбол*, *бадминтон* и т. п.); *эксперимент*, *маневр* отличаются от однокоренных имен действия на *-ние* по крайней мере наличием компонента одноактности; *гримаса* — это не только ‘искажение черт лица’ (= *гримасничанье*; ср. *прекрати свои гримасы* и *прекрати свое гримасничанье*), но и само выражение, мина (ср. *на лице его застыла гримаса*, но не *гримасничанье*). <...> Все те компоненты, которые “наслаиваются” в мотивирующем имени на значение действия, отсутствуют в глаголе. Поэтому «чистую» транспозицию следует усматривать в парах типа *боксировать* — *боксирование*, *гримасничать* — *гримасничанье*, но не *бокс* — *боксировать*, *гримаса* — *гримасничать* и т. п.» (Улукханов, 1975: 39, 40).

Значение рассматриваемых существительных — субститутов синтаксических дериватов составляет часть семантической структуры соответствующих глаголов, о чем свидетельствует возможность релятивного, отсылочного толкования лексического значения последних (через значение существительного), а также лексического перефразирования на основе «разложения» глаголов на семантические составляющие. Ср.: *интересоваться* — ‘иметь (проявлять) интерес’, *чувствовать* — ‘испытывать чувство’, *верить* — ‘иметь веру’, *тосковать* — ‘испытывать тоску’, *гордиться* — ‘испытывать гордость’, *акцентировать* — ‘делать акцент’, *бойкотировать* — ‘использовать (применять) бойкот’, *связывать(ся)* — ‘осуществлять связь’, *реформировать* — ‘осуществлять (проводить) реформу’.

7.7. ПРОИЗВОДЯЩЕЕ И ПРОИЗВОДНОЕ ПРИ ОТГЛАГОЛЬНОЙ СИНТАКСИЧЕСКОЙ ДЕРИВАЦИИ

Выше уже было отмечено, что основной операциональной единицей в рамках синтаксической деривации является лексико-семантический вариант (ЛСВ) слова. Очевидно, что разные лексические значения (семемы) многозначного глагола характеризуются различными потенциями в

аспекте синтаксической деривации. Многозначный глагол, выступая в одних своих ЛСВ, мотивирует отвлеченное существительное, в других — нет. Ср. словообразовательные потенции четырех ЛСВ глагола *бегать*:

‘передвигаться, попеременно быстро и резко отталкиваясь ногами от земли’ — синтаксические дериваты *бег*, *бега-ние*;

‘много, торопливо ходить, ездить с какой-л. целью’ — синтаксический дериват *беготня*;

‘спасаясь, уходить, уезжать откуда-л., оставлять, покидать кого-что-л.’ — синтаксический дериват *бегство*;

перен. ‘быстро двигаться, перемещаться (о предметах, явлениях природы)’ — в синтаксической деривации, как правило, не участвует.

Примеры показывают, что ЛСВ исходного глагола, участвующие в синтаксической деривации, могут мотивировать при этом различные существительные, а один ЛСВ вполне может образовывать одновременно два синтаксических деривата (*бег* и *беганье*). Вместе с тем, нередко встречается и обратное соотношение: например, глагол *читать* во всех значениях мотивирует синтаксический дериват *чтение*. Кроме того, возможности синтаксической деривации могут варьироваться не только от значения к значению в пределах многозначного производящего, но и у одного лексического значения в зависимости от контекста.

В свою очередь, производное отвлеченное существительное способно развивать собственную систему лексико-семантических вариантов. И. Г. Милославский подчеркивает, что в случае синтаксической деривации «система значений производящего не совпадает с системой значений производного, которое не наследует эту систему от «предка», но формирует свою собственную систему полисемии. Поэтому формулировки типа “*A* есть синтаксический дериват от *B*” являются весьма приблизительными. Ведь в этих случаях не учитывается ни многозначность *A*, ни многозначность *B*. Наверное, следует говорить “*A* в значении *a* есть синтаксический дериват от *B* в значении *a*”» (Милославский, 1980: 139). Так, слово *бег* в современном русском языке, по данным БАС, имеет семь лексических значений, из

которых лишь два совпадают со значениями глагола *бегать* (у которого выделяется всего пять значений), т. е. транспонированы из глагольной частеречной рубрики. Следовательно, в остальных лексико-семантических вариантах существительное *бег* является лексическим дериватом. (Ср. аналогичные семантические характеристики отадъективных образований: например, слово *древность*, по данным того же БАС, имеет четыре лексических значения, из которых лишь два тождественны значениям прилагательного *древний*, имеющего всего три значения, т. е. транспонированы из адъективной рубрики. В остальных лексико-семантических вариантах существительное *древность* является лексическим дериватом.)

С другой стороны, в русском языке представлено и принципиально иное соотношение значений обсуждаемых производных и производящих: несколько лексико-семантических вариантов производящего мотивируют один лексико-семантический вариант производного (синтаксический дериват). Так, по данным БАС, девять значений глагола *выходить* (всего 16 значений) дают один лексико-семантический вариант существительного *выход* (всего 8 значений): «**ВЫХОД**, а, м. 1. Действие по 1—5, 6—9 знач. глаг. *ВЫХОДИТЬ*».

Как правило, одинаковыми словообразовательными потенциями в плане синтаксической деривации обладают соотносительные лексико-семантические варианты возвратных и невозвратных глаголов. При этом те из них, которые участвуют в синтаксической деривации, мотивируют тождественные (формально и семантически) отвлеченные существительные (*умывать, умываться* → *умывание; одевать, одеваться* → *одевание*). Если же возвратность сопряжена с каким-либо «семантическим сдвигом», смысловым преобразованием (например, метафоризацией) соответствующего ЛСВ невозвратного глагола, то рассматриваемые исходные ЛСВ — в случае их участия в транспозиции — мотивируют различные синтаксические дериваты; ср.: *рисовать* → *рисование*, но *рисоваться* → *рисовка*.

7.8. ПРЕОБРАЗОВАНИЕ ИСХОДНОГО СИНТАКСИЧЕСКОГО КОНСТРУКТА ПРИ ОТГЛАГОЛЬНОЙ СИНТАКСИЧЕСКОЙ ДЕРИВАЦИИ

Отвлечение процессуального признака от характеризующего им предмета, составляющее содержательную специфику отглагольной синтаксической деривации, обуславливает и перестройку формальных, строевых отношений в синтаксическом конструкте, включающем производящий глагол. В качестве исходного (производящего) конструкта с рассматриваемой семантикой при отглагольной синтаксической деривации в тексте выступает предикативное (*человек бежит, девочка поет*) или атрибутивное (*бегающий человек, поющая девочка*) словосочетание. Исходные конструкты обоих типов представляют собой субстантивные подчинительные словосочетания (модели «словоформа + словоформа» и «слово + словоформа» соответственно), компоненты которых называют процессуальный признак (зависимый компонент) и его производителя или носителя, т. е. субстанцию (главный компонент). Первый конструкт (предикативная основа предложения) в плане выражения состоит из спрягаемой формы глагола (*Vf*, имя признака), согласованной с формой именительного падежа существительного (*N1*, имя субстанции) в грамматических категориях числа и лица либо рода (согласовательный аспект предикативного словосочетания), а в плане содержания характеризуется субъектным (агентивным) синтаксическим отношением. Второй конструкт в плане выражения состоит из формы причастия, т. е. синтаксического прилагательного (*Adj*, имя признака), согласованной с существительным (*N*, имя субстанции) в категориях рода, числа и падежа; в плане содержания характеризуется атрибутивным синтаксическим отношением.

Отвлечение признака от субстанции, т. е. его актуализация, перемещение на первый план в семантике конструкта, предопределяет изменение направленности отношений детерминации в рамках производящего словосочетания, что получает четкое внешнее, формальное выражение. Исходная синтаксическая единица трансформируется в конструкт, реализующий исключительно модель «слово + сло-

воформа», но как бы наоборот. Компонент, обозначающий признак, становится главным (словом), а компонент, обозначающий субстанцию, — зависимым (словоформой): *человек бежит, бегущий человек* → *бег человека*; *девочка поет, поющая девочка* → *пение девочки*. Изменение направленности детерминации вызывает радикальное преобразование синтаксических связей и синтаксических отношений между компонентами: исходный конструкт «перестраивается» в словосочетание с так наз. родительным присубстантивным падежом (т. е. в соединение двух существительных на основе связи управления по указанной конструктивной модели) и, соответственно, синтаксическим отношением предмета к предмету, с субъектным значением родительного присубстантивного. В рамках производного словосочетания главным компонентом является любая падежная форма существительного — синтаксического деривата, обозначающего опредмеченный признак (первый «предмет»), а зависимым — всегда форма родительного падежа существительного, обозначающего субстанцию (второй «предмет»). Таким образом, состав компонентов производного словосочетания в формальном и содержательном аспектах описывается в следующих терминах: «главный компонент + зависимый компонент = слово + словоформа = $N_1 + N_2$ = существительное 1 (синтаксический дериват) + существительное 2 = отвлеченный признак + субстанция = предмет 1 + предмет 2».

Предложение (и активная, и пассивная конструкции), содержащее спрягаемую форму производящего глагола в качестве предикативного центра и актанта с субъектным (агенс) и объектным (пациенс) значениями, «свертывается» в сложное словосочетание — соединение трех существительных, в котором главным компонентом, способным выступать в любой падежной форме (словом), является отглагольный синтаксический дериват, а зависимыми (на основе связи управления) — словоформы определенных косвенных падежей с предметными значениями. При этом выбор падежных форм субъектного и объектного распространителей синтаксического деривата обусловлен характером управления в рамках исходного конструкта. Так, если

в исходном конструкте значение субъекта действия выражено формой именительного падежа, а значение объекта — формой винительного падежа, то в производном значении субъекта выражено формой творительного падежа, а значение объекта — формой родительного; если в исходном конструкте значение субъекта выражено также формой именительного падежа, а значение объекта — формой творительного, то в производном значении субъекта выражено формой родительного, а значение объекта — по-прежнему формой творительного:

Рабочие строят дом (Дом строится рабочими) → Строительство дома рабочими;

Оркестр исполняет симфонию (Симфония исполняется оркестром) → Исполнение симфонии оркестром;

Врач осматривает больного (Больной осматривается врачом) → Осмотр больного врачом;

Ребенок занимается музыкой → Занятие ребенка музыкой;

Генералы руководят армией → Руководство генералов армией.

Значение субъекта (производителя) действия в рамках конструкта-трансформа может выражаться также притяжательным прилагательным, в том числе местоименным: *я бегу → мой бег; она поет → ее пение.*

В тексте в результате синтаксической трансформации исходного словосочетания указания на субъект и объект действия могут вообще устраняться — либо в соответствии с замыслом говорящего, либо просто как избыточные характеристики, вполне определенные и ясные из контекста или конституации. Ср.: *Брат строит дом. Строительство уже заканчивается; Я вас любил: любовь еще, быть может, в душе моей угасла не совсем...* (А. С. Пушкин). Подобным же образом при выведении синтаксических дериватов из синтаксических единиц снимаются, нейтрализуются семантические приметы производящего глагола (номинализуемого предиката) по категориям вида, времени, наклонения, залога, лица, а следовательно, и объективно-модальные значения высказывания. Однако, по наблюдениям Н. Д. Арутюновой (1976), Е. С. Кубряковой (1978),

И. Г. Милославского (1980; 1993) и других исследователей, при этом указанные грамматические характеристики не устраняются из содержательного плана производной единицы полностью, а сохраняются в нем в виде «скрытых», потенциальных, допускающих актуализацию в различных контекстах семантических компонентов. «Семантическая компрессия, являющаяся естественным результатом свертывания синтаксического целого в слово, восполняется гибкостью значения дериватов, емкостью их семантики, способностью своей лаконичной формой отсылать к целому ряду умозаключений и высказываний. <... > Все... аспектуально-залоговые характеристики исходного глагола не столько сняты производным словом, сколько эксплицитно не отражены и “дремлют” в нем в латентном состоянии» (Кубрякова, 1978: 88–89).

Синтаксическая деривация — весьма эффективное средство экономии речевых усилий говорящим. Образование синтаксического деривата от глагола, выступающего в предикативной функции (*VI*), является одним из основных способов свертывания пропозиции. Трансформируя, «превращая» глагол в функции носителя предикативности (простого глагольного сказуемого) в существительное, субъект речи тем самым как бы «изымает» из него категории модальности и времени (предикативные категории), но сохраняет все пропозитивное содержание. Формальная организация синтаксической конструкции упрощается — полипредикативная конструкция, например, сложноподчиненное предложение с придаточной изъяснительной частью, вводимой асемантическим подчинительным союзом, преобразуется в монопредикативную — но объем выражаемой объективной информации (состав пропозиций) остается прежним. Отглагольный синтаксический дериват выступает в новой конструкции в качестве предикатного актанта. Ср.:

Слышу, как в лесу воют волки. → *Слышу вой волков в лесу.*

Я удивлен тем, что он не понимает сложности ситуации. → *Я удивлен его непониманием сложности ситуации.*

Необходимо, чтобы жители города бережно относились к памятникам истории и архитектуры. → *Необходи-*

мо бережное отношение жителей города к памятникам истории и архитектуры.

Громоздкая, сложная, «неудобоваримая» исходная конструкция заменяется высказыванием, содержательно тождественным ей, а формально гораздо более простым и лаконичным. Перестройка же предложения типа *Мне нравится, что девочка поет* в предложение типа *Мне нравится поющая девочка* (вместо *Мне нравится пение девочки*) не дает желаемого результата в плане содержания. Это преобразование связано с принципиальным изменением семантики исходной синтаксической единицы. Рассматриваемое производное высказывание не отражает необходимого в этом случае отвлечения признака от его субстанционального носителя (производителя), поэтому вне контекста неясно, что именно нравится говорящему — сама субстанция (*девочка*) или ее процессуальный признак (*поющая*), или и то и другое одновременно (*поющая девочка*).

Синтаксическая деривация обеспечивает превращение (свертывание) даже целого предложения или его части в отглагольное имя — сложное существительное с опорным компонентом, содержащим глагольную основу. Л. Теньер называл такое преобразование транспозицией («трансляцией») второй степени, в противоположность функциональной, частеречной транспозиции (первой степени) (Теньер, 1988). Ср.: не только *строить корабли — строительство кораблей*, но и *строить корабли — кораблестроение; пожать руку — рукопожатие, ловить рыбу — рыболовство, думать вольно — вольнодумство, мыслить свободно — свободомыслие, пить чай — чаепитие, кружить голову — головокружение, плавать по морю (морем) — мореплавание, делать ковры — ковроделие, ткать ковры — ковроткачество, любить человека (людей) — человеколюбие, чувствовать (самого) себя — самочувствие, хвалить (самого) себя — самохвальство, очищать воду — водоочистка, рожать живым — живорождение; косить сено — сенокос, метать икру — икромет, течь самому — самотек и т. п. Ср. также: *снег падает — снегопад, листья падают — листопад, солнце печет — солнцепек, лед идет — ледоход; Он ничего не делает — Его ничегонеделание.* (С точки зрения фор-*

мальных отношений между производным и производящим речь идет об основосложении и лексико-синтаксическом способе словообразования, осложненных суффиксацией.)

С другой стороны, отглагольная синтаксическая деривация является инструментом организации (развертывания) многочисленных лексических перифраз в форме аналитических глагольно-именных оборотов типа: *пытаться — делать (предпринимать) попытку, заявлять — делать заявление, помогать — оказывать помощь, сопротивляться — оказывать сопротивление, участвовать — принимать участие, решать — принимать решение, желать — иметь желание, оскорблять — наносить оскорбление, извиняться — приносить извинение, обвинять — выдвигать (предъявлять) обвинение* и т. п.

Таким образом, отглагольная синтаксическая деривация дает возможность говорящему выразить одно и то же вещественное, объективное содержание принципиально по-разному, при помощи различных синтаксических конструкций. При этом смысловые различия между обсуждаемыми синтаксическими единицами носят не лексический (денотативно-сигнификативный), а сугубо грамматический характер.

Исходная «глагольная» (процессуальная) лексическая, номинативная природа существительных — синтаксических дериватов обуславливает содержательную специфику их некоторых комбинаторных свойств, отражающуюся, в частности, в семантической стороне их сочетаний с обстоятельственными наречиями. Как известно, в соединении с обычным существительным, не являющимся синтаксическим дериватом (в частном случае вообще производным), наречие относится не к самому существительному непосредственно, а к имплицитно представленному в этом сочетании глаголу; соединения наречий с существительными, по сути дела, всегда эллиптичны, глагол не эксплицируется, «пропускается», но подразумевается: *яйца вкрутую* — ‘яйца, сваренные вкрутую’, *утка по-пекински* — ‘утка, приготовленная по-пекински’, *хвост торчком* — ‘хвост, стоящий торчком’, *дом напротив* — ‘дом, расположенный напротив’ (ср. сочетания существительных с аналитическими прила-

гательными, не допускающие вставки глагола: *платье беж, вагон люкс, цвет маренго*). Не являются эллиптическими только сочетания наречий с существительными — отглагольными синтаксическими дериватами (*чтение вслух, езда верхом, поворот направо, разговор по-английски, прибытие вечером*), поскольку последние обозначают процессуальные признаки, т. е. сохраняют «первичную» глагольность.

При синтаксической деривации отглагольных существительных качественные и обстоятельственные наречия, относящиеся к исходному глаголу, «ведут себя» принципиально по-разному. Качественное наречие трансформируется в имя прилагательное (*резко повернуть* → *резкий поворот*), обстоятельственное — сохраняется (*повернуть направо* → *поворот направо*). Иными словами, если в качестве исходного (производящего) синтаксического конструкта выступает сочетание глагола с качественным наречием, то синтаксическая деривация существительного от глагола автоматически сопровождается преобразованием («обратной» синтаксической деривацией) наречия в прилагательное. В этом случае деривация осуществляется уже на уровне не отдельного слова, а всего минимального синтаксического конструкта (словосочетания).

Вообще же сочетаемостные свойства отглагольного синтаксического деривата и его производящего принципиально различны и совпадают далеко не всегда (см. об этом: Апресян (1995в), Арутюнова (1976), Кубрякова (1978; 1992), Милославский (1993) и др.). Ю. Д. Апресян в этом случае говорит о нереализуемости некоторых валентностей исходного глагола в соответствующем синтаксическом деривате, что несколько противоречит его же определению синтаксической деривации, приведенному выше (в части, касающейся возможности «равнозначных преобразований»; см. п. 7.1).

7.9. СЛОВООБРАЗОВАТЕЛЬНЫЙ СИНТЕЗ ОТГЛАГОЛЬНЫХ СИНТАКСИЧЕСКИХ ДЕРИВАТОВ: ПОСТАНОВКА ЗАДАЧИ

Синтаксическую деривацию существительных от глаголов, как и любой словообразовательный феномен в современном русском языке, можно рассматривать в двух противоположных аспектах: с позиций словообразовательно-

го анализа и с позиций словообразовательного синтеза. Первый подход (аналитический) предусматривает ситуацию, когда говорящему одновременно известны и производящее, и производное, а деривационные отношения между ними рассматриваются в направлении от производного к производящему. Словообразовательный анализ предполагает разложение (рецепцию) производного слова на минимальные по форме значимые части (морфемы) и выяснение того, как и от чего оно образовано. Словообразовательные отношения между глаголами и существительными, образованными от них по модели синтаксической деривации, подробно изучены в направлении от производного существительного к исходному для него глаголу. Однако это подход, имеющий в большей степени сугубо теоретическую, научную, нежели какую-либо практическую ценность, поскольку все производные и производящие лексемы как таковые известны только образованным носителям данного языка. Между тем, высокая регулярность образования отглагольных синтаксических дериватов делает вполне возможным и практически оправданным именно их синтезирование в соответствии с определенными правилами, подобно морфологическому синтезу — «порождению из словарной словоформы всех остальных словоформ» с заданными «семантическими и сочетательными свойствами» (Милославский, 1981: 12). «...Нельзя не отметить, — пишет Е. С. Кубрякова, — что, по-видимому, появление синтаксических дериватов можно предсказать в современных развитых языках с большей уверенностью, чем существование каких-либо пластов лексических дериватов» (Кубрякова, 1978: 79). Поэтому и в теоретическом, и особенно в практическом отношении чрезвычайно важно исследование синтаксической деривации рассматриваемого типа в рамках словообразовательного синтеза (перспективного словообразования) — как решение прикладной задачи образования существительного с заданными семантическими свойствами от имеющегося глагола. Такой подход, предполагающий своего рода «переворачивание» проблемной ситуации, «поворот» условий задачи, практически особенно значим в двух аспектах: в плане преподавания рус-

ского языка как неродного, а также для автоматической обработки русских текстов. В указанных сферах прикладной лингвистики ценится использование возможно меньшего количества единиц и правил оперирования с этими единицами. В этом отношении словообразовательный синтез демонстрирует весьма широкие возможности.

Так, в практике речевой деятельности лиц, изучающих русский язык как иностранный, синтаксические дериваты, как правило, не воспроизводятся, а синтезируются (подобно грамматическим формам слова), или и воспроизводятся, и синтезируются одновременно. Ср.: *Когда-то он начал строить новый дом. Это строительство затянулось на годы.* Воспроизводство основы мотивирующего глагола: *строи-(ть) → строи-(тельство)*; синтез: присоединение к воспроизводимой основе именного суффикса, причем не всякого, а строго определенного, конкретного, в каждом случае — «своего».

Носителю языка комбинация производящей основы и словообразовательного форманта (дериватора) известна, она воспроизводится; иноговорящий (и автоматическое устройство, машина) этой комбинации не знает, ему в помощь необходимо дать четкий и эффективный алгоритм словопроизводства, обеспечивающий последовательный переход от заданного глагола к его синтаксическому деривату. Знание закономерностей синтеза отвлеченных существительных дает возможность, далее, осуществлять трансформации предложений, обусловленные структурой текста. Таким образом, второй подход (синтетический), в противоположность первому, традиционному, предполагает деятельность, направленную от производящего к производному — алгоритмизированную «сборку» из значимых частей (продукцию) нового слова. Тем самым, словообразовательный синтез принципиально ориентирован на активные виды речевой деятельности, на реальные нужды общения.

В плане изучения денотативного пространства русского глагола словообразовательный синтез отвлеченных отглагольных существительных интересен прежде всего тем, что он дает возможность моделировать отражение про-

цессуально-событийного мира неглагольной лексикой — именными дериватами.

Отглагольная синтаксическая деривация как средство словообразовательного синтеза позволяет говорящему:

1) максимально точно оформлять мысль, связанную с отвлечением процессуального признака от его носителя (производителя);

2) наиболее верно и адекватно замыслу выполнять коммуникативное задание;

3) упрощать формальную организацию предложения без какого-либо ущерба для его смысла;

4) осуществлять различные преобразования текста.

Синтез отвлеченных отглагольных существительных — это сложная, многоступенчатая логическая процедура, направленная на получение нового слова (заранее не известного субъекту коммуникации!) от имеющегося (заданного по условиям задачи) по заданному семантическому различию. В соответствии с этим мы располагаем следующими исходными данными.

Дано:

1. Глагол в словарной форме:

его графическая запись — лексема (графический экспонент знака, письменный внешний вид);

его частное лексическое значение — семема (словарное толкование);

т. е. конкретный лексико-семантический вариант глагола как двусторонняя единица (слово-значение); а также его грамматические характеристики, представленные в словарной статье.

2. Семантическое различие, по которому образуется существительное — синтаксический дериват от глагола (значение обобщенной предметности — ‘опредмеченность отвлеченного процессуального признака’).

Требуется:

1. Определить словообразовательные потенции заданного глагола в плане синтаксической деривации: установить, образуется от него отвлеченное существительное или нет.

2. Осуществить собственно синтезирование: выбрать один из многочисленных дериваторов, обслуживающих

синтаксическую деривацию рассматриваемого типа, и прибавить его к производящей основе (с учетом особенностей словообразовательной морфонологии).

Решая задачу словообразовательного синтеза, говорящий располагает совокупностью необходимых и достаточных данных только на входе, тогда как на выходе ничего не имеет. Отвлеченное существительное заведомо неизвестно. Решение состоит в определении этой неизвестной величины на основе последовательных действий с двумя известными — заданными по условию. Алгоритм решения задачи представляет собой строго фиксированный порядок оперирования исходными данными и промежуточными результатами. Вся работа субъекта коммуникации структурируется точно в соответствии с последовательностью использования этих данных, а объем работы определяется их набором.

Синтез отвлеченных существительных как прикладная задача речевой коммуникации связан с рядом принципиальных трудностей. Первая и главная из них — определение словообразовательных потенций производящей базы в аспекте синтаксической деривации, т. е. ответ на вопрос: как по заданной информации о глаголе можно заведомо определить, участвует он в синтаксической деривации или нет. Несмотря на всю свою сложность, эта проблема установления «четкой границы, демонстрирующей, от какого именно слова синтаксическая деривация возможна, а от какого — невозможна», принципиально разрешима. В настоящее время едва ли можно принять мнение о том, что «к сожалению, не видится четких формальных или содержательных характеристик прилагательных или глаголов, определяющих возможность или невозможность синтаксической деривации» (Милославский, 1980: 142).

Из заданной информации о глаголе — ЛСВ и его грамматических характеристик — вполне могут быть извлечены различные формальные и семантические признаки, релевантные для выяснения возможности трансформации этого глагола в существительное, а также, в случае «положительной реакции», способные предопределить форму выражения такой трансформации. Очевидно, что между

содержательными и формальными особенностями глагольного ЛСВ, с одной стороны, и его способностью образовывать отвлеченное существительное путем синтаксической деривации, с другой, могут существовать вероятностные зависимости. В тех случаях, где эти зависимости обнаруживаются, на их основе формулируются словообразовательные правила. В случаях же, когда таких зависимостей нет, задача должна решаться с помощью списков единиц (ЛСВ). В итоге в рамках активной (идеографической) грамматики создается четкий алгоритм получения синтаксических дериватов от глаголов. Располагая сведениями, содержащимися в части «дано», и оперируя ими с помощью предлагаемых в активной грамматике правил и списков, субъект речи вполне может самостоятельно определить словообразовательные потенции глагола в плане синтаксической деривации, а затем и «собрать» искомое отвлеченное существительное.

Однако в ходе решения второй части задачи возникает еще более сложная проблема, связанная с выбором словообразовательного средства — суффикса (или суффикса и префикса; ср. *лететь* → *полет*, *искать* → *поиск*). На этом этапе рассматриваются уже только те глаголы, которые заведомо участвуют в синтаксической деривации (по результатам предшествующего анализа). Каким образом, а точнее, с помощью какого дериватора образуются от них отвлеченные существительные? Это, пожалуй, наиболее трудный вопрос из всех, которые возникают в рамках решения поставленной задачи. В отглагольной синтаксической деривации используется большое количество формантов (см. выше). Информация, «заложенная» в самом производящем ЛСВ, в ряде случаев помогает решить и эту проблему. Так, например, от глагольных основ некоторых типов синтаксические дериваты образуются только с помощью суффикса *-ни(е)*, в частности, от глаголов с финалями *-ствовать* (*бодрствовать* → *бодрствование*, *царствовать* → *царствование*, *заимствовать* → *заимствование*) и *-ничать* (*вредничать* → *вредничание*, *кокетничать* → *кокетничание*, *либеральничать* → *либеральничание*); с приставкой (инициальной) *обез-/обес-* (*обеззараживать* → *обезза-*

раживание, обезжиривать → *обезжиривание, обесценивать* → *обесценивание*)^{*}. Также можно выделить наиболее продуктивные в современном языке группы производящих основ (по финалям и/или инициалам), от которых образуются синтаксические дериваты с определенным суффиксом. Наконец, формальные характеристики мотивирующего глагола часто позволяют существенно сузить круг возможных дериваторов. Известно, например, что весьма продуктивные в словообразовательной системе русского языка глаголы с финалями *-овать* и *-ировать* не образуют отвлеченных существительных с помощью нулевого суффикса. Вместе с тем, эти глаголы в равной мере мотивируют синтаксические дериваты и с суффиксом *-ни(е)*, и с суффиксом *-к(а)* (*шлифовать* → *шлифование* и *шлифовка*, *переедресовать* → *переедресование* и *переедресовка*; *группировать* → *группирование* и *группировка*, *корректировать* → *корректирование* и *корректировка*) (Русский язык и советское общество, 1968).

7.10. СЛОВООБРАЗОВАТЕЛЬНЫЙ СИНТЕЗ И СЛОВАРНОЕ ПРЕДСТАВЛЕНИЕ ОТГЛАГОЛЬНЫХ СИНТАКСИЧЕСКИХ ДЕРИВАТОВ

Идея построения сложного и разветвленного лингвистического алгоритма и вообще описания синтаксической деривации рассматриваемого типа с позиций словообразовательного синтеза может вызвать принципиальные возражения: не лучше ли в словарной статье исходного глагола — в рубрике дополнительной информации — просто привести соответствующий синтаксический дериват, как это делается (хотя и весьма непоследовательно), например, в «Словаре русского языка» С. И. Ожегова и многих других толковых словарях русского языка? Или вообще создать специальный словарь (тезаурус) отглагольных синтаксических де-

^{*} Морфное членение рассматриваемого глагола не задается условиями задачи. Предполагается, что субъект речи его не знает. В целях минимизации исходных данных необходимо вообще отказаться от использования в алгоритме понятий (и терминов) «приставка» и «суффикс» (двусторонних языковых единиц) и оперировать лишь единицами субморфного характера — «инициаль» и «финаль».

риватов? Нам представляется, что такие способы решения проблемы с точки зрения практики речевой деятельности едва ли оправданы. По нескольким причинам.

Очевидно, что современная лексикография постепенно отходит от алфавитно-гнездового способа словарной презентации лексических единиц. Так, во втором издании Большого академического словаря алфавитно-гнездовая система расположения слов, принятая в первых томах первого издания (Словарь современного русского литературного языка, 1948—1965), последовательно устраняется, что облегчает, в частности, поиск в словаре синтаксических дериватов. Производящий глагол и его трансформ-существительное разрабатываются в отдельных словарных статьях. Поскольку лексический компонент значения отвлеченное существительное — синтаксический дериват полностью заимствует у исходного глагола, словарная дефиниция такого существительного, как правило, содержит отсылку к производящей базе. Например: «**АКТИВИЗАЦИЯ**, и, ж. Действие по знач. глаг. активизировать и по 1 знач. глаг. активизироваться. *Активизация обменных процессов. Активизация мыслительной деятельности. Активизация борьбы против колониализма.* <...>». Этот же принцип действует и при толковании отадъективных синтаксических дериватов (ср.: «**АЛЛЕГОРИЧНОСТЬ**, и, ж. Свойство по знач. прил. аллегоричный <...>»). Прежняя, алфавитно-гнездовая система подачи слов сохраняется в этом словаре только в отношении синтаксической деривации «прилагательное → наречие».

Принципиально так же — в разных словарных статьях — подаются и таким же — отсылочно-деривационным — способом толкуются синтаксические дериваты и в Малом академическом словаре: «Существительные женского рода, образованные от прилагательных и причастий и имеющие отвлеченное значение свойства или состояния, определяются по формуле: *Свойство по знач. прил. (такого-то)* или *Состояние по знач. прил. (такого-то)*; например: **БЕЗРАДОСТНОСТЬ**, -и, ж. *Свойство по знач. прил. безрадостный*. **БЛЕДНОСТЬ**, -и, ж. **1.** *Свойство по прил. бледный (в 1 и 2 знач.).***2.** *Свойство по прил. бледный (в 3 знач.);*

отсутствие яркости, выразительности. **ВЕСЕЛОСТЬ**, -и, ж. *Свойство и состояние по знач. прил. веселый...* Существительные среднего и женского рода (на -ние, на -ка или представляющие собой чистую основу), образованные от глаголов и обозначающие действие или состояние, определяются по формуле: *Действие по знач. глаг. (такого-то)* или *Состояние по знач. глаг. (такого-то)*; например: **БРЮЗЖАНИЕ**, -я, ср. *Действие по знач. глаг. брюзжать*. **ВВЯЗКА**, -и, ж. *Разг. 1. Действие по знач. глаг. вязать — вязывать»* (МАС, 1981—1984: 11).

Ориентироваться на существующие сегодня лексикографические источники при решении поставленной задачи нельзя. Современные толковые словари русского языка (за редким исключением) оказываются более или менее неполными и непоследовательными в отношении информации о синтаксических дериватах. Если субъект речи вообще не находит в словаре необходимое ему отвлеченное существительное, это еще отнюдь не означает, что такого в принципе не существует в русском языке. В подобной ситуации возможен лишь один вывод: искомого существительного нет в данном словаре. Создание же максимально полного словаря синтаксической деривации существительных от глаголов означает решение задачи исключительно с помощью списка готовых лексем. А точнее, это значит вообще не решать задачи, а просто дать констатирующий список. Однако практически более целенаправленным представляется, напротив, установление некоторых закономерностей, выведение именно правил получения синтаксических дериватов от глаголов; создание алгоритма, обеспеченного максимально правилами и минимально списками. Кроме того, подобный словарь лишь фиксирует современную норму — то, что уже есть в литературном языке, — и достаточно быстро утрачивает актуальность, устаревает (в особенности, словарь словообразовательного характера), в связи с чем требует постоянного обновления. С другой стороны, создание словаря никак не решает теоретических и прикладных проблем лингвистики, связанных с отглагольной синтаксической деривацией. Словарь не описывает механизма словопро-

изводства, не раскрывает лингвистических закономерностей, действующих внутри словообразовательного «черного ящика». Естественным образом словарь не содержит словообразовательных алгоритмов и не объясняет, как обходиться без него. Кажущаяся практическая ценность такого словаря едва ли подтвердится жизнью. Ведь образование отвлеченных существительных от глаголов — частный, хотя и важный, вопрос русского именного словообразования. Подобных проблем достаточно много. Это значит, что для решения каждой из них необходимо создавать особый словарь или даже несколько словарей. Вряд ли человеку, изучающему русский язык, на практике будет удобно пользоваться десятками специальных словарей, без которых, однако, он не сможет осуществлять активную речевую деятельность. Другое дело, когда без словаря нельзя обойтись в принципе. Однако словообразовательный синтез «глагол → отвлеченное существительное» в значительной степени предоставляет говорящему такую возможность. Словарь и алгоритм активной грамматики представляют собой принципиально противоположные, взаимно противопоставленные, хотя и не взаимоисключающие, способы решения обсуждаемой задачи.

Не способствует практическому решению этой задачи и такая презентация существительных — отглагольных синтаксических дериватов, которая принята в новом издании Большого академического словаря (когда каждый синтаксический дериват разрабатывается в отдельной словарной статье), хотя с чисто лексикографической точки зрения она вполне оправдана. С одной стороны, в этом случае возникает большое количество проблем, связанных с разграничением формально тождественных синтаксических и лексических дериватов (в частности, терминов, типа *вентиляция, трансформация, эвакуация, мышление, познание, планирование, раздражение, склонение, укрепление, прессовка, штамповка, шифровка, сплав, отлив, пуск* и мн. др.), а также семантически тождественных или близких отвлеченных существительных — синтаксических дериватов — и других абстрактных существительных (не отвлеченных!), как правило, производных (*звучание* и *звук, скрипение* и *скрип*,

свечение и свет, умирание и смерть, реформирование и реформа, синтезирование и синтез). В последнем случае соотносительные существительные имеют тождественные или весьма близкие денотаты. Обсуждаемые проблемы актуальны для всей сферы субстантивной синтаксической деривации. Ср. аналогичную ситуацию с отадъективными синтаксическими дериватами (формальное тождество синтаксических и лексических дериватов: *мощность раскатов грома* и *мощность двигателя, значимость поступка* и *значимость лексической единицы, хитрость человека* и *придумать хитрость* и т. п.; семантическое тождество или близость синтаксических дериватов и производных существительных: *полезность* и *польза, талантливость* и *талант, успешность* и *успех, теплота* и *тепло, абсурдность* и *абсурд, качественность* и *качество, тактичность* и *такт*).

С другой стороны, вынесение всех синтаксических дериватов из гнездовых словарных статей их мотиваторов и разработка их в отдельных статьях значительно увеличивает словник и общий объем толкового словаря, особенно если учесть, что к области синтаксической деривации относятся преобразования четырех видов (см. выше). С сугубо практической точки зрения чрезвычайно важно представить такое множество единиц наиболее компактным образом. Тем более, что лексически отглагольный синтаксический дериват принципиально ничем не отличается от его производящей базы: как было показано выше, фактически это одна лексическая единица, выступающая в разных категориальных оформлениях, в разных частеречных ипостасях. Поэтому разумнее не представлять в словаре среди других лексических единиц дважды (и более) одну и ту же лексическую единицу, а предложить в рамках активной грамматики набор словообразовательных правил (алгоритм), с помощью которых устанавливается возможность образования синтаксического деривата от конкретного лексико-семантического варианта слова и в случае «положительной реакции» осуществляется синтез этого синтаксического деривата.

Глава 8

ДЕНОТАТИВНОЕ ПРОСТРАНСТВО СЛОВООБРАЗОВАТЕЛЬНЫХ ЕДИНИЦ (НА МАТЕРИАЛЕ РУССКОГО ГЛАГОЛА)

Денотативное пространство словообразовательных единиц не было, насколько нам известно, предметом специального изучения в лингвистике, хотя основы такого подхода заложены в работах Е. С. Кубряковой, Е. А. Земской, З. И. Резановой и других исследователей. Особенно значимы работы Е. С. Кубряковой, рассматривавшей словообразование, в частности деривационные значения русских слов, в номинативном аспекте. Изучение отражательного потенциала словообразовательных единиц представляет, на наш взгляд, несомненный интерес по нескольким причинам. Во-первых, словообразование максимально близко лексике (одна из основных функций словообразования в языке — создание новых номинативных средств-универбов) и синтаксису (любое производное слово представляет собой свернутое суждение: человек, профессионально занимающийся обучением детей, = *учитель*), с которых и началось изучение денотативного пространства. Поэтому представляется логичным продолжить изучение денотативного пространства языка именно со словообразовательного уровня. Во-вторых, все единицы словообразования семантически: современное словообразование ставит вопрос о значении даже таких единиц, как способы словообразования, которые традиционно считались чисто формальными образованиями (Удуганов, 1996: 148–202), любое же языковое значение является отражением того или иного кусочка действительности. В основе и лексической, и деривационной семантики лежит денотативное пространство. В-третьих, особую актуальность и значимость изучению денотативного пространства деривационных единиц придает интенсивное развитие когнитивной лингвистики, исследующей процессы получения, накопления и преобразования знаний о мире с помощью

языка, в том числе с помощью его деривационных единиц.

Анализ того, какие участки действительности, в каких аспектах и с какой степенью детализации фиксируются деривационными единицами, целесообразно начинать с таких составляющих словообразовательной системы, как деривационное значение, производные слова и словообразовательное гнездо.

Особым аспектом рассмотрения денотативного пространства русского глагола может быть анализ особенностей его (пространства) отражения всеми deverбальными словообразовательными значениями, поскольку последние отражают объективный мир процессов и состояний иначе, чем лексические глагольные значения. Эта проблема анализируется в разделе 8.1.

Словообразовательные значения участвуют в формировании семантики производного слова, резко или частично изменяя значение мотиватора в деривате. При этом модифицируется и денотативное пространство (тип ситуации, аспект ее представления), которое они отражают. Наиболее полно конкретная ситуация отражается всеми однокоренными словами, объединенными в словообразовательное гнездо (СГ). Представленность денотативной ситуации с помощью производных слов рассматривается в разделе 8.2 на материале СГ с вершинами *смотреть* и *варить*.

Субстратом денотативного пространства языковых единиц является тот или иной участок объективной действительности, который постоянно видоизменяется в силу собственной природы или под влиянием человека. Это предопределяет возможность изучения отражательного потенциала деривационных единиц в динамическом аспекте. Раздел 2.3 посвящен анализу изменений денотативного пространства глаголов приготовления пищи и зрительного восприятия в результате появления неологизмов в 60—90-е гг. XX в. с корнями **-смотреть-** и **-вар-**.

8.1. СООТНОШЕНИЕ ДЕНОТАТИВНОГО И ДЕРИВАЦИОННО-СЕМАНТИЧЕСКОГО ПРОСТРАНСТВ РУССКОГО ГЛАГОЛА

8.1.1. Особенности лексико-семантической классификации глагольных словообразовательных значений

Актуализация функционально-семантических исследований в конце XX в. обусловила выделение в лингвистике таких понятий, как денотативное и семантическое пространства. Последнее подразделяется на лексико-семантическое, деривационно-семантическое (ДСП) и грамматико-семантическое пространства, поскольку разные виды языковых значений могут отражать одни и те же реалии (денотаты) внеязыковой действительности. Как отмечает Е. С. Кубрякова, все «языковые единицы, языковые категории и языковые классы указывают — хотя и с разной степенью опосредования — на ту содержательную информацию, которая уже стала продуктом человеческой обработки» (Кубрякова, 1994: 45).

ДСП, фиксируя те же, что и лексические значения, динамические признаки субстанции, те или иные ситуации, может и должно быть описано в лексико-семантическом аспекте, с учетом качественно определенных типов фиксируемых словообразовательными значениями действий, состояний и отношений. Это позволит сопоставить деривационно-семантическое и лексико-семантическое пространства русского глагола на одном основании, выявить общие и специфические части денотативного пространства, отражаемого языковыми значениями разных типов. База такого сопоставления — семантическая классификация глагольной лексики, предложенная в словаре-справочнике «Лексико-семантические группы русских глаголов» (Свердловск, 1988) и уточненная, существенным образом скорректированная в «Толковом идеографическом словаре русских глаголов» (М., 1999).

Распределение глагольных словообразовательных значений (СЗ) по полям, подполям и лексико-семантическим группам (ЛСГ) проводилось с учетом категориально-лексической семы (КЛС), манифестируемой в дефиниции словообразовательного значения глаголом-идентификатором. При этом обнаружилось следующее.

Большая часть СЗ беспроблемно распределяется по лексико-семантическим классам русских глаголов, охватывая все три поля — поля «Действие», «Состояние» и «Отношение». Трудности в определении КЛС того или иного словообразовательного значения и в отнесении последнего к конкретной ЛСГ и обозначаемой им ситуации возникали в двух случаях.

Случай первый. В деривационно-семантическом пространстве русского глагола выделяется довольно многочисленная группа словообразовательных значений (около 70 СЗ — см. в приложении пункты 1.1–1.69), не имеющих аналогичной КЛС в составе ЛСГ. Категориально — лексическая сема таких СЗ равна семе-суперклассификатору, на основе которой выделяются лексико-семантические поля и подполя. Такие СЗ передают значение обобщенного, абстрактного действия / состояния-действия / состояния вообще. К ним относятся СЗ типа ‘совершить действие как-либо’, ‘распространить действие на N объектов / субъектов’, ‘начать / прекратить действие’, ‘довести действие до предела’* и т. п. Подобные СЗ не «вписываются» в лексико-семантическое пространство русского глагола и потому были выделены в особую, специфичную только для ДСП семантическую область.

Наличие в ДСП русского глагола таких СЗ обусловлено большей абстрактностью деривационного значения по сравнению с лексическим. Словообразовательные процессы, в которых «принимают участие» такие СЗ, Е. С. Кубрякова назвала грамматикоподобной деривацией (Кубрякова, 1981: 119). Все они относятся к модификационному словообразованию акционсартного типа (подробнее об этом см.: Попова, 1997: 147–239), порождающему такие классы глаголов, как способы глагольного действия (СГД). Способы глагольного действия позволяют передать ситуацию, не изменяя ее сути, в ином ракурсе, в ином освещении: с точки зрения ее временной протяженности, степе-

* Формулировки словообразовательных значений приводятся по «Русской грамматике» (М., 1980). Все дополнения, вносимые нами, заключаются в квадратные скобки, комментарии — в круглые.

ни интенсивности, кратности, соотнесенности с другим действием, фазы протекания, в аспекте количественных модификаций субъектов и объектов действия и т. п. СГД, позволяющие интерпретировать ситуацию, задающие ракурс ее отражения, расширяют потенциал глагольной номинации, но в то же время осложняют его изучение (Петрухина, 1996: 43).

Случай второй. В ДСП русского глагола есть словообразовательные значения, передающие сложные действия, аналогичные полипропозитивным лексическим значениям.

Вопрос о полипропозитивных СЗ, аналогичных глаголам сложного действия, пока не был предметом специального анализа лингвистов. Некоторый свет на эту проблему могут пролить работы Л. Г. Бабенко и других лексикологов, рассматривавших эти вопросы на материале лексической глагольной семантики (Бабенко, 1997: 30–44). В исследованиях Л. Г. Бабенко впервые выявлены суть и типы полипропозитивных лексических значений, описаны значительные по объему группы глаголов с такой семантикой.

К полипропозитивным словообразовательным значениям относятся СЗ, отражающие не одну, а две и более ситуации. Если СЗ фиксируют неравноправные, несимметричные отношения обозначаемых микроситуаций, то одна из ситуаций обычно обуславливает другую по типу действие и его причина, действие и его следствие, действие и сопутствующее действие и т. п. В таких словообразовательных значениях, СЗ с включенной пропозицией (термин Л. Г. Бабенко), доминирует одна из КЛС, вторая рецессивна, поэтому определение принадлежности подобных СЗ к той или иной ЛСГ не вызывает затруднений. Например, СЗ 'дойти до нежелательного состояния, совершая действие, названное мотивирующим глаголом (в дальнейшем — н. м. г.), с излишней интенсивностью или длительностью' содержит КЛС становления состояния и дифференциальную сему, фиксирующую причину его изменения — совершение действия, н. м. г., что позволяет отнести это СЗ к полю «Состояние» и полагать, что оно (СЗ) отражает не

только ситуацию становления состояния, но и связь последней с предыдущими действиями.

Если же полипропозитивные словообразовательные значения фиксируют равноправные микроситуации (СЗ с совмещенной пропозицией; термин Л. Г. Бабенко), то в их составе выделяются две и более КЛС, что позволяет относить такие СЗ к двум и более ЛСГ. Например, СЗ 'направить на поверхность чего-н. действие, н. м. г.; поместить/ся/ на чем-либо; натолкнуться на что-либо' (*накатить, набрести, наехать*) содержит три КЛС: перемещения, помещения и прикосновения, относящих действие к подполям перемещения, помещения и физического воздействия на объект (поле «Действие и деятельность»); соответственно данное СЗ фиксирует макроситуацию, состоящую из нескольких микроситуаций: субъект перемещает объект (микроситуация 1) и помещает его в результате такого движения на какое-либо место (микроситуация 2а) или сталкивает его с чем-либо (микроситуация 2б). СЗ 'направить в разные стороны, распространить, разъединить с помощью действия, н. м. г.' (*разломать, разбросать*) содержит две КЛС: направления движения из одной точки в разные стороны (подполе перемещения) и разъединения (подполе физического воздействия на объект), соответствующие двум ситуациям — перемещения субъектом нескольких объектов (действие — причина) и их разъединение с чем-либо (следствие).

Такие микроситуации равноправны только формально, на уровне дефиниции СЗ, в аспекте же глубинной семантики они связаны причинно-следственными отношениями; так, помещение на чем-либо или столкновение с чем-либо являются равновероятными следствиями действия перемещения.

О полипропозитивности словообразовательных значений, не используя этого термина, писала Е. С. Кубрякова, которая неоднократно отмечала, что СЗ предназначены прежде всего для указания на тип отношений между компонентами одной ситуации или между несколькими ситуациями. При этом СЗ, с одной стороны, выполняют компрессивную функцию, фиксируя лишь один из возможных

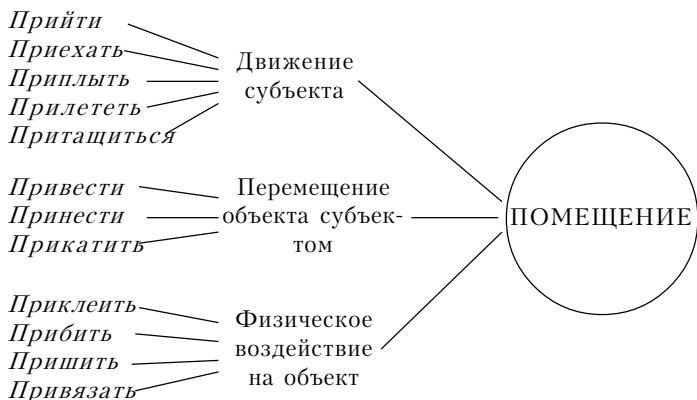
аспектов ситуации, с другой стороны — расшифровывают вид связи между ситуациями или их компонентами (Кубрякова, 1981: 110). Это и обуславливает место производных слов в системе номинативных единиц русского языка.

Изучение полипропозитивных словообразовательных значений чрезвычайно перспективно. Оно позволяет, например, предположить, что денотативное пространство СЗ структурировано по принципу поля, в центре которого располагается ядерная ситуация, а вокруг нее — связанные с ней ситуации, чаще всего те микроситуации, которые могут быть причиной первой. Так, СЗ ‘достигнуть какого-н. места, прибыть или доставить в какое-н. место, соединить/ся/ с чем-н. с помощью действия, н. м. г.’: *прийти, привезти*» отражает ситуацию начала пребывания где-либо (ситуация 1), достигаемую в результате самостоятельного движения субъекта (*прийти* — ситуация 2), перемещения им объекта (*привезти* — ситуация 3) или физического воздействия на объект (*прибыть* — ситуация 4). Следствие этого — соединение первоначально разъединенных объектов или субъектов (ситуация 5). В целом макроситуацию, отражаемую данным СЗ, можно представить как варьирующиеся способы достижения (ситуации 2, 3, 4) двух следствий (ситуации 1, 5), одно из которых (ситуация 1) — помещаться где-либо — является центральным, поскольку повторяется в трех глаголах дефиниции СЗ (*достигнуть, прибыть, доставить*), а второе (ситуация 5) — соединение объектов или субъектов — фоновым.

Денотативное пространство данного СЗ графически можно представить в виде окружности — ядра (ситуация помещения), влево от которого отходят три луча (типы ситуаций — причин такого помещения), от каждого из лучей исходит пучок лучиков, символизирующих конкретные производные глаголы с таким СЗ (см. схему 1).

Подобное полевое строение словообразовательных значений позволяет им иерархизировать информацию о нескольких ситуациях и связях между ними, а также подать ее в сжатом, «сжатом» виде.

Схема 1. Ситуация помещения (по данным СЗ русских глаголов)

8.1.2. Отражение ситуаций лексико-семантического поля «Действие» словообразовательными значениями русского глагола

Как уже отмечалось выше, действия, фиксируемые словообразовательными значениями, охватывают ситуации всех трех лексико-семантических полей: «Действия», «Бытия. Состояния», «Отношения». Целесообразно рассмотреть отдельно представленность каждого из них глагольными словообразовательными значениями.

Поле «Действие» складывается из 9 подполей: подполя движения, перемещения, помещения, физического воздействия на объект, созидательной, речевой, социальной деятельности, звучания и физиологических действий. На словообразовательном уровне представлены все подполя, кроме последнего, обладающего максимально лексикализованной семантикой.

Подполя движения и перемещения представлены с помощью словообразовательных значений почти так же подробно, как и на лексико-семантическом уровне (см. в приложении пункты 2.1 – 2.16, 3.1 – 3.19, 4.1 – 4.24). К ним относятся такие СЗ, как 'направить действие в разные стороны, распространить, разъединить с помощью действия,

н. м. г.': *разбросать*; '...вниз': *низвести, ниспасть*; '...вниз, подо что-либо': *подлезть, подослать*; '...вокруг чего-н., на все стороны чего-н.': *обежать, окутать*; '...из одного места в другое через предмет или пространство': *перевезти, перекочевать*; '...мимо чего-либо': *проехать мимо*; '...мимо предмета, находящегося на пути движения': *обежать, обойти*; '...на поверхность чего-н.': *накатить, набрести* и т. п. В основе классификации движения и перемещения на обоих уровнях языка лежат одни и те же признаки.

Отличие заключается в том, что на деривационном уровне движение и его результат — помещение — не всегда разведены, обычно они представлены в комплексе и сосуществуют в одном СЗ: 'поместить/ся/, переместить/ся/ за что-н., в какое-н. место, иногда отдаленное, с помощью действия, н. м. г.': *забросить*; 'поместить/ся/, проникнуть во что-н., внутрь чего-н. с помощью действия, н. м. г.': *вкатыть, влететь*; 'приблизить/ся/, присоединить/ся/ к чему-н. С помощью действия, н. м. г.': *подойти, подвести* и т. п. Почти все такие СЗ толкуются через два глагола, первый из которых — глагол со значением движения или перемещения, второй — глагол помещения, удаления или покрытия. Поэтому группа СЗ со значением чистого перемещения может быть выделена с определенной долей условности.

Кроме того, СЗ не дифференцируют способа помещения объекта куда-либо — это любое действие, названное мотивирующим глаголом (на лексико-семантическом уровне существуют самостоятельные ЛСГ помещения объекта в результате перемещения и помещения объекта в результате конкретной физической деятельности: *внести, вбросить — ввинтить, вдавить*), — и не отражают таких категориально-лексических значений подполя помещения, как включение объекта куда-либо, поглощение, одевание, скрывание объекта.

Достаточно полно СЗ отражают такие ситуации, связанные с подполем помещения, как собственно помещение объекта или субъекта куда-либо (примеры см. выше), покрытие, в том числе круговое ('окружить или покрыть со всех сторон тем, что названо мотивирующим существительным (далее — н. м. с.): *опушить, обдернить*), закрытие ('покрыть/ся/, закрыть/ся/ чем-либо с помощью дей-

ствия, н. м. г.': *закапать*) и открытие ('раскрыть, разъединить, измельчить, превратив в то или сделав похожим на то, что н. м. с.': *распылить*).

В целом СЗ отражают ситуацию помещения следующим образом (см. табл. 1).

Таблица 1

Отражение ситуации помещения
словообразовательными значениями русского глагола

Причина / способ помещения	Следствие 1 – основное, выраженное главным глаголом в дефиниции СЗ	Следствие 2, возникшее в результате помещения объектов или субъектов куда-либо
Совершить действие, н. м. г. В том числе движение субъекта, перемещение объекта, конкретное физическое воздействие на объект (<i>прибить</i>) < * * * >	Помещение, в том числе покрытие + <i>чем</i> < * * * >, и удаление	Физическое воздействие на объект, в том числе соединение объектов или их разделение

Примечание. 1. При составлении схемы использованы формулировки словообразовательных значений, приведенные в Приложении.

2. Знак <***> указывает на «открытость», нежесткую заданность какого-либо компонента ситуации.

Ситуация помещения на уровне СЗ представлена достаточно расчлененно – она, как минимум, четырехкомпонентна (мы не учитывали здесь и в дальнейшем – в параграфах 8.1.2. – 8.1.4 – таких участников ситуации, как производитель действия, орудие действия и т. п., поскольку они не представлены эксплицитно в формулировке СЗ):

- 1) действие помещения / удаления объекта (графа 2 табл. 1);
- 2) его причина или способ совершения (графа 1);
- 3) следствие подобного расположения, помещения объектов (графа 3);
- 4) объект, который помещают куда-либо (графа 2).

Основное действие – ядро ситуации – очерчено жестко, определено: это ситуация любого помещения или уда-

ления. Способ помещения представляет собой открытый список, в котором на уровне СЗ конкретизированы только два действия: движение субъекта и перемещение объекта, на уровне конкретных дериватов — еще один: физическое воздействие на объект (*прибить, прикрепить, приклеить*). Это позволяет СЗ связать ситуацию помещения / удаления с самыми разными ситуациями (ср.: *придвинуть, приплести, прибить, пришить, принести, приклеить, привязать* и т. п.), что в целом делает периферию данного деривационно-семантического поля достаточно неопределенной, размытой.

Возможность конкретизации объектного компонента ситуации помещения деривационными средствами (например, в глаголах *обдернить, опушить искрестить* объект представлен мотиватором: *дерн, пух, крест*) значительно расширяет возможности отражения денотативного пространства «помещение» на уровне словообразования. Этому же способствуют и используемые для отражения этой ситуации словообразовательные значения разных типов. Если отглагольные СЗ обычно фиксируют помещение субъекта или объекта куда-либо и способ достижения этого, представляя первую ситуацию как доминирующую, а вторую — как рецессивную, фоновую, то отыменные глагольные СЗ особо выделяют ситуацию покрытия и конкретизируемый мотиватором объект — то, чем что-либо покрывают: *пух (опушить), дерн (обдернить)* и т. п.

Подполе конкретного физического воздействия на объект. Значения, отражающие действия, которые относятся к этому подполю, представлены в ДСП русского глагола в значительно меньшем объеме, чем на уровне лексики (см. в приложении пункты 5.1 — 5.30). ЛСГ обработки, повреждения одушевленного и неодушевленного объектов, избавления, разрушения и лишения жизни соответствуют словообразовательные значения, фиксирующие общее отрицательное воздействие на объект, вплоть до его уничтожения, но не отражающие указанные выше особенности этой ситуации. Это СЗ типа ‘лишить свойств, признаков того, заставить перестать быть тем, кто (что) назван мотивирующим существительным’: *раскулачить*; ‘лишить того, что н. м. с.’: *обезжирить, разоружить*; ‘лишить того при-

знака, который н. м. п.': *рассекретить*; 'уничтожить, израсходовать что-н. с помощью действия, н. м. г.': *уплести все нитки*; 'уничтожить/ся/, израсходовать/ся/, повредить/ся/ в результате действия, н. м. г.': *скормить, сглодать*; 'уничтожить/ся/, израсходовать/ся/, употребить на что-н. посредством действия, н. м. г.': *извязать*. К ним же примыкают СЗ, фиксирующие причинение ущерба кому-либо: 'причинить ущерб кому-н. (иногда — обмануть кого-н.) с помощью действия, н. м. г.': *обсчитать*; 'причинить себе ущерб, иногда выявить то, что нежелательно выявлять, с помощью действия, н. м. г.': *рассчитаться* — и доведение кого-либо до нежелательного состояния: 'довести до нежелательного состояния (крайней усталости, бессилия, истощенности) с помощью действия, н. м. г.': *укачать*; 'довести до нежелательного состояния с помощью действия, н. м. г.': *долечить до чего-либо* и т. п.

Подполе физического воздействия представлено также СЗ, отражающими ситуации:

— соединения / присоединения объектов ('доставить из разных мест в одно, соединить с помощью действия, н. м. г.': *сгрести*; 'приблизить, присоединить к чему-н. с помощью действия, н. м. г.': *подвести*; 'соединить в группы, состоящие из стольких единиц, сколько н. м. с.': *сдвоить*; 'соединить, собрать вместе что-н., образовав, создав то, что н. м. с.': *скупить*);

— разделения / отделения объектов ('направить в разные стороны, распространить, разъединить с помощью действия, н. м. г.': *разбросать*; 'отделить то или посредством того, что н. м. с.': отщепить'отделить щепку', *отграничить* 'отделить границей'; 'раскрыть, разъединить, измельчить, превратив в то или сделав похожим на то, что н. м. с.': *распылить*);

— пропитывания чем-либо ('наделить / пропитать, напитать / тем, что н. м. с.': *прожирить*);

— очищения ('очистить что-н., удалить все остатки с помощью действия, н. м. г.': *подклевать*);

— прикосновения ('направить действие, н. м. г., на поверхность чего-н.; поместиться на чем-н., натолкнуться на что-н.': *накатить, набрести*).

В целом в ситуации физического воздействия на объект деривационные значения фиксируют три основных компонента (табл. 2):

1) качественно специфическое воздействие на объект, которое достаточно подробно конкретизируется отглагольными и особенно отыменными СЗ (графа 2 табл.2);

2) способ физического воздействия на объект 1 — действие, н. м. г.;

3) объект 2 (то, чем пропитывают объект1, то, чего его лишают), позволяющий детализировать такие ситуации, как пропитывание объекта и лишение его чего-либо.

Таблица 2

Отражение ситуации физического воздействия на объект словообразовательными значениями русского глагола

Способ, которым осуществляется физическое воздействие на объект	Основное следствие	Объект
Совершить действие, н. м. г. <* * *>	Физическое воздействие на объект, в том числе прикосновение к объекту, его очищение, отрицательное воздействие на объект, пропитывание объекта, соединение объектов, их присоединение к чему-л., разделение и отделение объектов, лишение объекта чего-л.	Пропитывание <i>тем, что н. м. с.</i> Лишение объекта <i>того, что н. м. с.</i> <* * *>

Таким образом, СЗ однозначно и расчлененно фиксируют ядро ситуации физического воздействия на объект, составляя совершенно неконкретизированными, «открытыми» состав действий, с помощью которых может быть осуществлено это воздействие (графа 1 табл.2), и набор предметных средств, которыми субъект воздействует на объект 1 (*промаслить, прожирить, проспиртовать* и т. п.).

Подполя созидательной, интеллектуальной, речевой и социальной деятельности представлены в ДСП русского глагола единичными СЗ, подполе физиологической деятельности отсутствует полностью.

Подполе созидательной деятельности (см. в приложении пункты 6.1—6.5) представлено СЗ ‘создавать то, что н. м. с.’ (*роить, копнить*), ‘накопить/ся/ в определенном количестве с помощью действия, н. м. г.’ (*натаскать, наехать*) и СЗ ‘воссоздать утраченный ранее результат еще раз’ (*воссоздать, реконструировать*). Причем СЗ не дифференцируют то, какой труд — интеллектуальный или физический (этот признак отражен на уровне лексики) — обуславливает создание объекта, а также то, заготавливается впрок пища или другие необходимые предметы.

В целом СЗ фиксируют в ситуации созидания три ее основных компонента: способ созидания (действие, н. м. г.), качественно специфический тип созидания (табл. 3), который конкретизирован отглагольными СЗ как накопление объектов или восстановление утраченного ранее результата (*демобиловать*), отыменными СЗ — как придание определенной формы результату созидания (*роить, копнить, скучить*), и результаты созидания.

Таблица 3

Отражение ситуации созидания словообразовательными значениями русского глагола

Способ созидания объекта	Следствие	Результат
Совершать действие, н. м. г. <* * *>	Создать, в том числе накопить, восстановить утраченный ранее результат	То, что н. м. с. <* * *>

Словообразовательные значения отражают также некоторую ретроспективную или проспективную ориентированность ситуации созидания: ее соотношенность с предшествующими действиями (восстановить утраченный результат = совершение действия 1 с определенным результатом + совершение действия 2, уничтожившего результат

действия 1 + совершение действия 3, восстановившего результат действия 1) или последующим состоянием (совершить действие, н. м. г., заблаговременно, впрок = совершить действие по созданию какого-либо объекта до возникновения ситуации нужды в нем, его нехватки).

Подполе интеллектуальной деятельности (см. в приложении пункты 7.1–7.3) фиксирует только две ситуации из 11 – ситуации восприятия и понимания ('воспринять или объяснить что-н. во всех подробностях' (*разглядеть*); 'обратить действие-восприятие, н. м. г., к объекту восприятия' (*прислушаться*); ситуации мышления, сравнения, выбора, решения, воображения, определения, признания и проверки не имеют деривационных манифестантов.

В целом ситуация восприятия отражается словообразовательными значениями только в аспекте ее целенаправленности (*обратить восприятие к...*) или интенсивности (*рассмотреть во всех подробностях*). Таким образом, эта ситуация – в отличие от рассмотренных выше – представлена на деривационно-семантическом уровне жестко и определенно, со строго очерченными границами.

Подполе социальной деятельности. В ДСП русского глагола есть несколько словообразовательных значений, которые передают ситуации социальной деятельности (см. в приложении пункты 9.1.–9.6.). Это СЗ, отражающие ситуацию использования: ('израсходовать, истратить, утратить что-н. с помощью действия, н. м. г.': *проездить* 'израсходовать на поездку') и поведения или профессиональной деятельности. Две последние ситуации представлены одним СЗ, которое передает их суть недифференцированно: 'вести себя так, как характерно для места, н. м. с.': *базарить*; 'вести себя, проявляя признаки, н. м. п. /с.': *дичиться, владычествовать, царствовать*.

Ситуация социальной деятельности представлена на словообразовательном уровне двумя типами моделей (см. табл. 4 и 5), соотносимых с СЗ разных типов: отглагольными или отыменными.

Отглагольные СЗ отражают ситуацию использования

объекта, структура которой двучленна: само использование объекта и способ его использования, н. м. г. (*исписать, истратить, искурить* в процессе писания, траты, курения). Отыменные СЗ фиксируют ситуацию поведения, вычленяя в ней два компонента: основной элемент ситуации (он один и тот же — поведение /*вести себя*/) и варьирующийся — причину поведения, которая конкретизируется как наличие у субъекта определенных качеств, обуславливающих его поведение (*дичиться, важничать*), или как требования, налагаемые местом, где оказался субъект (*базарить*).

Таблица 4

Отражение ситуации использования
словообразовательными значениями русского глагола

Способ использования	Основная ситуация
Совершение действия, н. м. г. <* * *>	Израсходовать

Таблица 5

Отражение ситуации поведения
словообразовательными значениями русского глагола

Причина	Основная ситуация (следствие)
Место, которое заставляет вести себя как-либо <* * *> Наличие у субъекта свойств, н. м. п. и обуславливающих определенное поведение <* * *>	Вести себя

Подполя речевой деятельности и звучания (см. в приложении пункты 8.1, 8.2, 11.1) представлены словообразовательными значениями ‘издавать звуки, названные мотивирующим междометием, звукоподражанием или местоимением’: *ойкать, ахать, выкать, квакать, кукарекать*.

Эти СЗ выделяют в ситуациях речевой деятельности и звучания два или три компонента.

Во-первых, СЗ имплицитно характеризуют субъекта, издающего звуки: междометиями (*ойкать, ахать*) и место-

имениями (*тыкать, выкать*) пользуется только человек, издавать звуки, подражая кому-либо, может не только человек, но и любое живое существо.

Во-вторых, СЗ отражают содержание деятельности субъекта: характер издаваемых звуков конкретизируется с помощью неглагольных мотиваторов — междометий, звукоподражаний, местоимений.

В-третьих, СЗ имплицитно фиксирует эмоциональное или физическое состояние субъекта, производящего звуки, его отношение к собеседнику или объекту, явившемуся причиной речи. Так, местоимения *ты* или *вы* (а значит, и глаголы *тыкать* и *выкать*) отражают ролевые, субординационные отношения собеседников, междометия — их чувства (*ойкать, ахать*). В целом ситуация речевой деятельности и звучания табличатически может быть представлена следующим образом:

Таблица 6

Отражение ситуации речевой деятельности и звучания словообразовательными значениями русского глагола

Причина речевой деятельности (имплицитна)	Субъект (имплицитен)	Ситуация речевой деятельности и звучания
Отношение говорящих друг к другу или к объекту речи, субординационные отношения говорящих	Человек, живое существо	Издавать звуки, названные мотивирующим мест., межд, звукоподр. <* * *>

Следует отметить, что словообразование фиксирует две потенциальные ситуации, связанные со звучанием и речью: издавание звуков, порождение речи (*выкать, ойкать*) и ее восприятие (см. в приложении подполе интеллектуальной деятельности). Но если первое действие воплотилось в нескольких СЗ, то второе входит в качестве одной из составляющих в СЗ ‘воспринять что-либо во всех подробностях с помощью действия, н. м. г.’ (возможно не только слуховое, но и иные виды восприятия: *распознать, рассмотреть* и т. п.).

Анализ особенностей отражения ситуаций поля «Действие» словообразовательными значениями показал, что:

— последние обязательно фиксируют два-три основных компонента ситуации (обычно это суть ситуации, ее причина и объект или результат). Максимально расчлененно представлена ситуация помещения, минимально расчлененно — ситуация восприятия;

— СЗ, отражающие ситуации действия, обычно имеют нежестко очерченное ядро, которое окружено ореолом семантически однотипных, но денотативно различных действий (об этом свидетельствует отсылка к предикатам целого лексико-семантического подполя: физического воздействия на объект, помещения, созидательной деятельности и т. п.). Четкое ядро имеют СЗ, отражающие социальную и речевую деятельность, то есть ситуации расходования объекта, поведения субъекта и издавания им звуков;

— почти все СЗ, кроме тех, что отражают ситуацию интеллектуальной деятельности, фиксируют связь микроситуаций. Наиболее часто СЗ фиксируют причинно-следственные отношения между ситуациями либо отношения состояния и способа его достижения;

— причина совершения какого-либо действия обычно называется эксплицитно: это действие, названное мотивирующим глаголом; особенности места или свойства, названное мотивирующим существительным / прилагательным и т. п. Причина представляет собой открытый ряд действий, ограниченный потенциальными мотиваторами словообразовательного типа с данным СЗ.

8.1.3. Отражение ситуаций лексико-семантического поля «Бытие. Состояние» словообразовательными значениями русского глагола

Поле «Бытие. Состояние» представлено 6 подполями — подполем бытия и подполями качественного, социального, эмоционального, физиологического, функционального состояний.

Семантика бытия и состояния зафиксирована системой глагольных деривационных значений достаточно полно, но обобщенно.

Подполе бытия представлено на словообразовательном уровне 10 СЗ, которые отражают ситуацию бытия в течение определенного времени и фазы бытия: начало бытия или уничтожение / исчезновение чего-либо (см. в приложении пункты 12.1 – 12.10).

Ситуации начала / прекращения существования субъекта (*исписаться*) или объекта (*копнить, исписать*) представлены на уровне СЗ как двухкомпонентные (см. табл. 7): обязательно фиксируются суть ситуации и причина ее возникновения.

Таблица 7

Отражение ситуации бытия
словообразовательными значениями русского глагола
А. Некаузативное действие

Причина	Основная ситуация
Действие, н. м. г., в том числе использовать / ся / <* * *>	Перестать существовать (<i>исписаться</i>)

Б. Каузативное действие

Причина – способ	Основная ситуация
Созидательная деятельность активного субъекта	Начало существования объекта в определенной форме, н. м. г. (<i>роить, копнить</i>) <* * *>

В. Каузативное действие

Орудие – причина	Основная ситуация
Субъект совершает действие с помощью орудия, н. м. с. <* * *>	Прекращение существования субъекта (<i>газировать</i>)

При этом явно противопоставлены ситуации начала и конца существования.

Во-первых, если СЗ отражают конечную фазу бытия, то обязательно фиксируется сам факт прекращения существования и причина (действие, названное мотивирующим глаголом) или средство, с помощью которого это происходит; если СЗ отражают начальную фазу бытия – то фиксируется факт возникновения чего-либо и причина этого. Компонент орудийности в этом случае исключен. Действия,

вызывающие начало или конец существования, также разные. Основной причиной прекращения существования объекта является использование объекта в процессе осуществления действия, названное мотивирующим глаголом (*исписать, извязать, износить* и т. п.), а причиной возникновения факта бытия — создание объекта (созидательная деятельность: *копировать, копнить, роить*).

Во-вторых, конечная фаза существования определена однозначно, причины уничтожения объекта или субъекта представляют собой открытый ряд ситуаций — это любые действия, названные мотивирующим глаголом; начальная же фаза бытия и ее причины охарактеризованы иначе: причина строго определена — это созидательная деятельность субъекта, начало же существования охарактеризовано по форме создаваемого объекта (*рой — роить, копна — копнить*) и является открытым рядом действий.

Ситуация бытия представлена также деривационными значениями бытия в пространстве или во времени — это СЗ типа 'прожить, провести определенный период времени, н. м. с.' (*зимовать, сумерничать*). Структура этой ситуации однокомпонентна: существование всегда происходит в определенном пространственно-временном континууме, поэтому время — это аспект модификации ситуации бытия.

Таким образом, на словообразовательном уровне языка бытие представлено в аспекте фаз (*исписать*) и форм его протекания (*копнить*), а также причин, обуславливающих именно такой его характер.

Подполе состояния представлено в ДСП русского глагола (см. в приложении пункты 13.1—13. 56) почти так же — на уровне репрезентации абстрактного состояния, качества вообще. Словообразовательная система языка не проводит различия между эмоциональным, психическим, физиологическим и иными состояниями. Она также не фиксирует релевантных для лексики различий между внешними, внутренними, социальными, цветовыми, физическими и иными качествами объектов или субъектов.

Глагольные деривационные СЗ передают фазы проявления, становления и каузации состояния вообще с указанием его желательности / нежелательности, приятности /

неприятности для субъекта: ‘прийти в состояние удовлетворения, пресыщения действием в результате его длительного или интенсивного совершения’ (СЗ сативного СГД): *насмотреться*; ‘прийти в нормальное состояние с помощью действия, н. м. г.’: *отлежаться, проспать*; ‘прийти в отрицательно оцениваемое состояние, совершив действие чрезмерно интенсивно, длительно или многократно’: *опить, объесться, доработаться, изолгаться, убежаться*.

Отдельно, на уровне двух СЗ, представлено функциональное состояние: ‘покрыть/ся /, закрыть/ся/ чем-либо с помощью действия, н. м. г.’: *закапать*; ‘покрыть/ся/ чем-н. сплошь, полностью с помощью действия, н. м. г.’: *укутаться*.

Изменение состояния субъекта или объекта фиксируют также СЗ наделения объекта признаком или лишения его. Причем эта ситуация по-разному представлена в лексико-семантической и деривационной подсистемах языка: лексика фиксирует качественную специфику изменяемого признака, а словообразование дает подробную его квантификацию, см., например, СЗ типа ‘наделить признаком в незначительной степени’ (*подновить*), ‘...чрезмерно’ (*истончить*), ‘...в большей степени, чем раньше’ (*утяжелить*) и т. п.

Словообразовательные значения отражают три компонента ситуации становления или утраты состояния субъектом: субъект совершает какое-либо действие — это изменяет его свойства — субъект прекращает или начинает пребывать в каком-либо состоянии (табл. 8).

При этом ситуации начальной и конечной фаз состояния СЗ отражаются словообразовательными значениями неодинаково.

Таблица 8

Отражение ситуации прекращения или начала пребывания субъекта в каком-либо состоянии словообразовательными значениями русского глагола

Причина	Следствие 1	Следствие 2 — основная ситуация
Совершение субъектом действий, н. м. г., каким-либо образом <* * *>	Изменение свойств субъекта	Начало / прекращение пребывания субъекта в каком-либо состоянии

Во-первых, им свойственна разная частота фиксации: начальная фаза состояния отражена в 25 СЗ, в то время как конечная — только в двух.

Во-вторых, эти ситуации структурированы в разной степени. Ситуация утраты субъектом прежнего состояния, отражаемая, например, глаголами типа *выспаться*, всегда трехчленна: длительное совершение действия, названного мотивирующим глаголом (причина изменения состояния: *спать долго*), приводит к изменению свойств субъекта (первое фоновое следствие: *выспаться*) и прекращению пребывания в каком-либо состоянии (основное следствие — ядро ситуации: *перестать спать*).

Ситуация начала пребывания субъекта в каком-либо состоянии может быть как двух- (совершить действие, н. м. г. как-либо — начать пребывать в каком-либо состоянии), так и трехчленной (совершить действие, н. м. г., как-либо — прийти в себя / обрести какие-либо свойства, привычки, навыки / освоить, усвоить что-либо / измениться количественно — прийти в новое состояние). При этом второй и третий компоненты ситуации практически сливаются: обретение кем-либо новых свойств, освоение чего-либо и означает переход в новое состояние.

При двухкомпонентной модели отражения ситуации начала пребывания в новом состоянии (*убегаться, проспать*) в качестве причины этого выступает действие, названное мотивирующим глаголом и совершаемое длительное время, интенсивно или многократно (*бегать, спать* и т. п.). При трехкомпонентной модели отражения ситуации становления нового состояния (*сыграть, сработать*) причина представлена более детально: это совершение действия, названного мотивирующим глаголом (*играть, работать*), которое приводит к изменению свойств субъекта (появлению навыков, привычек, способностей и т. п.).

Ситуация пребывания субъекта в каком-либо состоянии отражается двумя СЗ: 'вести себя, проявляя свойства, н. м. п.': *дичиться*; «виднеться таким, как указано м. п.»: *сереть, розоветь*. Как правило, эта ситуация двухкомпонентна (табл. 9):

1) субъект обладает свойствами, названными мотивиру-

ющим существительным или прилагательным, которые предопределяют особенности поведения или состояния субъекта;

2) субъект ведет себя каким-либо образом либо его состояние воспринимается и «расшифровывается» сторонним наблюдателем.

Следует отметить, что словообразование фиксирует при этом две основные ситуации, потенциально связанные с тем, что кто-то (что-то) обладает какими-либо свойствами: это и проявление субъектом свойств, и их восприятие кем-либо.

Таблица 9

Отражение ситуации пребывания субъекта в каком-либо состоянии словообразовательными значениями русского глагола

Причина пребывания субъекта в каком-либо состоянии	Основная ситуация
Обладать признаками, н. м. прил. <* * *>	Вести себя в соответствии с названными признаками либо Быть воспринятым по указанным признакам

Ситуации каузации изменения состояния объекта отражены на словообразовательном уровне несколько иначе (табл. 10). Общим является то, что старое состояние фиксируется значительно реже нового, поскольку новое состояние прагматически более значимо для человека, чем старое.

Таблица 10

Отражение ситуации приведения субъекта в какое-либо состояние словообразовательными значениями русского глагола

Причина нового состояния объекта	Основная ситуация
Субъект совершает действия, н. м. г., над объектом <* * *>	Возникновение у объекта нового состояния, названного мотивирующим существительным / прилагательным, иного состояния, повреждения объекта, изменения его размеров <* * *>

Появление нового состояния у объекта всегда обусловлено одной причиной — совершением активным субъектом действий, названных мотивирующим глаголом, над объектом; при этом фиксируются самые разные особенности возникающего состояния: его соотношение с предыдущим состоянием (прийти в иное состояние), степень его желательности для субъекта (нежелательное: *отлежать, задержгать*), степень повреждения объекта (частичное / значительное нанесение ущерба), изменение его размеров (уменьшение / увеличение). Новое состояние может быть охарактеризовано по теряемым или приобретаемым объектом признакам, названного мотивирующим прилагательным (*лысеть, полнеть, худеть, взростать* и т. п.)

Прекращение пребывания субъекта в каком-либо состоянии (табл. 11) также двухкомпонентно, но «покидаемое» состояние прямо не называется, не всегда конкретизируется (для глагола *разломать*, например, это целостное состояние, для глагола *демобилизовать* — состояние мобилизации), а причинные его изменения ограничены действиями двух типов: действиями, названными мотивирующим глаголом, и действиями, противоположными по направленности действиям, названным мотивирующим глаголом.

Таблица 11

Отражение ситуации принудительного прекращения пребывания субъекта в каком-либо состоянии словообразовательными значениями русского глагола

Причина изменения состояния объекта	Основная ситуация
Совершение действия, н. м. г. (<i>разломать</i>) <* * *>	Исчезновение старого состояния у объекта
Совершение действия, противоположного по направленности действию, н. м. г. (<i>демобилизовать</i>) <* * *>	

В целом анализ глагольных СЗ, отражающих ситуации бытия и состояния, обнаружил, что:

1) бытие и состояние в деривационно-семантической системе русского языка представлены неравномерно: бытие единичными значениями, состояние — значительно полнее;

2) словообразование фиксирует не качественные, а фазовые и количественные модификации состояния: качественно специфические типы состояний передаются лексическими средствами — конкретными производными глаголами, созданными по деривационным моделям;

3) новое, обретаемое состояние и бытие прагматически более значимы для человека и потому отражаются значительно подробнее и тщательнее, чем те, которых объект или субъект лишаются;

4) важна и причина изменения состояния, поэтому она фиксируется во всех моделях отражения ситуации, собственных полям «Бытие. Состояние»;

5) модели отражения ситуаций бытия и состояния обычно двухаспектны (ср.: у ситуаций действия они, как правило, более сложны, трехаспектны) и обладают жестко очерченным ядром, фиксирующим суть бытия или состояния, и открытым рядом действий, являющихся причиной изменения бытия или состояния.

8.1.4. Отражение ситуаций лексико-семантического поля «Отношение» словообразовательными значениями русского глагола

Поле «Отношение» состоит из 4 подполей: подполя взаимоотношений, владения, межличностных и социальных отношений. В деривационно-семантическом пространстве русского глагола наиболее полно представлено лишь одно из них — **подполе владения** (см. в приложении пункты 15.1—15.17). Деривационная система языка фиксирует начальную и конечную фазу владения чем-либо, а также каузацию таких отношений (см. СЗ типа ‘наделить признаком’, ‘лишить того, что н. м. с.’, ‘снабдить, оборудовать тем, что н. м. с.’ и т. п.). Значения наделения чем-либо и лишения чего-либо представлены несимметрично: в ДСП явно доминируют СЗ пер-

вого типа, что, по всей видимости, обусловлено особенностями русского менталитета.

Словообразовательные значения фиксируют в ситуации начала владения субъекта чем-либо три основные компонента (табл. 12):

1) причину, способ, в результате которых субъект обретает что-либо. Это действие, н. м. г. (*воевать, играть, работать*), или действие, н. м. г. и совершаемое как-либо: длительно, интенсивно, многократно, дополнительно (*долго лежать, долго играть*);

2) начальная фаза владения чем-либо (*завоевать, выигрывать, заработать*);

3) объект, которым начинает владеть кто-либо. Это могут быть свойства (*вылежаться*), навыки, привычки (*срабататься*), изменившиеся размеры объекта (*увариться / развариться*), то, что названо мотивирующим существительным, признаки того, что названо мотивирующим существительным или прилагательным. Объект уточняется также по его количеству: в большом / небольшом количестве (*накупить — прикупить*).

Субъект владения присутствует в данной ситуации, как и обычно в словообразовании, имплицитно.

Таблица 12

Отражение ситуации начала обладания субъекта чем-либо словообразовательными значениями русского глагола

Причина, способ совершения действия	Основная ситуация	Объект владения
Совершение действия, н. м. г., или совершение действия, н. м. г., как-либо <* * *>	Субъект начинает владеть чем-либо	Свойства / навыки / размеры / привычки / способность / то, что н. м. с., признаки того, что н. м. с. В большом / небольшом количестве <* * *>

Аналогичное строение имеет ситуация каузации начала обладания чем-либо. Она включает в себя:

1) действие активного субъекта, направленное на объект и являющееся причиной того, что объект 1 начинает владеть чем-либо (например, действия по передаче финансов объекту 1);

2) начало обладания объектом 1 чем-либо (объект 2: *финансировать*)

3) объект 2 — то, чем наделяется объект 1: признак или то, что н. м. с. (*финансы*).

Ситуации каузативного и некаузативного начала владения чем-либо похожи тем, что в них на словообразовательном уровне фиксируются жестко очерченное ядро ситуации — начало владения — и открытый список явлений объективного мира, которые могут быть объектом владения. Причины же возникновения этой фазы при каузативном и некаузативном действии разные: в первом случае это никак не конкретизируемые активные действия субъекта, совершаемые им над объектом (например, в СЗ, свойственном глаголу *финансировать*, не конкретизируется, что делал субъект для того, чтобы объект начал владеть финансами), во втором случае — это действие, названное мотивирующим глаголом (*купить — накупить*).

Ситуацию конечной фазы обладания чем-либо словообразовательные значения отражают иначе. СЗ фиксируют (табл. 13 и 14):

1) совершение активным субъектом некаузативного действия, которое н. м. г. (*писать*), или каузативного действия над объектом, но никак при этом не конкретизированного (например, чтобы *обезжирить*, надо совершить какие-то действия по удалению жира, но какие именно — не уточняется);

2) промежуточное фоновое следствие — использование объекта в процессе совершения некаузативного действия, н. м. г. (*писать — исписать*), или отделение / уничтожение того, что н. м. с., при каузативном действии (*удалить жир*);

3) основное следствие — конечную фазу владения чем-либо (*исписать* = утратить в результате письма чернила и т. п.; *обезжирить* = лишить объект жира).

При этом каузативное действие обладает четвертым компонентом — объектом — тем, чего лишается кто-, что-либо в результате активных действий первого субъекта-каузатора: это что-л., в том числе качество, названное мотивирующим существительным или прилагательным (*пятно — пятнать, шелуха — шелушить*): объект приобретает свойства / навыки / размеры / привычки / способность (*притерпеться, сыгратья*) / то, что н. м. с. / признаки того, что н. м. с / п. (*финансировать, бельчить, рассекретить, сиротеть*).

Таблица 13

Отражение ситуации некаузативного прекращения обладания субъекта чем-либо (субъект перестает владеть чем-либо) словообразовательными значениями русского глагола

Причина	Следствие 1	Основная ситуация
Совершение действия, н. м. г. <* * *>	Использование объекта в процессе действия, н. м. г. <* * *>	Перестать владеть объектом

Таблица 14

Отражение ситуации каузации прекращения обладания чем-либо (субъект перестает владеть чем-либо под влиянием другого субъекта) словообразовательными значениями русского глагола

Причина	Следствие 1	Объект	Следствие 2
Субъект совершает неконкретизированные действия над объектом 1	Объект 2 отделяется от объекта 1	То, что н. м. с.; качество, н. м. с. <* * *>	Объект 1 перестает владеть объектом 2

Таким образом, при отражении ситуации прекращения обладания чем-либо словообразование обязательно фиксирует способ достижения этого: использование объекта, его отделение от чего-либо или уничтожение — в то время

как при отражении ситуации начала владения чем-либо этот компонент отсутствует, но конкретизируется объект, которым начинают владеть.

Подполе межличностных и социальных отношений, а также подполе взаимоотношения представлены единичными, но достаточно продуктивными СЗ, фиксирующими поведение и проявление отношения кого-либо к кому- / чему-либо (*дичиться*) (табл. 15), каузацию какого-либо отношения к себе (*подольститься*) (табл. 16), совместную деятельность, сосуществование субъектов (*сработаться, содействовать, сосуществовать*), победу одного из взаимодействующих субъектов (*переспорить*) (табл. 17),

Более частотное значение обеспечения объекта тем, что названо мотивирующим существительным: *электрифицировать, подрессорить* и т. п. Таких СЗ три: ‘наделить (оборудовать, засадить) тем, что н. м. с.’: *обсеменить*; ‘оборудовать или снабдить тем, что н. м. с.’: *радиофицировать*; ‘оборудовать в нижней части тем или поднять снизу с помощью того, что н. м. с.’: *подрессорить* (табл. 18).

Структура ситуаций, отражаемых этими СЗ, представлена в табл. 15–18.

Таблица 15

Отражение ситуации поведения словообразовательными значениями русского глагола

А

Причина	Следствие 1	Основная ситуация
Субъект обладает качествами, н. м. п. <* * * >	Эти качества обуславливают отношение субъекта к чему-либо	Субъект ведет себя определенным образом (<i>дичиться</i>)

В

Причина	Следствие 1	Основная ситуация
Несколько субъектов совершают действие, н. м. г., в течение определенного времени <* * * >	Субъекты обретают такие поведенческие качества, как взаимопонимание, согласованность действий	Субъекты начинают вести себя в соответствии с этими качествами (<i>сыгратся</i>)

Таблица 16

Отражение ситуации каузативного поведения объекта словообразовательными значениями русского глагола

Причина	Основная ситуация
Субъект совершает действия над объектом	У объекта возникают чувства, поведенческие стереотипы, н. м. с. (<i>приохотить</i>) <* * *>

Таблица 17

Отражение ситуации победы словообразовательными значениями русского глагола

Способ совершения действия	Основная ситуация
Несколько субъектов проявляют признак, н. м. с., в разной степени <* * *>	Тот, кто проявляет его сильнее, оценивается как победитель (<i>пересилить</i>)

Таблица 18

Отражение ситуации обеспечения словообразовательными значениями русского глагола

Причина	Основной компонент-следствие	Объект
Субъект совершает действия над объектом В том числе над его нижней частью	Объект начинает обладать чем-либо	То, что н. м. с. (<i>радиофицировать, подрессорить</i>) <***>

Подполю взаимоотношения, как показывает анализ СЗ, что на словообразовательном уровне соответствует две ситуации. Обе предполагают одновременное совершение действий двумя или более субъектами. В первом случае это действия, названные мотивирующим глаголом. и равноправные (*сосуществовать*), во втором случае — действия одного субъекта не названы, но осмысляются как основные и независимые, а действия второго субъекта названы мотивирующим глаголом, но «зависимы» от второго действия — сопровождают его (*подпевать*) (см. табл. 19).

Отражение ситуации взаимоотношений субъектов словообразовательными значениями русского глагола

А

Характер действий субъекта 1 Субъект 1 совершает действия, н. м. г. <* * *>	Характер действий субъекта 2 Субъект 2 совершает в это же время действия, н. м. г. <* * *>
---	---

В

Характер действий субъекта 1 Субъект 1 совершает основные неконкретизированные дей- ствия	Характер действий субъекта 2 Субъект 2 совершает в это же время неосновные действия, н. м. г. <* * *>
--	--

Действия субъектов в обеих ситуациях, отражающих взаимоотношения, не связаны отношениями обусловленности: действия и их производители сосуществуют во времени как равноправные.

Ситуации, соответствующие межличностным и социальным отношениям и отражаемые СЗ, имеют более традиционную структуру. Они включают в себя обусловливающую и обусловленную ситуации. При некаузативном действии (ситуация поведения: *дичиться*) обычно однозначно названа суть ситуации (вести себя), причина же ее представляет собой открытый список — свойства субъекта, названные мотивирующим прилагательным (*быть диким — дичиться*); при каузативном действии (ситуации обеспечения и каузации поведения определенного типа: *радиофицировать, приохотить*) могут быть неопределенными обе части (ситуация каузации поведения: субъект совершает какие-то действия над объектом — объект обретает некоторые свойства и начинает вести себя в соответствии с ними) или одна (ситуация обеспечения: указывается, что обретается, но не фиксируется как, каким способом).

Не получили выражения на словообразовательном уровне языка такие ситуации отношения, как принуждение, влияние, убеждение, подчинение, защита, помощь, управление, запрет и разрешение. Представленность значения

принуждения на словообразовательном уровне языка требует некоторых замечаний. Эта семантика свойственна всем глаголам, обозначающим каузативные действия ('лишить объект признаков', 'совершить действие над объектом' и т. п.), но представлена лишь в имплицитном виде, что не позволило выделить ее как собственно деривационную. Лишь одно СЗ ('отказаться или заставить отказаться от совершения какого-либо действия': *отговорить*) прямо фиксирует семы воздействия на кого-либо, приводящего к отказу от каких-либо действий, но в чем суть этого воздействия — влияние это, принуждение либо убеждение — определить невозможно.

Анализ особенностей отражения словообразовательными значениями ситуаций поля «Отношение» показал, что:

1) наиболее часто словообразование фиксирует отношения владения;

2) для ситуаций отношения характерна фиксация жесткого, но неструктурированного ядра и открытого ряда причин, «устанавливающих» отношения определенного рода. Ситуации отношения обычно двухаспектны;

3) для отражения ситуации отношения словообразованием выработана особая модель, фиксирующая промежуточное следствие, наличие которого и приводит к возникновению ситуации отношения («причина — следствие 1 — основная ситуация»).

В целом анализ моделей отражения ситуаций разных типов обнаружил следующее.

Во-первых, универсальной, способной отражать и действие, и состояние, и отношения, является модель: «причина — следствие (ядро ситуации)». Близки ей модели «причина — следствие 1 (ядро ситуации) — следствие 2» и «причина — основная ситуация — объект», способные передавать как ситуацию конкретного действия, так и ситуацию отношений разного рода.

К специфическим моделям, способным отражать только ситуацию действия, относится модель «причина / способ совершения действия, н. м. г., — следствие (ядро ситуации) — объект», что обусловлено тем, что данная модель соответствует каузативному действию универсальной мо-

дели «причина — следствие», обычно отражающей некаузативное действие.

Только ситуацию отношений представляет модель «действие субъекта 1 — действие субъекта 2», что связано с существованием двух принципиально различных типов отношений между субъектами: равноправные отношения, отражаются в языке названной выше моделью, а неравноправные отношения — моделью «причина — следствие».

Во-вторых, не все компоненты ситуации отражаются словообразовательными значениями одинаково активно: всегда имплицитен субъект действия; его объект обычно конкретизируется с количественной, но не качественной точки зрения, часто он назван только мотиватором — «то, что н. м. с./п. и т. п.».

Почти все словообразовательные значения отражают суть ситуации (с помощью главного предиката в своих дефинициях) и причину ее возникновения. Последняя может быть конкретизирована как действие, названное мотивирующим глаголом, действия субъекта-каузатора, «свойства субъекта, чувства субъекта, место, где совершается действие, и его свойства, особенности орудия, которым совершается действие и т. п. Таким образом, словообразование отражает прежде всего не монопропозициональную, а полипропозициональную ситуацию — ситуацию обусловленности. Именно в ее фиксации и заключается суть отражательного потенциала деривационных значений русского глагола.

8.1.5. Модели представления ситуации действия в деривационно-семантическом пространстве русского глагола

♦ **Аспекты представления ситуации действия, состояния, отношения в деривационно-семантическом пространстве русского глагола.** В предыдущем параграфе (8.1.4.) модели отражения ситуации динамического признака субстанции были охарактеризованы по самым основным и, главным образом, эксплицитно выраженным в дефиниции словообразовательного значения компонентам. В целом же ситуация действия, по нашим наблюдениям, может быть охарактеризована средствами словообразова-

ния в 15 аспектах: с точки зрения его производителя (1), прямого и косвенного объектов (2, 3), орудия (4), причины (5), цели (6), результативности / следствия (7), фазы (8), временной протяженности (9), особенностей соотносительности со временем другого действия (10), локализации (11), интенсивности (12), кратности (13), характера совершения действия (14) и отношения к действию субъекта речи (модальные семы СЗ /15/).

Семантические отношения типа «субъект-действие» и «действие-объект» должны быть отнесены, по мнению А. А. Уфимцевой (1988), к константам сознания, они являются единицами концептуальной модели мира и не могут не присутствовать в языковой картине мира.

Субъект, по мнению Г. А. Золотовой и А. В. Бондарко, — это любая субстанция, являющаяся источником приписываемого ей неpassивного предикативного признака (Бондарко, 1992: 29–70). На уровне деривационного глагольного значения субъект может быть специализирован в качественном и количественном отношениях.

Глагольные СЗ фиксируют следующие типы субъектов по их количеству.

1. Субъект действия один. Этот «вид» субъекта характерен для возвратных глаголов, в семантике которых содержится компонент ‘сам’, часто манифестируемый корнем *сам-* или постфиксом *-ся*: ‘совершить действие, субъектом которых является сам производитель действия»: *мыться* ‘мыть себя’ (собственно-возвратное СЗ); ‘...сам производитель действия как носитель определенных интересов и потребностей’: *прибраться* ‘прибрать у себя, для себя’ (косвенно-возвратный СГД) и т. п.

Признаки одиночного субъекта фиксируются также СЗ, в которых субъект охарактеризован мотиватором: ‘работать тем, кто н. м. с’.: *сапожничать, шоферить*; ‘вести себя так, как свойственно тому, кто н. м. с’.: *лодырничать, плутовать*; ‘вести себя, проявляя качества, н. м. п’.: *малодушничать, хитрить, жадничать*.

Значение одиночного производителя действия задается также по умолчанию: оно проявляется в том случае, если субъект не охарактеризован иначе.

2. Субъектов действия несколько, как минимум двое. Это взаимодействующие по очереди или одновременно производители действия: см., например, СЗ ‘совершить действие, субъектом которого являются взаимодействующие друг с другом одновременно субъекты’: *сосуществовать*; ‘...взаимодействующие друг с другом по очереди субъекты’: *перешептываться* (взаимно-возвратный СГД); ‘производить действие в ответ на аналогичное действие, совершенное ранее другим субъектом’: *отдарить*.

3. Все или многие субъекты, например: СЗ ‘совершить действие, производителем которого являются все субъекты’ (распределительно-субъектный СГД): *повставать*; ‘переместиться куда-либо в большом количестве’: *набежать*; ‘переместиться из разных мест в одно’: *сбежаться*.

Количественная специализация субъекта обычно сопровождается его качественной характеристикой. Если субъектов несколько, то словообразовательные значения фиксируют прежде всего наличие или отсутствие взаимодействия между ними, то есть значения агенса (1-й производитель действия) и коагенса (2-й, равноправный с первым, производитель действия) или контрагенса (субъект действия, который противодействует первому).

Объект действия — это «зависимая от предиката неактивная субстанция, на которую направлен или которой так или иначе касается предикативный признак» (А. В. Бондарко 1992). Словообразовательные значения конкретизируют объект действия так же, как и его субъект: в количественном или качественном отношении.

Количественная специализация объекта предполагает указание на направленность действия:

1) на часть объекта (‘совершить действие, объектом которого является небольшая часть поверхности предмета, с небольшой интенсивностью’: *запилить, надгрызть*; ‘...последняя часть предмета’: *дочитать, дописать*, ‘...объект сверху’: *надстроить*);

2) на весь объект: ‘совершить действие, объектом которого является весь объект’: *искрестить*; все стороны предмета: *обжарить, укутать*;

3) на все объекты: ‘совершить действие, объектом кото-

рого являются все объекты по очереди, в несколько приемов': *раздарить*.

Таким образом, СЗ русского глагола фиксируют партитивное, холистическое и собирательное значения объекта.

Качественная специализация объекта включает характеристику:

а) внешней формы объекта: его поверхности, верха, всех его сторон (*надпилить, обвязать* и под.);

б) его свойств. Это СЗ типа 'лишить кого-, что-либо того признака, который н. м. п.': *рассекретить*; 'наделить тем признаком, который н. м. п.': *выявить, наполнить, облагородить, облегчить* и т. п.;

в) его одушевленности / неодушевленности: в дефиниции СЗ присутствуют местоимения *кто* или *что* и их производные;

г) его специализированности / неспециализированности: с одной стороны, объекты, выраженные местоимениями *кто, что* или сочетаниями слов *то, что н. м. с. / н. м. п.*, с другой — такие объекты, как свойства, признаки, результаты действия и т. п.).

СЗ фиксируют также **орудия действия** — предметы, с помощью которых субъект производит действие и которые полностью сохраняются в ходе действия (Апресян, 1997): 'поднять снизу с помощью того, что н. м. с.': *подрессорить*; 'отделить то или посредством того, что н. м. с.': *отграничить* 'отделить границей'; 'присоединить, прикрепить к чему-н. с помощью того, что н. м. с.': *прикнопить*. «Бедность» словообразовательной семантики орудия-инструмента (СЗ, фиксирующих орудие действия всего три) компенсируется лексическим многообразием глаголов-мотиваторов и многочисленностью субстантивных орудийных СЗ, относящихся к дальней периферии ДСП русского глагола.

Существует соблазн квалифицировать действие, совершение которого приводит к какому-либо следствию, как орудие действия; например, СЗ 'добыть, получить что-либо посредством действия, н. м. г.' (*завоевать, заработать*), 'найти что-н...' (*выиграть, высидеть*), 'довести кого-либо до нежелательного состояния — крайней усталости, бесси-

лия, исчерпанности...’ (*укачать; долечить до...; отдавить*) и т. п. Этому препятствует предикативная, а не предметная природа такого инструмента и анализ логических отношений между двумя ситуациями, обозначенными полипредикативным СЗ, который обнаруживает между действиями отношения причины и следствия, частный вид отношений обусловленности.

Отношения обусловленности, отраженные в ситуациях, фиксируемых СЗ, опираются на функционально-семантическое поле (ФСП) обусловленности; последнее состоит из семантических подполей причины, условия, цели, следствия и уступки. Эти значения объединяются в одно ФСП потому, что отражают предикативные биситуативные несимметричные отношения между обусловливающей и обусловливаемой ситуациями.

Словообразовательные значения, отражающие **результативность действия**, представляют обобщенный или специальный результат действия. Последние противопоставлены друг другу как собственно результат и следствие. Современная лингвистика под результатом в широком смысле (следствием) понимает некоторое состояние, вызванное предшествующим действием; так, результатом действия, обозначенного глаголом *ехать*, может быть начало местопребывания где-либо (*приехать в Екатеринбург, подъехать к лесу, заехать домой*), удаление откуда-либо (*уехать из села, отъехать от поля*), возможность миновать, не задев, что-либо (*проехать мимо*) и подобные состояния. Результат в узком смысле — это состояние, которое является реализацией внутренней направленности действия и возникает при «нормальном» с точки зрения интенсивности и длительности совершении действия. Например, «естественный» результат перемещения любого объекта или субъекта (*ехать*) — изменение местоположения объекта или субъекта (*уехать, приехать, налить*), а не проезд мимо чего-либо (*проехать, объехать*).

Совершение действия до результата (в узком смысле) не изменяет резко денотативной ситуации, обозначенной мотиватором, лишь уточняет ее с точки зрения перфектности; совершение действия до состояния, не обусловленно-

го внутренней направленностью действия, порождает номинацию новой ситуации. Поэтому чисто результативные значения относятся к СЗ-модификаторам, а результативно-следственные — к СЗ-мутаторам.

О наличии «чистого» результата свидетельствуют такие формулировки СЗ, как ‘совершить действие’, ‘довести действие до какого-либо предела’, ‘распространить действие на N объектов / субъектов’, ‘начать / окончить / прекратить действие’; см., например, следующие СЗ: ‘совершить действие, н. м. г., слабо, слегка, бегло’: *наиграть*; ‘совершить действие, н. м. г., интенсивно’: *изъябнуть*; ‘совершить действие, н. м. г., вновь, повторно, иногда по-новому’ *реорганизовать*; ‘совершить действие, н. м. г., дополнительно’: *доплатить*; ‘совершить действие, н. м. г., однократно’: *сжульничать* и т. п.

Специально-результативные СЗ фиксируют:

а) пространственно ориентированное действие (‘направить действие как-либо’: ‘...вниз’: *низвести, ниспасть*; ‘...вокруг чего-н., на все стороны чего-н.’: *обежать, окутать* и т. п.) и следствие такого действия-помещение объекта куда-либо либо удаление его откуда-либо (‘каузировать изменение положения кого- / чего-либо в пространстве’: ‘доставить в какое-н. место, соединить с чем-н. с помощью действия, н. м. г.’: *приплести* и под);

б) качественные изменения субъекта или объекта при совершении действия: появление у одушевленного субъекта, являющегося объектом воздействия, какого-либо чувства или отношения к чему-либо (‘вызвать у кого-н. то чувство / отношение / к чему-либо, которое н. м. с.’: *приохотить, раззадорить*), привычки (‘приучить к чему-н., обучить чему-н. с помощью действия, н. м. г.’: *натаскать собаку на дичь*), доведение субъекта до нежелательного, отрицательно оцениваемого состояния (‘довести до нежелательного состояния / крайней усталости, бессилия, истощенности / с помощью действия, н. м. г.’: *укачать*; ‘довести до нежелательного состояния / повреждения, утомления / с помощью действия, н. м. г.’: *отдавить, отстоять*.); превращение объекта воздействия в то, что н. м. с. (‘превратить в то, что н. м. с.’: *заболотить*);

в) количественные изменения объекта: его увеличение или уменьшение: ‘увеличить во столько раз, сколько н. м. ч.’: *удвоить*; ‘увеличить дополнительно размеры предмета, добавить что-н. к предмету (иногда к его верхней части) с помощью действия, н. м. г.’: *надстроить*; ‘уменьшить с помощью действия, н. м. г.’: *уварить*. Анализ таких СЗ обнаруживает, что количественные изменения состояния субъекта / объекта достаточно подробно градуируются: степень изменения состояния может быть незначительной (‘наделить тем признаком, который н. м. п., в незначительной степени’: *подкоротить*), «нормативной» (‘наделить тем признаком, который н. м. п.’: *наполнить, облагородить, рояснить*), значительной (‘наделить тем признаком, который н. м. п., в большей степени’: *повысить*), очень значительной (‘наделить в избытке тем признаком, который н. м. п.’: *истончить* ‘сделать совсем тонким’) и чрезмерной (‘наделить тем признаком, который н. м. п., чрезмерно’: *перегорчить*; ‘наделить / покрыть, заполнить / тем, что н. м. с. / иногда в чрезмерно большом количестве /’: *захлать*).

СЗ фиксируют также **причины совершения действия**:

1) действия каузатора: ‘заставить отказаться от чего-либо посредством совершения действия, н. м. г.’: *отговорить*; ‘причинить ущерб кому-н. (иногда — обмануть кого-н.) с помощью действия, н. м. г.’: *обсчитать*;

2) совершение действия, н. м. г.: ‘переместить из разных мест в одно, соединить с помощью действия, н. м. г.’: *сгрести*; ‘избавиться, уклониться от кого-. чего-либо с помощью действия, н. м. г.’: *отшутиться*;

3) совершение действия, н. м. г., определенным образом: интенсивно, длительно, часто (‘довести себя до неприятных последствий путем интенсивного совершения действия, н. м. г.’: *доработаться*);

4) какие-либо свойства субъекта или объекта действия: субъект склонен или способен к какому-либо действию (*рваться / о нитках /, бодаться / о корове /*), является носителем определенных интересов, потребностей (*прибратся*) и свойств;

5) самопроизвольность действия: *самовоспламениться*.

Цель действия фиксируется словообразовательными значениями редко, при этом только отдельные ее виды: ‘совершить действие, н. м. г., во время другого действия или сразу после его окончания, приспосабливаясь к кому-н. или чему-н.’: *подпеть*; ‘... в своих интересах’: *прибираться*; ‘... в ответ на другое действие’: *отдарить*; ‘... не спеша, для отдыха или удовольствия’: *прогуляться* и т. п.

СЗ отражают также все возможные **фазы действия**: начальную (‘начать совершить действие, н. м. г.’: *закричать, вспылать*), конечную (‘перестать совершить действие, н. м. г.’: *откричать, разлюбить*) и срединную — фазу продолжения действия. Первые две фазы представлены более значительным количеством СЗ, чем срединная.

СЗ могут фиксировать начальную или конечную фазы действия, названного мотивирующим глаголом (*раскричаться — откричать*), либо фазу возникающего состояния. Так, СЗ ‘прийти в отрицательно оцениваемое состояние, совершив действие, н. м. г., чрезмерно интенсивно, длительно или многократно’: *объесться, опиться, доработаться до чего-либо* — содержит сему начала действия, которая характеризует новое, неприятное для субъекта физиологическое или психофизиологическое состояние, но не сами действия *есть, пить, работать*.

Фаза продолжения действия представлена всего двумя СЗ — ‘продолжать совершать действие / сохранять прежнее состояние, прилагая для этого усилия, несмотря на препятствия к этому’: *улежать, усидеть; выстоять, выжить*; глаголы с префиксом **вы-** имеют дополнительный семантический компонент существования препятствий в течение какого-либо времени. Малочисленность таких СЗ обусловлена тем, что срединная фаза действия (собственно фаза его существования) передается в русском языке неизменяемым глаголом без использования специальных структурных показателей (*жить, шить, писать, мыть, лить, рыть, читать* и т. п.); в особой маркированности нуждаются именно начальная и конечная фазы действия.

Отражение фаз действия СЗ опирается на функционально-семантическое поле фазовости, являющееся одной из составляющих ФСП аспектуальности (Храковский, 1987).

Темпоральная характеристика действия с помощью СЗ опирается на такие функционально-семантические поля, как поле длительности, темпоральности, таксиса и временной локализованности действия (Бондарко, 1987, 1990 и др.).

СЗ обычно отражают следующие **темпоральные характеристики ситуации действия**:

1) действие представлено как соотнесенное с моментом речи и давно прошедшее. Признаком давности характеризуются малоупотребительные, лексически ограниченные и стилистически окрашенные образования типа *говаривать, есть, езжать, живать, знаять, колачивать, нашивать, певать, писывать, сиживать, читывать* и т. п.;

2) действие представлено как соотнесенное с моментом совершения другого действия, как относительное, таксисное время: *запить, деактуализировать*;

3) действие представлено как соотнесенное с диффузной точкой отсчета: так, СЗ 'совершить действие, н. м. г., заранее, впрок' (*предрешить*) не содержит однозначного указания на то, что является точкой отсчета: момент речи или время другого действия;

4) действие представлено как независимое от какой-либо точки отсчета: 'совершить действие, н. м. г., в течение какого-либо (обычно длительного) промежутка времени' *проговорить, почитать, зачитаться*. Это значение самое распространенное; оно обнаруживается по умолчанию: если нет специальных деривационных показателей временной соотнесенности действия с другим действием или моментом речи, то действие осознается как не маркированное относительно какой-либо точки отсчета.

Первая группа СЗ фиксирует абсолютное время, соотносящее действие с моментом речи, вторая и третья — относительное (точка отсчета не совпадает с моментом речи).

При темпорально-таксисной локализации действия фиксируется зависимый и независимый таксис. Зависимый таксис передает временные отношения между действиями, одно из которых воспринимается как главное, основное, другое — как сопровождающее его. Например, в СЗ 'совершить действие в ответ на другое действие' (*отдавать*), совершить действие, н. м. г., сопровождая им дру-

гое' (*приплясывать*) основное действие выражается глаголом-мотиватором (в приведенных выше примерах это действия *дарить*, *плясать*), а фоновое — деривационным аффиксом (приставкой *от-* и конфиксом *при-...-ива-*).

Независимый таксис представлен в тех полипредикативных СЗ, действия которых выступают как равноправные, одновременные, без формально выраженной градации на основное и второстепенное. Это такие СЗ, как 'совершить действие по очереди (о взаимодействующих субъектах)': *перезваниваться*, 'совершить действие одновременно (о нескольких, всех субъектах)': *повставать*, *сосуществовать*, 'совершить действие одновременно, направив его из одного места в разные / из разных мест в одно (как правило, одновременно)': *разбежаться*, *сбежаться*.

Зависимый таксис обычно является моносубъектным: и основное, и подчиненное действия осуществляются одним и тем же субъектом (действие *запить* производит тот же субъект, который принимал лекарства или ел что-либо, требующее запивания). Независимый таксис чаще обозначает полисубъектные действия: *сбегаются* или *разбегаются*, *сосуществуют* или *перезваниваются* всегда разные люди.

Деривационный таксис представляет действия как одновременные или разновременные; в последнем случае временные отношения детализируются конкретизаторами: 'совершить действие до / после другого действия'. СЗ чаще актуализируют действия, следующие одно за другим.

При количественно-временной локализации действия СЗ передают такие семантические признаки длительности, как ее ограниченность / неограниченность ('совершить действие, н. м. г., кратко временно / долго'), определенность / неопределенность ('совершить действие, н. м. г., кратко временно / какой-либо промежуток времени'), прерывность / непрерывность ('совершить действие, н. м. г., время от времени / какое-то время'), а также фиксируют некоторые типы длительности.

Ограниченная / неограниченная, определенная / неопределенная длительность, конкретизирующие, как долго совершается действие, создают особый тип протяженной

длительности ('совершить действие, н. м. г., в течение какого-либо времени'). Ей противостоит фоновая длительность ('совершить действие, н. м. г., сопровождая какое-либо действие') или длительность интервала: 'совершить действие, кратковременно прервав основное действие': *перекурить* 'покурить для отдыха, прервав ненадолго работу'; 'совершить действие, н. м. г., один раз [прервав состояние моментальным / однократным действием]*': *крикнуть, хлестнуть, прыгнуть* (Кошелев, 1996).

СЗ обычно характеризуют длительность совершения действия, н. м. г.; лишь в единичных случаях они указывают на длительность сохранения состояния, которое возникает вследствие совершения действия, н. м. г. ('оказаться где-либо в результате перемещения, разместившись там надолго, основательно или удобно': *усесться, улечься*; 'оказаться где-либо ненадолго проездом, попутно': *заехать куда-либо по пути*), или на длительность сопутствующих действию обстоятельств ('продолжать совершать действие, н. м. г., несмотря на препятствия, существовавшие какое-либо время').

При темпорально-количественной характеристике действия наиболее важен признак совершения действия в течение какого-либо промежутка времени; все остальные значения (фоновая, прерывная / непрерывная и иные виды длительности) менее регулярны и частотны.

СЗ русского глагола могут фиксировать такие особенности действия, как его **кратность**. При этом «деривационная кратность» опирается на ФСП кратности и понятие множества, операцию счета, для которых релевантны такие значения, как количество «крат», непрерывность или прерывность действия. Семантика кратности представлена двумя основными значениями: однократности и неоднократности. Явно преобладают СЗ, указывающие на многократность действия. Это не случайно: по наблюдениям М. М. Копыленко, основной способ выражения единичности в русском языке — лексические средства, которые характеризуют ее как подчеркнутую, выделенную, неопределенную или неинформативную.

* В квадратных скобках указаны имплицитные компоненты значения.

На деривационном уровне языка выражается лишь одно из значений единичности — значение подчеркнутой единичности. Строя предложение с таким значением, говорящий (пишущий) выделяет предмет речи, обособляет его от других объектов, добавляя к семе ‘один’ интенсифицирующую сему ‘не два / не много’ (Копыленко, 1993). Это СЗ однократного (*крикнуть*) и однократного интенсивного совершения действия (*черкнуть, взвизгнуть*).

Многократные действия может совершать один и тот же субъект в разное время или разные субъекты в одно время. К словообразовательным значениям, передающим моносубъектные многократные действия, следует отнести такие, как: ‘совершить действие не один раз’ (многократный СГД): *облизывать*; ‘...не один раз в отдаленном прошлом’: *есть, хаживать*; ‘...время от времени [т. е. не раз] неинтенсивно’ (смягчительно-кратный СГД): *покрикивать*; ‘...сопровождая какое-либо действие’: *приплясывать* и т. п. Все они указывают на «чистую» многократность совершения действия.

Очень часто значение многократности осложняется оттенком дополнительности действия, необходимости совершения его еще раз в силу каких-либо обстоятельств. Обычно к последним относится потребность изменить результат совершенного ранее действия или распространить действие на несколько объектов или многие места одного и того же объекта. К подобным СЗ относятся значения типа ‘совершить действие еще раз’ (репродуктивный СГД): *переписать*; ‘...еще раз с целью изменения первичного результата’ (реформативно-репродуктивный СГД): *реорганизовать*; ‘...еще раз, дополнительно’: *доплатить, прикупить*; ‘...еще раз, дополнительно с небольшой интенсивностью’: *подглядить*; ‘...распространяя действие на многие части, места объекта’: *издырывать, избороздить*.

К полисубъектным многократным СЗ относятся СЗ, реализованные в дериватах типа *съехаться, разъехаться* и т. п.: *Все дети съехались домой, Гости уже разъехались, Мы перезванивались*.

Говоря о моно- и полисубъектности многократного действия, следует обратить внимание на то, что деривацион-

ная семантика отчетливо, эксплицитно фиксирует только полисубъектное действие; в формулировках СЗ присутствуют лексемы, указывающие на несколько производителей действия: ‘совершить действие по очереди (о нескольких субъектах)’: *повставать*; ‘... о субъектах, одновременно взаимодействующих друг с другом’: *сосуществовать*.

СЗ отражают все типы многократности, выявленные В. С. Храковским (1987): мультипликативную (прерывисто-смягчительный СГД: *помахивать, постукивать*, процессно-комитативный СГД: *причмокивать, притопывать*, осложненно-интенсивного: *выщелкивать, вызвякивать* и подобных СГД), дистрибутивную (дистрибутивно-суммарный СГД: *перечитать все, повыбрасывать все, повыскакивать / обо всех /, раздарить все, обзвонить всех* и т. п.) и итеративную неоднократность (многократный СГД: *доезжать, дописывать (каждый раз), дозваниваться (ежедневно)* давнопрошедшего многократного действия: *сжигать, читать, видывать* и т. п.

Под **множественностью** в широком смысле понимается всякая квантитативность, кроме нуля и единичности. Внутриглагольные СЗ фиксируют следующие значения множественности, совпадающей с кратностью:

1) точную множественность, устанавливаемую без мезуративов путем прямого счета. Это СЗ, указывающие, во сколько раз надо увеличить или уменьшить что-либо: *удвоить, вдвоить, распарить* ‘разъединить пары’ и т. п.;

2) неопределенную множественность. Это те СЗ, которые указывают на совершение действия неопределенно большое количество раз, не соотносимое с нормой: *покрикивать, есть, писывать*;

3) полную определенную совокупность, характеризующую тем, что действие распространяется на все субъекты / объекты, на многие (обо всех), *раздарить (все), искрестить* (весь предмет, всю его поверхность) и т. п.;

4) неполную определенную совокупность, подчеркивающую, что действие совершено наполовину, не до конца и предполагает возможность продолжения действия или совершения его еще раз: *недоварить, полужакрить*;

5) неопределенную часть целого, фиксирующую, что действие распространяется только на часть объекта или субъекта, например, на небольшую часть его поверхности: *запилить, надгрызть* и т. п.

Следует отметить, что два последних значения не прямо связаны с кратностью, а лишь потенциально предполагают возобновление действия.

Словообразовательные значения могут фиксировать **интенсивность совершения действия**. В этом случае они «опираются» на ФСП количества (Копыленко, 1993) и операцию измерения. Такие СЗ фиксируют затраты энергии, которые прилагает субъект при выполнении того или иного действия. Глагольные СЗ передают следующие значения интенсивности действия:

1) одно из значений единичности — значение подчеркнутой единичности, осложненной семой интенсивного совершения действия. Это СЗ однократного интенсивного совершения действия (*черкануть, взвизгнуть* и т. п.);

2) значение неточной, неопределенной интенсивности, соотносенной или не соотносенной с нормой. Это СЗ нормативной (СЗ ‘совершить действие в соответствии с нормативной длительностью и интенсивностью и получить результат, предопределенный внутренней направленностью действия’: *печь* → *испечь*, *писать* → *написать*) и ненормативной неопределенности; последняя уточняется как неопределенная интенсивность, большая, чем нормативная, и неопределенная интенсивность, меньшая, чем нормативная (СЗ ‘совершить действие с меньшей или большей интенсивностью, чем нормативная’: *недокормить, перекормить, недогреть, перегреть, иззябнуть*);

3) значение неопределенно большой интенсивности, реализованное в СЗ типа ‘совершить действие со значительной интенсивностью / тщательно / настойчиво’ (*нагрешить, вылизать, открахмалить, названивать* и т. п.);

4) значение неопределенно малой интенсивности, фиксирующей совершение действия с незначительной интенсивностью. Это СЗ ‘совершить действие слегка (и дополнительно / и постепенно / и с нерегулярной повторяемостью), направив его на небольшую часть поверхности объек-

та' (*приглушить, подновить; подгладить; насвистывать, побаливать; надпилить, запилить* и под);

Анализ смыслов, передаваемых деривационными значениями, еще раз подтверждает общепринятое мнение о том, что логически равнозначные понятия единичности (малой интенсивности) и неопределенно большого количества (высокой интенсивности совершения действия) неравнозначны в языковом мышлении и в разной степени представлены в семантике языка. У русского глагола явно преобладают СЗ со значением множественности и значительной интенсивности действия.

При характеристике **пространственных особенностей ситуации** СЗ фиксируют такие особенности точки отсчета, как ее форма и расчлененность на части.

Точка отсчета может быть полым ('направить действие наружу / внутрь чего-либо') и неполым предметом ('...сквозь предметы': *прокусить, пробурить*); цельным предметом ('направить действие подо что-либо'), его поверхностью ('направить действие на поверхность / с поверхности'), линией, границей ('направить действие до определенного пространственного предела'), точкой ('направить действие мимо чего-либо / вниз / вверх / за предмет / через что-нибудь, от одного предмета к другому' и т. п.).

СЗ, характеризующие пространственно ориентированные действия, обычно представляют точку отсчета как целостное образование разной формы, не расчлененное на части. Исключение составляют немногочисленные значения типа 'направить действие между предметами' *пересыпать что-либо чем-либо*, которые предполагают, что количество частей должно быть не меньше двух.

При характеристике пространственной ориентации действия отражаются и некоторые характеристики тех пространственных отношений, которые связывают локализуемый объект и точку отсчета. Это направление движения / перемещения относительно исходной / конечной / промежуточной точки отсчета и особенности траектории движения.

Словообразовательные значения русского глагола фиксируют 3 точки отсчета: начальную, промежуточную и ко-

нечную. При этом явно преобладают СЗ, действия которых ориентированы относительно конечной точки отсчета: их 25 ('направить действие внутрь / на поверхность чего-либо / вниз / вверх / под предмет / в промежуток между предметами / за предмет / вперед / до определенного предела'); в то время как СЗ с ориентацией действия на начальную точку отсчета — только 11 ('направить действие наружу' и 'совершить действие, направив его с поверхности'), а на промежуточную — всего 7 ('направить действие через что-нибудь / сквозь предметы / мимо предмета / вокруг предмета').

Явное преобладание конечной точки отсчета обусловлено когнитивной значимостью для человека конечной цели и результата действия, которые в данном случае выступают как пространственные границы последнего.

В русском внутриглагольном словообразовании актуализированы такие виды траектории движения, как круг ('совершить действие, направив его вокруг предмета'); кривая, отклонившаяся от основного направления движения ('направить действие мимо предмета'), четверть круга ('...под предмет'); вертикальное ('направить действие вверх / вниз') или горизонтальное движение ('направить действие на некоторое расстояние вперед').

СЗ фиксируют и некоторые **характеристики действия, связанные с его модальностью**. Такая характеристика действия опирается на ФСП модальности, в котором выделяются прежде всего объективно — и субъективно-модальные смыслы.

Объективно-модальные смыслы передают значение реальности / ирреальности действия и различные фазы перехода от ирреальности к реальности. Группа последних значений получила название потенциальности (Бондарко, 1990) и включает значения возможности, необходимости, оптативности, повелительности, гипотетичности.

Модальность возможности и необходимости отражает оценку говорящим способа существования связи между субъектом и его признаком. Возможность выражает представление говорящего о такой связи между субъектом ситуации и его признаком, при которой существует обуслов-

ленность ситуации детерминирующими факторами, но последние допускают различный исход потенциальной ситуации — ее реализацию или нереализацию (Беляева, 1990); необходимость фиксирует детерминирующие факторы, которые с точки зрения некоего лица (субъекта модальной оценки) требуют неперменного превращения потенциального в актуальное, реальное. Ситуация необходимости, кроме того, предполагает наличие некоего волевого начала, обеспечивающего возможность реализации действия.

Возможность на уровне СЗ представлена:

а) как внутренняя неприобретенная возможность действия: ‘быть склонным или способным подвергаться действию, н. м. г.: *рваться* (о нитках), *бодаться* (о корове);

б) как внешняя возможность, которая отличается от внутренней тем, что потенциальная связь между субъектом и его признаком обусловлена не внутренними особенностями субъекта, а внешними обстоятельствами постоянного или временного характера, социальными законами, законами природы: ‘выдержать что-н., протерпеть в течение какого-н. времени, совершая действие, н. м. г.’: *выжить*, *выстоять*. Внешняя возможность фиксирует уступительные компоненты значения. СЗ этого типа указывают на сопутствующие обстоятельства, несмотря на которые действие совершилось: ‘выдержать что-н., протерпеть в течение какого-н. времени, совершая действие, н. м. г.’: *выжить*, *выстоять*; ‘удержаться в том состоянии, которое н. м. г.’: *улежать*. Уступительная семантика имплицитна, она содержится в значении глаголов *выдержать*, *удержаться*, которые предполагают сочетаемость с обстоятельством *несмотря на что-либо*;

в) как наиболее предпочтительный, желаемый вариант развития ситуации, реализовать который стремится субъект: ‘удержаться в том состоянии, которое н. м. г.’: *улежать*.

Необходимость совершения действия на уровне СЗ обусловлена волей его производителя: ‘избавиться, уклониться от кого-, чего-либо с помощью действия, н. м. г.’: *отшутиться* — или волей каузатора: ‘удалить с чего-н. с помощью действия, н. м. г.’: *счистить*, *ссадить*; ‘уменьшить с помощью действия, н. м. г.’: *уварить*.

Хотя семы совершения действия под влиянием каузатора или собственных волевых усилий, как правило, имплицитны, представляется необходимым выделять их на словообразовательном уровне: они отчетливо осознаются и отражают «скрытую» грамматическую категорию, основанную на признаке наличия / отсутствия волевого начала (Булыгина, 1980). Наличие волевого начала проявляется также в СЗ, включающих значение цели.

Субъективно-модальные смыслы. Из всех разнообразных модально-оценочных смыслов СЗ русских глаголов передают значения рациональных оценок, связанных с практической деятельностью человека, с учетом физической, психической и иной пользы совершаемого действия для субъекта, достижения / недостижения им определенных целей.

СЗ фиксируют значение утилитарной оценки — заинтересованности субъекта в осуществлении действия, поскольку последнее удовлетворяет его потребности, интересы: ‘совершить действие, н. м. г., в своих интересах’: *прибираться*; ‘причинить себе ущерб с помощью действия, н. м. г.’: *просчитаться*. Иногда это затрагивает интересы другого лица: ‘превзойти другого исполнителя данного действия с помощью действия, н. м. г.’: *обыграть, переиграть*; ‘причинить ущерб кому-н. (иногда — обмануть кого-н.) с помощью действия, н. м. г.’: *обсчитать*.

СЗ содержат нормативную оценку, поскольку указывают на то, что действие совершается с большей интенсивностью, длительностью или частотой, чем нормативное: ‘погрузиться целиком в действие, н. м. г., увлечься им, утомиться, совершая его в течение длительного или чрезмерно длительного времени’: *забегаться*.

♦ Основные модели отражения ситуации действия.

Различные комбинации рассмотренных выше признаков и компонентов ситуации обуславливают появление разных моделей представления ситуации действия, состояния, отношения в ДСП русского глагола. Потенциально возможны 32 768 моделей представления ситуации (их количество определялось по формуле теории множеств: $2^n = 2^{15} =$

32768); реально представлено 77 моделей. Они могут содержать семы, характеризующие действие в 2—6 аспектах.

Как показал анализ, наиболее просты в семантическом отношении СЗ, содержащие семы двух разных аспектов: одноаспектных СЗ практически нет, поскольку в каждом СЗ присутствуют эксплицитные или имплицитные семы субъекта действия.

Всего выявлено 12 типов семантически простых, **двухаспектных моделей представления ситуации действия**, они охватывают 41 СЗ. Среди них преобладают СЗ, содержащие семы:

- субъекта действия и его локализации (10 СЗ):
 - направить действие, н. м. г., вниз (*ниспасть*);
 - направить действие, н. м. г., вниз, подо что-либо (*подлезть*);
 - направить действие, н. м. г., мимо чего-либо (*проехать мимо* и т. п.);
- субъекта и интенсивности действия (7 СЗ):
 - совершить действие, н. м. г., интенсивно (*иззябнуть, перемерзнуть*);
 - совершить действие, н. м. г., слабо, тихо, с небольшой интенсивностью (*насвистывать*);
 - совершить действие, н. м. г., с большой интенсивностью (*растолстеть*);
 - совершать действие, н. м. г., с небольшой интенсивностью (*прихрамывать* и т. п.)

Остальные модели (субъект + интенсивность; субъект + кратность; субъект + локативность; субъект + модальность; субъект + следствие действия и т. п.) охватывают по 1—4 СЗ. Следует отметить, то на уровне СЗ из двухаспектных моделей не представлены лишь модели типа субъект + объект действия. Это, вероятно, обусловлено тем, что охват действием любого объекта не проходит для последнего бесследно и влечет за собой появление в СЗ семы, указывающей на следствие совершения действия.

Это обнаруживает и анализ материала. Так, среди моделей разной степени сложности (двух-шестиаспектных) 89 содержат сему объекта (см. табл. 2), но лишь в 5 из них нет семы следствия. Это модели: субъект + объект + интен-

сивность: 'распространить действие, н. м. г., на часть предмета [обычно с незначительной интенсивностью]'; субъект + объект + локативность: 'обратить действие восприятия, н. м. г., к объекту восприятия': прислушаться, субъект + причина + объект: 'совершить действие, н. м. г., как соприкосновение с объектом, причем объект своим наличием как бы стимулирует, порождает само это действие': держаться (за перила); субъект + объект + интенсивность + локативность: 'распространить действие, н. м. г., на небольшую часть поверхности предмета [обычно с небольшой интенсивностью]': надпилить; субъект + объект + таксис + кратность: 'распространить действие, н. м. г., на много объектов или субъектов по очереди [совершив действие несколько раз]': переглотать все, перебывать (обо всех), повывезти, повскакивать. Эти 5 моделей являются модификационными и квантифицируют одну и ту же ситуацию — распространение действия на объект: весь объект / его часть / несколько объектов. Однотипность моделей, содержащих сему объекта, но не имеющих семы следствия, а также распространенность в русском словообразовании моделей, в которых совмещаются эти семантические компоненты, позволяют утверждать, что сема объекта действия почти принудительно «влечет» за собой сему его следствия.

Наиболее подробно ситуацию действия передают **шестиаспектные модели**. Они немногочисленны: обнаружено только 4 типа таких моделей, свойственных лишь 8 СЗ. Наиболее продуктивна среди них такая модель, как субъект + объект + следствие + причина + длительность / интенсивность / кратность + модальная характеристика: '[кто-то] доводит [кого-либо] до нежелательного (модальная оценка) состояния (крайней усталости, бессилия, истощенности) (следствие) с помощью [интенсивного, длительного или многократного совершения] действия, н. м. г. (причина)': укачать. Она охватывает 5 СЗ из 8 шестиаспектных.

Но наиболее продуктивны, как показывают наблюдения, не те модели, которые обладают максимальной или минимальной семантической сложностью, а четырех- и трехаспектные СЗ. Такие модели достаточно многообразны (соответственно образуют 23 и 24 типа) и охватывают боль-

шое количество словообразовательных значений: 55 и 47.

Многие СЗ «построены» **по четырехаспектным моделям:**

– субъект + следствие + причина + локативность (13 СЗ): достигнуть (следствие) какого-н. места (локативность) с помощью действия, н. м. г. (причина): *дорыться*; достигнуть (следствие) какого-н. места (локативность), прибыть (следствие) в какое-н. место (локативность), соединиться (следствие) с чем-н. с помощью действия, н. м. г. (причина): *прийти*; направиться (следствие) куда-н. (локативность) посредством действия, н. м. г. (причина): *откочевать* и др.

– субъект + объект + следствие + причина действия (10 СЗ): заставить отказаться (следствие) [кого-либо объект 1] от чего-н., совершая действие, н. м. г. (причина): *отдумать, отговорить*; очистить (следствие) что-н. (объект), удалить (следствие) все остатки (объект) с помощью действия, н. м. г. (причина): *подклевать*;

– субъект + объект 1 + объект 2 + следствие (7 СЗ): лишить (следствие) свойств, признаков (объект 2) того (объект 1), заставить перестать [кого- / что-либо - объект 1] быть [следствие] тем, кто (что) н. м. с. [объект 2]: *раскулачить*; наделить (следствие) [кого / что-либо – объект 1] тем признаком (объект 2), который н. м. п.: *выявить, наполнить, облагородить, облегчить, прояснить, расслабить, скособочить, увлажнить*.

Две последние модели могут быть истолкованы и как шестиаспектные, если учитывать, что изменение состояния объекта (следствие) возникает в результате каких-либо действий субъекта-каузатора, не конкретизированных в СЗ. В этом случае сема причины появления изменений в состоянии объекта (действия субъекта-каузатора) является имплицитной. Имплицитны также семы фазовости – прекращения пребывания субъекта в одном состоянии и возникновения нового. Мы их рассматриваем как четырехаспектные.

Среди трехаспектных моделей наиболее частотны следующие:

– субъект + объект + следствие (11 СЗ): вызвать у кого-н. (объект) то чувство / отношение (следствие) к чему-либо, которое н. м. с.: *приохотить, раззадорить*; ли-

шиться (следствие) того, что н. м. с. (объект): *обеспамятеть*; покрыться (следствие) тем, что н. м. с. (объект): *замшеть, обомшеть* и др.;

– субъект + причина + следствие (6 СЗ): отказаться от чего-н., совершая действие, н. м. г.: *отдумать*; прийти в нормальное состояние совершая действие, н. м. г.: *одуматься*;

– субъект + интенсивность + темпоральность (5 СЗ): совершить действие, н. м. г., за длительное время с большой интенсивностью: *обискаться*; совершить действие, н. м. г., за короткое время с небольшой интенсивностью: *всплакнуть, прихворнуть*;

– субъект + интенсивность + характер совершения действия (4 СЗ): совершить действие, н. м. г., интенсивно или резко, внезапно: *взвизгнуть*; совершить действие, н. м. г., интенсивно и (или) тщательно: *вытанцовывать, отплясывать*.

Пятиаспектные модели СЗ распространены в такой же степени, как и трехаспектные: их 47. Наиболее часто наблюдается такое сочетание сем:

– субъект + объект + следствие + локативность + причина (15 СЗ): удалить, выделить (следствие) [что-н. - объект] из чего-н., направить (следствие) наружу (локативность) посредством действия н. м. г. (причина): *вывести, осветить, вывезти, выронить*; доставить (следствие) [что-н.] из разных мест в одно (локативность), соединить (следствие) с помощью действия, н. м. г. (причина): *сгрести* и т. п.;

– субъект + объект 1 + объект 2 + следствие + интенсивность (13 СЗ): наделить (следствие) [кого- / что-либо] тем признаком (объект 2), который н. м. п. (причина), в незначительной степени (интенсивность): *подкоротить*; наделить (следствие) [кого- / что-либо] тем признаком (объект 2), который н. м. п. (причина), в большей степени (интенсивность): *повысить* и т. п.

Сопоставление всех продуктивных моделей представления ситуации действия обнаружило, что деривационные глагольные средства наиболее часто реализуют модель, содержащую семы субъекта, объекта, следствия и причины

действия. Во многих моделях фиксируется также пространственная локализация действия (см. табл. 20).

Таблица 20

Продуктивность сем, передающих разные компоненты ситуации действия, в моделях отражения последней средствами глагольных словообразовательных значений

Тип семы	Количество разноаспектных сем в моделях, отражающих ситуацию действия					СЗ с семантикой такого содержания
	2	3	4	5	6	
Субъект действия	41	47	55	47	8	198
Объект	—	15	27	40	7	89
Инструмент	—	—	1	2	—	3
Локативность	10	6	2	18	1	39
Темпоральность	3	7	8	3	6	27
Таксис	4	9	5	3	—	21
Фаза	2	5	11	9	2	29
Следствие	3	24	48	47	8	130
Причина	3	8	30	30	8	79
Интенсивность	7	14	10	19	5	55
Кратность	2	4	6	3	5	20
Цель	1	2	1	1	1	6
Характер совершения	2	5	2	—	—	9
Модальность	1	1	2	—	5	9

Таким образом, наиболее важна для русского глагольного словообразования семантика таких компонентов ситуации, как субъект, объект, следствие, причина действия, а также интенсивность его совершения и пространственная локализованность (см. табл. 20).

♦ **Тип словообразовательного значения и характер модели отражения им ситуации действия.** Отражение той или иной ситуации зависит от типа деривата и СЗ — от того, мотивирован глагол глаголом же или иной частью речи. Обнаруживаются существенные различия между

девербативными (ядерными) и недевербативными (периферийными) СЗ. Эти различия заключаются в следующем.

1. Отглагольные СЗ семантически более гибки и емки, чем периферийные: девербативные СЗ могут содержать словообразовательные семы 2 - 6 аспектов характеристики действия, периферийные СЗ – семы 3 – 5 типов. Как показывают наблюдения, максимальная сложность ядерных СЗ выше, чем у периферийных: у первых она равна 6 разноаспектным семам, у вторых - пяти.

2. Среди отглагольных СЗ доминируют двух – четырехаспектные значения (79% всех ядерных СЗ), среди недевербативных СЗ преобладают более сложные – четырех – пятиаспектные СЗ (75% периферийных СЗ). Вероятно, это обусловлено тем, что любое глагольное СЗ фиксирует связь двух и более действий: того, что н. м. г., и номинируемого (например, СЗ ‘совершить действие (действие 1), н. м. г. (действие 2) N раз / с какой-либо интенсивностью’ и т. п.), либо связь двух последних и следствия, возникшего в результате совершения названного действия (‘привести кого- / что-либо в нежелательное состояние (действие 3 – следствие), совершая действие (действие 2), н. м. г. (действие 1 – «эталонное», то, через признак которого называют действие, подлежащее «крещению именем»’)).

Недевербативные СЗ, помимо связи двух ситуаций – совокупности ситуаций, в которые может быть включен названный мотиватором предмет или признак / ситуация 1 /, и той из них, которая зафиксирована данным СЗ / действие 2 /, – актуализирует еще один элемент последней ситуации: субъекта, орудие, место или время совершения действия (*партизанить, пилить, шлюзовать, зимовать*). Это требует включения в состав недевербативных СЗ еще одной семы, что в целом усложняет СЗ.

3. Как показывают наблюдения, ядерные и периферийные СЗ часто фиксируют разные модели отражения ситуации действия. Например, только периферийные СЗ позволяют дать характеристику действия одновременно в таких аспектах, как субъект + следствие, субъект + следствие + фаза, субъект + следствие + объект прямой и / или

косвенный, субъект + следствие + объект + интенсивность / фаза / инструмент / локативность. Наиболее продуктивны среди них модели:

– субъект + объект 1 + объект 2 + следствие + интенсивность (13 СЗ):

– наделить [кого- / что-либо] тем признаком, который н. м. п., в незначительной степени: *подкоротить*;

– наделить [кого- / что-либо] тем признаком, который н. м. п., в большей степени: *повысить*;

– наделить [кого- / что-либо] в изобилии тем признаком, который н. м. п.: *истончить* ‘сделать совсем тонким’;

– субъект + объект + следствие (11 СЗ):

– вызвать у кого-н. то чувство (отношение) к чему-либо, которое н. м. с.: *прихотить, раззадорить*;

– лишиться того, что н. м. с.: *обеспамятеть*;

– покрыться тем, что н. м. с.: *замшеть, обомшеть*;

– превратить [что-либо] в то, что н. м. с.: *заболотить* ‘превратить в болото’;

– субъект + объект 1 + объект 2 + следствие (7 СЗ):

– лишить [кого- / что-либо] того, что н. м. с.: *обезжирить*;

– оборудовать или снабдить [что-либо] тем, что н. м. с.: *радиофицировать*;

– покрыть, заполнить [что-либо] тем, что н. м. с.: *мусорить*.

Многие модели формируются только ядерными СЗ, например, таковы все двухаспектные модели.

4. Но главное отличие ядерных и периферийных СЗ заключается в ином — в качественно различном представлении ситуации: девербативные СЗ являются основным средством передачи отношений обусловленности или таксиса, связывающих две и более микроситуаций в одну макроситуацию. Особенно часто глагольные СЗ фиксируют причинно-следственные, причинно-целевые, таксисные и иные отношения, характерные для полипредикативных СЗ с включенной или совмещенной пропозициями.

Периферийные же СЗ в большей степени сосредоточены на передаче предметных компонентов ситуации и тех следствий, которые возникают в результате совершения

связанного с ними действия; само же действие, послужившее причиной возникшего состояния, не называется, не конкретизируется. Недевербативное СЗ (например СЗ 'лишить объект признака, н. м. п.') фиксирует следствие совершения какого-либо действия (лишение объекта признака), его активного производителя и объект, на который направлено действие (обычно эти семы имплицитны и не актуализированы в дефиниции СЗ). Объект характеризуется через «отнимаемые» у него части или признаки, ранее присущие ему: *обезвредить*, *обезлесить*; но само действие, послужившее причиной возникшего состояния (лишения), не названо. В отглагольных же СЗ причиной нового состояния обычно является действие, названное мотивирующим глаголом, : например, *выварить* 'варить что-либо жидкое в течение некоторого времени, в результате чего из жидкости будут удалены, выварены некоторые вещества'.

Таким образом, периферийные и ядерные СЗ отличаются не только удельным весом и продуктивностью, но и разным денотативно-отражательным потенциалом, поскольку фиксируют различные ракурсы одной и той же ситуации.

8. 1. 6. Особенности отражения денотативного пространства действия деривационными и лексическими значениями русских глаголов

Как показали наблюдения, словообразовательные значения фиксируют многие действия, ситуации, отражаемые лексическими значениями русских глаголов. Но в целом деривационно-семантическое и лексико-семантическое пространства действия находятся в отношениях пересечения, обладая как общей, так и специфической частями.

Общая область денотативного пространства, одинаково активно отражаемая как лексическими, так и словообразовательными значениями (если судить по их удельному весу — см. табл. 21), складывается из ситуаций перемещения / движения, помещения / удаления и взаимоотношений. Это СЗ мутационного типа.

Специфическая часть денотативного пространства, охватываемая только словообразовательными значениями, — это действия вообще, абстрактные действия; специфичес-

кая часть денотативного пространства, отражаемого только лексическими значениями, — ситуация физиологических действий и состояний.

Если словообразовательные и лексические значения отражают качественно близкие ситуации, передающие динамические признаки различных типов, то их удельный вес неодинаков в лексической и словообразовательной подсистемах русского языка (см. табл. 21).

Таблица 21

Удельный вес действий разных типов в лексико-семантическом и деривационно-семантическом пространствах русского глагола

№	Лексико-семантические поля и подполя	Общее количество СЗ	Удельный вес СЗ/ЛЗ определенного содержания среди всех СЗ/ЛЗ, %	
			СЗ	ЛЗ
	Поле «Действие»			
1.	Действие вообще	69	25,4	—
2.	Движение / перемещение	16/19	12,8	10,5
3.	Помещение	26	9,5	10,2
4.	Физическое воздействие на объект	30	11,0	25,4
5.	Созидательная деят.	5	1,8	3,9
6.	Интеллектуальная деят.	3	1,0	5,3
7.	Речевая деятельность	2	0,7	3,6
8.	Социальная деятельность	6	2,2	4,2
9.	Физиологическая деят.	—	—	1,2
10.	Звучание	1	0,4	1,7
	<i>Итого</i>	177	64,8	66,0
	Поле «Бытие. Состояние»			
11.	Бытие	11	4,1	6,5
12.	Качественное состояние	—	—	6,1
13.	Социальное состояние	—	—	3,3
14.	Эмоциональное сост.	56	21,6	3,2
15.	Физиологическое сост.	—	—	1,1
16.	Функциональное сост.	—	—	3,5
	<i>Итого</i>	67	25,7	23,7

№	Лексико-семантические поля и подполя	Общее количество СЗ	Удельный вес СЗ/ЛЗ определенного содержания среди всех СЗ/ЛЗ, %	
			СЗ	ЛЗ
	Поле «Отношение»			
17.	Взаимоотношения	2	0,7	0,6
18.	Владение	17	6,3	4,1
19.	Межличностные отнош.	3	1,0	1,9
20.	Социальные отношения	4	1,5	3,7
	<i>Итого</i>	26	9,5	10,3
	<i>Всего</i>	276	100,0	100,0

Примечание. 1. Удельный вес лексических значений определенного типа определялся по количеству всех глагольных ЛСВ, зафиксированных в словаре-справочнике «Лексико-семантические группы русских глаголов» (Свердловск, 1984); удельный вес словообразовательных значений — в результате собственных подсчетов.

Словообразовательные и лексические значения, передающие одну и ту же часть денотативного пространства, отличаются не только своим удельным весом, но и тем, что фиксируют разные качества одной и той же ситуации. Так, семантическая область наделения объекта чем-либо или лишения его чего-либо по-разному представлена в лексико-семантической и деривационной подсистемах языка: лексика фиксирует качественную специфику изменяемого признака (*белить, чернить, полнить, рассекретить, десоветизировать*), а словообразование дает подробную квантификацию обретаемого признака, см., например, СЗ типа 'наделить признаком в незначительной степени' (*подновить*), '... чрезмерно' (*истончить*), '... в большей степени, чем раньше' (*утяжелить*) и т. п.

Словообразовательные значения могут также фиксировать не все особенности денотативного пространства, отражаемые лексическими значениями. Значительная абстрактность СЗ не позволяет ему передавать такие, например, особенности ситуации, как способ помещения объекта куда-

либо при наличии самостоятельных ЛСГ помещения объекта в результате перемещения или конкретной физической деятельности: *внести, вбросить <—> ввинтить, вдавить*). СЗ не отражают также и иных ситуаций, формирующих подполе помещения: ситуаций включения объекта куда-либо, его поглощения, одевания, скрывания объекта и т. п.

В целом боЦльшая, по сравнению с ЛЗ, обобщенность ситуации, фиксируемой СЗ, обуславливает то, что на базе СЗ могут формироваться не только отдельные ЛСГ (см., например, ЛСГ приготовления пищи впрок, которая состоит в основном из дериватов со СЗ ‘приготовить что-либо в определенном количестве’: *насолить, намариновать, нажарить, напечь, наварить и т. п.*), но и группы ЛСГ или подполей. Например, словообразовательные значения, которые фиксируют отрицательное воздействие на объект, вплоть до его уничтожения, коррелируют с 6 ЛСГ сразу: ЛСГ обработки, повреждения одушевленного и неодушевленного объектов, избавления, разрушения и лишения жизни. СЗ не дифференцируют такие оттенки воздействия на объект. Это СЗ типа: ‘лишить свойств, признаков того, заставить перестать быть тем, кто / что / н. м. с.’: *раскулачить*; ‘лишить того, что н. м. с.’: *обезжирить, разоружить*; ‘лишить того признака, который н. м. п.’: *рассекретить*; ‘уничтожить, израсходовать что-н. с помощью действия, н. м. г.’: *уплести* все нитки; ‘уничтожить, израсходовать, повредить в результате действия, н. м. г.’: *скормить, сглотать*; ‘уничтожить, израсходовать, употребить на что-н. посредством действия, н. м. г.’: *извязать*.

СЗ могут представлять целое подполе. Так, ситуации, характерные для поля «Состояние», репрезентированы в ДСП русского глагола такими СЗ, которые не проводят различия между эмоциональным, психическим, физиологическим и иными состояниями. Они не фиксируют также релевантные для лексики различия между внешними, внутренними, социальными, цветовыми, физическими и иными качествами объектов или субъектов. Например, СЗ ‘прийти в отрицательно оцениваемое состояние, совершив действие чрезмерно интенсивно, длительно или многократно’ охватывает и физиологическое (*опиться, объесться*), и пси-

хофизиологическое (*доработаться*), и интеллектуально-эмоциональное (*изолгаться*), и психоэмоциональное состояния (*зачитаться*).

Отдельно, на уровне двух СЗ, представлен лишь один вид состояния — функциональное: ‘покрыть/ся/, закрыть/ся/ чем-либо с помощью действия, н. м. г.’: *закапать*; ‘покрыть/ся/ чем-н. сплошь, полностью с помощью действия, н. м. г.’: *укутаться*.

Словообразовательные значения могут участвовать в формировании сразу нескольких лексико-семантических подполей. Как уже отмечалось, в СЗ не всегда разведены движение и его результат — помещение, составляющие разные лексико-семантические подполя. Эти значения чаще всего представлены в комплексе и мирно сосуществуют в одном СЗ: ‘поместить/ся/, переместить/ся/ за что-н., в какое-н. место, иногда отдаленное, с помощью действия, н. м. г.’: *забросить*; ‘поместить/ся/, проникнуть во что-н., внутрь чего-н. с помощью действия, н. м. г.’: *вкатить, влететь*; ‘приблизить/ся/, присоединить/ся/ к чему-н. с помощью действия, н. м. г.’: *подойти, подвести* и т. п.

Особенно часто словообразовательные значения отражают взаимосвязь ситуаций (первая ситуация названа глаголом-мотиватором, вторая — СЗ), которая имеет под собой объективную основу (реальную связь событий в действительности), но осознается и фиксируется человеком. Например, действие и его результат, следствие: ‘совершать действие, н. м. г., и израсходовать объект’ (*кормить* и *скормить, писать* и *исписать*); действие и его причину: ‘прийти в какое-либо состояние (действие), совершая действие, н. м. г. слишком часто, длительно или интенсивно (причина)’ (*убегаться, избегаться*), действие и его цель: ‘совершать действие, н. м. г., в своих интересах’: *прибираться*, ‘...для отдыха или удовольствия’: *прогуляться* — и т. п.

8.2. ДЕНОТАТИВНОЕ ПРОСТРАНСТВО СЛОВООБРАЗОВАТЕЛЬНОГО ГНЕЗДА: НА МАТЕРИАЛЕ СЛОВООБРАЗОВАТЕЛЬНЫХ ГНЕЗД, ВОЗГЛАВЛЯЕМЫХ ГЛАГОЛАМИ *ВАРИТЬ* И *СМОТРЕТЬ*

В предыдущем разделе была предпринята попытка рассмотреть денотативное пространство больших классов сло-

вообразовательных единиц, в частности всей системы deverбальных глагольных словообразовательных значений. Интересные результаты может дать изучение денотативного пространства небольших групп деривационно связанных слов, например денотативного пространства конкретного словообразовательного гнезда (СГ). Анализ ДП одного СГ возможен в двух аспектах, учитывающих природу составляющих его единиц: через анализ лексических значений и сочетаемости входящих в гнездо производных слов (лексикологический аспект) или посредством анализа их словообразовательных значений (словообразовательный аспект). Сопоставление результатов таких исследований позволит выявить специфику отражения конкретной ситуации лексико-семантическими и деривационно-семантическими средствами.

*8. 2. 1. Денотативное пространство глаголов приготовления пищи и зрительного восприятия: лексикологический аспект (на материале словообразовательных гнезд с вершинами **варить** и **смотреть**)*

Для анализа денотативного пространства взяты глаголы *варить* и *смотреть*, обладающие разной степенью конкретности / абстрактности. С точки зрения функционально-ономасиологического подхода, представленного в работах Ф. С. Бацевича (Бацевич, Космеда, 1997), глаголы приготовления пищи относятся к функционально-ономасиологическому типу глагольных предикатов (ФОТП) трудовой деятельности, а глаголы восприятия — к ФОТП интеллектуальной деятельности*. Выбор глаголов обусловлен тем, что глагол *варить* обозначает конкретные наблюдаемые физические действия, а глагол *смотреть* — абстрактные ненаблюдаемые действия, интеллектуальную дея-

*Под функционально-отражательными (функционально-ономасиологическими) типами глагольных предикатов Ф. С. Бацевич понимает «типы глагольного действия, имеющие характер скрытых семантических категорий, поскольку охватывают все глагольные лексемы, так или иначе коммуникативно связанные с разными по объему референтно-таксономическими классами имен субъектов» (Бацевич, Космеда, 1997: 118). Понятие ФОТП используется исследователями для анализа денотативного пространства языковых, в основном лексических, единиц.

тельность*. Глаголы *варить* и *смотреть* были выбраны еще и потому, что они являются глаголами-прототипами для своих ЛСГ: в ЛСГ приготовления пищи глагол *варить* обозначает наиболее частый и типичный способ приготовления пищи, а в ЛСГ зрительного восприятия глагол *смотреть* называется основной и наиболее значимый для человека способ восприятия. Это наиболее частотные в своей ЛСГ глаголы, обладающие широкими деривационными и семантическими связями.

Выделение обязательных компонентов ситуаций, скрывающихся за глаголами *варить* и *смотреть*, опиралось прежде всего на анализ толкований их лексических значений; данные контекстов, в которых используются рассматриваемые глаголы, позволяли охарактеризовать ситуацию более детально, подробно. Те компоненты ситуации, которые не отмечены в толковании лексического значения, но вычлениваются из семантики контекстных партнеров, мы отнесли к потенциальным, факультативным.

Денотативное пространство глагола *варить*

Глагол *варить*, наряду с глаголами *печь*, *жарить*, *мариновать*, *солить* и др., представляет одну из ситуаций приготовления пищи.

При анализе лексикографического определения глагола *варить*** и вычленении в нем помет ономаσιологического характера было установлено, что для ситуаций, отражаемых в семантике глагола приготовления пищи кипячением, важное значение имеют следующие компоненты действия (учитывались только те ЛСВ и оттенки значения, которые отражают данную ситуацию — они приведены выше):

- 1) объект — результат действия: *пища, питье; обед, ужин;*
- 2) способ приготовления: *кипячением, кипятить, на огне;*
- 3) место приготовления: *в воде, в жидкости.*

* О критериях абстрактности / конкретности лексического значения русских глаголов см.: Казарин, 1992, 1997.

** Приготовлять пищу, питье кипячением. *В. кашу.* // Кипятить в воде, жидкости, приготовляя для еды. *В. картофель, мясо.* // Приготовлять на огне обед, ужин и т. п. *В. себе*'. Толкования лексических значений приводятся по МАС.

Следует отметить, что в лексикографических определениях глаголов приготовления пищи не манифестированы отдельной лексемой компоненты, характеризующие субъекта действия. Вероятно, последний в сознании носителей языка является настолько определенным, так глубоко связан с сущностью действия, что не нуждается в специальном акцентировании.

При анализе минимальных контекстов, в которых употребляется глагол *варить*, обнаружили те же компоненты ситуации. При этом субъект действия обязательно получает выражение и однозначен, определен: им может быть только живой человек (*мама варит обед, повар варит суп* и т. п.). Иногда указывается дополнительный субъект действия, который производит его совместно с основным: *варить в одиночестве / с кем-либо / под руководством кого-либо* (при этом могут быть конкретизированы субординационные отношения готовящих еду: *под руководством, с помощью, при консультации с кем-либо, с помощником* и т. п.).

Анализ объектов приготовления пищи позволил выделить следующие референтно-таксономические (функционально-ономасиологические) классы объектов*, на которые направлено это действие: продукты питания, представляющие такой компонент ситуации, как ее результат — то, что получается в результате воздействия на что-либо, способное после обработки стать пищей, или объект — то, что способно стать продуктом питания в процессе приготовления пищи.

Объектом приготовления пищи могут быть такие классы явлений, как живая материя: животные (*варить курицу*) и растения (*варить абрикосы*); неживая материя (*варить суповой набор, мясо*); при этом в качестве объекта обработки кипятком с целью приготовления пищи могут исполь-

* Термины «референтно-таксономические» и «функционально-ономасиологические классы» предложены Ф. С. Бацевичем. Они обозначают «объединения слов одного семиологического (и коммуникативного) класса (признакового, сигнификативного), члены которого: 1) ономасиологически однородны, поскольку приписывают характерные динамичные признаки только одному референтно-отражательному классу имен субъектов и 2) обладают общностью функций в процессе речепорождения, формирования структуры высказывания, прежде всего предикативного ядра последнего, его пропозиции» (Бацевич, Космеда, 1997: 66).

зоваться как артефакты — продукты питания (*варить суповой набор*), так и натурфакты (ягоды: *варить крыжовник*; грибы: *варить грибы*; фрукты: *варить яблоки*; овощи: *варить картошку*) и т. п.

Результатом действия, обозначаемого глаголом *варить*, являются такие денотаты, как пища жидкая, но одновременно густая или содержащая кусочки твердых вареных продуктов и употребляемая в качестве первого или третьего блюда (*варить суп, варить компот*), пища полужидкой консистенции (*варить кашу*), пища, состоящая из отдельных плотных, но размягченных частей (*варить картошку, капусту*).

Контекстные партнеры глагола *варить* содержат потенциальное указание на такие компоненты ситуации, как место, где готовят пищу (*варить на плите, на костре, на огне*), посуда, в которой ее готовят (*в кастрюле, ведре, тарелке, кружке* и т. п.); степень готовности объекта (*варить до желеобразного состояния* и т. п.); соответствие норме (*варить до готовности*); кратность действия (*варить иногда, время от времени, не раз*); его длительность (*варить целый день; недолго, 5 минут*); цель (*варить, чтобы утолить голод, чтобы поесть*); характер действия (*варить, помешивая*); интенсивность (*варить на большом огне*); чувства, сопровождающие процесс приготовления пищи (*варить с удовольствием, нехотя*). Данные компоненты ситуации выражены не глаголом *варить*, а посредством сочетающихся с ним слов — других номинативных единиц языка, замещающих потенциально присутствующие, но не отражаемые лексическим значением глагола элементы ситуации приготовления пищи кипячением. Такие компоненты ситуации, как уже отмечалось выше, потенциальны для лексического значения глагола.

Основные компоненты ситуации — субъекты и объекты — связаны с помощью двух функционально-ономасиологических типов предикатов: они объединены отношениями трудовой деятельности субъекта (*повар варит суп*) либо физического воздействия на объект с целью приготовления пищи (*варить картофель, мясо*). Оба типа предикатов передают одну ситуацию, представляя ее в разных ракурсах: с актуализацией результата действия (целенап-

равленной трудовой деятельности) либо его объекта (физическое воздействие на объект), поскольку трудовая деятельность обязательно предполагает конкретный способ ее осуществления. При этом имплицитно в данной ситуации представлен такой тип отношений, связывающих субъекта и объект, как изменение свойств обрабатываемого объекта: приобретение и потеря им каких-либо качеств. Это одно из возможных следствий процесса приготовления пищи.

Денотативное пространство производных глаголов с корнем *-вар-*

Анализ глаголов-дериватов с корнем *-вар-* несколько изменяет состав функционально-ономасиологических классов, фиксирующих компоненты ситуации приготовления пищи.

Во-первых, субъект приготовления пищи остается прежним — это человек. Но он часто не представлен в тексте эксплицитно, поскольку глаголы-дериваты позволяют передать ситуацию приготовления пищи в языке не только «со стороны» субъекта (активный субъект, агенс, воздействует на продукты питания, стремясь приготовить из них пищу: *мама варит суп*), но и «со стороны» объекта, претерпевающего процесс обработки, или результата приготовления пищи (*суп варится на плите*). В последнем случае производитель действия, как правило, не получает выражения в отдельной лексеме. При этом денотативная сущность субъектного компонента ситуации не изменяется, хотя синтаксическая роль слов, манифестирующих их, не остается постоянной (дополнение → подлежащее).

Во-вторых, у глаголов-дериватов расширяется состав функционально-ономасиологических классов объектов и результатов приготовления пищи. Добавляется такой класс объектов, как растения, их отдельные части (заварить *смородину, чай*), и такой тип результатов действия, как объект, извлеченный из чего-либо посредством варки, кипячения и применяемый в процессе приготовления пищи (выварить *соль*). Производные глаголы позволяют отразить такое качество объектов ситуации приготовления пищи кипячением, как их количество — значительное (наварить *много*) либо незначительное (подварить *немного* и *недолго*) — и степень охвата объекта: *со всех сторон* обварить/ся/, обваривать/ся/.

В-третьих, языком выделяется набор следствий процесса приготовления пищи способом кипячения, варки; следствия теряют качество потенциальности и имплицитности, присущие им на уровне лексического значения, и манифестируются конкретными производными глаголами. К наиболее важным следствиям физического воздействия на объект с целью приготовления из него пищи относятся следующие:

– качественная, интенсивная, нормативная либо недостаточная обработка продукта (*переварить, проварить, сварить, доварить, недоварить*);

– дополнительное или повторное приготовление пищи в небольшом объеме (*подварить*);

– приготовление пищи в значительном количестве (*наварить*);

– изменение размеров (увеличение / уменьшение) объекта (*уварить/ся/, разварить/ся/*),

– приготовление конкретного вида пищи: *взварить* ‘приготовить *взвар*’;

– извлечение чего-либо из объекта (*выварить соль*), лишение объекта каких-либо качеств (*выварить/ся/, переварить/ся/*);

– физическое воздействие на объект для последующего приготовления из него еды (*обварить курицу*).

Таким образом, производные глаголы обозначают сложное, полипропозитивное действие с включенной пропозицией: действие и следствие, вызванное его совершением. Подобные глаголы передают не одну, а две и более взаимосвязанных ситуаций.

В-четвертых, производные глаголы переводят в разряд обязательно подлежащих выражению такие компоненты ситуации, как:

– многократность действия, которая манифестируется в морфемно-словообразовательной структуре слова суффиксом *-ива-*, а в толковании производных глаголов – сочетанием слов «не раз» (*варивать/ся/, взваривать/ся/, вываривать/ся/, доваривать/ся/, заваривать/ся/, наваривать/ся/, недоваривать/ся/, обваривать/ся/, отваривать/ся/, переваривать/ся/, поваривать, подваривать, проваривать/ся, развариваться, свариваться, уваривать/ся/*);

— интенсивность действия, которая выражается наличием в толковании глаголов-derivатов компонентов типа «интенсивно» (*взварить/ся/*, *взваривать/ся/*, *выварить/ся/*, *вываривать/ся/*) или *слегка* (*подваривать/ся/*);

— длительность действия, которая выражается наличием в толковании производных глаголов слов типа «длительно» (*выварить/ся/*, *вываривать/ся/*, *переварить/ся/*, *переваривать/ся/*, *проварить/ся/*, *проваривать/ся/*, *разварить/ся/*, *разваривать/ся/*) или «быстро» (*взварить/ся/*, *взваривать/ся/*), «недолго» (*доварить/ся/*), «некоторое время» (*доваривать/ся/*, *поварить/ся/*, *подварить/ся/*, *подваривать/ся/*), «недостаточное для нормативного совершения действия время» (*недоварить/ся/*, *недоваривать/ся/*);

— таксисность действия, его соотнесенность с другим действием, что выражается в наличии в толковании производных глаголов наречий типа «еще раз», (*доварить/ся/*, *доваривать/ся/*), «дополнительно» (*подварить/ся/*, *подваривать/ся/*);

— фазовость действия приготовления пищи: интенсивное начало действия (*взварить/ся/*, *взваривать/ся/*), конец действия вследствие достижения запланированного результата (*доварить/ся/*, *доваривать/ся/*, *выварить/ся/*, *вываривать/ся/*, *отварить/ся/*, *отваривать/ся/*, *сварить/ся/*, *свариваться/ся/*).

Такие глаголы модифицируют ситуацию приготовления пищи кипячением во временном, количественном и ином отношении: суть ситуации и набор компонентов остаются прежними, изменяется лишь ее длительность, степень завершенности, фазовая характеристика и т. п.

Денотативное пространство глагола *смотреть**

Ситуация зрительного восприятия, являющаяся основной для этого многозначного глагола, в результате анализа

* '1. Устремлять, направлять взгляд куда-либо, иметь глаза направленными на что-либо; глядеть. *Смотреть в окно*; // Осматривать, рассматривать кого-, что-либо с целью ознакомления. *Смотреть новую квартиру*; // Просматривая, ознакомиться с содержанием чего-либо. *Смотреть газеты*; // Производить осмотр, освидетельствование кого-, чего-либо. *Смотреть больного*; // Быть зрителем, присутствовать на каком-либо зрелище, представлении. *Смотреть фокусника, спектакль*'

толкования его значений и лексикографических помет оно-масиологического характера складывается из следующих компонентов:

1) субъект действия (*Мальчик смотрел на маму*)*;

2) объект действия ('смотреть *на кого-, что-либо*'; '*содержание чего-либо*'; '*зрелище, представление*');;

3) орудие действия (инструмент действия) — средство, при помощи которого производится какое-либо действие (*глаза, зрение*);

4) характер совершения действия (с обстоятельственными словами, указывающими на характер взгляда, выражение глаз: '*смотреть печально*');;

5) направление зрительного восприятия ('смотреть *на кого-, что-либо*'; *осматривать* '*внимательно, со всех сторон* посмотреть *на кого-, что-либо*');;

6) цель восприятия ('с целью *ознакомления*'; '*освидетельствование чего-либо*'; *осматривать* '*определить состояние здоровья, органа* путем зрительного, слухового и т. п. восприятия');

7) интенсивность действия (*осматривать* '*внимательно, со всех сторон* посмотреть *на кого-, что-либо*', *рассматривать* '*всматриваясь, увидеть, разглядеть*');;

8) способ совершения действия (*осматривать* '*обходя и рассматривая, ознакомиться с чем-либо*').

Анализ предложений, отражающих ситуацию восприятия с помощью глагола *смотреть*, незначительно изменил количество и характер компонентов ситуации зрительного восприятия.

Субъектом восприятия может быть только живое существо, наделенное зрением (*волк смотрел, человек смотрит*), причем в предложении может отражаться весь активный производитель действия целиком либо только его часть — орган зрения — глаза.

Анализ объектов, на которые направлено восприятие, выявил, что обычно объект восприятия достаточно широк:

* В качестве субъекта может выступать и орган зрительного восприятия живого существа — его глаза: *На него смотрели глаза, в которых была только ненависть*. При этом происходит метонимический перенос с целого на часть.

в качестве этого компонента ситуации может выступать как живая (*смотреть на маму*), так и неживая материя (*смотреть на экран*), что представлено в табл. 22.

Таблица 22

Референтно-таксономические классы объектов глаголов восприятия

Референтно-таксонимические классы объектов	Примеры
<p>Живая материя</p> <p>Люди Животные Растения</p>	<p>Смотреть на <i>ректора</i> Смотреть на <i>лошадь</i> Смотреть на <i>березы</i></p>
<p>Неживая материя</p> <p>Натурфакты Артефакты Социофакты Психофакты</p>	<p>Смотреть на <i>звезды</i> Смотреть на <i>картину</i> Смотреть <i>спектакль</i> Безразлично смотреть на <i>вспышку гнева</i></p>

Окружающая действительность усваивается человеком посредством органов восприятия. В качестве орудия зрительного восприятия (инструмента) выступает орган зрения (глаза).

В предложениях с глаголом *смотреть* чрезвычайно широко представлены другие компоненты ситуации зрительного восприятия, в том числе обязательные, такие, как направление (*смотреть на кого-, что-л., вниз, вверх, со всех сторон, снизу, справа* и т. п.) и характер восприятия. Последний аспект включает в себя такие свойства восприятия, как интенсивность и осознанность (*внимательно, рассеянно*), цель (*смотреть бесцельно*), особенности расположения органов зрения (*исподлобья*), а также факультативные, потенциальные компоненты ситуации; передаваемые чувства (*злбно, недовольно, радостно*), длительность восприятия (*недолго, целый час*), его результативность (*смотреть зря*), количество актов восприятия (*смотреть не раз, время от времени*).

Эти предметно-обстоятельственные компоненты ситуации объединяются отношениями зрительного восприятия, иногда осложненными отношениями цели или следствия: смотрел, *чтобы обнаружить что-либо, ознакомиться с чем-либо, провести время*. В качестве цели может выступать получение какой-либо информации (ознакомление с чем-либо, определение состояния кого-, чего-либо); эстетическое и эмоциональное (смотреть *спектакль*), обнаружение чего-либо (смотреть, *чтобы найти*), удовлетворение конкретной потребности (смотреть квартиру *для об-мена*) и т. п.

Денотативное пространство производных глаголов с корнем -смотр-

Анализ глаголов-derivатов с корнем -*смотр-* несколько изменяет состав функционально-ономасиологических классов, манифестирующих компоненты ситуации зрительного восприятия. При этом стоит отметить, что субъект и объект зрительного восприятия остаются прежними. Изменения же касаются следующих компонентов.

Во-первых, производные глаголы позволяют отразить такое качество объектов ситуации зрительного восприятия, как их количество: значительное (высмотреть из многих объектов: *высмотреть, высматривать, повысмотреть, повысматривать, насматривать, осмотреть все, всех; об-смотреть всех, обсматривать, пересмотреть все/всех, пересматривать все/всех, просмотреть все/всех*) — и степень охвата объекта: со всех сторон (*досмотреть, досматривать, осмотреть/ся/, осматривать/ся/*).

Во-вторых, языком выделяется набор следствий процесса зрительного восприятия. При этом многие следствия теряют качество потенциальности и имплицитности, присущие им на уровне лексического значения, и манифестируются конкретными производными глаголами. К наиболее важным следствиям зрительного восприятия объекта относятся следующие:

- хорошо рассмотреть что-либо: *рассмотреть, повы-смотреть*;
- ознакомиться с чем-либо (*просмотреть*);
- найти, обнаружить, выбрать что-либо: *высмотреть/*

ся/, *высматривать*/*ся*/, *досмотреть*, *подсмотреть*, *посмотреть*, *присмотреть*, *поприсматривать*;

— дойти до отрицательного состояния, совершая действие зрительного восприятия слишком интенсивно, длительного или многократно (*досмотреться*);

— не увидеть что-либо (*просмотреть*);

— устать, совершая действие слишком интенсивно, долго или многократно (*усмотреться*);

— получить удовлетворение, удовольствие, зрительно воспринимая что-либо (*насмотреться*);

— увлечься, слишком долго смотря на что-то (*засмотреться*, *засматриваться*)

— заниматься профессиональной деятельностью, совершая зрительное восприятие чего-либо (*смотретьствова-ть*, *надсматривать*).

Это позволяет производным глаголам передать не одну, а несколько взаимосвязанных ситуаций, что расширяет их (глаголов) денотативно-отражательный потенциал.

В-третьих, производные глаголы переводят в разряд обязательно выражаемых такие компоненты ситуации:

— цель зрительного восприятия: чтобы рассмотреть (*всмотреться*, *всматриваться*, *осмотреть*/*ся*/, *осматривать*/*ся*/, *присмотреться*, *поприсмотреть*), чтобы обнаружить что-либо (*высмотреть*, *высматривать*, *досмотреть*/*ся*/, *досматривать*/*ся*/, *осмотреть*/*ся*/, *осматривать*/*ся*/, *обсмотреть*, *обсматривать*/*ся*/); чтобы выбрать (*насматривать*); чтобы приобрести что-либо (*присмотреть*, *присматривать*, *поприсмотреть*); чтобы наблюдать за кем-, чем-либо (*надсматривать*, *смотретьствова-ть*); чтобы ознакомиться с чем-либо (*осмотреть*/*ся*/, *осматривать*/*ся*/, *обсмотреть*, *обсматривать*, *просмотреть*, *просматривать*/*ся*/, *рассматривать*/*ся*/, *рассмотреть*); чтобы узнать что-либо (*подсмотреть*, *подсматривать*);

— многократность действия, которая манифестируется в морфемно-словообразовательной структуре слова суффиксом *-ива-*, а в толковании производных глаголов — сочетанием слов «не раз» (*посматривать*, *высматривать*/*ся*/, *досматривать*/*ся*/, *засматриваться*, *насматриваться*, *надсматривать*, *недосматривать*, *осматривать*/*ся*/, *об-*

сматривать/ся/, пересматривать/ся/, посматривать, присматривать/ся/, просматривать/ся/, рассматривать/ся/, усматривать/ся/);

— интенсивность действия, которая выражается наличием в толковании глаголов-derivатов компонентов типа «интенсивно», «внимательно», «с особым вниманием», «напрягая зрение», «стараясь рассмотреть» и т. п. (*всмотреть/ся/, всматривать/ся/, высмотреть, высматривать/ся/, досматривать/ся/* — о профессиональной деятельности, *засмотреться, насматривать/ся/, надсматривать/ся/, осмотреть/ся/, осматривать/ся/, обсмотреть/ся/, обсматривать/ся/, пересмотреть, пересматривать, присмотреть, просмотреть, рассмотреть, рассматривать*) или «слегка», «невнимательно» (*недосмотреть, просмотреть*);

— длительность действия, которая выражается наличием в толковании производных глаголов слов типа «длительно» (*всматриваться, всмотреться, высмотреть, высматривать, досмотреть, досматривать, засматриваться, засмотреться, насмотреться, понасмотреться, осматривать/ся/, обсматривать/ся/, рассматривать/ся/*) или «быстро», «недолго», «некоторое время» (*посмотреть, посматривать, подсматривать, подсмотреть, просмотреть/ся/, присматривать/ся/, поприсмотреть/ся/*), «недостаточное для нормативного совершения действия время» (*недосмотреть, просмотреть*);

— таксисность действия, его соотнесенность с другим действием, что выражается в наличии в толковании производных глаголов наречий типа «еще раз», «дополнительно» (*пересмотреть/ся/, пересматривать/ся/*);

— фазовость действия: его конец, наступивший в результате совершения действия до запланированного предела (*высмотреть, повысмотреть, досмотреть, насмотреться, понавysмотреть, осмотреть, обсмотреть, отсмотреть, пересмотреть, присмотреть, подсмотреть, просмотреть, рассмотреть, усмотреть*);

— характер действия: «тайком» (*подсмотреть, подсматривать*) и «случайно» (*подсмотреть*).

8. 2. 2. Денотативное пространство глаголов приготовления пищи и зрительного восприятия: словообразовательный аспект (на материале словообразовательных гнезд с вершинами **варить** и **смотреть**)

Представляется, что денотативное пространство глагола можно охарактеризовать по набору дериватов, содержащихся в одном из семантических подгнезд словообразовательных гнезд (СГ) этих глаголов. Каждое семантическое подгнездо мотивируется глаголом в одном из своих значений.

Рассмотрим, каким образом структурировано денотативное пространство глаголов *смотреть* и *варить* с помощью мотивированных их основными значениями дериватов. Производные глаголы были исследованы ранее, при анализе того, как структурируется денотативное пространство однокоренными глаголами (см. 2.1.2, 2.1.3). Поэтому основное внимание в этом параграфе будет уделено именным производным.

СГ конкретного глагола *варить* содержит 59 глаголов, 118 имен существительных, 50 имен прилагательных. Дериваты каждой части речи целесообразно анализировать отдельно, поскольку русские словообразовательные значения, которые и расчленяют ситуацию, в основной своей массе специализированы по этим грамматическим классам слов.

Имена существительные. 46 из них обозначают сам процесс: *варка, варение, неварение, квасоварение, маслосыроварение, медоварение, пивоварение, пищеварение, саловарение, самогоноварение, сахароварение, содоварение, солеварение, сыроварение, вываривание, выварка, выварки, доваривание, заваривание, наварка, недоваривание, обварка, отваривание, отварка, переваривание, переварка, переварки, перевар, переваримость, подваривание, подварка, подвар, приварка, проваривание, проварка, провар, разваривание, разварка, развар, сварение, несварение, уваривание, уварка, увар, кашеварство, сахароварство*. При этом следует обратить внимание, что большая часть этих существительных обозначает не простые (*варка, варение, неварение*), а специализированные по объекту или результату процессы

приготовления пищи. Из этих существительных 12 слов, обозначая действие, содержат тот или иной включенный компонент: 2 субстантива обозначают действие и его объект (*маслосыроварение, медоварение*)*, 10 субстантивов — действие и его результат (*квасоварение, маслосыроварение, пивоварение, саловарение, самогонование, сахароварение, содоварение, солеварение, сыроварение, кашеварство, сахароварство*). К объектам мы относили продукты, из которых готовится пища (*мед, масло*), к результатам — готовую к употреблению пищу (*сыр из масла, каша из крупы* и т. п.).

34 существительных в данном СГ обозначают субъекта действия: *варщик, варница, варильщик, заварщик, заварница, наварщик, обварщик, обварщица, разварщик, разварщица, повар, поваришка, повариха, поваренок, поварчонок, поваренка, шеф-повар, грибовар, кашевар, кашеварка, квасовар, костовар, медовар, пивовар, саловар, самоварщик, самоварщица, сахаровар, содовар, соковар, солевар, солеварщица, сыровар, фруктовар*. Все эти существительные являются номинациями лиц по профессии: подчеркивает это наличие включенного объекта или результата в лексическом значении рассматриваемых существительных. Из них 4 субстантива, обозначая субъект, содержат также включенный объект (*грибовар, костовар, медовар, фруктовар*), а 11 — включенный результат (*кашевар, кашеварка, квасовар, пивовар, саловар, сахаровар, содовар, соковар, солевар, солеварщица, сыровар*). Способность обозначать лиц по профессии свидетельствует о том, что анализируемые дериваты фиксируют не простое, а сложное действие с совмещенной пропозицией (кто-либо готовит пищу кипячением и одновременно выполняет свои профессиональные обязанности — Подробнее см. Бабенко, 1997), а значит, отражают не одну, а две и более ситуаций.

16 имен существительных в СГ *варить* обозначают орудия приготовления пищи: *грибоварка, кашеварка, крабоварка, кофеварка, медоварка, пивоварка, поварешка, самовар, самоварчик, самоварец, самоваришко, самоварище, самоварник, скороварка, соковарка, электросамовар*. Из них

* Подчеркнуты включенные компоненты значения.

4 субстантива содержат включенный объект (*грибоварка, крабоварка, кофеварка, медоварка*), 4 — включенный результат действия (*кашеварка, кофеварка, пивоварка, соковарка*), 7 — сему, указывающую на характер действия (*самовар, самоварчик, самоварец, самоваришко, самоварище, самоварник, электросамовар*), одно существительное содержит сему, детализирующую время приготовления пищи (*скороварка*).

12 имен существительных обозначают помещение для приготовления пищи: *грибоварня, квасоварня, костоварня, медоварня, пивоварня, поварская, поварня, сахароварня, солеварня, солеварная, сыроварня*. Из них 3 обозначают «помещение + включенный объект» (*грибоварня, костоварня, медоварня*), 7 «помещение + включенный результат» (*кашеварня, квасоварня, пивоварня, сахароварня, солеварня, солеварная, сыроварня*).

10 имен существительных фиксируют результат процесса варения — приготовленную пищу определенного вида: *варенье, варево, вареное, варенец, варенник, взвар, заварка, навар отвар*. Анализ субстантивов с корнем *-вар-* показывает, что инвариантная, абстрактная ситуация приготовления пищи кипячением предстает в виде своих конкретных модификаций-вариантов: *пивовар, солевар, грибовар* — производители разных, хотя и похожих действий, связанных с разными орудиями, местом и условиями производства.

Таким образом, денотативно-отражательный потенциал СГ в целом по сравнению с непроизводным глаголом значительно увеличивается.

Об этом же свидетельствуют и отглагольные имена прилагательные.

Имена прилагательные. То, какой из компонентов ситуации характеризует прилагательное, определялось не столько по словообразовательному значению последнего (*кофеваренный* ‘относящийся к процессу варки кофе’), сколько по именам существительным, которые сочетаются с данным адъективом. Например, употребление прилагательного *сахароваренный* с существительным *процесс* позволяет отнести его к прилагательным, характеризующим ситуацию приготовления сахара, употребление прилагатель-

ного *кофеварочный* с существительным *аппарат* указывает на то, что прилагательное определяет инструмент, орудие действия и т. п.

Большинство прилагательных данного СГ — сложные слова. Поэтому характеристика, даваемая ими тому или иному компоненту ситуации, комплексна. Так, прилагательное *кофеварочный* характеризует не только инструмент, орудие, используемое для приготовления кофе, но и объект (из чего готовят — из зерен *кофе*) или результат действия (напиток *кофе*).

Прилагательные с корнем *-вар-* характеризуют:

1) признак действия (10 прилагательных): *грибоварное, квасоварное, кофеварный, пивоваренное, пивоварное, сахароваренное, солеварное, солеваренное, сыроваренное, сыроварное* производство (как процесс). При этом процесс всегда характеризуется через его объект — продукт, который подвергается обработке кипячением (гриб, кофе), или результат — продукт, который хотят приготовить: квас, кофе, пиво, сахар, соль, сыр;

2) принадлежность производителю действия (3 слова): *поварской, кашеварный колпак, самоварный* шнур;

3) признаки, особенности результата приготовления пищи (23 прилагательных): *вареный* бульон, *выварная* соль, *выварочная* соль, *заварной* крем, *копчено-вареная* курица, *наваристый* бульон, *отварная* рыба, *разварная* рыба, *поваренная* соль. Результат процесса варки часто является включенным компонентом прилагательных, характеризующих процесс приготовления пищи кипячением или его инструмент (посуду, книги — инструкции по приготовлению пищи, конкретные производства и т. д.). Это такие адъективы, как *карамелеварочный* котел, *кофеварный* цех, *маслосыроваренный* завод, *пивоварная* / *пивоваренная* промышленность, *сахароваренный* / *сахароварительный* завод, *солеварный* / *солеваренный* цех, *сыроварный* / *сыроваренный* аппарат, *экстрактварочный* аппарат, *кофеварочный* агрегат, *соковарочный* котел;

4) признаки объекта варки (11 слов): *варкий* картофель. Объект, как и результат действия, обычно входит в состав сложного прилагательного, характеризующего ин-

струменты (в широком смысле), используемые для приготовления пищи: грибоварная / грибоварочная промышленность, кофеварный / кофеварочный аппарат, маслосыроваренный завод, медоваренный / медоварный цех, соковарный / соковарочный агрегат, томатоварочный котел;

5) признаки орудия действия (25 прилагательных): варочный аппарат, выварочный / выварной котел, заварочный чайник, обварочный котел, уварочный котел, поварская книга карамелеварочный / пивоварочный / сахароварительный / томатоварочный котел, грибоварное / квасоварное / кофеварное / пивоваренное / солеваренное / сыроваренное производство, маслосыроваренный / медоваренный / сахароваренный / солеварный / сыроварный завод, экстрактоварочный / кофеварочный / соковарочный аппарат.

Глаголы. Словообразовательные значения глаголов, как правило, не одноаспектны, не односемны, поэтому один глагол может характеризовать разные компоненты ситуации или один и тот же компонент, но в разные аспекты. Например, глагол *наварить* обладает словообразовательным значением 'приготовить что-либо в большом количестве, совершая действие, н. м. г.'; это позволяет ему охарактеризовать не только сам процесс приготовления пищи варкой, но и объект действия в аспекте его количества. Поэтому общее количество глаголов достигает 126 единиц.

В целом глаголы с корнем *-вар-* позволяют охарактеризовать следующие компоненты ситуации приготовления пищи варкой:

1) само действие (105 глаголов) в аспекте его интенсивности (15), таксисности (9), многократности (27), длительности (32) и фазовости (19) (примеры см. выше — 1.3);

2) объект действия (10): изменение размеров (увеличение / уменьшение) объекта (*уварить/ся/*, *разварить/ся/*); извлечение чего-либо из объекта (*выварить соль*); лишение объекта каких-либо качеств (*выварить/ся/*, *переварить/ся/*); физическое воздействие на объект для последующего приготовления из него еды (*обварить курицу*);

3) результат действия (3): дополнительное или повторное приготовление пищи в небольшом объеме (*подварить*);

приготовление пищи в значительном количестве (*наварить*); приготовление конкретного вида пищи (*взварить* 'приготовить *взвар*');

4) конкретное следствие (11): изменение размеров (увеличение / уменьшение) объекта (*уварить/ся/*, *разварить/ся/*); приготовление конкретного вида пищи (*взварить* 'приготовить *взвар*'); извлечение чего-либо из объекта (*выварить соль*), лишение объекта каких-либо качеств (*выварить/ся/*, *переварить/ся/*); физическое воздействие на объект для последующего приготовления из него еды (*обварить курицу*).

Обобщим наши наблюдения, учитывая при этом, что некоторые характеристики действия приготовления пищи имеют не только прямое выражение, но и косвенное — фиксируются включенными семами.

Наши наблюдения показали следующее:

1. Ситуация приготовления пищи варкой характеризуется элементами словообразовательного гнезда, возглавляемого глаголом *варить*, в 12 аспектах: производитель действия (1) — действие в его качественной определенности (2) с уточнением его кратности (3), интенсивности (4), длительности (5), способа совершения (6), процессуальной результативности (7) и возникшим следствием (8) — объект (9) и предметный результат (10) — инструмент варки (11) — место совершения действия (12).

2. При этом глагол-мотиватор передает качественную характеристику действия, а его дериваты — отдельные аспекты отражаемой ситуации: глагольные производные — следственно-результативные и акциональные характеристики ситуации, субстантивные дериваты — ее актантно-сирконстантные особенности, адъективные производные — уточняют признаки действия или его участников.

3. Наиболее часто дериваты СГ, возглавляемого глаголом *варить*, фиксируют такие компоненты ситуации, как само действие, его производитель, инструмент, длительность, результат и следствие; редко — объект варки, при этом последний характеризуется только с количественной стороны, качественная же специфика объекта передается лексическими средствами.

4. Для дериватов глагола *варить* характерна комплексная характеристика ситуации приготовления пищи, в этом случае указывается несколько компонентов ДП. Так, наиболее часто совмещаются значения процессуальности и объекта действия, процессуальности и результата приготовления пищи. Результат имеет склонность к манифестации отдельным корнем в деривате-комposite.

5. Если субстантив характеризует процесс приготовления пищи и не содержит включенных компонентов значения, то он обычно фиксирует количественные модификации действия — готовность пищи в процессе ее создания: *доваривание, разваривание, проварка, уваривание* и др.

6. Дериваты СГ с вершиной — глаголом *варить* отражают, как правило, не одну, а несколько ситуаций. При этом дериваты либо фиксируют взаимосвязь ситуации приготовления пищи кипячением со смежными с ней, либо передают качественные (*сахароварение, сыроварение*) и количественные (*недоварить, переварить, проварить*) модификации этой ситуации.

СГ глагола *смотреть* содержит 108 слов: 57 глаголов, 45 существительных, 6 прилагательных.

Имена существительные. СГ абстрактного глагола *смотреть* содержит 45 имен существительных. Из них 30 имеют процессуальную семантику: *смотрение, несмотрение, смотр, смотрительство, смотрины, смотрок, всматривание, высматривание, досматривание, досмотр, засматривание, надсмотр, недосмотр, осматривание, пересмотр, посмотрение, подсматривание, присматривание, присмотр, просматривание, просмотр, рассматривание, рассмотрение, усматривание, усмотрение, предусматривание, предусмотрение, непредусмотренность, предусмотрительность, непредусмотрительность*. Причем ни одно из этих действий не осложнено дополнительными характеристиками по объекту, результату, месту и т. д.

Субъекта зрительного восприятия обозначают 13 узальных существительных: *смотритель, смотрительша, смотрительница, смотрельщик, досмотрщик, досмотрщица, присмотрщик, просмотрщик, просмотрщица*.

Помещение фиксируется только двумя лексемами: *смотрительская, смотрильня*.

Имена прилагательные. Адъективные производные данного СГ характеризуют в основном производителя действия (по принадлежности субъекту: *смотрителей, смотрительницы*; по функции субъекта: *смотровая* комиссия, *смотрительские* принадлежности, *осмотровая* группа), реже — орудие (*смотровая* щель) или место действия (*смотровой* кабинет, *осмотровая* яма, *просмотровый* зал). При этом производитель действия обычно выполняет свои профессиональные обязанности, связанные с процессом зрительного восприятия объекта; орудие и место действия тоже связаны с «профессиональным» зрительным восприятием.

Глаголы. Глаголы с корнем *-смотр-* характеризуют такие компоненты ситуации, как объект (11), следствие-результат зрительного восприятия (20), его цель (4), кратность совершения (24), интенсивность (36), длительность (28), таксисность (4), фазовость (14), характер совершения (3).

Наши наблюдения позволяют констатировать следующее:

1. Ситуация зрительного восприятия объекта одушевленным субъектом, обладающим зрением, характеризуется дериватами с корнем *-смотр-* в 13 аспектах: в аспекте производителя действия (1) — качественной определенности действия (2) с уточнением его кратности (3), интенсивности (4), длительности (5), фазы (6), соотношенности с другим действием (7), цели (8), результативности и следствиям (9) — с точки зрения объекта (10) — инструмента восприятия (11) с указанием направления восприятия и ориентации инструмента восприятия (12) — место совершения действия (13).

2. Наиболее часто дериваты гнезда фиксируют такие компоненты ситуации, как само действие; следствие зрительного восприятия; длительность, степень интенсивности и кратность восприятия; количественные модификации объекта восприятия; субъект восприятия, связанный с «профессиональным восприятием».

3. Узуальные дериваты СГ, возглавляемого глаголом

смотреть, обычно отражают разные компоненты ситуации изолированно друг от друга, не осложняя их характеристику включенными компонентами. Вероятно, это связано с абстрактностью лексического значения данного глагола.

4. Денотативно-отражательный потенциал рассматриваемых СГ увеличивается в большей степени за счет производных глаголом, а не имен (ср.: СГ глагола *варить*). Производные с корнем *-смотр-* отражают взаимосвязь ситуаций, смежных со зрительным восприятием и их качественно-количественные (профессиональные и акционсартные) модификации.

8. 2. 3. Денотативное пространство глаголов *варить* и *смотреть* в динамическом аспекте: опыт анализа

Русский язык постоянно развивается. Наиболее ярким проявлением этого является пополнение языка неологизмами. При этом изменяется и денотативное пространство лексических единиц языка, что позволяет рассматривать его в динамическом аспекте.

В данной работе мы попытались охарактеризовать изменения ДП двух глаголов, *варить* и *смотреть*. Основная масса появляющихся неологизмов относится к именам существительным, что обусловлено номинативными свойствами этой части речи. Поэтому при анализе ДП данных глаголов мы опирались прежде всего на субстантивные дериваты.

Неологизмы с корнем *-вар-* и денотативное пространство СГ

Анализ неологизмов с корнем *-вар-*, появившихся в последние десятилетия XX в., показал, что 7 из них входят в данное семантическое подгнездо и характеризуют ситуации приготовления пищи: это существительные *браговарение*, *браговар*, *куховарить*, *повар-мастер*, *повар-автомат*, *шеф-повар*, *экспресс-кофеварка*. При этом они разместились по указанным выше деривационно-семантическим группам следующим образом (см. табл. 23).

Деривационно-семантические классы субстантивов
в СГ конкретного глагола *варить*

Деривационно-семантические классы	Узуальная лексика	Неологизмы
1. Процесс	46	2
2. Субъект	34	4
3. Результат	42	2
4. Объект	13	—
5. Орудие	16	1
6. Помещение	12	1
7. Качественная характеристика действия	7	—
8. Время	1	1
9. Качественная характеристика субъекта	—	3

Процесс приготовления пищи обозначают существительное *браговарение* и глагол *куховарить* (пропозитивная валентность глагола *варить* транспонировалась в новый глагол со стилистической пометой «разговорное»). Эти действия осложнены включенными компонентами результата (*браговарение*) и места действия (*куховарить*).

Субъект действия приготовления пищи пополнился 4 новыми лексемами: *браговар*, *повар-мастер*, *шеф-повариха*, *повар-автомат*. Первое существительное содержит характеристику субъекта по результатам его труда, последние три существительных — качественную характеристику повара.

Орудие приготовления пищи представлено неологизмом *экспресс-кофеварка*, который содержит включенный семантический компонент времени.

Таким образом, в ситуации приготовления пищи человеческое сознание выделило новые признаки во многих ее компонентах: в процессе, субъекте, объекте, месте, орудии действия, результате, качественной характеристике субъекта.

При этом в центре внимания оказался производитель действия, который получил более детальную характеристику на основе таких признаков объекта, как результат

приготовления пищи варкой (*браговар*), профессиональные качества субъекта (*повар-мастер, повар-автомат, шеф-повариха*).

Неологизмы показывают, что денотативное пространство СГ с вершиной *варить* развивается в сторону качественной модификации этой ситуации: появление новых средств производства, изменение производителя действия приводит к «профессиональной» специализации ситуации приготовления пищи кипячением. Единственный глагол *кухонаварить* свидетельствует об этом же — он обозначает особый — домашний, не производственный — способ приготовления пищи.

Анализ неологизмов с корнем *-смотреть*, возникших в конце XX в., обнаружил следующее: 7 неологизмов из 8 передают процесс восприятия: *автосмотр, аэросмотр, телесмотр, смотр-продажа, микросмотр, смотр-месячник, смотримость*. При этом почти все неологизмы, в отличие от узуальной лексики, содержат включенный компонент: они характеризуют действие по объекту восприятия: (*автосмотр, авиасмотр, телесмотр*) либо содержат дополнительную качественную характеристику действия (*смотр-продажа*), указание на его «размеры», масштабы (*микросмотр*), длительность совершения (*смотр-месячник*) (см. табл. 24).

Таблица 24

Деривационно-семантические классы субстантивов в СГ абстрактного глагола *смотреть*

Деривационно-семантические классы	Узуальная лексика	Неологизмы
1. Процесс	30	7
2. Субъект	13	1
3. Помещение	2	—
4. Объект	—	3
5. Время	—	1
6. Качественная характеристика действия	1	1
7. Качественная характеристика субъекта	—	1
8. Размер	—	1

Субъект зрительного восприятия передается новой лексемой — *оператор-смотритель*, где субъектная семантика осложнена качественной характеристикой производителя действия по профессии.

Таким образом, неолексемы с корнем *-смотр-* в большинстве случаев содержат комплексную характеристику ДП в отличие от узуальных дериватов с этим корнем. Благодаря этому неологизмы вошли почти во все деривационно-семантические классы, выделенные нами выше и характеризующие отдельные части ДП глагола *смотреть*. При этом обнаружена новая характеристика действия — его масштабы (*микросмотр*).

В целом ДП глагола *смотреть* в настоящее время расчленяется человеческим сознанием с помощью девербативных существительных на 8 аспектов, отражая разные компоненты ситуации зрительного восприятия: процесс, субъект, орудие, помещение, результат, время, качественная характеристика действия, качественная характеристика субъекта, размер.

Развитие денотативного пространства СГ с корнем *-смотр-* происходит за счет модификации этой ситуации по ее профессиональной ориентации.

Сопоставительная характеристика денотативных пространств словообразовательных гнезд глаголов *варить* и *смотреть*

Проведенный анализ позволяет сравнить ДП рассматриваемых глаголов (см. табл. 25).

Исследование узуальных субстантивов СГ глаголов *варить* и *смотреть* показало, что ДП абстрактного глагола *смотреть* было структурировано в значительно меньшей степени, чем ДП конкретного глагола *варить*. Узуальными дериватами представлены лишь 4 компонента ситуации: процесс, субъект, помещение, качественная характеристика действия. Причем все части ситуации имеют «чистую» характеристику, не осложненную связью с другими аспектами обозначаемой ситуации. Это объясняется тем, что для абстрактного глагола *смотреть* характерна значительно меньшая специализированность субъекта и объекта восприятия по сравнению с действием, обозначенным глаголом *варить*.

Таблица 25

Сопоставительная характеристика деривационной семантики субстантивов в СГ глаголов *варить* и *смотреть*

Деривационно-семантические классы	Удельный вес субстантивов, %	
	СГ глагола <i>варить</i>	СГ глагола <i>смотреть</i>
1. Процесс	26	61
2. Субъект	20,5	22
3. Орудие	9	—
4. Помещение	7	3
5. Результат	23	—
6. Объект	7	4,8
7. Время	2	1,6
8. Качественная характеристика действия	3,7	1,6
9. Качественная характеристика субъекта	1,6	1,6
10. Размер	—	1,6

Субъектом восприятия может быть любое живое существо, обладающее зрением; субъектом приготовления пищи — только то живое существо, которое обладает определенными профессиональными навыками.

Объект зрительного восприятия — это практически любой объект нашего мира, объект приготовления пищи более ограничен: это те продукты, которые после соответствующей обработки кипячением могут стать источником калорий для живого существа.

В целях приготовления качественной, съедобной пищи человек четко дифференцирует явления объективного мира и даже «включает» наиболее ценные из них в соответствующие номинативные единицы — композиты (*солевар*, *медовар*, *квасовар* и т. п.), потому обозначает не только действие, но и его результат, орудие, скорость приготовления пищи и т. п.

Анализ новых и узуальных субстантивных дериватов СГ анализируемых глаголов показывает, что, несмотря на разницу лексических значений этих глаголов (абстрактность — конкретность), они обладают достаточно расчле-

ненным ДП: у глагола *варить* оно характеризуется субстантивами в девяти аспектах, у глагола *смотреть* — в восьми.

Примерно одинаковый набор валентностей глаголов *варить* (кто, что, в чем, где, с какой целью) и *смотреть* (кто, что, чем, где, с какой целью) обуславливают некоторое совпадение их номинативного потенциала. В СГ данных глаголов преобладают существительные с процессуальной семой и семой производителя действия среди всех дериватов.

Отличия ДП двух глаголов касаются степени конкретизированности человеческим сознанием действия, его производителя, результата и орудия.

В целом действие приготовления пищи, представленное человеческим сознанием достаточно подробно и расчлененно, занимает в денотативном пространстве СГ с вершиной *варить* значительно меньшее место, чем обозначение действия в СГ с вершиной *смотреть* (ср. их удельный вес: соответственно 26 и 61%). Это обусловлено тем, что в процессе приготовления пищи чрезвычайно значимы его опредмеченные результаты, следствия (что приготовлено для еды) и используемые при этом орудия, в то время как для зрительного восприятия эти компоненты ситуации менее значимы и потому реализованы лишь его процессуальные следствия (*разглядеть, наглядеться* и т. п.).

С этим же связано и отсутствие в деривационно-денотативном пространстве глагола *смотреть* производных со значением результата и орудия действия: орудие зрительного восприятия — глаза, являющиеся частью человека (субъекта восприятия); результат восприятия также неспециализирован: им может быть состояние живого существа (испуг, радость), действие (бегство, улыбка, начало и прекращение какой-либо деятельности), любое его качество.

Анализ динамики ДП глаголов *варить* и *смотреть* показал, что они изменяются примерно в одном направлении: происходит профессиональная, качественная конкретизация характеристики выделенных ранее компонентов ситуации. Во-первых, последним дается преимущественно не одноаспектная, а комплексная характеристика. Для си-

туации приготовления пищи — это продолжение традиционного направления развития, для ситуации зрительного восприятия — новое направление, обусловленное совершенствованием психики современного человека, усложнением окружающей его жизни, что потребовало усложнения не выявленных ранее, но важных связей и отношений. Во-вторых, происходит качественная модификация ситуаций приготовления пищи и зрительного восприятия по профессиональному признаку, что значительно расширяет денотативно-отражательный потенциал словообразовательных гнезд.

8. 2. 4. Особенности отражения денотативного пространства глаголов **варить** и **смотреть** лексически и деривационными значениями русского глагола

Приведенные выше наблюдения показали, что лексические и деривационные средства языка, даже если они отражают один и тот же участок денотативного пространства, лежащего в их основе (например, ситуации зрительного восприятия или приготовления пищи варкой), делают это неодинаково.

Лексические средства (глагол и сочетающегося с ним слова) позволяют передать все компоненты той или иной ситуации с необходимой для носителя языка полнотой и конкретизацией. Но при этом приходится создавать неоднословные номинации, словосочетания, поскольку непрямые глаголы, используемые для обозначения конкретной ситуации, задают лишь минимум ее необходимых характеристик: глагол *варить* — 4 из 14 возможных (действие — его результат — способ осуществления — место совершения); глагол *смотреть* — 6 из 14 (действие — субъект — объект — инструмент — направление восприятия — характер восприятия).

Словообразовательные единицы — компоненты СГ, участвующие в отражении этих же ситуаций, позволяют:

1) заменить неоднословные номинации универбами, что экономит усилия говорящих и сокращает текст;

2) эксплицитировать весь набор прагматически значимых для человека компонентов ситуации. К ним относятся

прежде всего производитель действия, который не всегда уточняется на уровне лексического значения (в частности, в дефинициях глаголов *варить* и *смотреть* он не указан). Следует отметить, что словообразование обычно фиксирует не любого производителя действия, а такого, для которого выполнение обозначенного мотиватором действия является профессиональной обязанностью (*смотритель, повар, квасовар, медовар, браговар, пивовар* и т. п.).

Прагматически значим и такой компонент ситуации, как объект действия, качественно различные типы которого фиксируют лексические единицы языка, а количественные модификации и степень охвата действием (со всех сторон: *обсмотреть, обварить*) — словообразовательные средства: СЗ и их носители — производные слова.

Особой значимостью обладают также результаты, следствия и цели действия;

3) зафиксировать связи исследуемых ситуаций с другими. Эти связи могут быть квалифицированы как таксистные отношения, либо как отношения обусловленности разных видов;

4) дать номинации для акционсартных модификаций ситуации с точки зрения их длительности, интенсивности, кратности, фазовости, соотношенности с другим действием и т. п.

Таким образом, компоненты СГ, возглавляемых глаголами, сами производные глаголы и сочетания последних с другими словами могут отражать одну и ту же часть денотативного пространства, но при этом вычленяют в ней разные компоненты: лексические значения производных глаголов отражают минимальные и достаточные существенные признаки ситуации (те, которые позволяют отграничить ее от других); словосочетания — все компоненты ситуации (случайные и неслучайные), попадающие в поле зрения носителя языка; производные слова, формирующие словообразовательные гнезда, в том числе производные глаголы, выбирают из этих компонентов те, которые прагматически наиболее значимы и «достойны» быть запечатленными в отдельном слове: это профессиональные и акционсартные модификации ситуации.

В целом следует отметить, что анализ конкретных дериватов подтвердил общие выводы, сделанные нами в ходе анализа всей системы отглагольных словообразовательных значений.

Приложение к гл. 8

ЛЕКСИКО-СЕМАНТИЧЕСКАЯ КЛАССИФИКАЦИЯ ДЕЙСТВИЙ, ПЕРЕДАВАЕМЫХ СЛОВООБРАЗОВАТЕЛЬНЫМИ ЗНАЧЕНИЯМИ

Примечание. 1. Формулировки словообразовательных значений взяты из «Русской грамматики». (М., 1980. Т. 1).

2. Звездочкой (*) отмечены периферийные словообразовательные значения.

3. Использованы сокращения *н. м. г. /с. /прил. /мест. /межд. /звукоподр.* — названное мотивирующим глаголом/ существительным/ прилагательным/ местоимением/ междометием/ звукоподражанием.

I. ДЕЙСТВИЕ

1. Действие вообще

1.1. Довести действие, н. м. г., до необходимой нормы: *дооборудовать*.

1.2. Довести действие, н. м. г., до конца или до какого-н. предела: *добелить*.

1.3. Довести интенсивное или длительное действие, н. м. г., до конца или до какого-н. предела: *добелить*.

1.4. Избавиться, уклониться от кого-, чего-л. (не совершать чего-либо) с помощью действия, н. м. г.: *отшутиться*.

1.5. Начать действие, н. м. г., с большой интенсивностью: *разбушеваться*.

1.6. Начать действие, н. м. г.: *возгордиться, заговорить, побежать*.

1.7. Начать действие, н. м. г., интенсивно: *взбушеваться*.

1.8. Начать действие, н. м. г., интенсивно или резко, внезапно: *взволноваться*.

1.9. Обмениваться тем действием, которое н. м. г.: *перешучиваться*.

1.10. Окончить длившееся определенное время действие, н. м. г.: *отгреметь, отзвучать*.

1.11. Окончить длившееся определенное время действие, н. м. г.; освободиться от этого действия или оказаться не в состоянии его продолжать: *отбегаться*.

1.12. Отказаться или заставить отказаться от чего-н., совершая действие, н. м. г.: *отдумать, отговорить*.

1.13. Прекратить действие, н. м. г., обычно после длительного или интенсивного осуществления этого действия: *перебродить* 'перестать бродить после длительного брожения'.

1.14. Распространить действие, н. м. г., на много объектов или на много мест в пределах одного объекта: *опросить* всех, *обегать* все, *объехать*.

1.15. Распространить действие, н. м. г., на много объектов или субъектов по очереди: *переглотать* все, *перебывать* (обо всех), *повывезти, повскакивать*.

1.16. Распространить действие, н. м. г., на много мест в пределах объекта (объектов) или субъекта действия: *истрескаться*.

1.17. Распространить действие, н. м. г., на небольшую часть поверхности предмета: *надпилить*.

1.18. Распространить действие, н. м. г., на определенный, обычно необходимый или заранее обусловленный промежуток времени: *переждать, передрепать*.

1.19. Распространить действие, н. м. г., на часть предмета: *замыть*.

1.20. Совершить (довести до результата) действие, н. м. г.: *взрастить, воспрепятствовать, вылечить, заминировать, измерить, нагреть, обеспокоить, обменять, отрегулировать, поблагодарить, подмести, приготовить, прозвучать, разбудить, сделать, укомплектовать, посадить, укусить*.

1.21. Совершить действие, н. м. г., в достаточной степени или в избытке; дойти до состояния удовлетворения или пресыщения в результате длительного или интенсивного совершения этого действия: *набегаться*.

1.22. Совершить действие, н. м. г., вновь, повторно, иногда по-новому: *реорганизовать*.

1.23. Совершить действие, н. м. г., во время другого действия или сразу после его окончания: *пристукнуть* ‘стукнуть чем-н. в момент какого-л. действия или в довершение чего-л.’.

1.24. Совершить действие, н. м. г., во время другого действия или сразу после его окончания, приспособляясь к кому-н. или чему-н.: *подпеть*.

1.25. Совершить действие, н. м. г., в ответ на другое действие: *отдарить*.

1.26. Совершить действие, н. м. г., в своих интересах: *прибираться*.

1.27. Совершить действие, н. м. г., в течение какого-н. времени (чаще — длительного): *проворочаться* всю ночь.

1.28. Совершить действие, н. м. г., в течение некоторого времени (чаще недолго): *поработать*.

1.29. Совершить действие, н. м. г., дополнительно: *доплатить, довесить*.

1.30. Совершить действие, н. м. г., дополнительно и с незначительной интенсивностью: *доплатить, подлить*.

1.31. Совершить действие, н. м. г., дополнительно; прибавить что-н. в дополнение к тому, что уже имеется: *прикупить*.

1.32. Совершить действие, н. м. г., за длительное время с большой интенсивностью: *обыскаться*.

1.33. Совершить действие, н. м. г., за длительное время с небольшой интенсивностью; иногда также приобрести или утратить какие-н. свойства в результате этого действия: *выбегаться*.

1.34. Совершить действие, н. м. г., за короткое время с небольшой интенсивностью: *всплакнуть, прихворнуть*.

1.35. Совершить действие, н. м. г., заранее, заблаговременно, наперед: *предвозвестить, предрешить*.

1.36. Совершить действие, н. м. г., заранее, заблаговременно, предварительно, впрок: *заготовить*.

1.37. Совершить действие, н. м. г., интенсивно: *иззябнуть, иссушить, нагладить* ‘тщательно погладить’, *пермерзнуть*.

1.38. Совершить действие, н. м. г., интенсивно или резко, внезапно: *взвизгнуть*.

1.39. Совершить действие, н. м. г., интенсивно и (или) тщательно: *выделать, вымерить, прогладить, вытанцовывать, отплясывать*.

1.40. Совершить действие, н. м. г., интенсивно, полностью, окончательно: *отгладить*.

1.41. Совершить действие, н. м. г., интенсивно, иногда с чрезмерной полнотой: *преувеличить*.

1.42. Совершить действие, н. м. г., интенсивно, длительно, непрерывно, настойчиво: *названивать*.

1.43. Совершить действие, н. м. г., которое является постоянным и характерным свойством субъекта: *бодаться* (о корове).

1.44. Совершить действие, н. м. г., кратко, неинтенсивно, обычно в перерыве другого действия: *перекурить*.

1.45. Совершать действие, н. м. г., медленно, не спеша, длительно (в глаголах движения с оттенком: направляя его то в одну, то в другую сторону): *распивать, разгуливать*.

1.46. Совершить действие, н. м. г., неверно, ошибочно, неудачно: *оговориться, обсчитаться*. 1.47. Совершить действие, н. м. г., не спеша, для отдыха или удовольствия: *прогуляться*.

1.48. Совершить действие, н. м. г., слабо, тихо, с небольшой интенсивностью: *насвистывать, подпахивать*.

1.49. Совершать действие, н. м. г., с небольшой интенсивностью, время от времени: *побаливать*.

1.50. Совершить действие, н. м. г., не полностью, не довести его до необходимой нормы: *недовыполнить*.

1.51. Совершить действие, н. м. г., не полностью, наполовину: *полулежать*.

1.52. Совершить действие, н. м. г., однократно: *сжульничать*.

1.53. Совершить действие, н. м. г., однократно, с небольшой интенсивностью: *сболтнуть*.

1.54. Совершить действие, н. м. г., повторно, заново, иногда по-новому: *переделать, переучить*.

1.55. Совершать действия, н. м. г., попеременно: *перезванивать* 'попеременно звонить или звенеть'.

1.56. Совершить действие, н. м. г., попутно, мимоходом; отклониться от основного направления действия: *заехать*.

1.57. Совершить действие, противоположное действию, н. м. г., аннулирующее результат этого действия: *демобилизовать, дисгармонировать*.

1.58. Совершить действие, н. м. г., с большой интенсивностью: *растолстеть*.

1.59. Совершить действие, н. м. г., с излишней интенсивностью, причинив себе неприятность: *объесться*.

1.60. Совершить действие, н. м. г., с нежелательно большой длительностью и интенсивностью: *перегреть, перезаниматься*.

1.61. Совершать действие, н. м. г., с небольшой интенсивностью: *прихрамывать*.

1.62. Совершить действие, н. м. г., с незначительной интенсивностью: *поотстать, попортить, подбодрить, подзабыть*.

1.63. Совершить действие, н. м. г., с незначительной интенсивностью, не полностью: *приглушить, привстать*.

1.64. Совершить действие, н. м. г., самопроизвольно или самостоятельно: *самовоспламениться*.

1.65. Совершить действие, н. м. г., слабо, слегка, бегло: *наиграть*.

1.66. Совершить действие, н. м. г., совместно с кем-л.: *сосуществовать*.

1.67. Совершить действие, н. м. г., сразу после другого действия: *запить*.

1.68. Совершить действие, н. м. г., тайно, скрытно: *подсказать, подбросить*.

1.69. Сопровождать какое-л. действие действием, н. м. г.: *припевать*.

2. Движение субъекта

а) Совершить действие, направив его в определенный конечный пункт, который:

2.1. расположен ниже, чем исходный: *ниспасть*;

2.2. расположен выше, чем исходный: *взлететь, подпрыгнуть*;

2.3. расположен ниже, чем исходный, и отделяет предмет от ниже лежащей поверхности: *подлезть*;

2.4. расположен дальше по направлению поступательного движения субъекта: *пройти, проехать* вперед;

2.5. является внутренними пределами чего-л.: *вползти*;

2.6. является наружной границей чего-л. (на поверхность): *запрыгнуть на что-л., впрыгнуть*;

2.7. воспринимается наблюдателем как отделенный и скрытый от него предметом (за что-л.): *запрыгнуть за что-л.*;

2.8. заранее определен (до определенного пространственного предела): *добрести*.

б) Совершить действие, направив его из начального пункта движения или перемещения, который:

2.9. является внутренней частью чего-л. (наружу): *выползти*;

2.10. является внешней границей чего-л. (с поверхности): *спрыгнуть*.

в) Совершить действие, направив мимо какой-л. промежуточной точки отсчета:

2.11. так, чтобы не задеть ее (мимо предмета): *обойти, проехать*;

2.12. по траектории кривой, проходящей над предметом, выходящей из точки, расположенной до предмета, и заканчивающейся в точке, расположенной за ним: *перескочить* через что-л.

г) Совершить действие, направив его от начальной конечной точке отсчета:

2.13. из нескольких мест в одно: *сбежаться*;

2.14. из одного места в разные стороны: *разъехаться*;

2.15. из одного места в разные стороны неоднократно: *бродить, бегать*;

2.16. от одного предмета к другому: *перескочить* с камня на камень.

3. Перемещение объекта

а) Совершить действие, направив его в определенный конечный пункт, который:

3.1. расположен ниже, чем исходное: *низвести*;

3.2. расположен выше, чем исходное: *подбросить, взбросить*;

3.3. расположен ниже, чем исходное, и отделяет предмет от ниже лежащей поверхности: *подложить*;

3.4. расположен между находящимися рядом предметами: *пересыпать что-л. чем-л.*;

3.5. является внутренними пределами чего-л.: *ввезти*;

3.6. является наружной границей чего-л. (на поверхность): *усыпать, закатить*;

3.7. воспринимается наблюдателем как отделенное и скрытое от него предметом (за что-л.): *забросить*;

3.8. заранее определено (до определенного пространственного предела): *добросить*;

*3.9. (о конкретном объекте действия, н. м. с.): *делегировать, десантировать*.

б) Совершить действие, направив его из начального пункта движения или перемещения:

3.10. от чего-л.: *отбросить*;

3.11. который является внутренней частью чего-л. (наружу): *вывезти*;

3.12. который является внешней границей чего-л. (с поверхности):

счистить, скатить.

в) Совершить действие, направив его мимо какой-л. промежуточной точки отсчета:

3.13. по замкнутой кривой, равноудаленной от точки отсчета (вокруг предмета, на все стороны): *окутать, обжа- рить*;

*3.14. вокруг предмета и поперек его: *перепоясать*;

3.15. так, что при перемещении нарушатся границы, целостность точки отсчета (сквозь предметы): *прокусить, пробурить*;

3.16. по траектории — кривой, проходящей над предметом, выходящей из точки, расположенной до предмета, и заканчивающейся в точке, расположенной за ним: *перебро- сить* через что-либо.

г) Совершить действие, направив его от начальной к конечной точке отсчета:

3.17. из нескольких мест в одно: *сгрести*;

3.18. из одного места в разные стороны: *разослать*;

3.19. от одного предмета к другому: *перебросить* с камня на камень.

4. Помещение

а) Помещение субъекта

4.1. Достигнуть какого-н. места с помощью действия, н. м. г.: *добежать*.

4.2. Достигнуть какого-н. места, прибыть или доставить в какое-н. место, соединиться с чем-н. с помощью действия, н. м. г.: *прийти*.

4.3. Подняться вверх, наверх с помощью действия, н. м. г.: *взлететь*.

4.4. Поместиться, переместиться за что-н., в какое-н. место, иногда отдаленное, с помощью действия, н. м. г.: *залететь*.

4.5. Поместиться, проникнуть во что-н., внутрь чего-н. с помощью действия, н. м. г.: *влететь*.

4.6. Приблизиться, присоединиться к чему-н. с помощью действия, н. м. г.: *подойти*.

4.7. Прибыть из разных мест в одно; соединиться с помощью действия, н. м. г.: *сбежаться*.

4.8. Разместиться, строиться где-н. основательно, удобно или надолго посредством действия, н. м. г.: *усесться*.

б) Помещение/удаление объекта:

4.9. Доставить из разных мест в одно, соединить с помощью действия, н. м. г.: *сгрести*.

4.10. Достигнуть какого-н. места, доставить в какое-н. место, соединить с чем-н. с помощью действия, н. м. г.: *приплести*.

4.11. Поместить что-н. между предметами или частями одного предмета с помощью действия, н. м. г.: *пересыпать* что-н. чем-н.

4.12. Поместить, переместить за что-н., в какое-н. место, иногда отдаленное, с помощью действия, н. м. г.: *забросить*.

4.13. Поместить во что-н., внутрь чего-н. с помощью действия, н. м. г.: *вкатить*.

4.14. Удалить, выделить из чего-н., направить наружу посредством действия н. м. г.: *вывезти, выронить*.

4.15. Удалить из чего-н. с помощью действия, н. м. г.: *изгнать*.

4.16. Удалить на некоторое расстояние, отделить от чего-н. с помощью действия, н. м. г.: *отломать, отсадить*.

4.17. Удалить откуда-н., заставить покинуть какое-н. место с помощью действия, н. м. г.: *увезти* ‘везя, удалить’.

4.18. Удалить с чего-н. с помощью действия, н. м. г.: *счистить, ссадить*.

4.19. Уместить что-н. в каком-н. пространстве с помощью действия, н. м. г.: *упечатать* ‘печатаю, уместить’.

в) Покрытие:

4.20. Покрыть(ся), закрыть(ся) чем-л. с помощью действия, н. м. г.: *закапать*.

4.21. Покрыться чем-н. сплошь, полностью с помощью действия, н. м. г.: *усыпать, укутаться*.

*4.22. Окружить или покрыть со всех сторон тем, что н. м. с.: *опушить, обдернить*.

*4.23. Покрыть в изобилии тем, что н. м. с.: *искрестить*.

*4.24. Покрыться тем, что н. м. с.: *замшеть, обомшеть*.

5. Физическое воздействие на объект

а) Прикосновение:

5.1. Направить действие, н. м. г., на поверхность чего-н.; поместиться на чем-н., натолкнуться на что-н.: *накачать, набрести*.

б) Очищение:

5.2. Очистить что-н., удалить все остатки с помощью действия, н. м. г.: *подклевать*.

в) Отрицательное воздействие на объект:

5.3. Аннулировать результат действия, н. м. г.; отказаться или заставить отказаться от чего-н.: *разбронировать*.

5.4. Довести до нежелательного состояния (крайней усталости, бессилия, истощенности) с помощью действия, н. м. г.: *укачать*.

5.5. Довести до нежелательного состояния с помощью действия, н. м. г.: *долечить до...*

5.6. Довести до нежелательного состояния (повреждения, утомления) с помощью действия, н. м. г.: *отдавить, отстоять*.

5.7. Довести кого-, что-л. до нежелательного состояния (негодности, утомления, истощенности) с помощью действия, н. м. г.: *задергать*.

5.8. Довести себя до неприятных последствий путем интенсивного совершения действия, н. м. г.: *доработаться*.

5.9. Израсходовать, истратить, утратить что-н. с помощью действия, н. м. г.: *проездить* 'израсходовать на поездку'.

5.10. Причинить ущерб кому-н. (иногда — обмануть кого-н.) с помощью действия, н. м. г.: *обсчитать*.

5.11. Причинить себе ущерб, иногда выявить то, что нежелательно выявлять, с помощью действия, н. м. г.: *просчитаться*.

*5.12. Лишить того, что н. м. с.: *обезжирить*.

*5.13. Лишить того, удалить то, что н. м. с.: *разоружить*.

*5.14. Лишить того признака, который н. м. п.: *рассекретить*.

*5.15. Лишить свойств, признаков того, заставить перестать быть тем, кто (что) назван(о) м. с.: *раскулачить*.

*5.16. Раскрыть, разъединить, измельчить, превратив в то или сделав похожим на то, что н. м. с.: *распылить*.

5.17. Уничтожить, израсходовать что-н. с помощью действия, н. м. г.: *уплести* все нитки.

5.18. Уничтожить, израсходовать, повредить в результате действия, н. м. г.: *скормить, сглодать*.

5.19. Уничтожить, израсходовать, употребить на что-н. посредством действия, н. м. г.: *извязать*.

г) Пропитывание

*5.20. Наделить (пропитать, напитать) тем, что н. м. с.: *прожирить*.

д) Соединение, присоединение

5.21. Доставить из разных мест в одно, соединить с помощью действия, н. м. г.: *сгрести*.

5.22. Достигнуть какого-н. места, прибыть или доставить в какое-н. место, соединить с чем-н. с помощью действия, н. м. г.: *приплести*.

5.23. Приблизить, присоединить к чему-н. с помощью действия, н. м. г.: *подвести*.

*5.24. Присоединить, прикрепить к чему-н. с помощью того, что н. м. с.: *прикнопить*.

*5.25. Соединить в группы, состоящие из стольких единиц, сколько н. м. с.: *сдвоить*.

*5.26. Соединить, собрать вместе что-н., образовав, создав то, что н. м. с.: *скучить*.

е) Разделение, отделение

5.27. Направить в разные стороны, распространить, разъединить с помощью действия, н. м. г.: *разбросать*.

5.28. Удалить(ся) на некоторое расстояние, отделить(ся) от чего-н. с помощью действия, н. м. г.: *отлететь, отломать, отсадить*.

*5.29. Отделить то или посредством того, что н. м. с.: *отщепить* 'отделить щепку', *ограничить* 'отделить границей'.

*5.30. Раскрыть, разъединить, измельчить, превратив в то или сделав похожим на то, что н. м. с.: *распылить*.

6. Созидание

а) Создание чего-л.

*6.1. Создавать то, что н. м. с.: *роить, копнить*.

*6.2. Соединить, собрать вместе что-н., образовав, создав то, что н. м. с.: *скучить*.

б) Приготовление впрок

6.3. Совершить действие, н. м. г., заранее, заблаговременно, предварительно, впрок: *заготовить*.

в) Приготовление в каком-л. количестве

6.4. Накопить(ся) в определенном количестве с помощью действия, н. м. г.: *натаскать, наехать*.

г) Приведение в прежнее состояние

6.5. Совершить действие еще раз, восстанавливая утраченный ранее результат действия: *восстановить, ренационализировать*.

7. Интеллектуальная деятельность

а) Восприятие

7.1. Воспринять или объяснить что-н. во всех подробностях: *разглядеть*.

7.2. Обратить действие-восприятие, н. м. г., к объекту восприятия: *прислушаться*.

б) Понимание, познание

*7.3. Сделать таким, как н. м. мест.; понять что-л.: *усвоить, освоить*.

8. Речевая деятельность

*8.1. Издавать звуки, н. м. мест.: *тыкать, выкать*.

*8.2. Издавать звуки, н. м. межд.: *ойкать, ахать*.

9. Социальная деятельность

а) Использование

9.1. Израсходовать, истратить, утратить что-н. с помощью действия, н. м. г.: *проездить* 'израсходовать на поездку', *уплести* все нитки.

9.2. Уничтожить(ся), израсходовать(ся), повредить(-ся) в результате действия, н. м. г.: *скормить, сглотать, съесть(ся)*.

9.3. Уничтожить(ся), израсходовать(ся), употребить на что-н. посредством действия, н. м. г.: *извязать(ся)*.

б) Вести себя как-л.

*9. 4. Вести себя так, как ведут себя в том месте, которое н. м. с.: *базарить*.

*9. 5. Вести себя так, как свойственно тому, кто н. м. с.: *владычествовать, царствовать*.

*9. 6. Вести себя, проявляя признаки, н. м. п.: *дичиться*.

10. Физиологическая деятельность

Нет.

11. Звучание

*11.1. Издавать звуки, н. м. звукоподр.: *квакать*.

II. БЫТИЕ. СОСТОЯНИЕ

12. Бытие

а) Прекратить существовать (о субъекте)

12.1. Перестать существовать, наличествовать, так как оказаться полностью использованным: *исписаться*.

б) Прекратить существование объекта

*12.2. Каузировать прекращение существования кого-, чего-л.: с помощью того, что н. м. с.: *газировать* 'умерщвлять газом'.

12.3. Каузировать прекращение существования кого-, чего-л., истратив, израсходовав его: *склевать, исписать*.

12.4. Каузировать прекращение существования кого-, чего-л. уничтожив все остатки объекта: *подклевать*.

12.5. Уничтожить, израсходовать что-н. с помощью действия, н. м. г.: *уплести* все нитки.

12.6. Уничтожить, израсходовать, повредить в результате действия, н. м. г.: *скормить, сглодать*.

12.7. Уничтожить, израсходовать, употребить на что-н. посредством действия, н. м. г.: *извязать*.

12.8. Аннулировать результат действия, н. м. г.; отказаться или заставить отказаться от чего-н.: *разбронировать*.

в) Каузировать начало существования объекта

*12.9. Воздействуя на объект, каузировать начало существования того, что н. м. с., создавая это: *копнить, копировать*.

г) Существовать в течение определенного времени, н. м. с.

*12.10. Совершить действие в течение времени, н. м. с.: *ночевать, зимовать, сумерничать*

13. Состояние

а) Становление качества, состояния субъекта (начать пребывать в каком-либо состоянии, прийти в какое-либо состояние):

13.1. прийти в нормальное состояние с помощью действия, н. м. г.: *отлежаться, проспать*;

13.2. прийти в отрицательно оцениваемое состояние, совершив действие чрезмерно интенсивно, длительно или многократно: *опиться, объесться, доработаться, изолгаться, убежаться*;

13.3. прийти в состояние, при котором уменьшились размеры предмета: *увариться, укипеть*;

13.4. прийти в состояние, при котором увеличились размеры предмета: *развариться*;

13.5. стать неспособным совершать действие после его длительного или интенсивного совершения: *отбежаться*;

13.6. стать способным производить с кем-л. согласованные действия в результате совместной деятельности в течение какого-л. промежутка времени: *сыграться*;

13.7. стать способным совершить действие, придя в себя: *одуматься*;

13.8. стать победителем, совершив действие с большей интенсивностью, чем другой субъект: *переспорить*;

13.9. прийти в состояние удовлетворения, пресыщения действием в результате его длительного или интенсивного совершения (СЗ сативного СГД): *насмотреться*;

13.10. стать способным совершить что-либо, так как приобрести какой-л. навык в результате длительного, многократного или интенсивного совершения действия: *наездить*;

13.11. приобрести какую-л. привычку, совершая действие, н. м. г.: *притерпеться, облетаться*;

13.12. приспособиться к чему-л., с. д., н. м. г.: *подольститься*;

13.13. усвоить, освоить что-л., с. д., н. м. г.: *вработаться*;

13.14. прийти в состояние правильного понимания чего-л. в результате восприятия этого во всех подробностях: *рассмотреть*;

13.15. начать стараться воспринять что-л.: *прислушаться*;

13.16. прийти в состояние увлеченности, утомления: *забегаться, зачитаться*;

13.17. прийти в состояние утомления, негодности: *исстрадаться, изнервничаться*;

13.18. длительно совершать действие, н. м. г., и приобрести или утратить некоторые свойства: *вылежаться, выбегаться*;

*13.19. приобрести признаки того, кто (что) н. м. с. (стать кем): *сиротеть, углиться*;

*13.20. приобрести признаки того, кто (что) н. м. п.: *трухлявиться, крепчать, белеть, сохнуть*.

б) Перестать пребывать в каком-л. состоянии:

13.21. после длительного пребывания в нем и достижения чувства удовлетворения из-за длительного совершения действия, н. м. г. (СЗ сативного СГД): *выспаться*;

13.22. в результате приобретения или утраты некоторых свойств из-за длительного совершения действие, н. м. г.: *вылежаться, выбегаться*.

в) Каузировать возникновение состояния:

13.23. иного состояния по сравнению с предыдущим: *переделать*;

13.24. нежелательного для субъекта, отрицательно оцениваемого им: *долечить до...*, *отлежать*, *перегреть*;

13.25. чрезвычайно неприятного для субъекта состояния: *задергать*, *укачать*;

13.26. с частичного повреждения объекта: *запилить*, *надгрызть*;

13.27. значительного повреждения объекта во многих местах: *издырывать*, *изранить*;

13.28. поражения объекта: *обыграть*;

13.29. при котором увеличиваются размеры объекта: *надстроить*;

13.30. состояния, при котором уменьшаются размеры объекта: *укипятить*;

13.31. при котором объекту наносится ущерб: *обсчитать*;

*13.32. пропитывания объект чем-л.: *спиртовать*;

*13.33. н. м. п.: *разнообразить*;

*13.34. н. м. с.: *восторгать*, *приохотить*, *уравновесить*;

*13.35. возникающее от деления объекта на столько частей, сколько н. м. ч.: *раздвоить*;

*13.36. при котором увеличиваются объем, размеры, количество объектов во столько раз, сколько н. м. ч.: *удвоить*;

*13.37. при котором объект теряет какие-л. качества, н. м. с. или п.: *обезжирить*, *рассекретить*;

*13.38. при котором объект обретает какие-л. качества, н. м. с., п., мест. или н.: *математизировать*, *разнообразить*, *улучшить*;

*13.39. при котором объект приобретает то, что н. м. с.: *ваксить*, *финансировать*;

*13.40. при котором объект наделяется признаками, н. м. с. или п., в чрезмерной степени: *затруднить*, *истончить*, *перегорчить*;

*13.41. при котором усиливается признак, свойственный объекту и н. м. с. или п.: *повысить*;

*13.42. при котором объект покрывается тем, что н. м. с., со всех сторон: *обдернить*, *обмелить*;

*13.43. при котором объект покрывается чем-л. в избытке: *искрестить*;

*13.44. при котором объект заполняется чем-л.: *захламить*;

*13.45. при котором объект увеличивается во столько раз, сколько н. м. ч.: *удесятерить*;

*13.46. при котором объект разделяется на столько групп, сколько н. м. ч.: *двоить*;

*13.47. при котором объект объединяется в группы так, как н. м. ч.: *удвоить*;

*13.48. при котором объект превращается в то, что н. м. с.: *толпиться, заболотить, распылить*.

г) Каузировать прекращение пребывания объекта в каком-л. состоянии:

13.49. совершив действие, аннулирующее результат действия, н. м. г.: *демобиловать, дисквалифицировать*;

13.50. в целостном состоянии (разделить его на части): *разломать*;

*13.51. из-за потери качеств, н. м. с. или п.: *обезжирить, рассекретить*.

д) Проявление качества

*13.52. Вести себя, проявляя свойства, н. м. п.: *дичиться*.

е) Восприятие по качеству, свойству

13.53. Виднеться таким, как указано м. п.: *сереть, розоветь*.

ж) Изменение количественного признака

13.54. Увеличить дополнительно размеры предмета, добавить что-н. к предмету (иногда к его верхней части) с помощью действия, н. м. г.: *надстроить*.

13.55. Уменьшить(ся) с помощью действия, н. м. г.: *укипеть, уварить*.

*13.56. Увеличить во столько раз, сколько н. м. ч.: *удвоить*.

III. ОТНОШЕНИЕ

14. Взаимоотношения

14.1. Совершить действие, н. м. г., сопровождая им

какое-либо действие (сопроводительный СГД): *подпевать, приплясывать*;

14.2. Совершать действие одновременно с субъектом, взаимно действующим с первым: *сосуществовать*.

15. Владение

а) Начать иметь

15.1. что-л. в результате каких-л. действий: *завоевать, выиграть, заработать*;

15.2. что-л. в большом количестве после не однократного, длительного или интенсивного совершения действия, н. м. г. (СЗ накопительного СГД): *натаскать, наварить*;

15.3. что-л. в небольшом количестве в результате совершения действия, н. м. г.: *подлить*;

15.4. что-л. в большем количестве, совершив действие, н. м. г., дополнительно: *прикупить*;

15.5. в результате длительного совершения действие, н. м. г., и приобретения некоторых свойств: *вылежаться, выбегаться*;

15.6. размеры, увеличившиеся в результате совершения действия: *развариться*;

15.7. какой-л. навык в результате длительного, многократного или интенсивного совершения действия, н. м. г.: *наездить*;

15.8. какую-л. привычку в результате длительного совершения действия, н. м. г.: *притерпеться, облетаться*;

15.9. способность производить с кем-л. согласованные действия в результате совместной деятельности, н. м. г., в течение какого-л. промежутка времени: *сыгаться*;

*15.10. то, что названо мотивирующей основой, в результате собственных усилий, труда: *калымить, барышничать, бельчить*;

*15.11. признаки того, кто (что) назван(о) м. с. (стать кем): *сиротеть, углиться*;

*15.12. признаки того, то (что) назван(о) м. п.: *трухлявиться, крепчать, белеть, сохнуть*.

б) Перестать иметь что-л.

15.13. в результате его использования, расходования

в процессе совершения действия, н. м. г.: *исписать, проездить, сглотать.*

в) Каузировать начало обладания чем-л.:

*15.14. наделяя тем, что н. м. с.: *финансировать, пятнать;*

*15.15. наделяя признаком, н. м. с.: *математизировать, магнитить.*

г) Каузировать прекращение обладания чем-л.:

*15.16. лишить того, что н. м. с.; отделить это: *потрошить, шелушить.*

*15.17. качествами, н. м. с. или п.: *обезжирить, рассекретить.*

16. Межличностные отношения

*16.1. Вести себя как-л., проявляя качества, н. м. г. и свидетельствующие о каком-л. отношении к кому-л.: *дичиться.*

16.2. Достичь взаимопонимания, согласованности действий, н. м. г.: *сыгаться.*

*16.3. Вызвать у кого-н. то чувство (отношение к чему-л.), которое н. м. с.: *прихотить, раззадорить.*

17. Социальные отношения

а) Победа

*17.1. Победить, превзойти кого-н. в проявлении признака, н. м. п.: *пересилить.*

б) Обеспечение

*17.2. Наделить (оборудовать, засадить) тем, что н. м. с.: *обсеменить.*

*17.3. Оборудовать или снабдить тем, что н. м. с.: *радиофицировать.*

*17.4. Оборудовать в нижней части тем или поднять снизу с помощью того, что н. м. с.: *подрессорить.*

**Денотативное и лексико-семантическое
пространство русского глагола
в лингвометодическом аспекте**

9.1. ДЕНОТАТИВНОЕ И ЛЕКСИКО-СЕМАНТИЧЕСКОЕ
ПРОСТРАНСТВА РУССКОГО ГЛАГОЛА КАК ОБЪЕКТ
ЛИНГВИСТИКИ И МЕТОДИКИ ПРЕПОДАВАНИЯ РУССКОГО
ЯЗЫКА КАК ИНОСТРАННОГО

В современных лингвистических исследованиях, посвященных глагольной лексике русского языка, получили широкое распространение такие понятия, как денотативное пространство, лексическое пространство, семантическое пространство, лексико-семантическое пространство, семантическое поле (подполе), тематическая группа, лексико-семантическая группа (ЛСГ), семантический комплекс, семантические расстояния, сильная / слабая семантика (В. В. Богданов, Е. М. Вольф, Л. А. Новиков, Ю. С. Степанов, Е. С. Кубрякова, Е. В. Падучева, З. Д. Попова, И. А. Стернин, Л. Г. Бабенко, К. И. Демидова, Л. Г. Саяхова, О. А. Михайлова, Ю. В. Казарин, М. Л. Кусова, А. И. Новиков, Е. И. Ярославцева, А. М. Плотникова, Т. В. Попова и др.). В многочисленной научной литературе они интерпретируются неоднозначно, в связи с чем актуально более полно определить в теории языка понимание денотативного и лексико-семантического пространства языка (и русского глагола, в частности), а затем спроецировать его на прикладное языкознание — лексикографию, практику перевода, методику преподавания русского языка как иностранного.

Исследования последних лет показывают, что полное представление семантического пространства глагола невозможно без глубокого анализа лексического пространства (совокупности глагольных лексем), лексико-семантического пространства (совокупности лексико-семантических множеств глагольных слов — полей, подполей, ЛСГ, синонимических и антонимических рядов и т. п.) и денотативного пространства (совокупности отображаемых в глагольной се-

мантике ситуаций) при тесном взаимодействии всех выделенных на уровне теоретического знания типов пространств.

При изучении связи языка и действительности естественно рассмотрение ЛСГ глагольных слов в пространственном измерении, в аспекте соотносительности всех вышеуказанных пространств. Описание денотативного и лексико-семантического пространств одной ЛСГ глаголов даст возможность получить максимум знаний, передаваемых глаголами этой группы, о конкретной ситуации процессуально-событийного мира. При этом невозможно познать денотативное пространство русского глагола, не учитывая взаимосвязь концепта, семантической группы и фрагмента языковой картины мира (Бабенко, 1998: 7).

Денотатом глагола является ситуация, которая в самом широком смысле понимается как «референт языкового выражения с пропозициональным значением» (Падучева, 1985: 222). Денотативное пространство глаголов составляют типовые ситуации, знания о которых, накопленные русским народом в течение всей многовековой истории, выражены и закреплены в глагольной семантике. И на уровне слова-ономатемы, и на уровне слова-синтагмы (термины Э. В. Кузнецовой) глагол в одном из своих лексико-семантических вариантов (ЛСВ) значения является текстом, из которого вычленяется ситуация. «Денотативным пространством глагола является ситуация, которую он называет. Этот фрагмент действительности складывается из субъектно-объектных отношений и качественной характеристики действия. Только учитывая все эти компоненты ситуации, можно составить представление о денотативном пространстве той или иной языковой единицы» (Соболева, 1998: 156).

Денотативное пространство глаголов, являясь основой лексического и семантического пространств, представляет собой совокупность глаголов, каждый из которых отражает определенную ситуацию. Недостаточный теоретический уровень осмысления и описания типов пространств (денотативного, концептуального, семантического и т. д.), их неполная разработанность в современной русистике создают определенные трудности для прикладного языкознания.

В центре нашего внимания — лексико-семантическое пространство русского глагола, который в силу предикативности, широты и неопределенности сферы референции, релятивности, наличия в его значении предметных сем является наиболее сложной в семантическом плане лексической единицей языка (Е. В. Падучева, Б. М. Васильев, Е. С. Кубрякова, А. И. Новиков, Э. В. Кузнецова и др.). Лексико-семантическое пространство глагола представляет собой множество слов, которые объединены в семантические поля, подполя, ЛСГ, синонимические и антонимические ряды. Так, лексические единицы в составе ЛСГ глаголов представляют собой семантическую общность слов на основании сходства категориально-лексического содержания, общности морфологической структуры, деривационных характеристик, синтагматических связей.

Лексико-семантическое пространство русского глагола — это совокупность различных группировок слов, среди которых самыми широкими являются семантические поля «Действие», «Состояние», «Отношение», менее широкими — семантические подполя, в рамках которых выделяются ЛСГ — «слова одной части речи, в которых, помимо общих грамматических сем, имеется как минимум еще одна, общая сема — категориально лексическая (архисема, классема)» (Кузнецова, 1980: 50).

Большинство лингвистов исходит из единого понимания природы ЛСГ, ее внутреннего устройства, семантического своеобразия. Анализ литературы позволяет выделить те направления, в русле которых ведутся исследования ЛСГ глаголов: 1) описание отдельных ЛСГ с разной степенью полноты и детализации; 2) парадигматика и синтагматика ЛСГ; 3) формальное и семантическое варьирование глаголов в рамках ЛСГ и семантических подклассов; 4) функционирование глаголов различных ЛСГ (маркированность, стилистическая принадлежность, специфика употребления глагольного слова); 5) ЛСГ глаголов в диахроническом аспекте; 6) ЛСГ глаголов и язык художественной литературы; 7) контрастивные описания ЛСГ глаголов русского и близкородственных славянских языков, а также неродственных языков; 8) ЛСГ глаголов в практике преподава-

ния русского языка как иностранного. Указанные направления не только не исключают а, наоборот, дополняют друг друга в решении актуальной задачи дать наиболее полное описание отдельных ЛСГ, семантического комплекса ЛСГ глаголов и семантического пространства языка в целом.

Вопрос о том, каким должно быть описание языка в целях его преподавания, с особой остротой ощущается в настоящее время, когда в русле фундаментальной науки стали бурно развиваться такие направления, как прагматика, функциональная и коммуникативная лингвистика, лингвистика текста и др. Очевидно, что основополагающий принцип описания глагольной семантики может быть постулирован как принцип учета системных, функциональных и коммуникативных свойств языка.

Функциональный аспект в современном прикладном языкознании, в частности в методике преподавания русского языка как иностранного, проявляется в разработке и создании таких учебных программ, пособий и методик, которые опираются на научные достижения в лингвистике и преследуют коммуникативные цели обучения. Так, функционирование в речи глаголов однотипной семантики, их типовая сочетаемость — грамматическая и лексическая, — многозначность и функциональная эквивалентность, антонимия и т. п., являясь предметом семантических исследований, могут быть спроецированы на методику преподавания русского языка иностранным студентам и учащимся.

Проблемная группа «Русский глагол» кафедры современного русского языка Уральского университета им. А. М. Горького под руководством известного ученого проф. Э. В. Кузнецовой осуществила семантическую классификацию русской глагольной лексики (см: Лексико-семантические группы русских глаголов: Учеб. словарь-справ. Свердловск, 1988). Продолжая лексикографические традиции проф. Э. В. Кузнецовой, научный коллектив, возглавляемый проф. Л. Г. Бабенко, унифицировал семантическое описание и классифицировал около 10 тысяч глаголов русского языка однотипной семантики (см: Толковый тематический словарь русских глаголов: Проспект. Екатеринбург, 1992). Предложенная классификация не

может быть признана единственно возможной, однако идея парадигматической соотнесенности глаголов, сходных по общим категориальным семам, ступенчатая идентификация значений глаголов, опирающаяся на семантические связи слов, отраженные в квалифицированных лексикографических изданиях, дают достаточно объективные и лингвистически убедительные результаты.

Объемное лексико-семантическое описание русских глаголов легло в основу такого комплексного лексикографического издания, как «Толковый словарь русских глаголов: идеографическое описание» (М., 1999; объяснительный словарь с указанием английских эквивалентов, парадигматики и синтагматики глагольных слов), адресованного лингвистам, филологам, преподавателям русского языка как иностранного. Словарь включает около 7 тысяч лексико-семантических вариантов наиболее употребительных и актуальных глаголов современного русского языка, содержит максимально полную информацию о семантической структуре глаголов, их парадигматических свойствах, типовой сочетаемости, а также авторский иллюстративный материал, раскрывающий значение и нормативное употребление глаголов, показывающий функциональную и стилистическую их характеристику в уместном и соответствующем контексте.

Являясь многофункциональным изданием, указанный словарь может успешно использоваться в учебной лексикографии для создания двуязычных толковых словарей — русско-украинского, русско-белорусского, русско-сербохорватского, китайско-русского и т. п. В практике перевода, таком сложном и ответственном процессе, толковый идеографический словарь поможет переводчику найти наиболее близкий оригиналу эквивалент, учитывая при этом не только значение глагола, но и типовой контекст, стилевую отнесенность, самому правильно понять и разобрать контекст употребления глагола.

В языке художественной литературы, начиная с А. С. Пушкина, глагол получил широкое распространение: он позволяет создать динамическую картину окружающей действительности, полно и точно описать человека, его чув-

ства, эмоции, поведение и поступки, отношение к другим людям, предметам и т. п. Перевод предложений с русского на иностранный язык с глагольными предикатами разных ЛСГ представляет большие трудности для переводчиков, так как даже при достаточно хорошем владении иностранным языком порой все же нелегко бывает найти в нем адекватные лексические эквиваленты многих русских глаголов. В практике преподавания русского языка иностранным студентам и учащимся словарь позволяет организовать работу по изучению глагольной лексики в трех направлениях: усвоение парадигматических связей глаголов, синтагматических и вариантных отношений.

Общеизвестно понимание парадигматических отношений как ассоциативных связей единиц языка, в основе которых лежит сходство единиц, формальное или семантическое. В парадигматическом аспекте материалы словаря помогают определить характер словесных оппозиций с точки зрения формального, семантического и формально-семантического сходства глаголов, установить характер семантических отношений членов оппозиций — отношения тождества, включения, пересечения.

Синтагматические отношения — это один из типов универсальных связей, проявляющихся в закономерностях сочетаемости единиц языка, смежно расположенных в линейном ряду. В синтагматическом плане словарь облегчает иностранцам, изучающим русский язык, зарубежным переводчикам и русистам изучение фактов грамматической и лексической сочетаемости, так как значения глаголов, представленные в нем, реализуются в сочетаниях с зависимыми словами определенной семантики и в определенных предложно-падежных формах.

Вариантные отношения органически связаны с парадигматическими и синтагматическими. Многозначность и функциональная эквивалентность (широкая синонимия), являясь универсальными для языка формами вариантных отношений, обуславливают пересекаемость глаголов различных ЛСГ на уровне своих лексико-семантических вариантов. С помощью «Толкового идеографического словаря русских глаголов» можно наглядно объяснить студен-

там-иностранцам, почему один и тот же глагол представлен в разных лексических парадигмах, что такое семантическое варьирование глаголов, какова их модально-стилистическая характеристика.

Обращение к экспериментальному синтаксическому словарю «Семантические модели русских глагольных предложений» (Екатеринбург, 1998) позволяет показать взаимообусловленность семантики глагола и семантических моделей предложения, когда «компонентный состав инвариантной семантической модели определяется валентностными свойствами глагольных лексем и зависит от принадлежности глагола к той или иной ЛСГ (действия, восприятия, обладания, состояния и т. д.)» (Копров, 1983: 123).

Научно систематизированный набор семантических моделей русских глагольных предложений и регулярных вариантов их лексических репрезентаций может использоваться в практике преподавания русского языка в иностранной аудитории — в аспекте порождения речи, в сфере активной грамматики, при продуцировании предложения и текста. Иностранные студенты, изучающие русский язык, с помощью словаря могут освоить как стандартные способы выражения знаний о ситуациях процессуально-событийного мира, так и нестандартные, образные. Например, предложения, отображающие ситуацию речевого обращения, имеют базовую семантическую модель «субъект — предикат со значением обращения — адресат». Типовая семантика глаголов ЛСГ речевого обращения — ‘человек обращается к кому-л. со словами, устной речью или называет кого-, что-л. какими-л. именами’. Основными предикатами являются глаголы *звать*, *называть*, *обращаться*. Базовая модель имеет два лексических варианта модели, две совмещенных и одну образную семантические модели предложений (ЭСС: 112 — 113).

Современная методика преподавания русского языка отстает от теории языка и не использует в должной мере опыт семантических исследований русского глагола. В настоящее время необходимо разработать дидактические принципы и пути освоения семантического пространства русского языка и лексико-семантического пространства

глагола, в частности. Задача методики — выделить концентры обучения студентов-иностранцев с использованием теории ЛСГ и семантического поля, решить вопрос о необходимом для осуществления речевой практики обучаемых количестве ЛСГ и порядке презентации глагольной лексики, определить лексические минимумы для начального, среднего и продвинутого этапов обучения, создать систему упражнений и заданий, позволяющих учащимся участвовать в коммуникации на русском языке, научить читать классическую и русскую литературу, использовать изучаемый русский язык в будущей профессиональной деятельности.

Русскому глаголу принадлежит большая роль в речеобразовании и речевом общении. Многие методисты (Г. И. Рожкова, О. Д. Митрофанова, Г. А. Битехтина, Е. И. Мотина, И. П. Слесарева, Е. И. Пассов и др.) выделяют глагольную лексику в особый и важный аспект учебной работы. Освоение иностранными студентами лексико-семантического пространства русского глагола играет большую роль в формировании лексических и речевых навыков иноговорящих и может идти с опорой на системность лексики, с учетом связей и отношений, существующих как внутри ЛСГ, так и между ними. Сегодня, как и тридцать лет назад, мы можем сказать, что «подача лексического материала в ЛСГ облегчит усвоение, во-первых, значений лексических единиц, входящих в ту или иную группу, во-вторых, их семантической дифференциации, в-третьих, их семантических отношений» (Рассудова, 1967: 37). Учитывая, что для студентов-иностранцев «представляют большую трудность широкие семантические классы, когда для обозначения одного широкого понятия имеется несколько других, каждое из которых специфично по значению» (Мерзон, 1981: 46), ЛСГ может быть принята как инвариант единицы обучения и представлена в системе лексических, лексико-грамматических, речевых и ситуативных упражнений.

На продвинутом этапе обучения иностранных студентов-филологов, бакалавров, журналистов, переводчиков возникает потребность в такой организации обучения языку, которая обеспечила бы рассмотрение глагольного слова как факта лексико-семантической системы языка и пред-

ставила бы глагольный фонд языка, как было отмечено выше, в виде семантических полей, лексико-семантических групп, синонимических рядов, антонимических групп и т. п. с учетом разнообразных связей глаголов на уровне их лексико-семантических вариантов.

С точки зрения системных отношений в лексике, ЛСГ глаголов является одним из важнейших и сложных семантических классов слов, иерархически организованных.

На основе парадигматических связей глаголы однотипной семантики в рамках ЛСГ определенным образом упорядочены и организованы: вокруг базового глагола группируется ядро и периферия; базовым, опорным глаголам, имеющим наиболее общие значения, подчинены или соотносятся с ними в качестве уточнителей и конкретизаторов глаголы с более содержательным значением. Все глаголы ЛСГ связаны с базовым глаголом привативными отношениями. Чем больше удалены глаголы от базового глагола-идентификатора, тем их значение более конкретно и содержательно за счет дополнительных семантических признаков. Так, в поле «Действие» входит подполе «Речевая деятельность», в состав которого входят ЛСГ глаголов произнесения с базовым глаголом *произносить*, к которому привязаны глаголы *басить* (разг.), *бормотать*, *бредить*, *говорить*, *картавить*, *окать*, *шептать* и др.; ЛСГ глаголов речевого сообщения с базовым глаголом *сообщить* - *вымолвить* (разг.), *высказать*, *известить*, *сказать*, *объявить* и др.; ЛСГ глаголов речевого общения с базовым глаголом *разговаривать* — *беседовать*, *советоваться*, *совещаться*, *спрашивать*, *шутить* и др.; ЛСГ глаголов обращения с базовым глаголом *обратиться* — *апеллировать*, *величать*, *звать*, *здороваться*, *именовать*, *молиться* и др.; ЛСГ глаголов речевого выражения эмоций с базовым глаголом *выразить* — *ахать*, *божиться*, *брюзжать*, *жаловаться*, *роптать* и др.; ЛСГ глаголов речевого воздействия, базового глагола нет — *бранить*, *грозить*, *журить* (разг.), *командовать*, *ободрять*, *расхваливать*, *угрожать*, *хвалить* и др.

Семантическая классификация и дифференциация русских глаголов, отраженная в словаре-справочнике ЛСГ глаголов и в «Толковом идеографическом словаре русских

глаголов», дает возможность не только изучить систему ЛСГ в целом, познать их взаимосвязи в рамках этой системы, реально представить внутреннюю организацию семантических групп глаголов, но и использовать в учебном процессе, в преподавании русского языка как иностранного.

Русский глагол как в грамматическом, так и в лексико-семантическом планах наиболее труден для студентов-иностранцев. По мнению многих специалистов и преподавателей-русистов (Битехтина, Всеволодова, Вишнякова, Дерибас, Крючкова, Мерзон, Рожкова, Пятецкая, Рассудова, Слесарева, Чемоданова и др.), на продвинутом этапе обучения, когда у студентов-иностранцев расширился словарный запас, трудности в выборе нужного глагола, в правильном его употреблении не только не снижаются, но иногда и возрастают (Мерзон, Пятецкая, 1983). «Справочника, дающего классификацию глаголов по типам управления с учетом семантики, пока нет» (Крючкова, 1976: 44). Возникает необходимость поиска эффективных путей усвоения русской глагольной лексики с учетом разрабатываемой теории ЛСГ, системности лексики в целом, достижений современной лингвистики и лексикографии.

При обучении иностранных филологов, бакалавров, журналистов, переводчиков возрастает роль выбора языковых средств выражения. При построении собственного высказывания иностранные студенты продвинутого этапа обучения должны владеть языковыми системными объединениями. Возможной и перспективной формой подачи учебного лексико-грамматического материала в этом плане являются лексико-семантические группы глаголов (Мерзон, Пятецкая, 1983).

В настоящее время имеются лишь отдельные учебно-методические пособия и материалы по изучению глаголов отдельных ЛСГ — глаголов движения, говорения, звучания, мысли, чувства, руководства, трудовой деятельности и др. (Амиантова, Юдина, Битехтина, Лебедева, Лобанова, Муравьева, Мерзон, Пятецкая, Слесарева, Суржикова, Хавронина, Харламова и др.). Частные описания ЛСГ глаголов, например, глаголов соединения разделения, возникновения исчезновения, созидания, эмоционального состояния,

речи, мысли, поведения, межличностных отношений и др. (Лазарева, Кузнецова, 1982; Дэнкс, Кузнецова, 1984), к сожалению, не находят применения в практической работе с иностранными студентами.

В современной отечественной лингвистике активно разрабатываются семантические типы глагольных предикатов и функциональные типы предложений (Алисова, Арват, Арутюнова, Богданов, Булыгина, Кубрякова, Падучева, Степанов, Бабенко и др.) Семантический синтаксис, опыт описания семантической структуры русских предложений, безусловно, должен быть спроецирован на прикладное языкознание и в первую очередь на методику преподавания русского языка как иностранного. Теоретическое осмысление лексико-семантического и денотативного пространств русского глагола, разработка дидактических принципов, путей их практического освоения иностранными студентами должны лечь в основу работы по лексике.

Важные лингвометодические принципы организации учебного лексического материала в рамках ЛСГ глаголов, на которые может опереться преподаватель русского языка, выделила в своих последних научных работах проф. Э. В. Кузнецова. По ее мнению, необходимо: 1) следовать логике семантических отношений, лежащих в основе иерархической структуры лексико-семантической группы; 2) предъявлять студентам-иностранцам прежде всего базовые глаголы, а на них «нанизывать» все остальные, уточняющие и конкретизирующие базовые; 3) при овладении базовыми глаголами опираться на родной язык учащихся или язык-посредник; 4) все остальные глаголы лексико-семантической группы предъявлять, опираясь на опорный базовый глагол, и эксплицировать их семный состав с помощью этого глагола; 5) все минимальные семантические оппозиции глаголов рассматривать не по отдельности, разрозненно, а в качестве проявлений межсловных парадигматических отношений, существующих в той или иной семантической группе; 6) в практике преподавания русского языка иностранцам предусматривать возможность неверного осмысления формально сходных, но семантически не связанных глаголов и заранее нейтрализовать

действие формальной аналогии; 7) раскрывать перед иностранными студентами филологами, переводчиками, журналистами потенциальные способности глаголов, сходных по основному значению, в определенных контекстах становиться функциональными эквивалентами (Кузнецова, 1984: 105–112; Кузнецова, Сивкова, 1990: 171–172). Богатое научное наследие Э. В. Кузнецовой, безусловно, не исчерпывается перечисленными выше положениями, требует методического осмысления в аспекте преподавания русского языка как иностранного и специального рассмотрения.

Анализ научной и методической литературы, посвященной ЛСГ русских глаголов, а также многолетний опыт работы с иностранными студентами как в России, так и за рубежом позволяют расширить представление о методических принципах освоения лексико-семантического пространства русского глагола в рамках ЛСГ и сформулировать некоторые из них:

1. Глагольная лексика в силу своей большой роли в речеобразовании и речевом общении должна быть выделена в особый аспект работы на аспектных занятиях по лексике и развитию речи, в практическом курсе русского языка для иностранцев.

2. Содержанием данного аспекта является глагол как основа коммуникативной деятельности и как система правил функционирования глаголов в речи.

3. За единицу обучения можно принять ЛСГ глаголов, сходных по категориальной семантике, но различающихся дифференциальными семантическими признаками, однородными, повторяющимися, типовыми, уточняющими категориально-лексическую сему в разных аспектах (например, категориальная сема 'произнесения', лежащая в основе ЛСГ глаголов произнесения, уточняется в значениях глаголов *выкрикивать*, *гнусавить*, *зайкаться*, *лопотать* (разг.), *скандировать*, *шепелявить* и др. в таких аспектах, как субъект речи, адресат речи, способ произнесения и некоторые другие).

4. В системе обучения через лексико-семантические группы русские глаголы подаются эксплицитно, осмысля-

ются теоретически и сознательно усваиваются практически по линии парадигматических, синтагматических и вариантных отношений.

5. Учебный материал организуется с учетом формально-семантических связей слов (формального, морфемного и семантического сходства) и деривационных (словообразовательных) отношений глаголов.

6. При работе над русскими глаголами должны использоваться упражнения и задания коммуникативного характера, направленные на формирование и развитие навыков активного владения русской речью в различных ситуациях общения.

7. Иллюстративный материал, раскрывающий семантику и функционирование русских глаголов, взятый из произведений классической и современной русской литературы, способствует, по мнению Е. Д. Чемодановой, лучшему запоминанию типичных для глаголов определенной семантики контекстов «в их безупречном эстетическом оформлении» (Чемоданова, 1982: 221); иллюстративные примеры, сочиненные авторами-составителями «Толкового идеографического словаря русских глаголов» и экспериментального синтаксического словаря «Семантические модели русских глагольных предложений», дают образцы современного нормативного употребления в речи глаголов разных ЛСГ.

8. Ситуативно-тематическая организация учебного материала выражается в отборе языкового и речевого материала и предъявлении его в моделях и речевых образцах, соотносенных с ситуациями и темами общения (Методика..., 1990: 33).

Вопрос о методических принципах обучения студентов-иностранцев русской глагольной лексике нельзя считать окончательно решенным, так как необходимо ответить на ряд других вопросов, касающихся количества ЛСГ глаголов, предъявляемых на начальном, среднем и продвинутом этапах обучения филологам и нефилологам, форм презентации ЛСГ в учебный процесс, в систему уроков, типов упражнений и т. п. Ясно одно: каждый вуз и его научно-педагогический коллектив, преподаватели русского языка

в зависимости от контингента учащихся, гуманитарного или негуманитарного профиля обучения, целевой установки студентов-иностранцев, уровня их языковой подготовки и т. д. избирают гибкие модели обучения лексике русского языка.

В качестве одной из таких моделей в рамках лексико-семантического пространства глагола (семантического поля и ЛСГ глаголов) может быть предложена система работы над лексико-грамматическим материалом в трех выше названных направлениях: усвоение парадигматических связей глаголов, синтагматических и вариантных отношений (Сивкова, 1982). Проиллюстрируем высказанные положения на примере ЛСГ глаголов речевой деятельности, так как иностранные студенты обычно с трудом усваивают разнообразные глаголы речи.

В парадигматическом плане необходимо идти от простого к сложному, предлагая студентам различные упражнения:

I. Определить разницу в значениях глаголов речевой деятельности, имеющих общий корень: *заговорить, поговорить, разговорить, уговорить*, разг. *оговорить* и т. п.

II. Найти в предложениях глаголы речи, проверить правильность выбора по «Толковому идеографическому словарю». Используя словарь «Семантические модели русских глагольных предложений», указать глагольные предикаты и предложения, отображающие ситуацию произнесения (характеризованной речевой деятельности), речевого сообщения, речевого общения, речевого обращения, речевого выражения эмоций, речевого воздействия.

1. Доктор! Какими судьбами! — воскликнул Обломов, протягивая одну руку гостю, а другую подвигая стул (Гончаров). 2. Отец все бранит меня, что у меня нет характера, что я легкомысленный (Достоевский). 3. Доктор сидел у себя в комнате и выкликал больных по очереди (Чехов). 4. Дождаясь салюта, доктор и моряк беседовали, сидя в полутемном кабинете (Паустовский). 5. Когда я стоял в беденькой церкви, ожидая очереди исповедоваться, сердце мое билось трепетно (Горький). 6. «Профессор» вечно бормотал что-то про себя, но ни один человек не мог разоб-

рать в этих речах ни слова. Они лились, точно журчание мутного ручейка (Короленко).

III. Назвать глаголы произнесения (характеризованной речевой деятельностью), используя следующие словарные определения: а) «говорить басом, низким мужским голосом»; б) «говорить тихо и невнятно», в) «произносить звуки, говорить с носовым призвуком»; г) «говорить с затруднением, произвольно повторяя одни и те же звуки», д) «произносить неправильно, нечисто звуки “р” или “л”» и др.

IV. С помощью «Толкового идеографического словаря» определить, чем отличаются (различительный семантический признак) глаголы: *басить, бормотать, гнусавить, заикаться, картавить, лепетать, окать, скандировать, разг. шамкать* и др.

V. Значение непонятных слов посмотреть в словаре. Определить характер словесных оппозиций с точки зрения формального сходства (глаголы имеют общие морфемы, но семантическое сходство отсутствует), семантического сходства (пары глаголов сходны по значению, но различны по морфологической структуре) и формально-семантического сходства (глаголы имеют сходные компоненты как в плане выражения, так и в плане содержания): *говорить — приговорить, говорить — молчать, заикаться — картавить, говорить — шептать, оговорить — оговориться, уговорить — корить* и др.

VI. Установить, опираясь на толковый словарь, характер семантических отношений: а) отношения тождества (так называемые абсолютные синонимы, глаголы, значения которых абсолютно совпадают, например, глаголы *бранить — ругать*); б) отношения включения (один из глаголов как бы повторяется в другом, «включается» в него, например глаголы *говорить — шептать*); в) отношения пересечения (глаголы имеют общие семантические компоненты и специфические, по которым они противопоставляются друг другу): *говорить — кричать, говорить — лгать, говорить — рассказывать, сообщать — рассказывать, рассказывать — повествовать, ободрять — хвалить, бранить — ругать, шутить — критиковать* и др.

Работу по усвоению парадигматических связей глаголов речевой деятельности необходимо дополнять упражнениями на построение синонимических рядов глагольных слов (*сообщить — доложить, донести, известить, оповестить, уведомить* и т. д.); на подбор антонимов (*говорить — молчать, бранить — хвалить* и т. д.); на употребление глаголов в простом или сложном предложении с учетом маркированности, стиля речи. Работа по усвоению парадигматики глаголов не исчерпывается приведенными упражнениями, а лишь показывает важность и необходимость данного аспекта в формировании языковой и речевой компетентности иностранных студентов.

В синтагматическом плане подача глагольной лексики в рамках ЛСГ облегчает изучение грамматической и лексической сочетаемости. Значения глаголов реализуются в сочетаниях с зависимыми именами существительными определенной семантики и в определенных предложно-падежных формах. Так, основное значение глагола *говорить* 'произносить что-л. каким-л. образом' реализуется в дистрибутивной формуле «кто говорит что (*о ком, о чем*) кому/как /где». Заполнение позиции субъекта речевой деятельности и адресата речи именами существительными, в значении которых есть сема 'лицо', не представляет трудности для обучаемых. Объектные позиции, напротив, заполняются именами существительными различного семантического содержания: *говорить что — фразу, имя, правду, ложь, комплимент* и т. д.; *говорить о чем — о жизни, об учебе, о книге, о путешествии, о планах на будущее* и т. п.; *говорить где — дома, в лесу, на работе, в трамвае* и т. п.; *говорить как — быстро, медленно, тихо, громко, сердито, резким тоном, с удивлением* и т. п.

В практике обучения иностранных студентов эффективны упражнения, помогающие усвоить управление глаголов и расширить запас слов. Это подбор слов, замещающих приглагольные контекстные позиции, составление словосочетаний и предложений с глаголами определенной ЛСГ, использование глаголов определенной семантики в диалогах и монологических высказываниях, в изложениях и сочинениях.

Третий аспект лексической работы, связанный с многозначностью и функциональной эквивалентностью глаголов, имеет исключительное значение: семантическое варьирование лексических единиц тесно связано с пересекающимся характером лексико-семантических групп глаголов и показывает глубинные связи глагольных слов по линии их вторичных значений. Работа в этом направлении позволяет наглядно объяснить студентам-иностранцам, почему один и тот же глагол представлен в разных лексических парадигмах, как пересекаются различные ЛСГ, что такое системность лексики в целом. Так, глагол *крыть*, входящий в основном значении в состав ЛСГ глаголов покрытия, во вторичном значении 'говорить: бранить, ругать' входит в лексическую парадигму (периферию) ЛСГ глаголов речевого воздействия и внешнего проявления отношения.

Для адекватного восприятия семантики глагольного слова в устном или письменном тексте со всеми контекстуальными оттенками полезны упражнения на разграничение глаголов в основном и вторичном значениях, определение их стилистической характеристики, установление типовой сочетаемости, в рамках которой реализуется отдельный лексико-семантический вариант значения. В систему лексических упражнений должны включаться прежде всего многозначные глаголы, потому что они способствуют закреплению в сознании иностранных студентов системы значений полисемантических глаголов. Такими глаголами в семантическом поле «Речевая деятельность» являются глаголы *говорить*, *объявить*, *объяснить* и др.

Развитие речевых навыков и умений иностранных студентов будет успешнее, если принцип лексико-семантической группы применить к языковой афористике — фразеологическим единицам, пословицам, поговоркам, крылатым словам и изречениям. Например, глагол *говорить* употребляется: 1) в значении 'не понимать друг друга' (*говорить загадками, говорить на разных языках*); 2) для усиления высказанной мысли или приказа (*Говорят вам читайте письмо!*); 3) для выражения уверенности в полном согласии с говорящим: 'да, конечно' (*И не говорите!*);

4) для выражения изумления по поводу чего-либо сказанного (*Что вы говорите!*).

Глаголы речи, как и глаголы других ЛСГ, часто встречаются в русских пословицах: *Кто много говорит, тот мало делает; Поменьше говори, побольше услышишь; Всю неделю говорил «авось», а в субботу «что»; Этого, не свихнув языка, не выговоришь.* Использование в учебном процессе русской фразеологии обогащает студентов знанием культурных традиций, обычаев страны изучаемого языка. Изречения русских писателей также представляют методический интерес и могут быть использованы в качестве дидактического материала на уроке, заставляющего давать оценку чего-либо, принимать участие в учебной дискуссии, высказывать свое мнение или отношение и т. д. Например, высказывание великого русского писателя Л. Н. Толстого «Для того, чтобы научиться говорить правду людям, надо научиться говорить ее самому себе» дает интересную тему для обсуждения на уроке нравственных проблем.

Таким образом, при обучении иностранных студентов филологов, журналистов, дипломатов, переводчиков, бакалавров включение в учебную практику ЛСГ глаголов, представляющих лексико-семантическое пространство русского глагола (глаголы движения, созидания, трудовой деятельности, речи, мысли, чувства, физиологического состояния, поведения, межличностных отношений, приготовления пищи, звучания, становления цветового признака и др.), а также введение семантических моделей предложений, отображающих различные ситуации процессуально-событийной картины мира, эмоционально-чувственной сферы человека и т. д., представляющих денотативное пространство русского глагола, поможет иностранным студентам осмыслить лексику как систему, обогатит словарь будущих филологов, переводчиков, журналистов.

Как показывает многолетний опыт работы с иностранными студентами, большую трудность для них при овладении базовыми глаголами представляет их семантическая неоднородность с точки зрения абстрактности / конкретности. В учебной практике при составлении учебных пособий, упражнений и заданий можно использовать иссле-

дование Ю. В. Казарина, который выделил три типа базовых глаголов: 1) конкретные глаголы, семантика которых отображает конкретно физическую и физиологическую сторону динамического бытия; 2) абстрактные базовые глаголы, отображающие рациональную и духовную стороны динамического бытия, и 3) социально-обобщенные глаголы, семантика которых отображает общественную социальную деятельность человека в обществе и природе (Казарин, 1992).

Опираясь на методические принципы отбора лексики, в учебных целях можно выделить парадигмы базовых глаголов и наиболее частотных глаголов каждой ЛСГ, подлежащих усвоению в иностранной аудитории. При этом важно дать учащимся знания о денотативных ситуациях процессуально-событийного мира, передаваемых глагольной лексикой русского языка. Это ситуации, связанные с разнообразными физиологическими действиями (принятие пищи, питье, дыхание и т. п.), необходимыми для нормального функционирования живого организма; жизненно важные ситуации приготовления пищи, физиологического (например, болезни) и эмоционального состояния, мыслительной и речевой деятельности, поведения, образа жизни и занятий трудом, разнообразные ситуации социальной деятельности и т. д.

Вопрос об изучении глагольной лексики по семантическим общностям, лексико-семантическим группам не потерял своей актуальности и сегодня. Он требует серьезного обобщения научных исследований, более полной теоретической разработки лексико-семантического, денотативного, семантического, деривационного, концептуального пространств языка и глагола, в частности, необходимых для использования в лексикографии, практике перевода и в преподавании русского языка иностранным студентам.

На примере глаголов физиологических действий — ЛСГ глаголов питания (*есть, завтракать, закусывать, кушать, лакомится, питаться, угощать, ужинать* и др.) проиллюстрируем высказанные положения и методические принципы, попытаемся, исходя из лексикологической школы известного ученого проф. Э. В. Кузнецовой и многолетнего

опыта работы с иностранными студентами-филологами, сблизить теоретическую науку и педагогическую практику. Предлагаемый конкретный материал (языковой и методический) является фрагментом учебного пособия «Лексико-семантические группы русских глаголов в заданиях и упражнениях» для студентов-иностранцев, общая целевая установка которого — интенсификация преподавания русского языка в иностранной аудитории и повышение мотивации его изучения студентами-иностранцами гуманитарного профиля.

9. 2. ЛЕКСИКО-СЕМАНТИЧЕСКАЯ ГРУППА ГЛАГОЛОВ ПИТАНИЯ В ЗАДАНИЯХ И УПРАЖНЕНИЯХ

ЛИНГВИСТИЧЕСКИЙ КОММЕНТАРИЙ

Лексико-семантическая группа глаголов питания входит в семантическое поле «Действие», подполе «физиологического действия» наряду с ЛСГ глаголов питья (*пить, выпить, запивать, отпивать* и др.), ЛСГ глаголов дыхания (*вдыхать, выдыхать, дышать, надышаться* и др.), ЛСГ глаголов проявления разнообразных физиологических действий (*вздрагивать, икать, кашлять, потеть, тошнить* и др.).

Методика идентификации значений глагольных слов позволила составителям словаря-справочника «Лексико-семантические группы русских глаголов» и «Толкового идеографического словаря русских глаголов» определить и уточнить состав (ядро и периферию) ЛСГ глаголов питания:

Глодать, глотать и проглатывать / проглотить (разг.), *грызть, есть / съесть и поесть, жевать / прожевать и дожевать, жрать / пожрать и сожрать* (прост., груб.), *завтракать / позавтракать, заедать / заесть, закормить / закармливать, закусывать / закусить, клевать / поклевывать, кормить / накормить, кормиться / прокормиться, кушать / скушать и покушать, лакомиться / полакомиться, наедаться / наесться, питаться, насыщаться / насытиться, обглаживать / обглодать, обедать / пообедать, обкармливать / обкормить, обкусывать / обкусать, объедать /*

*объесть, обежаться / объесться, отвеживать / отве-
дать, отежать / отесть, перекармливать / перекор-
мить, питать, питаться, подкармливать / подкормить,
подничать / подничать (разг.), пробовать / попробо-
вать, сгрызть / сгрызть, угощать / угостить, ужинать
/ поужинать, уничтожать / уничтожить, щипать / щип-
нуть.*

Все указанные глаголы объединены в одну ЛСГ по семантическому основанию — наличию в их семном составе категориально-лексической семы 'есть, принимать пищу'. Глаголы данной ЛСГ употребляются в типовой ситуации «человек или живое существо (животное, птица и т. п.) дает организму питательные вещества, необходимые для его жизнедеятельности и нормального функционирования».

Базовые глаголы ЛСГ питания — это глаголы ***есть*** (***съесть***), ***кормить***, ***питаться***, наиболее частотные, являющиеся идентификаторами остальных глаголов. В свою очередь, другие глаголы ЛСГ связаны с базовыми привативно, отношениями включения, когда значение одного глагола повторяется в значении другого. Например: значение 'принятие пищи' глагола *есть* полностью включается в значение глагола *клевать* ('есть что-л., хватая клювом'), но не исчерпывает этого значения, так как в значении глагола *клевать* есть семантический компонент 'клюв, окончание рта у птиц'.

Глагол *есть* (что) на уровне основного лексико-семантического варианта значения обладает наиболее общей семантикой, обозначает ситуацию питания, принятия пищи, при которой 'человек или живое существо, пережевывая пищу с помощью зубов, языка и глотая (проглатывая), дает организму питательные вещества, необходимые для жизнедеятельности'. Все глаголы данной ЛСГ обладают типовой семантикой 'принимать, потреблять или давать другим то, что служит для кого-л. едой, пищей'.

Базовый глагол *кормить* (кого, чем) встречается в предложениях с типовой семантикой 'человек дает кому-л. или себе пищу, корм и т. п., необходимые для жизнедеятельности'.

Базовый глагол *питаться* (чем) является предикатом предложений, отображающих ситуацию принятия пищи

(часто с определенной целью): ‘человек или живое существо ест пищу, удовлетворяя потребность организма в еде’.

Глаголы питания имеют общую семантическую модель предложения:

«Субъект — предикат со значением питания — объект».

Субъект действия «питания» выражается одушевленными именами существительными со значением ‘лицо’ (человек, мама, Надежда, Владимир Гаврилович и др.), ‘живое существо’ (животное, птица, пресмыкающееся — белка, волки, ворона, змея и др.) в форме именительного падежа, единственного и множественного числа.

Глагольные предикаты со значением питания имеют общие синтаксические характеристики: образуют конструкции с винительным, творительным падежом без предлога или конструкции без дополнения: *Я люблю есть сыр; Белка питается орехами; Я хочу есть.*

Объектную позицию при глаголах питания заполняют имена существительные, в семантическом содержании которых есть семантический компонент ‘еда’, ‘то, что можно употребить в качестве пищи’ — *пирог, ветчина, яблоко, лук, рыба, овес, пшено, сено* и т. п.

Дистрибутивная формула базового глагола *есть*:

«есть что / чем / с чем / без чего / как / где».

Дистрибутивная формула базового глагола *кормить*:

«кормить кого / чем / как / где».

Дистрибутивная формула базового глагола *питаться*:

«питаться чем / как / где».

Глагол *кушать* (что) в современном русском языке часто выступает как синоним глагола *есть*, хотя литературная норма не советует этого делать. Выражения типа: *Я кушаю; Он кушает; Мы кушаем; Они кушают; Кушать хочешь?; Собака кушает* — неправильны. В обычной речи мы говорим: *Я ем; Он ест; Мы едим; Они едят; Есть хочешь; Собака ест.* Наиболее часто глагол *кушать* встречается в детской речи. Известный русский ученый Л. В. Щерба отмечал, что «форма 3-го лица ед. числа может употребляться лишь как выражение нежности по отношению к ребенку» (Щерба, 1974). Употребляется глагол *кушать* при вежливом приглашении к столу в форме импе-

ратива. В современной русской речи глагол *кушать* имеет почтительный, уважительный, ласкательный оттенок значения (Брагина, 1971: 78). Русские писатели используют различные смысловые оттенки глаголов *есть* и *кушать* для создания образов своих героев, комического эффекта. Глагол *кушать*, несущий в себе оттенок особой вежливости, не сочетается с именами существительными, обозначающими животных: *овцы, лошади, собаки кушают*. «Лошади кушают овес и сено», — говорит герой чеховского рассказа «Учитель словесности». «Именно потому, что глагол *кушать*... не сочетается с лошадьми, овсом и сеном, создается комический эффект» (Брагина, 1971: 77).

Часто функции глагола *есть* передаются глаголу *питаться*. Глагол *питаться* (чем) — (*орехами, фруктами* и т. п.) имеет значение ‘употреблять что-л. в пищу, удовлетворяя потребность организма в еде’, ‘принимать пищу с лечебными целями’. Различительные семантические признаки глаголов обыгрываются в языке художественной литературы: «Холодные яйца всмятку — еда невкусная, и хороший веселый человек никогда их не станет есть. Но Александр Иванович не ел, а питался. Он не завтракал, а совершал физиологический процесс...» Писатели И. Ильф и Е. Петров раскрыли различительные оттенки в значениях глаголов *есть* и *питаться* и, оттолкнувшись от дифференциации этих двух глаголов, противопоставили хорошего жизнерадостного человека затаившемуся миллионеру, берегущему свое здоровье, свой организм до «лучших времен» (Брагина, 1971: 77).

Глаголам *завтракать, обедать, ужинать* более 900 лет, все три глагола впервые встречаются в летописи 1097г. (Чурмаева, 1968: 86), где рассказывается о том, как ослепили, лишили зрения князя Василько. Время принятия пищи дифференцирует эти глаголы: *завтракать* — принимать пищу (завтрак) утром, до обеда; глагол *обедать* — принимать пищу (обед), приурочив ее к середине дня; глагол *ужинать* — принимать пищу вечером или в качестве последней еды перед сном. В разговорной речи употребляется глагол *полдничать*, который имеет значение ‘принимать легкую пищу в промежутке между обедом и ужином’. Гла-

голы *питаться, завтракать, обедать, ужинать* могут быть употреблены в предложениях, отображающих ситуацию принятия пищи где-либо (дома), в каком-либо предприятии общественного питания (в столовой, в кафе).

Глаголы *клевать* (что), *щипать* (что) употребляются в такой ситуации, когда физиологическое действие осуществляет живое существо, обычно птицы, дикие или домашние (гуси, куры, вороны, индейка и т. п.). Если такое действие осуществляет человек, то передается ситуация принятия пищи в очень маленьких количествах: 'человек ест маленькими кусочками, отщипывая руками подобно тому, как это делает птица с помощью клюва'.

Глагол *закусывать / закусить* (чем) — (*бутербродами*) в значении 'есть немного, наскоро или вообще есть' отличается от базового глагола *есть* количественный семантический компонент значения. В другом контексте глагол *закусывать / закусить* (что, чем) — (*водку, вино* и т. п. *огурцом, хлебом* и т. п.) употребляется в ситуации, когда едят немного после выпитого спиртного напитка — вина, водки, коньяка и пр., что требует в контекстном окружении глагола указания на замещение объектной позиции именами существительными, в семантическом содержании которых есть компонент 'алкогольный напиток'. Близкий по значению глагол *заедать / заесть* (что, чем) — (*лекарство конфетой*), чтобы заглушить неприятный вкус, отличается от глагола *закусывать* указанием на семантику объекта — 'что-либо неприятное на вкус или вещество, применяемое для лечения или предупреждения болезни' (*лекарство, таблетки, микстура* и т. п.).

Глаголы *наесться / наестся* (чем) — (*хлебом*), *насытаться / насытиться* (чем) — (*хлебом*) передают ситуацию утоления чувства голода, принятия пищи досыта, вдоволь и в большом количестве. Первый глагол приближен к разговорной речи, а второй имеет книжный оттенок значения. Глаголы *объедаться* (чем) — (*конфетами*), *передать* (чего) — (*конфет*) отличаются от них и от базового глагола *есть* дифференциальным семантическим компонентом 'слишком много', 'лишнее', 'сверх меры', 'переполнив желудок пищей (часто во вред здоровью)'. Неумерен-

ность в пище раскрывается в большей степени глаголом *объедаться*.

Глагол *поесть* (что, чего и без доп.) — (*суп, каши*) имеет значение ‘съесть некоторое количество пищи’. Указание на ‘большое количество съедаемого’ сближает этот глагол с другим глаголом *поедать* (разг.) ‘есть, съесть все, ничего не оставляя’.

Глагол *кормить* (кого, чем) отражает ситуацию ‘кормления’: (*кормить школьников в столовой*), ‘введения, дачи пищи в рот человеку или животному, помогая в еде (обычно не умеющему есть самостоятельно)’: *кормить больного с ложечки, кормить теленка из бутылки* и т. п.

Глагол *кормиться* (чем) отличается от базового глагола *питаться* семантическим компонентом ‘добывая пищу самостоятельно’: *кормиться охотой, рыбалкой* и т. п.

Глаголы *обкармливать* (кого, чем), *перекармливать* (кого, чем) передают ситуацию ‘кормления кого-л. чем-л. сверх меры, причиняя этим вред здоровью’: *вишнями, медом, сладким* и т. п.

Глаголы *угощать* (кого, чем) и *потчевать* (кого, чем) передают ситуацию ‘радушного, гостеприимного предложения поесть, попробовать какое-либо кушанье, блюдо’: *пирогам, конфетам, блинами с красной икрой* и т. п.

Глаголы *жевать* (что), *разжевывать* (что) передают ситуацию физиологического действия, при котором ‘человек или живое существо в процессе еды разделяет, размельчает пищу во рту зубами, языком, перемешивая ее со слюной и делая пригодной для глотания’: *хлеб, мясо, трава, сено* и т. п.

Глаголы *глотать*, (разг., что — *конфеты* и без доп.), *проглатывать* и *проглотить* (разг., что и без доп.) передают не только ситуацию ‘принятия пищи, но и быстроту поглощения еды, большое ее количество’: *две тарелки супа проглотил* и т. п.

Глагол *глодать* (что) в значении ‘есть что-л. (обычно мясо), обкусывая его со всех сторон кости, отделяя его от кости’ отличается от близкого по значению глагола *грызть* (что) объектом питания ‘обычно что-л. твердое’ и способом действия ‘раскусывая, прокусывая зубами’, ‘измель-

чая' и делая пригодным для пищи: *глодать кость* — *грызть сухарь* и т. п.

Глаголы *жрать* (прост., что) 'есть что-л. с жадностью, в большом количестве и очень быстро, не успевая тщательно пережевывать пищу', *хлебать* (прост., что) 'есть что-л. жидкое, черпая ложкой' студенты-иностранцы усваивают пассивно (для аудирования русской речи) или для переводческой практики, так как в языке художественной литературы 19 века эти глаголы были широко распространены.

Глагол *уничтожать* (разг., что) употребляется в образной семантической модели предложения и отображает ситуацию, в которой 'человек или живое существо ест что-либо без остатка (обычно о многом) подобно тому, как ликвидируется существование кого-, чего-либо'. Глагольный неологизм *сникерснуть* (разг.) 'есть сникерсы' и глагол *уничтожать* входят в пассивный словарь иностранных студентов. Преподаватель русского языка проводит отбор лексического материала, исходя из конкретной профессиональной установки иностранных студентов, уровня владения изучаемым языком на продвинутом этапе обучения. В случае необходимости нужно обратиться к переводу глаголов на родной язык учащихся или на язык-посредник.

В толковых словарях современного русского языка некоторые глаголы питания имеют не одно, а несколько значений. Многозначными являются глаголы *есть, съесть, глодать, глотать и проглатывать, клевать*. Многозначность и функциональная эквивалентность (синонимия в широком плане) глаголов *питания* позволяет увидеть их семантические связи с глаголами других ЛСГ на уровне лексико-семантических вариантов значений.

Многозначный глагол *есть* во вторичном значении 'кусать, жалить (о насекомых), причиняя боль, неприятные физические ощущения' (*комары едят лицо, руки* и т. п.) входит в состав глаголов «повреждения тела»; на уровне ЛСВ значения 'портить, уничтожать, грызя, съедая (о грызунах, насекомых)': (*сапоги съели мыши*) входит в состав ЛСГ глаголов «повреждения объекта»; на уровне ЛСВ 'раздражать, разъедать (о дыме)' (*дым ест глаза*) входит в

периферию ЛСГ глаголов отрицательного воздействия на объект; в переносном значении в разговорной речи на уровне ЛСВ ‘мучить, не давать покоя (о болезни, заботе, тоске)’ глагол *есть* входит в состав ЛСГ глаголов физиологического состояния (ЛСГ глаголов болезни) или ЛСГ глаголов эмоционального состояния. В переносном, маркированном значении ‘попрекать, бранить, ругать’ (*мачеха каждый день гневается, поедом ест за то, что не выхожу замуж*) глагол *есть* функционирует в составе периферийной части ЛСГ глаголов речевого воздействия. Лексическая работа с другими многозначными глаголами питания на уроках русского языка определяется преподавателем.

Глаголы ЛСГ питания *есть, съесть, глотать, проглатывать / проглотить, закусывать / закусить* и др. входят в состав устойчивых фразеологических сочетаний, понятных носителям русского языка и представляющих большие трудности для иностранцев. Толковые словари русского языка дают возможность объединить их в учебный фразеологический словарь, помогающий студентам-иностранцам освоить контексты употребления глаголов питания.

ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКИЙ СЛОВАРИК

Глагол ***есть***

Есть чужой хлеб — жить на чужой счет.

Есть глазами (кого-л.) — смотреть на кого-л. пристально, с напряженным вниманием, не отрывая глаз.

Есть поедом (кого) — непрерывно бранить, упрекать, укорять.

Есть просят (шутливо) — об одежде и обуви, разорванных и нуждающихся в ремонте, починке.

Ешь не хочу — (прост., часто употребляющееся в разговорной речи) — об избытке пищи, съестного.

Глагол ***съесть***

Собаку съесть (в чем, на чем) — быть знатоком в каком-л. деле, иметь большой навык, опыт в чем-л.

Много (или пуд) соли съесть — длительное время прожить, пробыть с кем-л. вместе.

Глагол ***закусить***

Закусить удила — 1) выйти из повиновения (о лошади); 2) перен. Не знать удержу в чем-н., действовать без оглядки, не считаясь ни с чем.

Закусить язык — внезапно замолчать.

Глагол **глотать**

Глотать слезы — удерживать плач, рыдание.

Глотать слова — произносить слова быстро, не договаривая.

Глотать слюнки — с завистью, с жадностью смотреть на что-л. заманчивое, но недоступное.

В активный словарь студентов-иностранцев должны войти следующие слова и сочетания, необходимые для усвоения ЛСГ глаголов питания, для организации учебной работы на синтагматической оси речи (при освоении грамматической и лексической сочетаемости), при овладении навыками аудирования, говорения, чтения и письма, а также для изучения разговорной темы «Питание».

СЛОВА И СЛОВСОЧЕТАНИЯ

Есть что (о пище): — мясо, рыбу, котлету, бифштекс, салат, суп, торт, конфеты, шоколад, мороженое, колбасу, сосиски, ветчину, масло, сыр и т. п.

Фрукты. ананас, апельсин, абрикос, арбуз, банан, виноград, вишня, гранат, грейпфрут, груша, дыня, киви, лимон, персик, яблоко и т. п.

Овощи. баклажан, кабачок, картофель (картошка), капуста, лук, морковь, огурец, перец, помидор, томат, свекла, чеснок и т.п.; зеленые овощи: петрушка, сельдерей, укроп, зеленый лук, спаржа, салат (листья) и т. п.

Хлеб: белый, черный, «докторский», «уральский», подовый, свежий, вчерашний, мягкий и т. п.; батон, булка, буханка, калач, баранка, бублик, печенье, пряник, сухарь, сушка, галета (хрустящий хлебец), кусок хлеба, горбушка.

Молочные продукты. молоко, кефир, ряженка, варенец, бифидок, сыворотка, йогурт, снежок, сметана, сырок творожный, сырок плавленый, творог, сыр и т. п.

Мясные продукты. ветчина, колбаса, салями, окорок, буженина, бекон, грудинка, корейка, карбонат, язык, сосиски,

сардельки, котлета, тефтель, шницель, ромштекс, ростбиф, антрекот, лангет, тушенка и т. п.; мясо, баранина, говядина, свинина, курица, индейка и т. п.

Рыбные продукты: рыба, морская, речная, озерная, карась, карп, окунь, ерш, минтай, лосось, сельдь, сардины, палтус, семга, стерлядь, судак, кета и т. п.

Первое: суп, борщ, окрошка, рассольник, свекольник, солянка, уха, харчо, щи и т. п.

Второе: жареный картофель, картофельное пюре, блинчики с мясом, котлеты с макаронами, жареная рыба, бифштекс с рисом, каша, пельмени, плов, шашлык, оладьи, тушеная капуста, запеканка и т. л.

Национальная кухня: винегрет, блины, селедка, студень, холодец, пироги, пирожки, ватрушки, каша, пряники, кулич, запеканка, квашеная капуста, соленые грибы, соленья и т. п.

Съесть что (о количестве пищи): тарелку борща, шей и т. п., порцию пельменей, мороженого и т. п.

Есть что-либо чем: вилок, ложкой, палочками и т. п.;

Есть что-либо с чем: с маслом, с солью, со сметаной, с перцем, с хлебом, с соусом, с кетчупом, с горчицей и т. п.

Есть что-либо без чего: без масла, без соли, без сметаны, без перца, без хлеба, без сахара, без уксуса и т. п.

Есть как: быстро, медленно, молча, с аппетитом, без аппетита, с удовольствием, без удовольствия, с жадностью и т. п.

Есть что-либо где: в буфете, в кафе, в ресторане, в столовой, на кухне, дома и т. п.

Есть в какое-либо время: утром, днем, вечером, в обед, в полдень, перед сном, в половине восьмого, около 7 вечера, и т. п.

Не есть с какого-либо времени: с утра, со вчерашнего дня, с шести часов вечера и т. п.

Предприятия общественного питания: столовая, буфет, кафе, кафетерий, ресторан, закусочная, блинная, пельменная, пирожковая, шашлычная, пышечная, чебуречная, пиццерия.

Употребительные фразы

Я (очень) хочу есть. Уж очень хочется есть. Я голоден, я голодна. Я очень проголодался (проголодалась). Я так хочу есть, что, кажется, съел/а/ бы все, что угодно. Я умираю от голода. У меня волчий аппетит. Кушайте, пожалуйста! Ешьте на здоровье! Приятного аппетита! Спасибо, я так хорошо поел(а)! Спасибо, я сыт(а). Благодарю вас, я сыт(а).

Вопросы для введения лексики

Ответьте на вопросы:

1. Что вы любите есть?
2. Какие фрукты ест ваша семья?
3. Какие овощи ест ваш друг?
3. Что вы едите на первое?
4. Что вы едите на второе?
5. Что любит есть ваша собака?
6. Можно ли есть, руками?
7. Что можно есть руками?
8. Чем (какими столовыми приборами) ты ешь?
9. Чем едят твои родители?
10. Что вы ели на завтрак?
11. Что вы ели на обед?
12. Что вы будете есть на ужин?
13. Где вы завтракаете?
14. Где вы обедаете?
15. Где вы ужинаете?
16. Где питаются ваши друзья?
17. Кто кормил вас в детстве?
18. Кормили ли вы когда-нибудь животных, рыбок, птиц и чем?
19. Чем вы питаетесь в повседневной жизни?
20. Где вы питаетесь вечером?
21. Что не едят вегетарианцы?
22. Чем вы любите лакомиться?
23. Если вы были в гостях в русской семье, расскажите, чем вас там угощали?
24. Любите ли вы угощать других?
25. Чем вы угощаете своих гостей?

ЛЕКСИКО-ГРАММАТИЧЕСКИЕ УПРАЖНЕНИЯ

Упражнение 1. Проспрягайте глагол *есть*. Составьте словосочетания с существительными в Вин. п., ед. числе, обозначающими фрукты, овощи, молочные и мясные продукты, рыбу.

Упражнение 2. От данных глаголов образуйте повелительное наклонение в форме ед. и мн. числа.

Есть (съесть), пробовать (попробовать), закусывать (закусить), кормить (накормить), глотать (проглотить).

Упражнение 3. Что общего в значениях данных однокоренных слов?

Закусить — закуска — закусовая.

Упражнение 4. Прочитайте предложения, в которых глаголы *закусить*, *перекусить* имеют значение ‘съесть немного’, ‘поесть слегка’ или ‘заглушить неприятные вкусовые ощущения’ после чего-л. съеденного или выпитого. Составьте свои предложения с этими глаголами.

1. Я перекусил на скорую руку в заезжем доме фаршированной... щукой и отправился домой (Успенский). 2. Закусив остатками мяса, мы пошли дальше (Арсеньев). 3. Прощаясь с домочадцами, они только что сытно закусили пышками со сметаной (Чехов). 4. Облонский подошел к буфету, закусил водку рыбкой (Толстой).

Упражнение 5. Образуйте от данных имен существительных слова, обозначающие предприятия общественного питания.

Образец: Блин — блинная.

Пельмень, пирожок, шашлык, котлета, пицца, чебурек.

Упражнение 6. Прочитайте предложения. Найдите в них глаголы ЛСГ питания, которые употребляются без дополнения. Определите, где возможно падеж управляемых имен существительных.

1. Гость почти ничего не ел, а только пробовал. 2. Саша прожевал бутерброд и вышел из-за стола. 3. Ребята вставали в шесть утра, бежали на речку умываться, а потом завтракали. 4. Не успев утром поесть, я быстро почувствовала голод. 5. Вдруг Катя перестала жевать хлеб и с интересом взглянула на Мишу. 6. Маленький Коля всегда заедал горькое лекарство конфетами. 7. До обеда было еще далеко, и мы наскоро закусили пирожками с капустой. 8. Некоторые любят закусывать водку балычком или икоркой, а Сенька по-русски соленым огурчиком. 9. На ветке одной из рябин сидел дрозд и клевал красные ягоды. 10. Кормили в санатории очень хорошо, каждый день на столе были фрукты и овощи.

Упражнение 7. Прочитайте предложения с глаголами питания. Обратите внимание на грамматическую сочетаемость глаголов с именами существительными. Какими предложно-падежными формами управляют глаголы питания?

1. Бабушка налила полную до краев тарелку борща и ласково пригласила внучку кушать. 2. Мы любили бывать на пасеке, где с большим удовольствием лакомились свежим ароматным медом. 3. Иван Павлович пригласил гостя к себе домой обедать. 4. Надя отъела половину шоколадки, а вторую оставила младшему брату Владу. 5. Молодая мама перекормила ребенка ягодами малины, и на следующий день он заболел. 6. Зимой бывает очень холодно, поэтому жители часто подкармливают птиц семечками, крошками хлеба, сухариками. 7. Полдничает он около четырех часов дня чаем и булочкой, или яблочным соком и коржиком. 8. Бабушка Феня очень любила угощать всех пирогами с яблоками и разговаривать о жизни. 9. Обычно мы ужинаем дома, но иногда ходим отведать рыбные деликатесы и продукты моря в ресторан «Океан».

Упражнение 8. Назовите глаголы питания, которые соответствуют данным словарным определениям. Проверьте себя по ключу.

Есть «быстро, жадно, большими кусками»;

есть «тщательно размельчая пищу во рту зубами»;

есть «что-либо очень вкусное и получая удовольствие»;

есть «сверх меры и во вред здоровью»;

есть «немного, принимая пищу между обедом и ужином»;

есть «вечером».

Ключ: глотать, жевать, лакомиться, объедаться, полдничать, ужинать.

Упражнение 9. Прочитайте предложения, в которых употреблены глаголы *глотать*, *проглатывать*, *жевать* в значении 'принимать пищу', 'есть что-л.'

1. Пастухов почувствовал любопытство к этому молодому человеку, который глотал холодную кашу с таким

удовольствием (Федин). 2. Степан не заметил, как проглотил два беляша, тарелку борща, кусок отварного мяса (). 3. Алексей жевал стручки сладкого гороха (Кочетов). 4. Мальчик почти ничего не ел, пожует корочку черного хлеба и только (Мамин-Сибиряк).

Упражнение 10. Определите разницу в значениях глаголов питания, имеющих общий корень. В случае затруднения обратитесь к толковому словарю. Составьте предложения с данными глаголами: *есть, поесть, съесть, заесть, объесться, переесть; кормить, накормить, обкормить, перекормить.*

Упражнение 11. Подберите видовую пару к глаголам. Образуйте от глаголов несовершенного вида форму 1-го лица единственного числа настоящего времени, а от глаголов совершенного вида — форму 1-го лица единственного числа будущего времени.

Есть (съесть, поесть), заедать (заесть), закусывать (закусить), кормить (накормить), лакомиться (полакомиться), обедать (пообедать), объедаться (объесться), ужинать (поужинать).

Упражнение 12. Синонимом глагола *угощать* (*угостить*) является глагол *потчевать*. Составьте с этими глаголами словосочетания, употребив слова, обозначающие «пищу», в нужной падежной форме.

Угощать - потчевать (чем?): яблоки, арбуз, торт, пироги, дыня, пирожное, виноград, блины, рыба, пельмени, окрошка, грибы.

Упражнение 13. Прочитайте предложения. Обратите внимание на употребление глагола *кушать* при вежливом приглашении к еде в форме повелительного наклонения.

1. Бабушка Саня испекла мои любимые блины, поставила на стол тарелку с душистым медом и сказала: «Кушай на здоровье, моя внученька!» 2. «Кушайте, кушайте, не стесняйтесь», — говорила мама моим друзьям.

Упражнение 14. Прочитайте предложения с глаголами *питаться* ('есть что-л., удовлетворяя потребность в еде' и *кормиться* 'есть что-либо, добывая себе самостоятельно пищу'). Могут ли они взаимозаменять друг друга? Какой другой глагол питания можно употребить, не изменяя смысла предложения?

1. Есть такая мудрость: там, где кормятся двое, хватает и третьему. 2. Утки прекрасно кормятся на пруду, вылавливая мелкую рыбешку. 3. Чтобы избежать обострения болезни, врачи советовали больному питаться только фруктами. 4. Вегетарианцы питаются рыбой, овощами, фруктами, орехами, не употребляя мяса животных.

Упражнение 15. Прочитайте предложения с глаголами питания, имеющими стилистическую окраску. Назовите эти глаголы. Почему эти глаголы употребляют лучшие русские писатели-классики? Уместно ли их употребление в данных ситуациях?

1. Дед Архип сидел за столом, хлебал щи старой деревянной ложкой и слушал сына. 2. Толстый Пацюк... слегка наклонил голову к миске и хлебал жижу (Гоголь). 3. Мы хлебали деревянными ложками уху (Соколов-Микитов). 4. Икру я и Бурлак едим, как кашу, ложками хлебаем (Гиларовский). 5. Подают в громадных деревянных мисках баранью похлебку. Все начинают громко хлебать, кладя каждый раз ложку на стол и откусывая хлеб (Толстой). 6. Пашка, положив перед собой книгу, жрет щи и не думает о втором, которое он сейчас получит (Каверин).

Упражнение 16. Прочитайте предложения с глаголами *грызть*, *глодать*, *клевать*, *жевать*. Общим для них является значение 'есть', различает эти глаголы объект действия — 'что-либо твердое', способ действия — 'раскусывая, прокусывая зубами', 'отделяя зубами от чего-л.', 'размельчая во рту зубами, языком, перемешивая пищу со слюной и делая ее пригодной для глотания'. Какие существительные и с каким значением выступают в роли подлежащего? Составьте небольшие предложения с данными ниже словами.

1. И когда упадет это большое дерево, местные зайцы придут глотать кору (Пришвин). 2. Как и все другие собаки, Инга больше всего любит глотать кости из супа. 3. В зоопарке дети любят смотреть, как белки грызут орешки и семечки. 4. Витя долго жевал хлеб, прежде чем его проглотить. 5. Наташа, сидя у стола, читает газету и грызет сухари (Горький). 6. Колоколов, раскрасневшийся, дул с ожесточением на блюдечко и грыз кусочек сахара (Вс. Иванов). 7. Зайцы любят грызть кору молодых осинок. 8. Волки грызли кости замерзшего барана. 8. Ходят по двору цыплята, зерно клюют. 10. За окном воробьи клевали вынесенные мной на балкон хлебные крошки. 11. Из мешка овес сыплется, а гусь шею протянул... и зерно клюет (Достоевский). 12. Петух начал искать на полу, чего бы поклевать (Гончаров). 13. Лошади щипали листья и стебли жесткого темно-зеленого папоротника (Толстой).

Упражнение 17. Образуйте имена существительные от следующих глаголов питания. Проверьте себя по ключу.

Есть, питаться, обедать, кормиться, лакомиться, завтракать, закусывать, кушать, полдничать, угощать, ужинать, пробовать, похлевать (разг.), угощать.

Ключ: Еда, пища, обед, корм, лакомство, завтрак, закуска, кушанье, полдник, угощение, проба, похлебка (разг.), угощение.

Упражнение 18. Прочитайте ряд слов (имен прилагательных), которые часто употребляются как эпитеты существительного пища. Какие из них вам неизвестны? Выпишите антонимы — слова с противоположным значением. Проверьте себя по ключу. Составьте предложения с прилагательными-антонимами.

Пища (какая?) — ароматная, аппетитная, горькая, жирная, кислая, легкая, неприятная, особая, острая, отвратительная, пересоленная, приторная, пригорелая, сладкая, соленая, тяжелая.

Ключ: горькая — сладкая, кислая — сладкая, соленая — пресная, легкая — тяжелая.

Упражнение 19. Образуйте наречия от данных имен прилагательных.

Кислый, сладкий, горький, соленый, острый, пресный.

Упражнение 20. Дополните следующие предложения, выразив вкусовые ощущения оценкой «Так + наречие» по образцу.

Образец: Я не могу есть торт. Так сладко!

1. Я не могу есть без соли. Так...! 2. Я не могу есть лимоны. Так...! 3. Я не могу есть блюда кавказской кухни. Так...! 4. Я не могу есть уху. Так...! 5. Я не могу есть конфеты и вафли. Так...! 6. Я не могу есть свежий лук. Так...!

Упражнение 21. Прочитайте предложения с глаголом *есть* и однокоренными приставочными глаголами, которые употребляют русские писатели. Определите вид, время, лицо и число глаголов. С какими словами сочетаются эти глаголы? Переведите предложения на родной язык.

1. [Хозяйка] сварила нам рассыпчатой, замечательной картошки. Мы ели ее с крупной солью (Емельянова). 2. Лошади... ходили вокруг, поедали молодую травку (Казакевич). 3. Целыми днями медвежонок сидит на деревьях. Поест листьев эвкалипта и дремлет (Гранин). 4. Помидоров на огороде оставалось совсем мало. Поели почти все (Казаков). 5. Надо было поесть что-нибудь, прежде чем уехать (Толстой). 6. «Опять кто-то бананы поел», — воскликнул он в негодовании (Гончаров). 7. Часам к двенадцати поспел обед. Люди ели плохо (Гаршин). 8. Куница с охотой поедает и растительную пищу (Тургенев). 9. [Широких] съел миску каши, двойную порцию беф-строганов и пять ломтей хлеба (Диковский).

Упражнение 22. Прочитайте предложения с глаголами *завтракать, обедать, ужинать, питаться, кормиться*. Определите разницу в их значениях. Каковы ситуации их употребления.

1. Командир поднимает нас в шестом часу. Умывшись у родника, мы завтракаем (Закруткин). 2. — А теперь идите

обедать. Борщ со свиной. И жареный судак (Паустовский). 3. — Я же знаю, — вам хочется дождаться, когда темнота настолько спустится, что в ней заблестят звезды. Это значит, что пора ужинать (Паустовский). 4. Питается куница главным образом мелкими грызунами (Тургенев). 5. Давыдов питался кое-как и когда придется (Шолохов). 6. В жаркую пору лошадей выгоняют у нас на ночь кормиться в поле (Тургенев). 6. Мы уже и так сидели без хлеба и кормились только тем, что добывали охотой (Арсеньев).

Упражнение 23. Прочитайте предложения, в которых употребляются глаголы *угощать* и *потчевать* (разг.). Есть ли разница в их значениях? Чем они отличаются от глагола *есть*? Есть ли в вашем родном языке глаголы, передающие ситуацию, в которой с особым радушием предлагают поесть и выпить?

1. Во вторник к Наталье Ивановне заехал знакомый..., она угощала его водкой и солеными грибочками собственного приготовления (Толстой). 2. Попадья угощала меня блинами с медом и чем бог послал (Пушкин). 3. — Ты нам скажи, невестушка, — говорила бабушка, — что твои детки едят и чего не едят: то ведь я не знаю, чем их потчевать (Аксаков). 4. Марья потчевала Оксану чем только могла: цыплят резала..., молока давала, сколько могла, у Максимовых меду разжилась для нее (Соколов). 5. Марья Степановна принялась усиленно потчевать гостя сладостями (Мамин-Сибиряк).

Упражнение 24. Прочитайте предложения, в которых употребляются глаголы *наедаться*, *насыщаться*. Какую ситуацию физиологического действия питания они передают?

1. Оба проголодавшиеся приятеля, подсев к закуске, наелись хлеба с маслом... и соленых огурцов (Толстой). 2. [Рощин] ел, не разбирая, что ему подкладывали, быстро насытился и, отодвинув тарелку, закурил (Толстой). 3. Котенок насытился и замурлыкал, жеманно перебирая лапками (Тургенев).

Упражнение 25. Прочитайте предложения, в которых употребляются глаголы *отведывать*, *пробовать*. Чем они отличаются от глагола *есть*? Какую ситуацию они обозначают?

1. Марья Степановна принялась усиленно потчевать гостя сладостями. Привалов должен был отведать всего, чтобы не обидеть хозяйку (Мамин-Сибиряк). 2. Японцы всматривались во все, пробовали всего понемножку и завертывали в бумажку то конфетку, то кусочек торта (Гочаров). 3. — Не хочешь есть, не ешь. Но хотя бы попробуй, какой пирог получился, — сказала Елена (Арсеньев). 4. Не отведав, вкусу не узнаешь.

Упражнение 26. Прочитайте предложения, в которых глаголы питания употребляются в составе фразеологических сочетаний. Объясните, какие ситуации отображены в предложениях. В случае затруднения обратитесь к фразеологическому словарю.

1. Грушницкий целый вечер преследовал княжну, танцевал с нею... он пожирал ее глазами, вздыхал и надоедал мольбами и упреками (Лермонтов). 2. От мачехи нет житья никому, потому что это сущая ехидна... Злится и всех поедом ест (Успенский). 3. Я почувствовал, что я просто дармоед: ничего не делаю, ем чужой хлеб, все ненавижу... (Успенский). 4. — Ты погляди-ка на себя: у тебя вон, у сапожков-то подошвы отстали, носки есть просят (Решетников). 5. — А мне, братцы, наипервейшее удовольствие — рыбку ловить. Хлебом меня не корми, а только дай с удочкой посидеть (Чехов). 6. — Завтра я заеду перед обедом, — торопливо выговорил он, надевая шинель. — Завтра, завтра... Смотри, Антоша! Завтраками кормить тебе не пристало (Бобрыкин). 7. Прохор приглашал и Протасова: тот универсально образован и в горном деле собаку съел (Шишков).

УПРАЖНЕНИЯ ДЛЯ РАЗВИТИЯ НАВЫКОВ УСТНОЙ РЕЧИ

Упражнение 1. Прочитайте текст и перескажите его.

Древние греки и римляне питались три раза в день: ранним утром они ели первый завтрак, около полудня — второй, а ближе к вечеру — обед. Обед состоял обычно из трех перемен. Вначале подавали закуски, и прежде всего яйца. Отсюда римская поговорка «от яйца до яблок», соответствующая русской «от А до Я», ведь яблоками и другими фруктами обеденная трапеза завершалась.

Ответьте на вопросы.

1. Сколько раз в день принято питаться у вас на родине? 2. Из скольких блюд обычно состоит обед в вашей семье? 3. Чем начинается и чем заканчивается обед? 4. За каким столом любят обедать в вашей стране (круглой, квадратной, прямоугольной формы)? 5. Есть ли в языке вашего народа специальное название традиционного стола?

Упражнение 2. Прочитайте текст. Расскажите, когда и где появились первые тарелки, вилки, ложки, салфетки.

Первые тарелки появились во Франции в 1498 году при короле Людовике XII. Они имели четырехугольную форму. В ряде европейских стран еще в начале XVI в. за обедом вместо тарелок подавали большие ломти хлеба, на которые клали еду. Иногда вместо тарелок использовали круглые доски.

Первые салфетки появились в Испании, а затем во Франции в 1461 году. У короля Людовика XV был целый штат людей, которые занимались складыванием салфеток. Это считалось сложным искусством, которому учились несколько лет.

Вилки впервые появились тоже во Франции в XVI столетии при короле Генрихе III. У вилки была очень короткая ручка и всего один — два зубца. И нужна была немалая сноровка, чтобы пользоваться такой вилкой.

В Россию вилка была ввезена из Польши в начале XVII века, но истинно русским инструментом считалась только ложка. Она служила при еде горячей пищи, для остального же русские пользовались пальцами. Ложки делали позо-

лочные и серебряные, украшали драгоценными камнями и передавали их по наследству. Деревянные ложки, любимые народом, и сейчас являются прекрасным русским сувениром.

Упражнение 3. Прочитайте текст. Расскажите о национальном способе приема пищи, атрибутике этого процесса.

Одни народы, входя в помещение и готовясь к трапезе, снимают обувь, другие — нет. Одни народы едят с помощью специальных столовых приборов — ножей, вилок, ложек и т. п., другие обходятся без них. Например, в Китае пользоваться за столом ножом считается неприличным. При сервировке стола ножи здесь вообще не подают, а пищу нарезает повар. В Японии не употребляют ложек, а любят есть палочками. В Индии не пользуются ни палочками, ни европейскими столовыми приборами, все едят руками, которые после еды тут же обмывают в специальных мисочках, расставленных на столе. В Средней Азии излюбленное блюдо, плов, едят пальцами. В Центральной Азии пекут лепешки — тортильяс. Лепешку сворачивают кульком и пользуются как ложкой, после обеда ее съедают.

Упражнение 4. Познакомьтесь с отрывком из книги русского царя Петра I «Юности честное зерцало, или Показания к житейскому обхождению». Новые и трудные слова посмотрите в словаре. Прочитайте текст и скажите, какие правила поведения за столом и сегодня являются общепринятыми нормами. Есть ли у вашего народа или у жителей вашей страны национальные этикетные правила? Расскажите о них.

Когда случится тебе с другими за столом сидеть, то содержи себя в порядке по сему правилу: во-первых, обрежь свои ногти, чтобы не казались они будто бархатом обшиты; умой руки и сядь благочинно, седи прямо и не хватай первым блюдо, не жри как свинья и не дуй в ушное, чтоб везде брызгало; не сопи, когда ешь, первым не пей, будь выдержан, избегай пьянства, пей и ешь, сколько тебе потребно; когда тебе предложат блюдо, то возьми часть из него, прочее отдай другому, и поблагодари; руки твои да не лежат

долго на тарелке; ногами везде не мотай; когда придется пить, не утирай губ рукою, но полотенцем, и не пей, пока не проглотить пищу; не облизывай перстов; не грызи кости, но обрежь ножом; зубов ножом не чисти, но зубочисткою и одною рукой прикрой рот, когда зубы чистишь; хлеба, приложи к груди, не режь; ешь, что перед тобой лежит, а иное не хватай... не бери перстами... над едою не чавкай, как свинья, и головы не чеши; не проглотя куска, не говори, как это делают крестьяне; часто чихать, сморкать и кашлять не пригоже. Когда ешь яйцо, то сначала возьми хлеб и смотри, чтобы яйцо не вытекло, ешь скорее...; около своей тарелки не делай забора из костей, корок хлеба и прочего; когда прекратишь есть, возблагодари Бога, умой руки и лицо и выполощи рот. (Из книги Л. С. Лихачевой «Школа этикета»)

Упражнение 5. Обратитесь к собеседнику с вопросами, употребив одно из выражений: *Скажите, пожалуйста; Простите, пожалуйста,...*; *Простите, вы не знаете...*; *Извините (простите), пожалуйста, вы не скажете...*

1. Где находится ближайшее кафе? 2. Во сколько часов открывается студенческая столовая? 3. Когда закрывается ресторан? 4. На каком этаже находится буфет? 5. В каком кафе можно полакомиться мороженым? 6. Где можно хорошо и вкусно пообедать? 7. В каком кафе можно быстро и недорого поесть? 8. В каком ресторане можно попробовать блюда уральской кухни?

Упражнение 6. Дайте положительный или отрицательный ответ на данные вопросы, используя слова и выражения: *конечно, да; может быть; возможно; наверно; думаю, что нет; скорее всего, что нет; конечно, нет.*

1. Как вы думаете, можно пообедать в столовой на десять тысяч рублей? 2. Как, по-вашему, ресторан еще открыт? 3. Как, по-твоему, мы можем поужинать в отеле «Метрополь»? 4. Как вы думаете, мы можем поесть в вагоне-ресторане? 5. Как, по-вашему, можно попробовать блюда русской кухни в ресторане «Уральские пельмени»? 6. Как вы думаете, на борту самолета можно позавтракать? 7. Как, по-

вашему, в ресторане «Харбин» можно полакомиться чем-нибудь из китайской национальной кухни?

Упражнение 7. Пригласите кого-нибудь для совместной трапезы, используя вежливые формы приглашения на «вы». Эти формы могут употребляться и при обращении на «ты».

Позвольте

Вы позволите

Разрешите

ПРИГЛАСИТЬ вас...

Вы разрешите

Можно

Образец: Разрешите пригласить вас поужинать со мной в ресторане. Разреши пригласить тебя поужинать со мной в ресторане.

Слова для справок: на чашку кофе, на чашку чая, на обед, на ужин, на пельмени, на пироги, на день рождения; пообедать, поужинать.

Упражнение 8. Пригласите кого-нибудь позавтракать, пообедать, поужинать вместе с вами, попробовать что-нибудь, употребив следующие выражения.

Как вы смотрите на то, чтобы...

Как вы относитесь к тому, чтобы...

Что вы скажете по поводу того, чтобы...

Упражнение 9. Выразите согласие или несогласие по поводу приглашения, используя выражение *А что если нам...* (позавтракать дома, пообедать в ресторане, поужинать вместе, попробовать блюда китайской кухни, пообедать сегодня у мамы и т. д.).

— С удовольствием! — К сожалению, я занята.

— С большим удовольствием! — К сожалению, сегодня я не могу.

— С радостью! — Извините, у меня много дел.

— Согласен. Согласна. — Извините, но сегодня я иду в театр.

— Принимаю приглашение. — Благодарю за приглашение, но я не все ем.

Упражнение 10. Выразите свое несогласие с мнением, которое заключено в вопросе, с помощью переспроса и выражения *А не лучше ли...?*

Образец: — Не позавтракать ли нам в кафе?

— В кафе? А не лучше ли дома?

1. Не полакомиться ли нам бананами?
2. Не поужинать ли вам в ресторане?
3. Не попробовать ли нам черничного варенья?
4. Не угостить ли Аркадия рябиновым джемом?
5. Не пообедать ли нам с Сергеем в новом кафе?
6. Не съесть ли нам пару пирожков с мясом?

Упражнение 11. Дайте положительную или отрицательную оценку предмета пищи, употребив выражение *Какой вкусный!* / *Какой невкусный!* и согласуя его в роде, числе и падеже с данными существительными:

Салат, пюре, уха, щи, киви, мясо, рыба, дыня, торт, варенье, сосиски, борщ, яблоки, винегрет, макароны, арбуз.

Упражнение 12. Выразите свое несогласие с мнением, выраженным в данных предложениях. Используйте выражение *Ну, что вы! Не такой уж и...*

Образец:

— Какой ароматный кофе!

— Ну что вы! Не такой уж и ароматный!

1. Какой вкусный борщ!	6. Какая сладкая дыня!
2. Какой кислый лимон!	7. Какой горький лук!
3. Какая соленая капуста!	8. Какой свежий сыр!
4. Какой ароматный мед!	9. Какие горькие огурцы!
5. Какой мягкий хлеб!	10. Какой оригинальный салат!

Упражнение 13. Знаете ли вы слова и выражения, которые русские употребляют для выражения восхищения едой? Прочитайте их и составьте с ними предложения по образцу.

Еда (какая?): вкусная, аппетитная; просто объеденье

(разг.); пальчики оближешь; язык проглотишь; пища богов (шутл.); за уши не оттащишь (от чего-либо, прост., шутл.).

Образец: Уха из свежих окуней (карасей) — просто объеденье! Салат из свеклы, орехов, яблок и изюма — пальчики оближешь!

Упражнение 14. На основании данных предложений задайте вопросы относительно другого лица по образцу. Составьте диалоги, используя в репликах русские мужские и женские имена.

Образец: — Сергей не ест мясо. — Вы не знаете, а Николай тоже не ест (мясо)?

- Анна всегда завтракает в общезитии.
- Надежда любит обедать в ресторане.
- Иван не любит ужинать в кафе.
- Татьяна не ест красную икру.
- Аркадий не ест свинину и жирное мясо.
- Валентина не любит салаты с майонезом.

Упражнение 15. Прочитайте предложения, в которых говорится о том, что (чего) не едят люди определенной национальности. Скажите, что вы никогда не едите? Почему?

Монголы не едят селедку...

Китайцы не едят сыр, сметану...

Американцы не едят рыбные консервы, окрошку, тушеную капусту,...

Японцы не едят ржаной хлеб...

Поляки не едят блюда из баранины...

Венгры не едят кетовую икру, кильку...

Болгары и сербы не едят черный хлеб...

Англичане не едят сало, гречневую кашу, чеснок...

Корейцы не едят сметану, сыр, сырники...

Упражнение 16. Прочитайте текст, перескажите его. Какие поверья, приметы русского народа вы узнали?

1. У славян наиболее священным продуктом был хлеб, с ним связаны представления о счастье и благополучии. Эти представления во многом определили правила обращения с хлебом во время еды. Нельзя доедать хлеб за другим —

заберешь его счастье. Нельзя есть хлеб за спиной другого человека — съешь его силу. Нельзя во время еды давать хлеб со стола собакам — постигнет бедность. Нельзя оставлять кусок хлеба на столе — будешь худеть, «он тебя есть будет». (Из кн. Л. С. Лихачевой «Школа этикета».)

2. Хлеб или ложка за обедом выпадет — гость спешит в ваш дом.

Упражнение 17. Прочитайте пословицы и поговорки, в которых отражены быт, обычаи и гостеприимство русского народа. Как вы их понимаете? В случае затруднения обратитесь к фразеологическому словарю.

I. Хлеб и соль были основой жизни русских людей древних времен. Это нашло отражение в следующих пословицах и поговорках:

1. Будет хлеб — будет и обед. 2. Без соли и хлеба — половина обеда. 3. Без соли не вкусно, а без хлеба не сытно. 4. Гречневая каша — матушка наша, а хлебец ржаной — отец родной. 5. Хлеб да вода — крестьянская еда.

II. Почитайте пословицы и поговорки о гостеприимстве русского народа.

1. Не красна изба углами, а красна пирогами. 2. Соловья баснями не кормят. 3. Чем богаты, тем и рады. 4. Что есть в печи, все на стол мечи.

III. Прочитайте пословицы и поговорки, в которых отражен характер русского народа. Как вы их понимаете? В случае затруднения обратитесь к фразеологическому словарю.

1. На чужой каравай рот (рта) не разевай. 2. Хлеб-соль ешь, а правду режь. 3. Хлеб-соль платежом красна. 3. Хлеб-соль кушай, а добрых людей слушай.

Упражнение 18. Образуйте от слов *хлеб* и *соль* сложные слова — существительное и прилагательное. Подберите к ним синонимы. Проверьте себя по ключу.

Ключ: Хлебосольство — радушное угощение, готовность принимать у себя гостей, гостеприимство.

Хлебосольный (хозяин) — радушный, приветливый, гостеприимный.

Упражнение 19. Прочитайте русские пословицы и поговорки, в которых хлеб является основой мира и дружбы. Что является символом мира и дружбы в пословицах вашего народа?

1. Хлеб везде хорош, и у нас, и за морем. 2. Хлеба нет, так и друзей не бывало. 3. Хлеб хлебу брат. 4. Сердись, бранись, а за хлеб-солью сходишь. 5. Хлеб-соль водить — дружить.

Упражнение 20. Прочитайте русские загадки и отгадайте их.

1. Прежде чем его вы съели, все наплакаться успели (лук).

2. Дам есть — плачет, а не дам есть — она молчит (скорохода).

3. Сырой не едят, а вареный выбрасывают (лавровый лист).

4. Сама не ем, а поесть даю всем (ложка).

5. — Что краше солнца? И комковато, и ноздревато, и кисло, и ломко, а всех милей (хлеб).

Упражнение 21. Составьте небольшие рассказы, которые можно было бы закончить пословицами: *Без чаю и хлеба плохая беседа; Не красна изба углами, а красна пирогами.*

Упражнение 22. Прочитайте общеизвестную мудрость и выскажите свое отношение к этому выражению: *Надо есть, чтобы жить, но не жить, чтобы есть.*

Упражнение 23. Прочитайте шутки и перескажите их от первого лица.

1. В РЕСТОРАНЕ.

— Что вы мне принесли? Я не могу есть этого цыпленка: у него одна кожа да кости!

— А вы хотели бы, чтобы у него были еще и перья?

2. НА ОБЕД... ЗОНТИК.

Известный французский писатель Александр Дюма

путешествовал по Германии. Он не знал немецкого языка, и это создавало трудности. В одном маленьком городке путешественник зашел в ресторан. Он хотел заказать грибы, но не умел объяснить это по-немецки. Долго писатель показывал жестами, чего он хочет, но безуспешно. Тогда он взял бумагу, карандаш и нарисовал большой гриб. Хозяин ресторана посмотрел на рисунок и понимающе улыбнулся.

Дюма был очень доволен собой. Теперь он спокойно ждал, когда ему принесут его любимое блюдо. Каково же было его удивление, когда он увидел в руках вошедшего хозяина... зонтик! (Из кн. И. Б. Голуб, Д. Э. Розенталя «Разговорная практика на уроках русского языка».)

Упражнение 24. Опишите какой-нибудь смешной или забавный случай, который произошел с вами или с вашими друзьями в кафе, в ресторане или в студенческой столовой.

Упражнение 25. Прочитайте отрывки из произведений известного русского писателя первой половины XIX века Н. В. Гоголя. Ответьте на вопросы, данные к текстам.

1. Прочитайте текст. Найдите в тексте глаголы питания. Назовите имена существительные со значением 'пища', 'еда'.

— Что ж, душенька, пойдем обедать, — сказала Собакевичу его супруга.

— Прошу! — сказал Собакевич.

Засим, подошедши к столу, где была закуска, гость и хозяин выпили как следует по рюмке водки, закусили, как закусывает вся пространная Россия по городам и деревням, то есть всякими соленостями и иными возбуждающими благодатями, и потекли все в столовую; впереди их, как плавный гусь, понеслась хозяйка. Небольшой стол был накрыт на четыре прибора...

— Щи, моя душа, сегодня очень хороши! — сказал Собакевич, хлебнувши щей и отваливши себе с блюда огромный кусок няни, известного блюда, которое подается к щам и состоит из бараньева желудка, начиненного гречневой кашей, мозгом и ножками. — Эдакой няни, — продолжал

он, обратившись к Чичикову, — вы не будете есть в городе, там вам черт знает что подадут!

— У губернатора, однако ж, недурен стол, — сказал Чичиков.

— Да знаете ли, из чего все это готовится? Вы есть не станете, когда узнаете.

— Не знаю, как готовится, об этом не могу судить, но свиные котлеты и разварная рыба были превосходны.

— Это вам так показалось. Ведь я знаю, что они на рынке покупают. Купит вон тот каналья повар, что выучился у француза, кота, обдерет его, да и подаст на стол вместо зайца.

— Фу! Какую неприятность говоришь, — сказала супруга Собакевича.

— А что ж, душенька, так у них делается, я не виноват, так у них у всех делается. Все что ни есть ненужного, что Акулька у нас бросает, с позволения сказать, в помойную лохань, они его в суп! да в суп! туда его!

— Ты за столом всегда эдакое расскажешь! — возразила опять супруга Собакевича.

— Что ж, душа моя, — сказал Собакевич, — я прямо в глаза скажу, что я гадостей не стану есть. Мне лягушку хоть сахаром облепи, не возьму ее в рот, и устрицы тоже не возьму: я знаю, на что устрица похожа. Возьмите барана, — продолжал он, обращаясь к Чичикову, — это бараний бок с кашей! Это не те фрикасе, что делаются на барских кухнях из баранины, какая суток по четыре на рынке валяется!... У меня не так. У меня когда свинина — всю свинью на стол, баранина — всего барана тащи, гусь — всего гуся! Лучше я съем двух блюд, да съем в меру, как душа требует. — Собакевич подтвердил это делом: он опрокинул половину бараньева бока к себе на тарелку, съел все, обгрыз, обсосал до последней косточки.

«Да, — подумал Чичиков, — у этого губа не дура».

— У меня не так, — говорил Собакевич, вытирая салфеткою руки, — у меня не так, как у какого-нибудь Плюшкина: восемьсот душ имеет, а живет и обедает хуже моего пастуха.

(По Н. В. Гоголю, «Мертвые души»)

Словарь

Душенька — ласковое обращение (преимущественно к женщине).

Солености — приготовленные впрок с солью пищевые продукты (грибы, огурцы, капуста и т. п.).

Благодать — изобилие природных благ, обеспечивающих благоденствие, доставляющих радость, счастье.

Лягушка — бесхвостое земноводное с длинными задними ногами, приспособленными для прыганья.

Устрицы — съедобный морской моллюск, имеющий раковину.

Баран — жвачное млекопитающее с густой волнистой шерстью и изогнутыми рогами.

Фрикасе — нарезанное мелкими кусочками жареное или вареное мясо с какой-л. приправой.

Обсосать — пососать кругом, со всех сторон, втягивая, всасывая в себя какую-либо жидкость.

Губа не дура (прост.) — поговорка о человеке, который умеет выбрать для себя самое лучшее, ценное и т. п.

2. Прочитайте текст. Найдите в тексте глаголы питания, объясните, как вы понимаете их значение. Какие слова, обозначающие национальные русские блюда, встретились в тексте?

— Прошу покорно закусить, — сказала хозяйка. Чичиков оглянулся и увидел, что на столе стояли уже грибки, пирожки, скоро — думки, шанишки, пряглы, блины, лепешки со всякими припеками: припекой с лучком, припекой с маком, припекой с творогом, припекой со сняточками, и невесть чего не было.

— Пресный пирог с яйцом! — сказала хозяйка. Чичиков подвинулся к пресному пирогу с яйцом, и, съевши тут же с небольшим половину, похвалил его. И в самом деле, пирог сам по себе был вкусен...

— А блинков? — сказала хозяйка.

И в ответ на это Чичиков свернул три блина вместе и, обмакнув их в растопленное масло, отправил в рот, а губы и руки вытер салфеткой. Повторивши это раза три,

он попросил хозяйку приказать заложить его бричку. Настасья Петровна, тут же послала Фетинью, приказавши в то же время принести еще горячих блинов.

— У вас, матушка, блинцы очень вкусны, — сказал Чичиков, принимаясь за принесенные горячие.

— Да у меня-то их хорошо пекут, — сказала хозяйка.

(Н. В. Гоголю, «Мертвые души»)

Словарь

Скородумка (обл.) — яичница или глазунья, кушанье из поджаренных яиц.

Прягла (обл.) — оладья, толстая лепешка в масле, пышка.

Припека (обл.) — начинка пирога или разная приправа.

Мак — семена мака, травянистого растения с длинным стеблем и крупными, чаще красными, цветками, употребляемые в пищу.

Сняточки (обл.) — рыбка вандыш, ловимая в озерах.

Пресный — без соли или с недостаточным количеством соли.

Обмакнуть — погрузить на короткое время в жидкость, окунуть.

Заложить — впрячь в экипаж, запрячь лошадей.

Бричка — легкая повозка, крытая или с откидным верхом.

Обмануть — ввести в заблуждение, поступить недобросовестно по отношению к кому-нибудь.

3. Прочитайте текст. Выделите глаголы со значением питания. С какими другими словами они сочетаются в предложении? Что обозначают эти слова?

Афанасию Ивановичу и Пульхерии Ивановне так мало было нужно. Оба старичка, по старинному обычаю старосветских помещиков, очень любили покушать. Как только занималась заря (они всегда вставали рано) и как только двери заводили свой разноголосый концерт, они уже сидели за столиком и пили кофе. Напившись кофею, Афанасий Иванович выходил в сени... На дворе ему обыкновенно попадался приказчик. Он, по обыкновению, вступал с ним

в разговор, расспрашивал о работах с величайшей подробностью и такие сообщал ему замечания и приказания, которые удивили бы всякого необыкновенным познанием хозяйства....

После этого Афанасий Иванович возвращался в покои и говорил, приблизившись к Пульхерии Ивановне:

— А что, Пульхерия Ивановна, может быть, пора закусить чего-нибудь?

— Чего же бы теперь, Афанасий Иванович, закусить? разве коржиков с салом, или пирожков с маком, или, может быть, рыжиков соленых?

— Пожалуй, хоть и рыжиков, или пирожков, — отвечал Афанасий Иванович, и на столе вдруг являлась скатерть с пирожками и рыжиками.

За час до обеда Афанасий Иванович закусывал снова, выпивал старинную чарку водки, заедал грибами, разными сушеными рыбками и прочим. Обедать садились в двенадцать часов. Кроме блюд и соусников, на столе стояло множество горшочков с замазанными крышками, чтобы не могло выдохнуться какое-нибудь аппетитное изделие старинной русской кухни. За обедом обыкновенно шел разговор о предметах, самых близких к обеду.

— Мне кажется, как будто эта каша... немного пригорелая, вам этого не кажется, Пульхерия Ивановна?

— Нет, Афанасий Иванович; вы положите побольше масла, тогда она не будет казаться пригорелой, или вот возьмите этого соуса с грибами и подлейте к ней...

После обеда Афанасий Иванович шел отдохнуть один часик, после чего Пульхерия Ивановна приносила разрезанный арбуз и говорила:

— Вот попробуйте, Афанасий Иванович, какой хороший арбуз... Арбуз немедленно исчезал. После этого Афанасий Иванович съедал еще несколько груш и отправлялся погулять по саду вместе с Пульхерией Ивановной. Пришедши домой, Пульхерия Ивановна отправлялась по делам, а он садился под навесом, обращенным к двору... Немного погодя он посылал за Пульхерией Ивановной или сам отправлялся к ней и говорил:

— Чего бы такого поесть мне, Пульхерия Ивановна?

— Чего же бы такого? — говорила Пульхерия Ивановна, — разве я пойду скажу, чтобы вам принесли вареников с ягодами, которых приказала я нарочно для вас оставить?

— И то добре, — отвечал Афанасий Иванович.

— Или, может быть, вы съели бы киселику?

— И то хорошо, — отвечал Афанасий Иванович. После чего все это немедленно было приносимо и, как водится, съедаемо.

Перед ужином Афанасий Иванович еще кое-чего закушивал. В половине десятого сядились ужинать. После ужина тотчас отправлялись опять спать, и всеобщая тишина водворялась в этом деятельном и вместе спокойном уголке. Иногда Афанасий Иванович, ходя по комнате, стонал. Тогда Пульхерия Ивановна спрашивала:

— Чего вы стонете, Афанасий Иванович?

— Бог его знает, Пульхерия Ивановна, так, как будто немного живот болит, — говорил Афанасий Иванович.

— А не лучше ли вам чего-нибудь съесть, Афанасий Иванович?

— Не знаю, будет ли оно хорошо, Пульхерия Ивановна! Впрочем, чего же бы такого съесть?

— Кислого молочка или жиденького узвару с сушеными грушами.

— Пожалуй, разве так только, попробовать, — говорил Афанасий Иванович. Сонная девка отправлялась рыться по шкапам, и Афанасий Иванович съедал тарелочку; после чего он обыкновенно говорил:

— Теперь так как будто сделалось легче.

(Н. В. Гоголь. «Старосветские помещики»)

Словарь

Заря — яркое освещение горизонта перед восходом или после восхода солнца.

Сени — в деревенских избах и в старину в городских домах: помещение между жилой частью дома и крыльцом.

Коржик — лепешка из муки, род пряников.

Сало — жировое отложение в теле животного, а также продукт из этого вещества.

Рыжики — съедобные грибы с рыжей шляпкой и загнутыми краями.

Соусник — сосуд для соуса.

Каша — кушанье из вареной крупы.

Пригореть — прикипел, начать пахнуть дымом, гарью.

Арбуз — большой шарообразный плод семейства тыквенных с красной сладкой мякотью.

Груша — фруктовый плод, имеющий форму округлого конуса.

Кисель — студенистое жидкое кушанье.

Узвар (взвар, отвар) — отвар из сушеных фруктов, ягод, душистых листьев и т. п.

Послетекстовые вопросы:

1. Что вы узнали о старинных русских обычаях старосветских помещиков?

2. Что вы можете сказать об отношении героев Н. В. Гоголя к еде?

3. Как называется трапеза, предваряющая обед? Как ее описывает Н. В. Гоголь?

4. Что вы узнали об обеде героев, их любимых блюдах?

5. О чем говорят герои за обедом?

6. Какие новые слова со значением 'еда', 'пища', 'кушанье' вы узнали?

7. В чем вы видите трудности при переводе отрывков из произведений Н. В. Гоголя на родной язык?

8. Кого из писателей вашей страны можно сравнить с Н. В. Гоголем?

УЧЕБНЫЕ ДИАЛОГИ

Прочитайте диалоги. Следите за правильной русской интонацией. Составьте аналогичные диалоги.

1) — Ты где обедаешь?

— Здесь рядом есть студенческая столовая.

— Как там кормят? Хорошо?

— Там вкусно готовят.

— А ты сам там обедаешь?

— Да. Если хочешь, пойдем вместе.

— Хорошо. Жди меня в два.

— Договорились!

2) — Карина, ты еще не проголодалась?

— О, я умираю от голода.

— Так, может, пообедаем?

— С удовольствием. Идем сегодня обедать в кафе.

3) — Ты из столовой?

— Нет, из кафе.

— Ну и как там? Готовят вкусно?

— Очень хорошо. И недорого.

4) — Скажите, пожалуйста, где здесь можно позавтракать?

— Тут рядом есть столовая, а совсем недалеко кафе.

5) — Ты уже здесь, Виктор? Приятного аппетита!

— Спасибо, садись за наш столик.

6) — Не хотите ли поужинать со мной?

— С большим удовольствием. Не откажусь.

7) — Вы уже познакомились с русской кухней?

— Конечно. Вчера я ел пельмени. Очень вкусное блюдо.

— А вы ели блины? Нет? Обязательно попробуйте блины.

— Я слышал, что их едят со сметаной, с грибами, с зеленым луком, с вареньем, с икрой. Хочу попробовать с красной икрой.

8) В кафе.

Официант: Так что же вы хотите?

Аня и Саша: Мороженое.

Официант: А что на первое?

Аня и Саша: Тоже мороженое.

Официант: А на второе?

Аня и Саша: Мороженое и лимонад.

Официант: Что же остается на третье?

Аня и Саша: Конфеты.

Официант: Что же вы будете есть? Может быть, манную кашу?

Аня и Саша: Мы не любим кашу.

Официант: А блинчики с мясом?

Аня и Саша: Мы их тоже не любим.

Официант: Я посоветуюсь с поваром. У нас ведь кафе для взрослых.

Аня и Саша: Спасибо.

9) В ресторане.

Нина: Я ужасно проголодалась.

Петр: Хорошо. Пойдем в ресторан «Старая крепость», там очень вкусно готовят.

Официант: Здравствуйте! Проходите, пожалуйста. Садитесь за этот столик, здесь вам будет очень удобно. Вот меню.

Нина: Спасибо. Что же мы будем есть? Посмотрим меню.

Официант: Слушаю вас.

Петр: Пожалуйста, бутылку пива, тушеную говядину с грибами и два салата.

Нина: И блинчики с вареньем, пожалуйста.

Официант: Вот ваш заказ, пожалуйста. Приятного аппетита!

СИТУАТИВНЫЕ ЗАДАНИЯ

1. Составьте меню завтрака, обеда и ужина. Выберите блюда русской кухни, которые вы считаете самыми полезными и вкусными. Объясните, почему вы включили в меню именно эти блюда.

2. Сейчас обеденный перерыв. Пригласите своего товарища пообедать в студенческой столовой. Подскажите ему, где взять поднос, столовые приборы, где можно ознакомиться с меню и ценником. Посоветуйте, какие блюда взять.

3. Согласитесь поужинать вместе с подругой (другом), договоритесь, куда, в какое предприятие общественного питания вы пойдете, или откажитесь, объясните причину отказа.

4. Объясните человеку, впервые приехавшему в город, где можно вкусно и недорого поесть. Скажите ему, как туда попасть.

5. Вы ходили в гости в русскую семью. Ваш друг спрашивает вас, чем вас угощали, какие блюда русской кухни были предложены. Вы даете оценку кулинарного мастерства хозяев.

6. Вы впервые приехали в Россию. У вас возникли проблемы с питанием. Попросите вашего русского друга или подругу помочь вам.

ТЕМЫ ДЛЯ БЕСЕД И СОЧИНЕНИЙ

1. Роль правильного питания в жизни человека.
2. Питание и диета.
3. Что такое пост? Религиозные традиции и питание.
4. Университетская столовая: плюсы и минусы.
5. Мое любимое русское блюдо.
6. Мое любимое национальное блюдо.

ТЕКСТ ДЛЯ ЧТЕНИЯ

СИРЕНА

После одного из заседаний N-ского мирового съезда судьи собрались в совещательной комнате, чтобы снять свои мундиры, минутку отдохнуть и ехать домой обедать. Председатель съезда, очень видный мужчина с пушистыми бакенами, оставшийся по одному из только что разобранных дел «при особом мнении», сидел за столом и спешил записать свое мнение. Участковый мировой судья Милкин, молодой человек с томным, меланхолическим лицом, слывающий за философа, недовольного средой и ищущего цели жизни, стоял у окна и печально глядел во двор. Другой участковый и один из почетных уже ушли. Оставшийся почетный, обрюзглый, тяжело дышащий толстяк, и товарищ прокурора, молодой немец с катаральным лицом, сидели на диванчике и ждали, когда кончит писать председатель, чтобы ехать вместе обедать. Перед ними стоял секретарь съезда Жилин, маленький человечек с бачками около ушей и с выражением сладости на лице. Медово улыбаясь и глядя на толстяка, он говорил вполголоса:

— Все мы сейчас желаем кушать, потому что утомились и уже четвертый час, но это, душа моя, Григорий Саввич, не настоящий аппетит. Настоящий, волчий аппетит, когда, кажется, отца родного съел бы, бывает только после физических движений, например, после охоты с гончими, или когда отмахнешь на обывательских верст сто без передышки. Тоже много значит и воображение-с. Ежели, положим, вы едете с охоты домой и желаете с аппетитом пообедать, то никогда не нужно думать об умном; умное да ученое всегда аппетит

отшибает. Сами изволите знать, философы и ученые насчет еды самые последние люди и хуже их, извините, не едят даже свиньи. Едучи домой, надо стараться, чтобы голова думала только о графинчике да закусочке. Я раз дорогою закрыл глаза и вообразил себе поросеночка с хреном, так со мной от аппетита истерика сделалась. Ну-с, а когда вы въезжаете к себе во двор, то нужно, чтобы в это время из кухни пахло чем-нибудь этаким, знаете ли...

— Жареные гуси мастера пахнуть, — сказал почетный мировой, тяжело дыша.

— Не говорите, душа моя, Григорий Саввич, утка или бекас могут гусю десять очков вперед дать. В гусяном букете нет нежности и деликатности. Забористее всего пахнет молодой лук, когда, знаете ли, начинает поджариваться и, понимаете ли, шипит, подлец, на весь дом. Ну-с, когда вы входите в дом, то стол уже должен быть накрыт, а когда сядете, сейчас салфетку за галстук и не спеша тянетесь к графинчику с водочкой. Да ее, мамочку, наливаете не в рюмку, а в какой-нибудь допотопный дедовский стаканчик из серебра или в этакий пузатенький с надписью «его же и монаси приемлют», и выпиваете не сразу, а сначала вздохнете, руки потрете, равнодушно на потолок поглядите, потом, этак не спеша, поднесете ее, водочку-то, к губам и — тотчас же у вас из желудка по всему телу искры...

Секретарь изобразил на своем сладком лице блаженство.

— Искры... — повторил он, жмурясь. — Как только выпили, сейчас же закусить нужно.

— Послушайте, — сказал председатель, поднимая глаза на секретаря, — говорите потише! Я из-за вас уже второй лист порчу.

— Ах, виноват-с, Петр Николаич! Я буду тихо, — сказал секретарь и продолжал полушепотом: — Ну-с, а закусить, душа моя, Григорий Саввич, тоже нужно умеючи. Надо знать, чем закусывать. Самая лучшая закуска, ежели желаете знать, селедка. Съели вы ее кусочек с лучком и с горчичным соусом, сейчас же, благодетель мой, пока еще чувствуете в животе искры, кушайте икру саму по себе, или, ежели желаете, с лимончиком, потом простой редьки с солью, потом

опять селедки, но всего лучше, благодетель, рыжики соленые, ежели их изрезать мелко, как икру, и, понимаете ли, с луком, с прованским маслом... объедение! Но налимя печенка — это трагедия!

— М-да... — согласился почетный мировой, жмуря глаза. — Для закуски хороши также, того... душеные белые грибы.

— Да, да, да... с луком, знаете ли, с лавровым листом и всякими специями. Откроешь кастрюлю, а из нее пар, грибной дух... даже слеза прошибает иной раз! Ну-с, как только из кухни приволокли кулебяку, сейчас же, немедля, нужно вторую выпить.

— Иван Гурьич! — сказал плачущим голосом председатель. — Из-за вас я третий лист испортил!

— Черт его знает, только об еде и думает! — проворчал философ Милкин, делая презрительную гримасу.

— Неужели, кроме грибов да кулебяки, нет других интересов в жизни?

— Ну-с, перед кулебякой выпить, — продолжал секретарь вполголоса; он уже так увлекся, что, как поющий соловей, не слышал ничего, кроме собственного голоса. Кулебяка должна быть аппетитная, бесстыдная, во все своей наготе, чтоб соблазн был. Подмигнешь на нее глазом, отрежешь этакий кусище и пальцами над ней пошевелишь вот этак, от избытка чувств. Станешь ее есть, с нее масло, как слезы, начинка жирная, сочная, с яйцами, с потрохами, с луком...

Секретарь подкатил глаза и перекосил рот до самого уха. Почетный мировой крикнул и, вероятно, воображав себе кулебяку, пошевелил пальцами.

— Это черт знает что... — проворчал участковый, отходя к другому окну.

— Два куска съел, а третий к шам приберег, — продолжал секретарь вдохновенно. — Как только кончили с кулебякой, так сейчас же, чтоб аппетита не перебить, велите щи подавать... Щи должны быть горячие, огневые. Но лучше всего, благодетель мой, борщок из свеклы на хохлацкий манер, с ветчинкой и с сосисками. К нему подаются сметана и свежая петрушечка с укропцем. Великолепно также рассольник из потрохов и молоденьких почек, а ежели

любите суп, то из супов наилучший, который засыпается кореньями и зелеными: морковкой, спаржей, цветной капустой и всякой тому подобной юриспруденцией.

— Да, великолепная вещь... — вздохнул председатель, отрывая глаза от бумаги, но тотчас же спохватился и простонал: — Побойтесь вы бога! Этак я до вечера не напишу особого мнения! Четвертый лист порчу!

— Не буду, не буду! Виноват-с! — извинился секретарь и продолжал шепотом. — Как только скушали борщок или суп, сейчас же велите подавать рыбное, благодетель. Из рыб безгласных самая лучшая — это жареный карась в сметане; только, чтобы он не пах тиной и имел тонкость, нужно продержать его живого в молоке целые сутки.

— Хорошо также стерлядку кольчиком, — сказал почетный мировой, закрывая глаза, но тотчас же, неожиданно для всех, он рванулся с места, сделал зверское лицо и заревел в сторону председателя: — Петр Николаич, скоро ли вы? Не могу я больше ждать! Не могу!

— Дайте мне кончить!

— Ну, так я сам поеду! Черт с вами!

Толстяк махнул рукой, схватил шляпу и, не простившись, выбежал из комнаты. Секретарь вздохнул и, нагнувшись к уху товарища прокурора, продолжал вполголоса:

— Хорош также судак или карпий с подливкой из помидоров и грибков. Но рыбой не насытишься, Степан Францыч; это еда несущественная, главное в обеде не рыба, не соусы, а жаркое. Вы какую птицу больше обожаете?

Товарищ прокурора сделал кислое лицо и сказал со вздохом:

— К несчастью, я не могу вам сочувствовать: у меня катар желудка.

— Полноте, сударь! Катар желудка доктора выдумали! Больше от вольнодумства да от гордости бывает эта болезнь. Вы не обращайтесь внимания. Положим, вам кушать не хочется или тошно, а вы не обращайтесь внимания и кушайте себе. Ежели, положим, подадут к жаркому парочку дупелей, да ежели прибавить к этому куропаточку, или парочку перепелочек жирненьких, то тут про всякий катар

забудете, честное благородное слово. А жареная индейка? Белая, жирная, сочная этакая, знаете ли, вроде нимфы...

— Да, вероятно, это вкусно, — сказал прокурор, грустно улыбаясь. — Индейку, пожалуй, я ел бы.

— Господи, а утка? Если взять молодую утку, которая только что в первые морозы ледкухватила, да изжарить на противне вместе с картошкой, да чтоб картошка была мелко нарезана, да подрумянилась бы, да чтоб утиным жиром пропиталась, да чтоб...

Философ Милкин сделал зверское лицо и, по-видимому, хотел что-то сказать, но вдруг причмокнул губами, вероятно, вообразив жареную утку, и, не сказав ни слова, влекомый неведомою силой, схватил шляпу и выбежал вон.

— Да, пожалуй, я поел бы и утки... — вздохнул товарищ прокурора.

Председатель встал, прошелся и опять сел.

— После жаркого человек становится сыт и впадает в сладостное затмение, — продолжал секретарь. — В это время и телу хорошо и на душе умирительно. Для услаждения можете выкушать рюмочки три запеканочки. Председатель крякнул и перечеркнул лист. — Я шестой лист порчу, — сказал он сердито. — Это бессовестно!

— Пишите, пишите, благодетель! — зашептал секретарь. — Я не буду! Я потихоньку. Я вам по совести, Степан Францыч, — продолжал он едва слышным шепотом, — домашняя самоделковая запеканочка лучше всякого шампанского. После первой же рюмки всю вашу душу охватывает обоняние, этакий мираж, и кажется вам, что вы не в кресле у себя дома, а где-нибудь в Австралии, на каком-нибудь мягчайшем страусе...

— Ах, да поедемте, Петр Николаич! — сказал прокурор, нетерпеливо дрыгнув ногой.

— Да-с, — продолжал секретарь. — Во время запеканки хорошо сигарку выкурить и кольца пускать, и в это время в голову приходят такие мечтательные мысли, будто вы генералиссимус, или женаты на первой красавице в мире, и будто эта красавица плавает целый день перед вашими окнами в этом бассейне с золотыми рыбками. Она плавает, а вы ей: — «Душенька, иди поцелуй меня!»

— Петр Николаич! — простонал товарищ прокурора.

— Да-с, — продолжал секретарь. — Покудивши, подбирайте полы халата и айда к постельке! Этак ложитесь на спинку, животиком вверх, и берите газетку в руки. Когда глаза слипаются и во всем теле дремота стоит, приятно читать про политику: там, глядишь, Австрия сплеховала, там Франция кому-нибудь не потрафила, там папа римский наперекор пошел — читаешь, оно и приятно.

Председатель вскочил, швырнул в сторону перо и обеими руками ухватился за шляпу. Товарищ прокурора, забывший о своем катаре и млевший от нетерпения, тоже вскочил. — Едемте! — крикнул он.

— Петр Николаич, а как же особое мнение? — испугался секретарь. — Когда же вы его, благодетель, напишете? Ведь вам в шесть часов в город ехать!

Председатель махнул рукой и бросился к двери. Товарищ прокурора тоже махнул рукой и, подхватив свой портфель, исчез вместе с председателем. Секретарь вздохнул, укоризненно поглядел им вслед и стал убирать бумаги.

(А. П. Чехов)

Словарь

Мировой (устар.) съезд — дореволюционный суд для разбора мелких гражданских и уголовных дел.

Суд — государственный орган, ведающий разрешением гражданских споров и т. п. дел.

Судья — должностное лицо, разрешающее дела в суде.

Почетный — звание, даваемое служащим не из дворян.

Томный — вызывающий истому, приятную усталость, сладкое изнеможение.

Меланхолический — склонный к меланхолии, к болезненно-угнетенному состоянию, тоске, хандре.

Среда — окружающие социально-бытовые условия, обстановка, а также совокупность людей, связанных этой общностью.

Обрюзглый — отечный, болезненно-толстый.

Катаральный — воспаленный.

Воображение — мысленное представление чего-либо.

Гончая — охотничья собака особой породы.

Отмахать — пройти или проехать большое расстояние.

Обывательский — лишенный общественного кругозора, живущий только мелкими личными интересами.

Верста — русская мера длины, равная 1, 06 км.

Отшибать — подавить, заглушить действие чего-либо.

Бекас — болотная птица с длинным клювом.

Забористо (перен.) — увлекающе, захватывающе.

Искра — внутреннее ощущение организма подобно мельчайшим частичкам горящего или раскаленного вещества.

Блаженство — полное, невозмутимое счастье.

Портить — приводить в негодность.

Кулебяка — продолговатый пирог с мясом, рыбой и т. п.

Начинка — то, что кладется внутрь пирога.

Потроха — внутренности животных (обычно птицы или рыбы), идущие в пищу.

Спаржа — овощ, его белые подземные побеги идут в пищу.

Тина — водоросли, плавающие густой массой в стоячей или малопроточной воде, и при оседании образующие вместе с илом вязкое дно.

Зареветь (разг.) — начать громко, сильно издавать звуки.

Судак — промысловая рыба семейства окуневых.

Карпий (прост.) — карп, пресноводная рыба, одомашненная разновидность сазана, разводимая в прудах.

Подливка — жидкая приправа, которой поливают кушанья.

Обожать — питать к кому-, чему-нибудь чувство сильной любви, преклоняться перед кем, чем-нибудь.

Катар (желудка) — воспаление слизистой оболочки какого-нибудь органа.

Дупель — промысловая птица из семейства бекасов.

Куропатка — дикая птица из семейства куриных.

Перепелка — маленькая полевая птица, родственная куропатке.

Индейка — крупная домашняя птица семейства фазановых.

Сочный — обильный соком.

Нимфа — в греческой мифологии божество в виде женщины, олицетворявшее различные силы природы.

Утка — водоплавающая птица с широким клювом, короткой шеей и короткими, широко поставленными лапами.

Влекомый — привлекаемый, притягиваемый.

Затмение (разг.) — временное помрачение сознания.

Запеканка — 1) запеченное кушанье, 2) ягодная настойка или хлебное вино с пряностями.

Крякнуть (перен.) — издавать отрывистые горловые звуки (обычно как выражение удовлетворения, удовольствия или досады, возмущения).

Перечеркнуть — зачеркнуть совсем, целиком.

Обоняние — способность к восприятию и различению запахов.

Мираж (перен.) — обманчивый призрак; иллюзия чего-нибудь, нечто, созданное воображением, не соответствующее действительности.

Страус — самая крупная бегающая (нелетающая) птица жарких стран с красивым оперением.

Сигарка — бумажная трубочка, набитая табаком для курения.

Айда (прост.) — употребляется как приглашение или побуждение идти куда-либо (Ну! Пойдем!).

Потрафить (прост.) — то же, что угодить, сделать по чьему-либо вкусу.

Швырнуть — с силой бросить.

Млевший (млеть) — замирать, быть в томном состоянии от какого-нибудь переживания, волнения, оцепенения.

Сирена — в древнегреческой мифологии: полуженщина — полуптица с волшебным голосом, которым она завлекает моряков в гибельные места.

Вопросы к тексту:

1. Кто главный герой рассказа А. П. Чехова «Сирена»? Найдите в тексте описание его внешности.

2. Как объясняет секретарь суда Жилин, что такое *волчий аппетит*?

3. Что Жилин считает главным для пробуждения аппетита?

4. На что направлено богатое воображение главного героя?

5. Чем заворожил присутствующих рассказчик?

6. Как раскрывается в тексте значение глагола *закусить* и существительного *закуска*? Какие кушанья в качестве воображаемой закуски предлагает Жилин?

7. Что Жилин советует своим слушателям съесть в качестве первого блюда?

8. Рыбные блюда (кушанья), какие они в воображении Жилина? Найдите в тексте и назовите слова со значением 'рыба'.

9. Что, по мнению Жилина, главное в обеде?

10. Какую птицу любит герой? Найдите в тексте слова, обозначающие птиц, которые употребляются в пищу?

11. Какие эпитеты употребляет Жилин, описывая жаркое из птицы?

12. Найдите в тексте описание «сладостного затмения» Жилина.

13. Как реагируют на «фантазии» Жилина его сослуживцы?

14. Почему А. П. Чехов назвал свой рассказ «Сирена»?

15. Как вы понимаете, что такое юмор?

16. Над чем вы смеялись, когда читали рассказ А. П. Чехова «Сирена»?

17. Подготовьте пересказ текста от лица одного из присутствующих (судьи-философа Милкина, товарища прокурора, председателя, почетного мирового).

18. Что нового вы узнали о русской трапезе недворянской среды конца 19 века?

19. С какими трудностями при чтении рассказа вы встретились?

Послетекстовые задания:

1. В тексте рассказа много имен существительных с уменьшительно-ласкательными суффиксами. От каких слов они образованы?

Образец: Петрушечка — петрушка.

Укропец, борщок, ветчинка, грибки, морковка, лучок, лимончик, куропаточка, перепелочка, поросенок, стерлядка, запеканочка, водочка, закусочка, графинчик, стаканчик, рюмочка, диванчик.

2. Образуйте имена прилагательные с уменьшительно-ласкательными суффиксами.

Жирный — ..., белый — ..., вкусный — ..., молодой — ..., аппетитный — ...

3. Какую роль играют имена существительные и прилагательные с уменьшительно-ласкательными суффиксами в речи главного персонажа?

ЛИТЕРАТУРА

Апресян Ю. Д. Лексическая семантика: Синонимические средства языка. М., 1974.

Апресян Ю. Д. Образ человека по данным языка: Попытка системного описания // *Вопр. языкознания.* 1995 г. № 1.

Апресян Ю. Д. Избранные труды. М., 1995 б.

Апресян Ю. Д. Лексическая семантика. Синонимические средства языка // *Избранные труды.* М., 1995 в. Т. 1.

Апресян Ю. Д. Лингвистическая терминология Словаря // *Новый объяснительный словарь синонимов русского языка.* М., 1997. Вып. 1.

Арват Н. Н. Семантическая структура простого предложения в современном русском языке. Киев, 1984.

Арутюнова Н. Д. Предложение и его смысл (Логико-семантические проблемы). М., 1976.

Арутюнова Н. Д. Языковая метафора: (синтаксис и лексика) // *Лингвистика и поэтика.* М., 1979.

Арутюнова Н. Д. К проблеме функциональных типов лексического значения // *Аспекты семантических исследований.* М., 1980.

Арутюнова Н. Д. Типы языковых значений: Оценка. Событие. Факт. М., 1988.

Арутюнова Н. Д. Тождество и подобие: (Заметки о взаимодействии концептов) // *Тождество и подобие. Сравнение и идентификация.* М., 1990.

Арутюнова Н. Д. Молчание: контекст употребления // *Логический анализ языка: Язык речевых действий.* М., 1994.

Бабенко Л. Г. Функциональный анализ глаголов говорения, интеллектуальной и эмоциональной деятельности (на материале художественной речи А. Платонова): Дис. ... канд. филол. наук. Свердловск, 1980.

Бабенко Л. Г. Лексические средства обозначения эмоций в русском языке. Свердловск, 1989.

Бабенко Л. Г. Русская эмотивная лексика как функциональная система: Дис. ... д-ра филол. наук. Свердловск, 1990.

Бабенко Л. Г., Казарин Ю. В. Три пространства русского глагола // *Материалы III Международного семинара «Славянская культура в современном мире».* Киев, 1995.

Бабенко Л. Г. Взаимодействие лексики и грамматики под парадигматическим углом зрения (вместо введения) // *Русская глагольная лексика: пересеканность парадигм. Памяти Эры Васильевны Кузнецовой* / Под общ. ред. Л. Г. Бабенко. Екатеринбург, 1997а.

Бабенко Л. Г. Глаголы комплексной полипропозитивной семантики // Там же. 1997б.

Бабенко Л. Г. Денотативное пространство русского глагола: аспекты и перспективы изучения // *Денотативное пространство русского глагола: Материалы IX Кузнецовских чтений 5–7 февр. 1998 г., Екатеринбург* / Под общ. ред. Л. Г. Бабенко. Екатеринбург, 1998а.

Бабенко Л. Г. Семантические модели русских глагольных предложений: концепция, структура и основные лексикографические параметры // *Семантические модели русских глагольных предложений: экспериментальный синтаксический словарь.* Екатеринбург, 1998б.

Бабкин А. М. Русская фразеология, ее развитие и источники. Л., 1970.

Балли Ш. Общая лингвистика и вопросы французского языка. М., 1955.

Балли Ш. Французская стилистика. М., 1961.

Бахмутова Н. И. Системность переносных значений глаголов в русском языке // *Системные отношения на разных уровнях языка.* Новосибирск, 1988.

Бацевич Ф. С. Функционально-отражательное изучение лексики (на материале русского языка): Текст лекций по спецкурсу. Львов, 1988.

Бацевич Ф. С., Космеда Т. А. Очерки по функциональной лексикологии. Львов, 1997.

Беляева Е. И., Цейтлин С. Н. Возможность. Необходимость // *Теория функциональной грамматики: Темпоральность. Модальность.* СПб., 1990.

Беляева Е. И. Достоверность // Там же.

Бимель В. Мартин Хайдеггер сам свидетельствующий о

себе и о своей жизни (с приложением фотодокументов и иллюстраций). Челябинск, 1998.

Богданов В. В. Семантико-синтаксическая организация предложения. Л., 1977.

Богуславский И. М. Сфера действия лексических единиц. М., 1996.

Бондаренко В. Н. Отрицание как логико-грамматическая категория. М., 1983.

Бондарко А. В. Аспекральность // Введение. Аспекральность. Временная локализованность. Таксис. СПб., 1987а.

Бондарко А. В. Введение: Основания функциональной грамматики // Теория функциональной грамматики. СПб. 1987б.

Бондарко А. В. Временная локализованность // Там же. 1987в.

Бондарко А. В. Общая характеристика семантики и структуры поля таксиса // Там же. 1987г.

Бондарко А. В. Интерпретационные аспекты семантики длительности в русском языке // Язык: Система и функционирование. М., 1988.

Бондарко А. В. Модальность // Теория функциональной грамматики: Темпоральность. Модальность. СПб., 1990 а.

Бондарко А. В. Темпоральность // Там же. 1990б.

Бондарко А. В. Семантика лица // Теория функциональной грамматики: Персональность. Залоговость. СПб., 1991.

Бондарко А. В. Субъектно-предикатно-объектные ситуации // Теория функциональной грамматики: Субъектность. Объектность. Коммуникативная перспектива высказывания. Определенность / неопределенность. СПб., 1992.

Бондарко А. В. К проблеме интенциональности в грамматике: (На материале русского языка) // Вопр. языкознания. 1994. № 2.

Боровикова Н. А. Роль вторичных предикатов в создании языковой картины мира (на материале предикатов «болезненного состояния человека») // Уральская руси-

стика и специальное образование: Тез. докл. науч. сессии памяти Э. В. Кузнецовой. Екатеринбург, 1995.

Булыгина Т. В., Шмелев А. Д. Языковая концептуализация мира (на материале русской грамматики). М., 1997.

Васильев Л. М. Современная лингвистическая семантика. М., 1990.

Вежбицкая А. Семантические универсалии и описание языков. М., 1999.

Винокур Г. О. О некоторых явлениях словообразования в русской технической терминологии // Тр. МИФЛИ. 1939. Т. 5.

Всеволодова М. В., Дементьева О. Ю. Проблемы синтаксической парадигматики: коммуникативная парадигма предложений. М., 1997.

Вьготский Л. С. Мышление и речь. М., 1999.

Гак В. Г. К проблеме соотношения языка и действительности // Вопр. языкознания. 1972. № 5.

Гак В. Г. Высказывание и ситуация // Проблемы структурной лингвистики. 1972. М., 1973.

Гак В. Г. Языковые преобразования. М., 1998.

Ганжа Р. С. Изучение глагольной семантики // Рус. яз. в шк. 1970. № 4.

Гаспаров Б. М. Язык, понятие, образ: Лингвистика языкового существования. М., 1996.

Гвоздарев Ю. А. Основы русского фразообразования. Ростов н/Д., 1977.

Гиляровский В. А. Сочинения: В 4 т. М., 1967.

Гоголь Н. В. Сочинения: В 2 т. М., 1962.

Голуб И. В., Розенталь Д. Э. Разговорная практика на уроках русского языка. М., 1989.

Гуревич В. В. О строении лексического значения // Проблемы языкознания и теории английского языка. М., 1978. Вып. 3.

Даниленко В. П. Увеличение регулярности отглагольных существительных // Русский язык и советское общество: Словообразование современного русского литературного языка / Под ред. М. В. Панова. М., 1968.

Дейк Т. А. ван. Язык. Познание. Коммуникация. М., 1989.

Денисов П. Н. Лексика русского языка и принципы ее описания. М., 1980.

Дерибас В. М. Устойчивые глагольно-именные словосочетания русского языка. 3-е изд., испр. и доп. М., 1983.

Дэнкс Е. Н., Кузнецова Э. В. Библиография советской литературы по лексико-семантическим группам (многозначность глагольного слова) // Проблемы глагольной семантики. Свердловск, 1984.

Евтюхин Е. Б. Группировка полей обусловленности: причина, условие, цель, уступка // Теория функциональной грамматики: Локативность. Бытийность. Посессивность. Обусловленность. СПб., 1996.

Жинкин Н. И. Язык — речь — творчество: Исследования по семантике, психолингвистике, поэтике. М., 1998.

Жуков В. П. Русская фразеология. М., 1986.

Земская Е. А. Современный русский язык: Словообразование. М., 1973.

Земская Е. А. Функциональный подход к изучению деривационных морфем // Морфемика: Принципы и методы системного описания. Л., 1987.

Земская Е. А. Словообразование и текст // Вопр. языкознания. М., 1990. № 6.

Земская Е. А. Словообразование как деятельность. М., 1992.

Земская Е. А. Активные процессы современного словопроизводства // Русский язык конца XX столетия (1985 — 1995). М., 1996.

Золотова Г. А. Синтаксический словарь: Репертуар элементарных единиц русского синтаксиса. М., 1988.

Золотова Г. А., Онипенко Н. К., Сидорова М. Ю. Коммуникативная грамматика русского языка. М., 1998.

Иванов Вяч. Вс. Избранные труды по семиотике и истории культуры. М., 1998. Т. 1.

Казарин Ю. В. Роль абстрактных и конкретных глаголов в формировании языковой картины мира: Дис. ... канд. филол. наук. Екатеринбург, 1992.

Казарин Ю. В. Семантическое расстояние и семантическое пространство русского глагола // Проблемы варьирования языковых единиц. Екатеринбург, 1994.

Казарин Ю. В. Абстрактные, социально-обобщенные и конкретные глаголы и их место в системе лексико-семантических групп русских глаголов // Русская глагольная лексика: пересекаемость парадигм. Памяти Эры Васильевны Кузнецовой / Под общ. ред. Л. Г. Бабенко. Екатеринбург, 1997а.

Казарин Ю. В. Проблема сложного глагольного действия в аспекте абстрактности и конкретности // Там же. 1997б.

Казарин Ю. В. Особенности формирования лексико-семантического пространства процессуально-событийного мира в языке и тексте // Денотативное пространство русского глагола: Материалы IX Кузнецовских чтений 5—7 февр. 1998 г. Екатеринбург / Под общ. ред. Л. Г. Бабенко. Екатеринбург, 1998.

Караулов Ю. Н. Русский язык и языковая личность. М., 1987.

Касевич В. В. Язык и знание // Язык и структура знания. М., 1990.

Касевич В. В. Субъектность и объектность: проблемы семантики // Теория функциональной грамматики: Субъектность. Объектность. Коммуникативная перспектива высказывания. Определенность / неопределенность. СПб., 1992.

Кацнельсон С. Д. Типология языка и речевое мышление. Л., 1972.

Кацнельсон С. Д. Речемыслительные процессы // Вопр. языкознания. 1984. № 4.

Кибрик А. А. Когнитивные исследования по дискурсу. Вопр. языкознания. 1994. № 5.

Кильдебекова Т. А. Глаголы действия и их роль в организации семантической структуры высказывания // Исследования по семантике. Уфа, 1985.

Кожевникова Н. А. Об одном типе глагольных метафор // Классы глаголов в функциональном аспекте. Свердловск, 1986.

Копорская Е. С. «Семантический архетип» глаголов физического движения в его отношении к строению глагольного класса: Словарь. Грамматика. Текст. М., 1996.

Копыленко М. М. Средства выражения количества в русском языке. Алма-Ата, 1993.

Кошелев А. Д. Референциальный подход к анализу языковых значений // Московский лингвистический альманах: Спорные вопросы в лингвистике: Семантика. Лексикография. Референциальный анализ. Метаязык лингвистики. М., 1996. Вып. 1.

Краткая русская грамматика / Под ред. Н. Ю. Шведовой и В. В. Лопатина. М., 1989.

Крючкова М. Л. О некоторых свойствах семантико-синтаксических классов глаголов эмоционального состояния и отношения // Русский язык для студентов-иностранцев. М., 1976.

Кубрякова Е. С. К вопросу о модели и пространственном моделировании лингвистических систем // Вопр. Языкознания. 1967. № 2.

Кубрякова Е. С. Деривация, транспозиция, конверсия // Вопр. языкознания. 1974а. № 5.

Кубрякова Е. С. Основы морфологического анализа. М., 1974 б.

Кубрякова Е. С. Части речи в ономаσιологическом освещении. М., 1978.

Кубрякова Е. С. Типы языковых значений: Семантика производного слова. М., 1981.

Кубрякова Е. С. Номинативный аспект речевой деятельности. М., 1986.

Кубрякова Е. С. Глаголы действия через их когнитивные характеристики // Логический анализ языка: Культурные концепты. М., 1991.

Кубрякова Е. С. Введение // Теория грамматики: морфология и словообразование. М., 1992.

Кубрякова Е. С. Начальные этапы становления когнитивизма: Лингвистика — психология — когнитивная наука // Вопр. языкознания. 1994. № 4.

Кубрякова Е. С. Эволюция лингвистических идей во второй половине XX века: (опыт парадигмального анализа) // Язык и наука конца XX века. М., 1995.

Кубрякова Е. С. Категоризация мира: пространство и время (вступительное слово) // Категоризация мира: пространство и время: Материалы науч. конф. М., 1997а.

Кубрякова Е. С. Язык пространства и пространство

языка: (к постановке проблемы) // Изв. РАН. Сер. лит. и яз. 1997б. № 3.

Кузнецова Э. В. Русская лексика как система: Учеб. пособие. Свердловск, 1980.

Кузнецова Э. В. Семантические группы русских глаголов в практике преподавания русского языка студентам-филологам (парадигматический аспект) // Теория и практика обучения русскому языку иностранных студентов-филологов. М., 1984.

Кузнецова Э. В. Глагол и имя // Номинативные единицы языка и их функционирование. Кемерово, 1987.

Кузнецова Э. В., Сивкова Т. Н. Опыт семантической классификации русской глагольной лексики в практике преподавания русского языка // Русский язык и литература в общении народов мира: проблемы функционирования и преподавания. М., 1990.

Курилович Е. Деривация лексическая и деривация синтаксическая (1936) // Курилович Е. Очерки по лингвистике. М., 1962.

Кусова М. Л. «Смысл» отрицания в лексической семантике. Екатеринбург, 1997.

Лазарева Э. А., Кузнецова Э. В. Библиография советской литературы по лексико-семантическим группам глаголов // Семантические классы русских глаголов. Свердловск, 1982.

Лебедева Н. Б., Яценецкая М. Н. Типы субъектов // Вариантные отношения в языке и тексте: Сб. науч. тр. Екатеринбург, 1993.

Левицкий Ю. А. От высказывания — к предложению. От предложения — к высказыванию. Пермь, 1995.

Лихачев Д. С. Концептосфера русского языка // Изв. РАН. Сер. лит. и яз. 1993. Т. 52, № 1.

Лопатин В. В. Словообразование имен существительных // Грамматика современного русского литературного языка. М., 1970.

Лурия А. Л. Язык и сознание. М., 1979.

Мас А. Лексико-семантические группы как возможная форма подачи лексики на практических занятиях по русскому языку // IV Междунар. конгресс преподавателей

русского языка и литературы: Докл. и сообщ. делегации ГДР. Берлин, 1979.

Мелерович А. М. Проблема семантического анализа фразеологических единиц современного русского языка. Ярославль, 1979.

Мельчук И. А. Строение языковых знаков и возможные формально-смысловые отношения между ними // Изв. РАН Сер. лит. и яз. 1968. № 5.

Мерзон С. Н., Пятецкая С. Л. Некоторые принципы описания русских глаголов в справочном пособии для иностранцев: Сб. метод. статей. М., 1981.

Мерзон С. Н., Пятецкая С. Л. Русские глаголы в речи. М., 1983.

Метафора в языке и тексте. М., 1988.

Методика преподавания русского языка как иностранного для зарубежных филологов-русистов (включенное обучение) / Под ред. А. Н. Щукина. М., 1990.

Милославский И. Г. Вопросы словообразовательного синтеза. М., 1980.

Милославский И. Г. Морфологические категории современного русского языка. М., 1981.

Милославский И. Г. Словообразование // Современный русский язык. Теоретический курс / Под ред. В. В. Иванова. М., 1989.

Милославский И. Г. Как разобрать и собрать слово. М., 1993.

Миронова И. К. Денотативное пространство глаголов приготовления пищи // Денотативное пространство русского глагола: Материалы IX Кузнецовских чтений 5–7 февр. 1998 г. Екатеринбург. / Под общ. ред. проф. Л. Г. Бабенко. Екатеринбург, 1998.

Михайлов В. А. Генезис антонимических отношений. Л., 1987.

Михайлова О. А. Глаголы со специализированными субъектно-объектными семами в русском языке: Дис. ... канд. филол. наук. Свердловск, 1985.

Михайлова О. А. Ограничения в лексической семантике: Семасиологический и лингвокультурологический аспекты. Екатеринбург, 1998.

Молотков А. И. Основы фразеологии русского языка. Л., 1977.

Морозова Т. С. Структура словообразовательных парадигм русского глагола: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 1980.

Никитин М. В. Основы лингвистической теории значения. М., 1988.

Никитина С. Е. О концептуальном анализе в народной культуре // Логический анализ языка. М., 1991.

Никитина Т. Г. К вопросу о классификационной схеме фразеологического идеографического словаря // Вопр. языкознания. 1995. № 2.

Новиков А. И., Ярославцева Е. И. Семантические расстояния в языке и тексте. М., 1990.

Новиков Л. А. Антонимия в русском языке: (Семантический анализ противоположности в лексике). М., 1973.

Новиков Л. А. Семантика русского языка. М., 1982.

Ортега-и-Гассет Х. Две великие метафоры // Теория метафоры. М., 1990.

Падучева Е. В. Коммуникативное выделение на уровне синтаксиса и семантики // Семиотика и информатика: Сб. науч. ст. М., 1998. Вып. 36.

Паскаль Б. Мысли. СПб., 1999.

Петерсон М. Н. Лекции по современному русскому литературному языку. М., 1941.

Петрухина Е. В. Производная глагольная номинация: модификация и мутация (на материале русского и западнославянских языков) // Вестн. Моск. гос. ун-та. Сер. 9., Филол. 1996. № 6.

Плотникова А. М. Русские глаголы с включенной актантной рамкой: лексико-семантическое пространство: Дис. ... канд. филол. наук. Екатеринбург, 1997.

Плотникова А. М. Глаголы с включенной актантной рамкой: ономаσιологический и когнитивный аспекты // Денотативное пространство русского глагола: Материалы IX Кузнецовских чтений 5–7 февр. 1998 г. Екатеринбург / Под общ. ред. Л. Г. Бабенко. Екатеринбург, 1998.

Попова З. Д., Стернин И. А. Лексическая система языка. Воронеж, 1984.

Попова Т. В. Способы глагольного действия и лексико-семантические группы глаголов // Русская глагольная лексика: пересеканность парадигм / Под общ. ред. Л. Г. Бабенко. Екатеринбург, 1997.

Попова Т. В. Деривационно-семантическое пространство русского глагола: Дис. ... д-ра филол. наук. Екатеринбург, 1998.

Пособие по развитию навыков устной речи для иностранных студентов, изучающих русский язык / Под ред. В. М. Матвеевой, Р. Э. Назариана. Л., 1972.

Постовалова В. И. Наука о языке в свете идеального знания // Язык и наука конца XX века. М., 1995.

Почепцов О. Г. Языковая ментальность: способ представления мира // Вопр. языкознания. 1990. № 5.

Прибрам К. Языки мозга: Экспериментальные парадоксы и принципы нейропсихологии. М., 1975.

Принципы и методы семантических исследований. М., 1976.

Рассудова О. П. Некоторые вопросы лексической системы языка и методика работы над лексикой // Методика преподавания русского языка иностранцам. М., 1967.

Резанова З. И. Функциональный аспект словообразования: Русское производное имя. Томск, 1996.

Роль человеческого фактора в языке. Язык и картина мира. М., 1988.

Русский язык в его функционировании: Коммуникативно-прагматический аспект. М., 1993.

Русский язык и советское общество: Словообразование современного русского литературного языка / Под ред. М. В. Панова. М., 1968.

Селиверстова О. Н. Семантический анализ экзистенциальных и possessивных конструкций в английском языке // Категории бытия и обладания в английском языке. М., 1977.

Селиверстова О. Н. Контрастивная синтаксическая семантика: Опыт описания. М., 1990.

Семантические вопросы словообразования: Производящее слово / Под ред. М. Н. Янценецкой. Томск, 1991.

Сивкова Т. Н. Лексико-семантические группы в прак-

тике обучения иностранных студентов (на примере ЛСГ глаголов покрытия) // Семантические классы русских глаголов. Свердловск, 1982.

Сильницкий Г. Г. Семантические типы ситуаций и семантические классы глаголов // Проблемы структурной лингвистики. 1972. М., 1973. С. 373 — 391.

Соболева Н. Н. Денотативное пространство русских глаголов физического восприятия // Денотативное пространство русского глагола: Материалы IX Кузнецовских чтений. 5—7 февраля 1998. Екатеринбург / Под общ. ред. Л. Г. Бабенко. Екатеринбург, 1988.

Солнцев В. Н. О лингвистических мирах // Знание языка и языкознание. М., 1989.

Степанов Ю. С. Имена. Предикаты. Предложения: (Семиологическая грамматика). М., 1981.

Степанов Ю. С. В трехмерном пространстве языка: Семиотические проблемы лингвистики, философии, искусства. М., 1985.

Степанов Ю. С. Слово: Из статьи для словаря концептов: Концептуарий русской культуры // Philologica. 1994. № 1—2.

Степанов Ю. С. Альтернативный мир, Дискурс, Факт и принцип Причинности // Язык и наука конца XX века. М., 1995а.

Степанов Ю. С. Изменчивый «образ языка» в науке XX века // Там же. 1995б.

Степанов Ю. С. Константы: Словарь русской культуры: Опыт исследования. М., 1997.

Степанов Ю. С. Язык и метод: К современной философии языка. М., 1998.

Суржикова Н. Я. Возвратные глаголы русского языка в упражнениях и заданиях: (для говорящих на английском языке). М., 1979.

Телия В. Н. Русская фразеология: Семантический, прагматический и лингвокультурный аспекты. М., 1996.

Теньер Л. Основы структурного синтаксиса. М., 1988.

Теория функциональной грамматики: Введение. Аспектуальность. Временная локализованность. Таксис. Л., 1987.

Теория функциональной грамматики: Темпоральность. Модальность. Л., 1990.

Теория функциональной грамматики: Субъектность. Объектность. Коммуникативная перспектива высказывания. Определенность/неопределенность. СПб., 1992.

Теория функциональной грамматики: Персональность. Залоговость. СПб., 1992.

Теория функциональной грамматики: Качественность. Количественность. СПб., 1996.

Теория функциональной грамматики: Локативность. Бытийность. Поссесивность. Обусловленность. СПб., 1996.

Типология конструкций с предикатными актантами / Под ред. В. С. Храковского. Л., 1985.

Типология результативных конструкций: результатив, статов, пассив, перфект. Л., 1983.

Топоров В. Н. Пространство и текст // Текст: семантика и структура. М., 1983.

Улуханов И. С. Отношение мотивации между глаголом и существительным со значением действия // Вопр. языкознания. 1975. № 4.

Улуханов И. С. Единицы словообразовательной системы русского языка и их лексическая реализация. М., 1996 а.

Улуханов И. С. Семантика способов русского словообразования // Улуханов И. С. Единицы словообразовательной системы русского языка и их лексическая реализация. М., 1996 б.

Уфимцева А. А. Лексическое значение: Принципы семиологического описания лексики. М., 1986.

Уфимцева А. А. Лексика как фактор формирования языковой картины мира // Роль человеческого фактора в языке: язык и картина мира. М., 1988 а.

Уфимцева А. А. Роль лексики в познании человеком действительности в формировании языковой картины мира // Роль человеческого фактора в языке: Коммуникация. Модальность. Дейксис. М., 1988б.

Филлмор Ч. Дело о падеже // Новое в зарубежной лингвистике: Лингвистическая семантика. М., 1981. Вып. 10.

Фрумкина Р. М. Проблема «язык и мышление» в свете ценностных ориентаций // Язык и когнитивная деятельность. М., 1989.

Храковский В. С. Семантические типы множества ситуаций // Изв. АН СССР. СЛЯ. М., 1986. Т. 45. № 2.

Хавронина С. А., Харламова Л. А. Русский язык: Лексико-грамматический курс. 2-е изд., стереотип. М., 1998.

Хайдеггер М. Разговор на проселочной дороге. Избранные статьи позднего периода творчества. М., 1991.

Хайдеггер М. Время и бытие: Статьи и выступления. М., 1993.

Хохлачева В. Н. Словообразование существительных в русском языке (опыт системного исследования): Автореф. дисс.... д-ра филол. наук. М., 1976.

Храковский В. С. Кратность // Теория функциональной грамматики: Введение. Аспектуальность. Временная локализованность. Таксис. СПб., 1987.

Храковский В. С. Повелительность // Теория функциональной грамматики: Темпоральность. Модальность. СПб., 1990.

Храковский В. С. Условные конструкции (опыт исчисления) // Теория функциональной грамматики: Локативность. Бытийность. Посессивность. Обусловленность. СПб., 1996.

Храковский В. С. Фазовость // Теория функциональной грамматики: Введение. Аспектуальность. Временная локализованность. Таксис. СПб., 1987.

Чейф У. Значение и структура языка. М., 1975.

Чемоданова Е. Д. Лингвометодические вопросы обучения русской лексике на продвинутом этапе // Актуальные вопросы описания и методики преподавания. М., 1982 а.

Чемоданова Е. Д. Лингвометодические вопросы обучения русской лексике на продвинутом этапе обучения // Русский язык как иностранный: актуальные вопросы описания и методики преподавания. М., 1982 б.

Чернейко Л. О. Лингвофилософский анализ абстрактного имени. М., 1997.

Чехов А. П. Юмористические рассказы. М., 1950.

Чудинов А. П. Типология варьирования глагольной семантики. Свердловск, 1988.

Чурмаева И. В. Что ели русские люди в древности // Рус. речь. 1968. №5.

Шабес В. Я. Событие и текст. М., 1989.

Шведова Н. Ю. Однотомный толковый словарь (спе-

цифика жанра и некоторые перспективы дальнейшей работы) // Русский язык: Проблемы художественной речи. Лексикология и лексикография. М., 1981. С. 56—74. (IX—X Виноградовские чтения).

Шведова Н. Ю. Лексическая классификация русского глагола: (На фоне чешской семантико-компонентной классификации) // Славянское языкознание: IX Междунар. съезд славистов: Докл. совет. делегации. М., 1983.

Шведова Н. Ю. Глагол как доминанта русской лексики // Филологический сборник: К 100-летию акад. В. В. Виноградова. М., 1995.

Школа этикета: поучения на всякий случай / Сост. Л. С. Лихачева. Екатеринбург, 1995.

Шмелева Т. В. Семантический синтаксис: Текст лекций. Красноярск, 1988.

Язык и наука конца XX века. / Под ред. акад. Ю. С. Степанова. М., 1995.

Языковая номинация: Общие вопросы. М., 1977.

Яковлева Е. С. Фрагменты русской языковой картины мира / модели пространства, времени и восприятия. М., 1994.

СЛОВАРИ И СПРАВОЧНИКИ

Булыгина Т. В., Крылов С. А. Лексема // Лингвистический энциклопедический словарь / Гл. ред. В. Н. Ярцева. М., 1990.

Веденская Л. А. Словарь антонимов русского языка. Ростов н/Д., 1971.

Колесников Н. П. Словарь антонимов русского языка. Тбилиси, 1972.

Краткий словарь когнитивных терминов / Е. С. Кубрякова, В. З. Демьянков, Ю. Г. Панкрац, Л. Г. Лузина. М., 1996 (КСКТ).

Кубрякова Е. С., Демьянков В. З., Панкрац Ю. Г., Лузина Л. Г. Краткий словарь когнитивных терминов / Под общ. ред. Е. С. Кубряковой. М., 1996.

Лексико-семантические группы русских глаголов: Учеб. словарь-справ. / Под общ. ред. Т. В. Матвеевой. Свердловск, 1988.

Львов М. Р. Словарь антонимов русского языка. М., 1978.

Ожегов С. И. Словарь русского языка. М., 1994.

Ожегов С. И., Шведова Н. Ю. Толковый словарь русского языка. М., 1994.

Педагогическое речеведение: Словарь-справ. М., 1998.

Розенталь Д. Э. Управление в русском языке: Словарь-справ. для работников печати. 2-е изд., испр. и доп. М., 1986.

Русская грамматика: В 2 т. М., 1980 (РГ-80).

Семантические модели русских глагольных предложений: экспериментальный синтаксический словарь: Проспект / Под общ. ред. Л. Г. Бабенко. Екатеринбург, 1998 (ЭСС — Экспериментальный синтаксический словарь).

Словарь русского языка: В 4 т. 2-е изд. испр. и доп. М., 1981—1984 (МАС — Малый академический словарь).

Словарь современного русского литературного языка: В 17 т. / Под ред. А. М. Бабкина, С. Г. Бархударова, Ф. П. Филина и др. М.; Л., 1948—1965 (БАС — Большой академический словарь).

Словарь современного русского литературного языка: В 20 т. / гл. ред. К. С. Горбачевич. 2-е изд. М., 1991 (БАС).

Толковый идеографический словарь русских глаголов: с указанием английских эквивалентов: Проспект. Екатеринбург, 1997.

Толковый словарь русских глаголов: идеографическое описание. С указанием английских эквивалентов, синонимов, антонимов. М., 1999.

Толковый словарь русского языка конца XX века: Языковые изменения. СПб., 1998.

Толковый тематический словарь русских глаголов: Проспект / Под ред. Л. Г. Бабенко. Екатеринбург, 1992. Учебный словарь сочетаемости слов русского языка. / Под. ред. П. Н. Денисова, В. В. Морковкина. М. 1978.

Учебный словарь сочетаемости слов русского языка. / Под. ред. П. Н. Денисова, В. В. Морковкина. М. 1978.

Философский энциклопедический словарь. М., 1983 (ФЭС).

Фразеологический словарь русского языка / Под ред. А. И. Молоткова. М., 1986.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

- ДП — денотативное пространство
ДС — дифференциальная сема
ДСП — денотативно-семантическое пространство
КЛС — категориально-лексическая сема
ЛСВ — лексико-семантический вариант
ЛСГ — лексико-семантическая группа
ЛСП — лексико-семантическое пространство
н. м. г. — названное мотивирующим глаголом
н. м. з. — названное мотивирующим звукоподражанием
н. м. н. — названное мотивирующим наречием
н. м. м. — названное мотивирующим местоимением
н. м. п. — названное мотивирующим прилагательным
н. м. с. — названное мотивирующим существительным
СГ — словообразовательное гнездо
СГД — способ глагольного действия
СЗ — словообразовательное значение
ФСП — функционально-семантическое поле
ФОТП — функционально-ономасиологический тип глагольных предикатов

Научное издание

Русская

ГЛАГОЛЬНАЯ ЛЕКСИКА:
ДЕНОТАТИВНОЕ ПРОСТРАНСТВО

МОНОГРАФИЯ

Редактор *В. И. Первухина*
Компьютерная верстка *Л. А. Хухаревой*
Ответственный за выпуск *Ф. А. Еремеев*
Оформление *А. Е. Шабурова*

Лицензия на издательскую деятельность № 020257 от 22.11.96.

Подписано в печать 6.10.99. Бумага офсетная.

Гарнитура Peterburg. Печать офсетная.

Тираж 300 экз.

Издательство Уральского университета.

620083 Екатеринбург, ул. Тургенева, 4

